

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

100 лет
НА БЛАГО ОТЕЧЕСТВА

100 лет
университетскому образованию
и науке в Беларуси

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА БЕЛАРУСИ

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ БЕЛОРУССКОЙ
НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(1919–1961)

МИНСК
БГУ
2019

УДК 378.4(476-25)(092)
ББК 74.484.7(4Бей-2Мин)д
И73

Авторы:

**А. Д. Король, А. В. Бурачонок, А. А. Гужаловский,
О. И. Ершова, С. А. Захаркевич, В. А. Кохнович, В. С. Макаревич,
А. Н. Максимчик, Э. Л. Малиновская, О. И. Малюгин,
А. М. Назаренко, С. Н. Темушев, А. А. Торканевский,
М. Ф. Шумейко, О. А. Яновский**

Под общей редакцией А. Д. Короля

Научный редактор О. А. Яновский

Редакционная коллегия:

А. Д. Король (отв. ред.), О. А. Ивашкевич, О. А. Яновский,
С. Н. Ходин, Н. Н. Герасимович, А. Г. Кохановский

Рецензенты:

член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор исторических наук *А. А. Коваленя*;
член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор физико-математических наук *Ю. С. Харин*;
доктор исторических наук *Д. С. Лавринович*

Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки И73 и высшего образования (1919–1961) / А. Д. Король [и др.] ; под общ. ред. А. Д. Короля, науч. ред. О. А. Яновский. – Минск : БГУ, 2019. – 335 с. – (Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества). ISBN 978-985-566-640-1.

Вторая книга из серии «Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества», как и вышедшая в 2017 г. первая, – лишь один из способов выразить уважение всего многотысячного коллектива современного БГУ тем, кто своим высоким профессионализмом и незаурядным интеллектом создал настоящий классический университет. Книга подготовлена к 100-летию первого высшего учебного заведения Беларуси. Представлены жизненные и творческие биографии 28 выдающихся ученых в различных областях знаний: химии, истории, этнографии, искусствоведении, археологии, экономике, педагогике, психологии, физике, математике, астрономии, филологии, медицине, биологии, географии. Это биографии тех, кому Белорусский государственный университет и вся система высшего образования страны обязаны своим высоким уровнем развития, гармоничным сочетанием важнейших направлений научных знаний, возможностью определять и решать самые сложные задачи общенационального значения.

УДК 378.4(476-25)(092)
ББК 74.484.7(4Бей-2Мин)д

ISBN 978-985-566-640-1

© БГУ, 2019

*Создателям
системы высшего образования
и науки Беларуси посвящается...*

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Белорусский государственный университет приближается к своему столетнему юбилею. Это знаковое для всей белорусской нации событие, ведь именно с БГУ начинается история системы высшего образования Беларуси, формирование научных школ и основ подготовки специалистов для различных отраслей экономики.

Открытие БГУ переплетено с судьбоносными политическими процессами становления белорусского государства. Вслед за провозглашением 1 января 1919 г. Советской Социалистической Республики Белоруссия высшим законодательным органом новой страны приняло решение об издании декрета от 25 февраля 1919 г. о создании Белорусского государственного университета. Этот исторический факт указывает на первооснову белорусской государственности. По оправданному замыслу политического руководства они заключались в образовании и науке. Особая миссия по созданию прочного образовательного и научного фундамента в Беларуси была возложена на БГУ. И как показала история, университет сыграл одну из ключевых ролей в многовекторном развитии белорусской государственности.

Древняя истина гласит: «История – это не только хранительница памяти, но и “*vita memoriae*” (“жизнь памяти”), а человек является творцом истории». Летопись высшего образования и науки

Беларуси переплетена с судьбой БГУ, известными и яркими именами ученых, научные результаты которых способствовали экономической и социально-культурной самостоятельности страны. Через личность, ее интеллектуальное проявление, достижения можно увидеть и оценить эпохальность и целостность исторического процесса. Поэтому важное значение в данном направлении имеет просопографический подход, когда через судьбу людей, лидеров в своей области можно увидеть масштаб времени и отдельного периода.

На протяжении вековой истории БГУ особая ответственность возлагалась на Ученого. Именно профессора, доценты, научные работники создали настоящий современный университет и формировали элиту страны. Сегодня очень важно сохранить о них память, выразить благодарность за их соучастие и результаты в экономической, политической и культурной жизни государства.

Значимость деятельности нескольких поколений ученых – «великанов, восседающая на плечах которых мы видим больше и дальше» (Бернард Шартрский) – актуализирует продолжение работы над широко-масштабным проектом «Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники науки и высшего образования». Вниманию читателей предлагается вторая книга из данной серии. Это результат коллективной работы сотрудников БГУ по уве-

ковечиванию памяти и признанию имен, причастных к развитию отечественного высшего образования и научной мысли Беларуси. Первая книга была посвящена деятельности «золотого» состава профессоров и преподавателей, которые стояли у истоков БГУ, создавали первый в нашей стране университет. Вторая книга расскажет о 28 выдающихся физиках, химиках, историках, экономистах, медиках, педагогах, психологах, биологах, математиках и всех тех, кто формировал с 1921 по 1961 г. интеллектуальную Беларусь, развивал научные направления и готовил высококвалифицированные кадры для различных сфер.

Хотелось бы пожелать читателям, членам нашего многотысячного коллек-

тива БГУ, друзьям и коллегам из других университетов Беларуси и зарубежья, уважать и помнить своих предшественников, их свершения, быть последователями их великих дел. Ведь отношение к прошлому – отношение к себе.

Историческая память нераздельно переплетена с понятием личности, со способностью человека видеть себя со стороны, а значит, способностью к самоизменению, к тому, чтобы слышать Другого, видеть мир без искажений, создавать свое, а не заимствовать чужое.

**Ректор БГУ
доктор педагогических наук, профессор
Андрей Дмитриевич Король**

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА БЕЛАРУСИ

Книга «Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961)» продолжает издательский проект, который призван отразить самые существенные итоги деятельности первого отечественного университета за 100 лет его истории. В основе замысла – повествование о выдающихся ученых Белорусского государственного университета, творцах новой Беларуси.

Серия основана в 2017 г. На страницах первой книги представлен творческий и жизненный путь 27 незаурядных ученых, преподавателей БГУ, заложивших в 1919–1941 гг. основы важнейших направлений белорусской науки, впервые разработавших и с успехом читавших студентам сложные университетские учебные курсы. Главная их заслуга в том, что они в непростых условиях становления советской государственности смогли подготовить немало высококлассных специалистов для различных сфер народного хозяйства Беларуси и всего СССР.

Во второй книге коллектив авторов придерживался ранее избранной смысловой парадигмы и прежних временных рамок. Яркая особенность первых двух десятилетий работы Белорусского государственного университета в том, что он стал местом притяжения многих неординарных ученых, профессоров, доцентов. Было бы непростительной ошибкой передать забвению их подвижнический труд

во благо страны, науки, культуры, народно-хозяйственной практики, поэтому в книге вновь ведется рассказ о тех, кого благодарные потомки именуют «первопроходцами», «пионерами», «основоположниками». Еще рано завершать рассказ о поколении Первых...

В 28 очерках второй книги серии хронологические рамки повествования расширены: представлены имена тех, кто работал во благо науки и высшей школы Беларуси и после окончания Второй мировой войны. Многие из них сформировались как ученые уже в годы советской власти; они смогли не только достичь уровня так называемой «старой профессуры», но и по многим параметрам превзойти его. В этом и заключена органичная связь и преемственность, неразрывность интеллектуальной жизни белорусского социума и государства. Ученые и преподаватели Белорусского университета всегда демонстрировали корпоративность, профессиональный и общественный патриотизм, преданность духу и букве, идее и миссии своей альма-матер – Белорусского государственного университета.

Над созданием второй книги серии работали 14 авторов – профессоров, доцентов и преподавателей исторического факультета БГУ. Как и в первой книге, в данном издании все руководствовались незыблемым правилом научной объективности. Далеко не весь выявленный

материал вошел в представляемую читателю книгу. С другой стороны, не всегда можно было найти информацию, в полной мере раскрывающую многообразие сторон жизни героев очерков. Ее поиск будет продолжен, как продолжится и работа по написанию развернутой истории Белорусского государственного университета и истории судеб его интеллектуалов.

В основу составивших книгу очерков положены архивные документы, материалы периодической печати и другие источники. Авторы внимательно и скрупулезно поработали в различных государственных архивах и библиотеках как Беларуси, так и зарубежных стран; нередко привлекались материалы из личных архивов.

Считаем приятным долгом выразить искреннюю благодарность коллегам из Национального архива Республики Беларусь (его директору А. К. Демянюку, заведующим читальным залом Е. В. Зверевой и отделом информационно-поисковых систем Е. А. Макаренко), Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства (и лично его директору А. В. Запартыко), которые содействовали обеспечению благоприятных условий для выявления необходимого в рамках реализации издательского проекта материала. Отметим неоценимую помощь работников архива БГУ, Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси (и лично К. В. Сьгько), музеев истории БГУ и истории медицины Беларуси, Национальной библиотеки Беларуси, Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, Фундаментальной научной библиотеки БГУ. Слова благодарности адресуем сотрудникам Архива Российской академии наук и его филиала в Санкт-Петербурге, архива Казанского федерального университета, Государ-

ственного архива Одесской области, предоставившим уникальные материалы для книги. Выражаем признательность сотрудникам Кавендишской лаборатории Кембриджского университета (и лично доктору С. Саксена) и Архивного центра Черчилля Кембриджского университета, благодаря помощи которых удалось восстановить обстоятельства зарубежной командировки профессора Е. Е. Сиротина.

Данная книга во всех отношениях носит научный характер, несмотря на отсутствие в ней научно-справочного аппарата. Сознательно идя на его исключение из текста, авторы полагают, что это облегчит восприятие и осмысление содержания очерков и даст возможность нагляднее представить себе личности каждого из героев, их жизненные и творческие судьбы. В ряде случаев собранные авторами материалы для очерков уже составили основу для опубликованных или готовящихся к публикации научных статей (о профессорах А. П. Пьянкове, А. А. Савиче, Л. И. Лубны-Герцыке, М. М. Павлюченко, И. М. Соловьёве, А. Н. Вознесенском и др.).

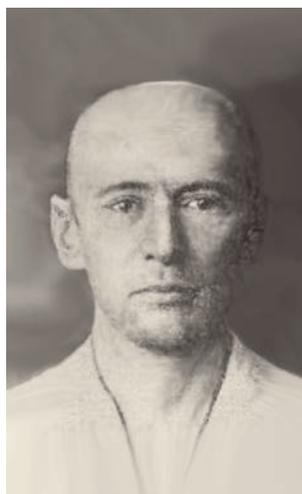
В книге выдержаны те же археографические принципы, что и в предыдущем издании. Расширен иллюстративный блок, некоторые фотографии которого уникальны и публикуются впервые. Авторы благодарны редакторам, корректору, верстальщику и художественному редактору управления редакционно-издательской работы БГУ, которые в течение нескольких месяцев скрупулезно вычитывали и исправляли тексты и искренне стремились сделать эту коллективную работу достойной памяти и судеб тех, о ком на страницах книги ведется рассказ.

**Олег Антонович Яновский,
Михаил Федорович Шумейко**

**ОСНОВОПОЛОЖНИКИ
НАУЧНЫХ ШКОЛ И НАПРАВЛЕНИЙ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ
(естественные и точные науки,
медицина)**

**Основоположник изучения
и преподавания географии
в Беларуси**

**Преподаватель и ученый БГУ,
один из основателей
и руководитель научного
краеведческого движения
в Беларуси**

**Николай Васильевич
АЗБУКИН**

29.07.1894 – 24.11.1943

Николай Васильевич Азбукин – один из организаторов краеведческого движения в Беларуси, активный деятель Института белорусской культуры, преподаватель географии в БГУ, сотрудник Белорусской академии наук.

Н. В. Азбукин стоял у истоков создания Института белорусской культуры, входил в число его первых сотрудников. В стенах этого важного для становления белорусской науки учреждения он плодотворно работал, активно участвовал в деятельности Научно-терминологической комиссии, создавая белорусскую научную терминологию в самых различных областях знаний.

Главной научной и преподавательской специализацией Николая Васильевича Азбукина была экономическая география, проблемам которой посвящены основные работы исследователя и педагога. В 1923 г. он создал и возглавил краеведческий кабинет при педагогическом факультете БГУ. На основе книг и материальных раритетов, собранных в различных уголках Беларуси, он и его коллеги (в первую очередь Аркадий Смолич) читали учебные курсы студентам университета. Николай Васильевич заложил в Беларуси основы изучения отечественной и зарубежной географии.

В дальнейшем Н. В. Азбукин занимал должность ученого секретаря Центрального бюро краеведения при АН БССР, стал первым редактором белорусского историко-краеведческого журнала «Наш край». В 1930 г. ученый был репрессирован и отправлен в ссылку, где скончался в 1943 г. Реабилитирован в 1957 г.

Николай Васильевич Азбукин родился 29 июля 1894 г. в Бобруйске в семье статского советника Василия Николаевича Азбукина и потомственной дворянки Марии Мануиловны Савинич.

В 1912 г. Николай окончил учебу в Бобруйской гимназии, после чего пять лет учился в Петроградском университете на природоведческом отделении физико-математического факультета по специализации «география». С получением диплома он до 1921 г. работал учителем географии и природоведения в гимназии родного Бобруйска, а также заведующим 1-й Бобруйской школы второй ступени им. Янки Купалы (с осени 1920 г.). В 1921 г. Николай Васильевич вместе с женой Лидией Евгеньевной и дочерью Еленой (родилась 7 октября 1917 г.) переехал в Минск.

Бурные политические процессы, проходившие на территории Беларуси, увлекли молодого ученого и педагога. В 1919 г. Н. В. Азбукин был арестован польскими оккупационными властями. В это же время он включился в белорусское национальное движение и стал членом комитета Белорусского культурно-просветительного общества в Бобруйске, принял участие в Учительской конференции, где выступал в поддержку политики белорусизации. Весной 1921 г. его снова арестовали, но на этот раз уже советские власти – по подозрению в принадлежности к партии белорусских эсеров.

31 июля 1920 г. была принята Декларация о восстановлении ССРБ. В культурной жизни Беларуси происходили значительные изменения, вызванные становлением государства. Одними из первоочередных задач, стоявших перед руководством республики, стали ликвидация неграмотности и развитие образования. Изначально был взят курс на расширение сфер использования белорусского языка, который получил статус одного из официальных языков (вместе с русским, польским и идиш).

В начале 1921 г. при Наркомате просвещения (Наркомпрос) ССРБ по иници-

ативе его руководителя В. М. Игнатовского были созданы сначала белорусский, а затем научно-литературный отделы (его возглавил Янка Купала). Одной из важнейших задач являлась разработка белорусской научно обоснованной терминологии, поскольку без нее было проблематично подготовить школьные учебники и программы, столь необходимые для развития образования в молодой республике. В целях более эффективной реализации данной задачи 10 февраля 1921 г. Наркомпрос создал при этом отделе Научно-терминологическую комиссию во главе с известным филологом С. М. Некрашевичем. Для более углубленной специализации при комиссии было сформировано несколько секций, в том числе и природоведческая, которую возглавил Ч. И. Радевич, а ее секретарем был назначен Н. В. Азбукин.

В сферу деятельности природоведческой секции входила разработка терминологии таких научных дисциплин, как география, минералогия, геология, химия, физика, ботаника, зоология. В начале 1922 г. при непосредственном участии ученых БГУ во главе с ректором В. И. Пичетой был создан Институт белорусской культуры, который включил в свою структуру в том числе и Научно-терминологическую комиссию. Приказом от 11 февраля 1922 г. в эту комиссию были зачислены первые 15 сотрудников. В их числе, наряду с такими крупными деятелями, как Е. Ф. Карский, Янка Купала, Якуб Колас и др., в качестве «научного члена» организации стал проводить исследования и Н. В. Азбукин. Все сотрудники Инбелкульта делились на «действительных членов» (с правом решающего голоса) и «научных членов» (с правом рекомендательного голоса).

Сначала при Инбелкульте были созданы две основные секции – этнографо-лингвистическая и природоведческая, в рамках которых на протяжении 1922–1923 гг. ученые продолжали разрабатывать научную терминологию, составляли и уточняли планы и программы

для школьного образования, занимались научной и издательской деятельностью. Н. В. Азбукин работал ученым секретарем природоведческой секции. Однако уже весной 1924 г. в Институте произошла реорганизация, значительно расширились направления его деятельности. На общем собрании 26 марта было принято решение об открытии семи новых секций. Создание одной из них – по этнографии и географии – поручили Николаю Васильевичу. Создавались и новые терминологические комиссии. Если ранее секции занимались преимущественно разработкой терминологии, то теперь эта функция была возложена на данные комиссии, что позволило самим секциям сделать упор именно на научно-исследовательскую деятельность.

Результатом плодотворной работы, которую вел Н. В. Азбукин, стала публикация в 1923 г. третьего выпуска общего издания «Беларуская навуковая тэрмінолёгія» под названием «Географічныя і космографічныя тэрміны і назовы нябесных цел». Данный труд представлял собой русско-белорусский словарь. Раздел, содержащий космографическую терминологию, был составлен белорусским математиком Л. Л. Бильдюкевичем.

В 1926 г. Научно-терминологическая комиссия была переименована в Главную терминологическую комиссию, а в 1927 г. на ее базе был основан Институт научного языка. Членами комиссии были обработаны и введены в употребление более 30 тыс. слов. В 1925 г. Инбелкульт учредил комиссию по организации геофизической службы, в состав которой среди прочих ученых был включен и Н. В. Азбукин.

Параллельно с работой в Научно-терминологической комиссии и в Инбелкульте Н. В. Азбукин преподавал географию в Белорусском педагогическом техникуме (с 1923 г. – на общеобразовательных курсах) и заведовал семилетней школой № 13 в Минске. Важное место в

Обложка учебного пособия
«Географія Эўропы»

жизни педагога в это время заняла работа по написанию учебных пособий. Одним из самых значимых из них стала «Географія Эўропы». Данный труд был создан по заданию Академического центра Наркомпроса еще в 1921 г., но увидел свет только в 1924 г. Раздел, посвященный описанию Беларуси, написан с национальных и патриотических позиций. При представлении тех или иных сюжетов автор считал необходимым подчеркивать положительные качества белорусов в сравнении с соседними народами: «У параўнанні з маскоўцамі і украінцамі яны зьяўляюцца найболей чыстымі славянамі... Мова беларусоў змяшчае мала фінскіх і татарскіх слоў, дый паводле будовы свайго цела беларусы адражняюцца ад маскоўцаў большай чыстатой славянскага тыпу... Вялікім багацьцем адзначаецца ўся беларуская народная поэзія, а беларуская народная лірыка не мае роўных сабе сярод славянскіх лірык».

Однако более всего очевидно стремление Н. В. Азбукина не столько представить белорусов в выгодном свете по сравнению с соседями, но дать объективную картину их прошлого и настоящего. Одной из особенностей книги «Географія

Эўропы» является и то, что Николай Васильевич при представлении большинства описываемых стран и городов часто проводил краткий историко-этнографический экскурс.

С 1923 по 1927 г. Н. В. Азбукин преподавал на педагогическом факультете БГУ. Это время, несомненно, исключительно важная веха в научной биографии ученого. В протоколе заседания Правления БГУ от 5 апреля 1923 г. имеется следующая запись касательно Н. В. Азбукина: «С 1 апреля 1923 г. зачислен научным сотрудником Педагогического факультета БГУ с возложением на него обязанностей немедленно приступить к работе по организации при БГУ кабинета по краеведению». Оплата труда нового сотрудника университета была определена в размере половины содержания заведующего научным кабинетом. Создавать этот кабинет Николаю Васильевичу помогал коллега-географ А. А. Смолич, которого также зачислили в штат сотрудников педфака БГУ.

4 декабря 1923 г. на заседании Правления БГУ, основываясь на решении заседаний совета гуманитарных отделений педфака от 30 ноября и методической

предметной комиссии от 3 и 16 ноября, Н. В. Азбукина признали «достойным звания преподавателя по кафедре географии России и Беларуси и представления на эту должность в установленном порядке». Круг обязанностей университетского географа был достаточно широк, так как требовалось не только читать ряд учебных курсов, но и одновременно готовить к изданию различные пособия для студентов и школьников. Совместно с А. А. Смоlichem Николай Васильевич в 1925 г. издал «Школьную карту Беларуси», а также учебник для школ семилеток «Географія па-заэўрапейскіх краёў». Это было первое подобное издание на белорусском языке для школы. Два раздела учебника (Азия и Африка) написал А. А. Смолич, а остальные разделы (Америка, Австралия, Океания и Антарктида) – Н. В. Азбукин.

Право читать лекции в БГУ, как свидетельствуют архивные документы, Николай Васильевич получил 30 ноября 1923 г. Так, на 3-м и 4-м курсах социально-исторического отделения педфака он читал экономическую географию, а на 4-м курсе факультета общественных наук, который фактически находился в стадии

В заседании Правления БГУ от 5 апреля 1923 года.
Поставили:
5. Зачислить Николая Васильевича Азбукина и
Аркадия Антоновича Василца с 1го апреля с.г. научными
сотрудниками Педагогического факультета БГУ, с возложением
на них обязанностей немедленно приступить к работе
по организации при БГУ кабинета по краеведению.
Вручил: В. В. Вукобратов
Госуд. Университет

Решение Правления БГУ о зачислении Н. В. Азбукина научным сотрудником педагогического факультета. 5 апреля 1923 г.

ликвидации, – экономическую географию Беларуси и общую экономическую географию. Также он преподавал географию Беларуси студентам рабфака БГУ.

19 февраля 1924 г. Правление университета утвердило ассистента Н. В. Азбукина заведующим 13-й Советской трудовой школой, передаваемой Наркомпросом университету для проведения практических занятий студентами педфака. В школе он преподавал курсы общей географии и географию Беларуси в 6-х и 7-х классах. В условиях острой нехватки специалистов приходилось работать и в других учебных заведениях. Например, профессиональный географ был востребован на разных краткосрочных учительских курсах, где преподавал географию Беларуси в соответствии с методами краеведения.

Руководя школой и одновременно занимаясь обеспечением проведения педпрактики студентов, Николай Васильевич вникал в различные аспекты функционирования достаточно сложного коллектива. Например, он готовил расчетные данные для общей сметы БГУ, которая обсуждалась на заседании Правления университета 24 марта 1925 г. Доклад делал член Правления И. В. Герчиков (историк) – о смете БГУ на 1925/26 учебный год и «о смете сверхсметной заявке», а доклад делала педфака Н. М. Никольского был посвящен конкретно смете для обеспечения деятельности возглавляемого им факультета. В своих доказательствах профессор использовал расчеты на оплату работы преподавателей «образцово-показательной школы», подготовленные как раз Н. В. Азбукиным.

Еще одно направление, в котором плодотворно трудился ученый, – развитие краеведческого движения, широко развернувшегося в ССРБ в начале 1920-х гг. В нем самое активное участие принимала сельская интеллигенция, в особенности учителя. Краеведы изучали и записывали фольклор, сведения об историческом прошлом своего края, исследовали мест-

ную флору и фауну. Первые белорусские ученые, преподаватели высшей школы хорошо осознавали масштаб и перспективность этих процессов. В какой-то степени их оценка в части географических поисков краеведов нашла отражение в предисловии к изданию «Матар’ялы да географіі і статыстыкі Беларусі»: «Гэты працэс географічнага самапазнання бяспрэчна стаіць у найцясьнейшай сувязі з тымі вымаганьнямі, якія ставіць навуцы эпоха рэвалюцыі, эпоха соцыялістычнае перабудовы ўсяго канкрэтнага, вакольнага жыцця... Разьвіццё географічнага і статыстычнага самапазнання, якое цяпер ахапіла масы насяленьня Беларусі... стварыліся ўмовы, якія дазволілі вылучыцца новай галіне географічнае навукі – Географіі Беларусі... Супольнымі высілкамі нам трэба дабіцца, каб поспехі географічнага самапазнання Беларусі былі замацаваны глыбокімі навуковымі падставамі і каб яны як хутчэй прынеслі справе гаспадарчага і культурнага будаўніцтва Беларусі тую карысьць, якой ад іх можна спадзявацца».

Как научный секретарь Центрального бюро краеведения (создано в конце 1923 г.) с февраля 1924 г. Н. В. Азбукин возглавлял руководство краеведческими организациями Беларуси. На этом посту ученый проделал громадную работу. Результатом развития краеведческого движения явилось то, что в 1927 г. в республике насчитывалось 240 краеведческих кружков, районных и окружных товариществ, которые объединяли более 9 тыс. членов. К началу 1928 г. в БССР существовала уже 301 краеведческая организация в составе 10 510 человек. В январе 1929 г. была проведена II Всебелорусская краеведческая конференция.

В 1925 г. в Беларуси начали издавать историко-краеведческий журнал «Наш край». Его первым редактором стал Николай Васильевич. Среди работ, опубликованных самим ученым в этом журнале, стоит упомянуть статьи «Нашы мястэчкі (Матэрыялы да геаграфічнага слоўніка)»

и «Мястэчка Шацк». Одним из трудов, написанных Н. В. Азбукиным на краеведческую тему, было увидевшее в 1927 г. свет небольшое исследование «Мястэчка Асіповічы Бабруйскай акругі» (совместно с учителем и краеведом из Осиповичей Александром Гавриловичем Немцевым). Эта работа начинается с довольно подробного изложения военных событий на Осиповщине в 1917–1919 гг., связанных с оккупацией местечка польскими и немецкими войсками. В исследовании приводятся многочисленные статистические данные преимущественно экономического характера, касающиеся поселения и его жителей. Кроме того, в работе затронуты вопросы развития культурной жизни в современных авторам Осиповичах. Подчеркивается то обстоятельство, что массовый подъем культуры связан именно с послереволюционным периодом в истории городка.

На заседании Правления БГУ 11 июля 1927 г. постановили согласиться с решением деканата педфака от 5 июля об освобождении от занимаемой должности Н. В. Азбукина. Его «сразу же освободили с выплатой содержания по 1 сентября» и одновременно поручили деканату педфака «срочно подыскать заведующего школой и сделать всю организационную работу по школе до начала учебных занятий, оставляя открытым вопрос о преподавателях до назначения нового заведующего школой». Дело в том, что в русло продолжавшихся новаций в деятельности высшей школы СССР активно вовлекались студенты, в том числе и БГУ. С середины 1920-х гг. не без указаний «сверху» они повели борьбу против «многопредметности», победа в которой рассматривалась как гарантия повышения качества образования. Эта нелепая установка совпала с политически нацеленной кампанией против «национал-демократов».

Н. В. Азбукин сначала был надуманно обвинен в том, что не имел соответствующей научной подготовки, не работал над собой, не готовился к занятиям, не

повышал квалификацию, что якобы вызывало негодование и недовольство со стороны студентов. Поэтому по инициативе деканата педфака курс Н. В. Азбукина по экономической географии был переведен в разряд факультативных дисциплин. Сменился в это время и состав руководства факультета – профессор Н. М. Никольский оставил должность декана.

Деятели Инбелкульта справедливо расценили такое положение дел как наступление на проводимую в республике белорусизацию и выступили в защиту своего коллеги. Однако это результатов не дало. Более того, борьба студенчества с «несознательными» педагогами продолжилась, и в итоге Николай Васильевич был уволен из БГУ, а его учебник «Географія Эўропы» Наркомпрос БССР запретил для использования в учебных заведениях. В 1929 г. А. А. Смолич предложил организовать географическое отделение на педфаке и пригласить на кафедру географии Н. В. Азбукина. Однако это предложение не нашло поддержки у руководства университета.

С 1929 г. Н. В. Азбукин являлся ученым специалистом, старшим научным сотрудником при кафедре географии Белорусской академии наук, созданной на базе Инбелкульта. В том же году ученый вошел в состав академической комиссии по созданию гидрогеологической службы БССР. Будучи сотрудником академии, он напряженно работал над составлением географического словаря Беларуси, районного географического атласа и географической картотеки.

Одной из самых значимых научных работ Н. В. Азбукина можно считать большую аналитическую статью «Паселішчы гарадскога тыпу ў БССР», которая вышла в 1928 г. в сборнике «Матар’ялы да географіі і статыстыкі Беларусі» под редакцией А. А. Смолича. В ней автор подробно изложил вопрос типологизации поселений и принципы, которые лежат в основе таких типологизаций в

трудах зарубежных и русскоязычных ученых. Исследователь поставил перед собой для решения две проблемы, вытекавшие из предмета изучения: «1) як пралажыць граніцу паміж запраўднымі месцамі і дробнымі мястэчкамі і 2) як іх вылучыць з масы буйнейшых вясковых паселішч». Анализ и пересмотр концепций типологизации поселений, которые были приняты в современных автору научных трудах, позволили Н. В. Азбукину сделать вывод о том, что административное деление белорусских поселений на города, местечки и села является более правильным, чем принятое в антропогеографических изданиях деление на города, деревни и хутора.

В арсенале ученого были и весьма популярные в те годы научные аннотации, рецензии, обзоры. С помощью подобных публикаций интеллектуалы демонстрировали свое постоянное отслеживание литературных новинок и их аналитическую «проработку». Так, Николай Васильевич в 1928 г. в сборнике «Запіскі Аддзелу прыроды і гаспадаркі ІБК» под редакцией коллеги А. А. Смолича опубликовал рецензию на только что вышедшую книгу В. Г. Богораза-Тана «Распространение культуры на земле. Основы этногеографии», а также небольшой обзор «Аб працы украінскага Навукова-Даследчага Інстытуту географіі і картографіі».

Несмотря на значительные успехи, связанные с развитием краеведения в республике, участие в нем негативно сказалось на судьбе ряда представителей отечественной интеллигенции. Активное распространение краеведческого движения, патриотического по своей сути, вызвало обеспокоенность власти. В скором времени на краеведов обрушились репрессии. В середине 1930 г. в Минске ГПУ были проведены массовые аресты известных деятелей академии наук, БГУ, Наркомпроса и Наркомзема.

Н. В. Азбукин, как и его близкий друг, профессор и видный деятель белорусско-

го возрождения А. А. Смолич, был арестован 21 июля 1930 г. по сфабрикованному делу «Союза освобождения Беларуси» («СОБ»). Следствием было «установлено», что одной из целей «СОБ» являлось стремление «проводить в краеведческих товариществах нацдемовскую работу, сущность которой должна выражаться в идеализации всего старого, отжившего, воспевании белорусских князей и помещиков». А, мол, идеализируя давно минувшее, белорусскую особенность и самобытность, «нацдемы» «тянули» республику к капитализму. Делался вывод о том, что «Всебелорусское краеведческое общество и его филиалы находились целиком в руках “СОБ” и являлись организационным центром белорусского национал-демократического движения». И деятельность «нацдемов» долгое время оставалась безнаказанной по причине их монополии на издание учебников и круговой поруки: учебник Н. В. Азбукина редактировал А. А. Смолич, а учебник А. А. Смолича – Н. В. Азбукин.

По Постановлению коллегии ОГПУ СССР от 10 апреля 1931 г. Николай Васильевич был осужден по 58-й статье УК РСФСР и выслан на пять лет в Нолинск (ныне Кировская область).

В печати началась активная травля ученого. Так, в статье, опубликованной в первом номере журнала «Савецкая Краіна» за 1931 г., был вылит ушат словесной скабрзности на Н. В. Азбукина: «Такое же захлебывание, национальная гордость белорусского национал-демократа чувствуется у Азбукина в его статье “Краеведение в Марийском крае”, где он, говоря о достижениях в краеведческой работе края, заявляет: “Понятно, в Марийском крае нет таких достижений, того размаха краеведения, понятно, размах другой, ибо масштабы не те, как в Беларуси”». А вскоре в третьем номере этого же журнала была напечатана статья «Нацдемовская работа кафедры географии БАН (по материалам бригады по чистке БАН)». В продолжение общей

разгромной тональности статьи была подробно представлена «нацдемовская ортодоксальность» Смолича и Азбукина. Называя план научной работы, который определила для себя кафедра, три автора данной статьи вынесли оценку-приговор: из содержания плана «ярко видно буржуазное назначение самой географии и ее задач, которое смешивает в кучу неразберихи ряд разнообразных областей географии (география животных, география растений, физическая география, экономическая география и т. д.) и которое подкрашивает все это вредной национальной ограниченностью, одним “белорусским материалом”... Смолич и Азбукин тратили большие средства на сбор ненужного для социалистического строительства материала».

К сожалению, не остались в стороне от подобной кампании и недавние коллеги по университету. Например, в центральной республиканской газете «Савецкая Беларусь» 9 июля 1931 г. была напечатана большая статья «Итоги и перспективы в подготовке педагогических кадров» декана педфака БГУ, где автор упомянул избавление от «группы преподавателей, белорусских нацдемов», среди которых был назван и Н. В. Азбукин. А через полгода в той же газете (за 14 января 1932 г.) нарком просвещения А. М. Платун в еще более политизированной статье («Некоторые вопросы культурной революции») в очередной раз обличил университетских географов А. А. Смолича, Н. В. Азбукина и М. А. Громько в том, что они «в географии протаскивали открытую контрреволюцию».

В ссылке Николай Васильевич преподавал в местной школе. В 1934 г. его пере-

вели из Нолинска в Вятку. Дальнейший жизненный путь белорусского ученого и педагога до сих пор сложно восстановить из-за отсутствия достоверных данных. Так, есть непроверенные сведения, что Николай Васильевич снова был осужден в 1937 г. По наиболее распространенной версии, умер он 24 ноября 1943 г. от крупозного воспаления легких. По другой версии – расстрелян за попытку перейти границу на юге СССР.

Н. В. Азбукин был реабилитирован 15 ноября 1957 г. постановлением Верховного суда БССР: дело прекращено за недоказанностью обвинения. В качестве некоей компенсации по ходатайству дочери ученого Елены ей была выплачена двухмесячная зарплата отца.

В историю белорусской науки Н. В. Азбукин вошел как один из ученых, стоявших у истоков экономической географии Беларуси и краеведческого движения в республике. Большой вклад был сделан им в развитие преподавания и научного исследования краеведения. Краеведческий кабинет БГУ, новаторские учебные курсы и подготовка учебных пособий, научные изыскания в области еще только формировавшейся в Беларуси географической науки – вот итоги деятельности Н. В. Азбукина. Он определил направления развития отечественной географии и тесно связывал ее с перспективой общего развития БССР. Его преподавательская и научная деятельность была непосредственным образом сопряжена с практикой, содействовала развитию различных областей хозяйства и культуры Беларуси.

Андрей Анатольевич Торканевский

**Выдающийся медик,
организатор фармацевтической
школы и биохимических
исследований в Беларуси**

Профессор БГУ

**Александр Петрович
БЕСТУЖЕВ**

02.08.1880 – ???.1946

Среди тех, кто стоял у истоков становления медицинского образования в Беларуси в XX в., – выдающийся фармаколог и биохимик Александр Петрович Бестужев. Как высокопрофессиональный фармацевт и основатель белорусской фармацевтической школы он состоялся именно в стенах Белорусского государственного университета, где стал профессором сразу по двум кафедрам: фармакологии и биологической химии. В университете в полной мере реализовались его организаторские способности. На плечи 42-летнего медика легла задача подбора кадров, оснащения необходимым оборудованием и материалами учебного процесса и научных исследований в одной из важнейших областей медицины. Александр Петрович проявил себя как талантливый педагог. При его непосредственном участии и в первую очередь его усилиями формировалась школа белорусских фармацевтов не только в БГУ и затем в Белорусском медицинском институте, но и во всей республике. Как исследователь профессор университета известен своими работами по изучению лекарственных свойств растений. Его первые публикации вышли еще в дореволюционное время («К вопросу о влиянии умственного утомления на выделение органического фосфора с мочой», 1911; «О культурах некоторых лекарственных растений», 1912), а в Минске в 1922 г. был издан «Терапевтический справочник», затем в 1925 г. подготовлена работа «К вопросу о возбуждающем действии угольной кислоты» и др. Высококласный специалист являлся членом Научно-фармацевтической комиссии – совещательного органа при Фарминспекции Народного комиссариата здравоохранения БССР, вел общественную и просветительскую работу.

Свой путь в науку Александр Петрович Бестужев начинал из российской глубинки. Родился он 2 (15) августа 1880 г. в Саратове в семье достаточно богатого купца. В 1892 г. поступил в 1-ю городскую классическую гимназию, в которой в свое время учились поэт А. К. Жуковский, выдающийся химик Н. Н. Зинин, философ-материалист и революционер-демократ Н. Г. Чернышевский, литературовед и этнограф А. Н. Пыпин, изобретатель и электротехник П. Н. Яблочков, академик-оториноларинголог Н. П. Симановский и др. В гимназии юноша постигал родной и европейские языки, логику, законоведение, различные разделы математики, физику, космографию, природоведение, географию, историю всеобщую и русскую и многие другие предметы, получил всесторонние и глубокие знания.

В 1900 г., показав блестящие результаты на экзаменах, выпускник гимназии поступил на медицинский факультет Императорского Московского университета. Молодой человек с активной гражданской позицией сразу же включился в водоворот общественной жизни большого города. Уже в феврале 1901 г. за участие в студенческих волнениях во время демонстрации перед зданием университета он был задержан полицией. Арестант

Здание мужской гимназии в Саратове, в которой учился А. П. Бестужев

был отправлен сначала в Манеж, а затем в Бутырскую тюрьму. По окончании следствия студента-медика выслали из Москвы на родину.

Через некоторое время А. П. Бестужеву удалось возобновить учебу в университете. В 1905–1906 гг., когда в результате революционных событий в Российской империи были приостановлены занятия в Московском университете, Александр Петрович продолжил учебу в Берлинском университете, являясь его «действительным студентом». Однако при этом он состоял и студентом Московского университета. В Берлине, как сам профессор по прошествии времени указал в своем curriculum vitae, он не только слушал академические лекции, но и получал практический врачебный опыт по диагностике внутренних болезней у профессоров М. Литтента и Ф. Клемперера, у профессора Э. Фишера – по неорганической химии, профессора О. Гертвига – по дисциплине «Клетка и ее жизнь», профессора И. Орта – по общей патологии и патологической анатомии, профессора Г. Энгельманна – по общей физиологии, у профессора Ф. Франкенгейзера – по общей бальнеотерапии (а также у профессора Бума изучал акушерство и гинекологию, у профессора Буша – общую хирургию). Осенью 1906 г., когда были возобновлены занятия в Московском университете, Александр Петрович вернулся в Москву и продолжил обучение в своей альма-матер. В 1908 г. с отличием завершил учебу, получив степень лекаря.

Еще в годы студенчества А. П. Бестужев обзавелся семьей, женившись на Надежде Ивановне. В 1902 г. родился сын Михаил, через год дочь Ольга, а в 1909 г. дочь Татьяна. Рождение младшей дочери совпало с важным событием – после прохождения соответствующих испытаний перед Советом в Московском университете Александр Петрович был утвержден в звании уездного врача.

В 1911 г. по ходатайству ведущего профессора кафедры фармакологии от-

крытого в 1909 г. в Саратове Императорского Николаевского университета Б. И. Словцова и в результате единогласного избрания Советом университета А. П. Бестужев был утвержден в должности лаборанта при кафедре фармакологии. Вплоть до начала мобилизации в 1914 г. (с перерывом на командировку в 1913 г. в Вену) он работал под руководством сначала профессора Б. И. Словцова, а затем профессора В. И. Скворцова.

Александр Петрович был утвержден попечителем Казанского округа. Во время работы в Саратовском университете молодой ученый активно занимался исследовательской и просветительской деятельностью. В 1912 г. подготовил доклад «О культуре некоторых лекарственных растений», который был прочитан в саратовском обществе садоводства, а позднее частями печатался в номерах журнала «Саратовский садовод». С 1911 г. состоял также действительным членом физико-медицинского общества и Общества любителей естествознания и природы. В 1913 г. перспективный молодой ученый был командирован медфаком Николаевского университета за границу к фармакологам – в Вену к профессору Мейеру и в Эрланген к профессору Р. Гейнцу – для занятий в лабораториях.

Совместно с этими учеными Александр Петрович выполнил экспериментальную работу на тему «О возбуждающем действии угольной кислоты», которая была представлена на медицинский факультет Саратовского университета. Однако в результате начала боевых действий и перерыва в творческих контактах авторов с зарубежными коллегами работа не была издана и увидела свет только в «Трудах Белорусского государственного университета» в номерах 8–10. Во время командировки в 1913 г. А. П. Бестужев посетил университеты Мюнхена, Гейдельберга и Пастеровский институт в Париже. Уже в 1914 г. был мобилизован в армию и назначен на должность старшего врача 224-й Саратовской дружины.

Здание Московского университета (фото ок. 1900 г.), в котором с перерывом учился в 1900–1908 гг. А. П. Бестужев

После общей демобилизации в 1918 г. Александра Петровича избрали на должность ассистента по кафедре диагностики внутренних болезней медицинского факультета Саратовского университета, на которой он работал до 1921 г.

С начала 1920-х гг. в молодых советских государствах, которые в 1922 г. были объединены в СССР, создавалось много новых медицинских учреждений, и каждая из республик, каждый университет стремились привлечь к себе на работу талантливых преподавателей и ученых. В июле 1921 г. президиумом медфака Смоленского университета Александр Петрович был избран профессором по кафедре фармакологии с поручением чтения лекций и ведения практических занятий по кафедре биологической химии. РСФСР остро нуждалась в модернизации медицины, не хватало врачей. На основании постановления Совета труда и обороны от 1920 г. А. П. Бестужев был мобилизован для проведения занятий по ускоренному выпуску медицинских врачей. Кроме этого, он занимал должность заведующего острозаразным отделением на 150 коек в 1-й Советской городской больнице. В 1920 г. ученый много занимался преподавательской деятельностью, читал лекции на курсах для сестер

Профессор фармакологии Б. И. Словцов – руководитель А. П. Бестужева во время его работы на медицинском факультете Императорского Николаевского университета

милосердия. По поручению факультета читал также лекции студентам-медикам 3-го курса по клиническому анализу мочи, мокрот желудочного сока, крови и кала, принимал экзамены по этим несвойственным ему курсам. В 1921/22 учебном году Александр Петрович участвовал в подготовке терапевтического справочника в двух частях, составленного профессорами и ассистентами университетских клиник (Терапевтический справочник : в 2 ч. Саратов, 1922). Для справочника написал следующие разделы: Аддисонова болезнь, Акромегалия, Базедова миксодема, Ожирение, Остеомаляция, Ревматизм суставно-мышечный, Сахарное и несахарное мочеизнурение, Цинга, Солнечный удар, а также разделы об отравлениях.

В 1921 г. Александра Петровича Бестужева избрали профессором по кафедре фармакологии Смоленского государственного университета, но уже в следующем году он получил предложение пройти конкурс и перейти на открываемую кафедру фармакологии Белорусского государственного университета. 21 сентября 1922 г. по его кандидатуре решением Комиссии по делам медобразования ОМО Главпрофобра был сделан

запрос о согласии занять должность профессора кафедры фармакологии в БГУ. Александр Петрович согласился переехать в Минск.

Получив высококвалифицированного специалиста, в 1923 г. в Белорусском государственном университете создали две кафедры: биологической химии и фармакологии. По обеим профессором был избран А. П. Бестужев. Первоначально среди обязанностей профессора преобладала организационная работа: приобрести оборудование, укомплектовать читаемые курсы преподавателями, наладить учебный процесс. В создании материально-технической базы большую помощь оказывали многие научные центры и институты СССР, некоторые зарубежные медицинские учреждения.

Заняв должность профессора по кафедрам фармакологии и биологической химии, Александр Петрович столкнулся с отсутствием необходимых материалов и химических реагентов. Уже в 1923 г. на время своего летнего отпуска он инициировал поездку в Петроград и Москву для проведения закупок. Для финансовой поддержки поездки со стороны университета Александр Петрович обратился с ходатайством к декану медицинского факультета БГУ Сергею Михеевичу Мелких. Декан написал следующую резолюцию: «Всемерно поддерживаю ходатайство профессора А. П. Бестужева только в непосредственной связи с обеспечением надлежащего преподавания по столь важным дисциплинам как биологическая химия и фармакология».

Основой эффективного учебного процесса по данным направлениям являлся в первую очередь профессиональный преподавательский состав. Постоянно шел подбор таких кадров, поиск настоящих специалистов. Первыми ассистентами по кафедре биохимии стали Н. С. Шамардин и Л. Е. Таранович. Первая научная работа выполнена под руководством профессора А. П. Бестужева ассистентом Л. Е. Тарановичем на тему «К вопросу о влиянии

умственного утомления на выделение органического фосфора с мочой». С 1926 по 1930 г. выполнены также научные работы «К вопросу о влиянии умственного труда на пероксидазу и каталазу крови», «К вопросу о влиянии пищи, богатой пуринами, на каталазу печени и почек у белых крыс».

Кроме организационной и научной работы в университете с 1923 г. Александр Петрович был задействован в работе Научно-фармацевтической комиссии – совещательного органа при Фармакологической инспекции Народного комиссариата здравоохранения БССР. В задачи комиссии входили разработка и рассмотрение научных, научно-практических, учебных, научно-профессиональных и производственных вопросов в области фармации.

В Минске 42-летний профессор кроме проведения в университете занятий по биологической химии и фармакологии читал лекции на фармацевтических курсах при университете. В 1923–1924 гг. занимался исследованием вопросов экспериментальных отеков. Ученый активно делился опытом и знаниями с коллегами, в 1924 г. подготовил пособие для практических работ по биологической химии. Помимо работы в университете в 1924–1926 гг. Александр Петрович читал лекции по фармакологии на фармацевтических и фельдшерских курсах.

В Минске семья Бестужевых, состоявшая из семи человек, как и большинство семей приехавших в университет специалистов, столкнулась с трудностями размещения. Катастрофически не хватало достойного жилья для интеллектуальной элиты республики. За первый год пребывания в Минске Александр Петрович вынужден был переселяться четыре раза, причем некоторое время вместе с семьями 12 деятелей и преподавателей университета (среди которых Ф. В. Ильешевич, А. А. Смолич и др.) был вынужден проживать в ветхом и признанном аварийным с 1915 г. доме Наркомзема. В связи

с этим профессор просил предоставить ему с семьей четырехкомнатную квартиру в доме, выделенном Совнархозом под квартиры профессуре по Университетской (бывшей Магазиной) улице. Однако Правление БГУ смогло выделить только квартиру в университетском доме по улице Широкой. По заявлению профессора ему была временно предоставлена квартира переселяющегося в Москву профессора В. Н. Ивановского. Однако условия проживания оставались очень плохими. В декабре 1926 г. А. П. Бестужев жаловался в Правление БГУ на катастрофическое состояние квартиры (сырость, затемненность, проваленный пол, гниющие книги и т. п.) и просил снизить оплату. А семья на тот момент у профессора была большой. С Александром Петровичем совместно проживали жена, мать и трое совершеннолетних детей.

Для молодого университета, который стремился воплотить в практике медицинского образования в Беларуси лучшие мировые достижения, технологии и новейшие химические и лекарственные средства в медицине, было очень важно направлять своих сотрудников за границу для получения необходимых современных знаний, опыта, навыков. Весной 1925 г. Александр Петрович, который владел немецким языком, вместе с заведующим рентгенологическим кабинетом доктором С. Н. Лившицем написали заявления на командирование их в Германию и Австрию. Постановлением Правления БГУ в Главпрофобр было также направлено соответствующее заявление. Высокая инстанция, без которой невозможно было разрешить этот вопрос, согласилась командировать обоих на летний период. Позже, через два года, летом 1927 г. Александр Петрович был командирован в Ленинград и Одессу, как указывалось – «для научных занятий». Активной научной работе и командировкам не помешал тот факт, что профессор оставался беспартийным.

А. П. Бестужев много сил отдавал формированию исследовательского потенци-

ала кафедры, приобретению реагентов и необходимого оборудования. Например, в феврале 1928 г. он добился командировки в Москву и смог закупить ценное оборудование, разнообразные реактивы и медикаменты. На его имя в адрес университета из Америки, Австрии, Германии и других стран приходили посылки с различным лабораторным оборудованием. В развитии и укреплении подготовки специалистов по фармации финансовую поддержку оказывали и сами сотрудники, которые на свои сбережения покупали оборудование и реактивы и даже конструировали приборы, предоставляли в пользование студентам экспонаты и учебники из личных библиотек. В статье «О научной работе медфака БГУ за время его существования (1921–1928 гг.)» декан факультета профессор М. Б. Кроль писал: «Несмотря на то, что масса сил и энергии тратилась на организацию кафедр, на организацию соответствующей атмосферы для успешной научной работы, медицинский факультет за короткий срок своего существования, которым можно считать 3–4 года, в научном смысле пошел далеко вперед. Наиболее очевидно это из того, что вокруг каждой кафедры уже сложились научные школы со своей методикой, со своей постановкой». Огромный вклад в проведение этой работы был сделан Александром Петровичем Бестужевым.

До 1930-х гг. Александр Петрович опубликовал более 15 научных работ. Свои ранние труды он посвятил вопросам функциональной биохимии. В последующем изучал экспериментальные отеки; исследовал лекарственные препараты, получаемые из растений, в том числе ряд средств, обладающих противовоспалительным действием; изучал фармакологические эффекты угольной кислоты и механизм ее воздействия на организм теплокровных животных. К наиболее важным его работам можно отнести: «К вопросу о влиянии умственного утомления на выделение органического фосфора с мочой» (1911); «О культурах некоторых

лекарственных растений» (1912); «Терапевтический справочник» (1922); «К вопросу о возбуждающем действии угольной кислоты» (1925).

С момента реорганизации медицинского факультета БГУ в самостоятельное учебное заведение – Белорусский медицинский институт – Александр Петрович продолжил свою работу там, оставаясь некоторое время заведующим кафедрой фармакологии, при которой действовала фармакологическая лаборатория. Фамилия профессора стоит пятой в списке 23 виднейших профессоров этого института. Однако трудовой и исследовательский путь, пройденный Александром Петровичем Бестужевым в этом образовательном и научном центре, был недолог. Уже в конце 1931 г. профессор по каким-то причинам (возможно, повлияло непролетарское происхождение) покинул заведение кафедрой и работу в институте. Его место занял один из сотрудников кафедры – профессор Валерий Арсеньевич Анищенко. О последних 15 годах жизни Александра Петровича практически ничего не известно. Возможно, причиной ухода из медицинского института стала сложившаяся внутривосточная ситуация в СССР 1930-х гг. Известно, что скончался Александр Петрович в 1946 г. в возрасте 66 лет.

А. П. Бестужев за время работы в Белорусском государственном университете состоялся в первую очередь как выдающийся организатор и педагог. Его титаническими стараниями практически на пустом месте были созданы две важные кафедры университета и сформированы важнейшие направления подготовки специалистов и проведения научных исследований по фармакологии и биохимии. Бесценен вклад Александра Петровича и в формирование школы белорусских фармакологов и биохимиков, в организацию фармакологической службы в республике.

Виталий Сергеевич Макаревич

**Выдающийся математик,
один из первых в Беларуси
исследователей проблем
геометрии**
Профессор БГУ

**Владимир Кондратьевич
ДЫДЫРКО**

22.09.1877 – 15.03.1938

Владимир Кондратьевич Дыдырко, профессор-математик, один из немногих в свое время знатоков тонкостей науки геометрии, в автобиографии, написанной 5 июня 1937 г., т. е. незадолго до ареста и последовавшего за ним расстрела, с гордостью указывал: «С момента открытия в Минске Университета начал работу в нем в качестве преподавателя математики педагогического факультета». Своим высоким профессионализмом, несомненным талантом педагога и ученого В. К. Дыдырко за десять лет достиг служебных, но самое главное – интеллектуальных вершин. Не случайно его разносторонние знания были востребованы на этапе реструктуризации БГУ и создания подлинной системы высшей школы Беларуси, в особенности тех институтов, которые стали готовить кадры специалистов-производственников. На рубеже 1920–30-х гг. Владимир Кондратьевич преподавал в Минском химико-технологическом институте, в Торфяном институте, а после их объединения – в Белорусском политехническом институте. При этом всегда оставался активным членом коллектива Белорусского государственного университета, будучи в 1930-е гг. профессором его физико-математического факультета.

Без преувеличения можно утверждать, что профессор В. К. Дыдырко – одна из ключевых фигур в становлении белорусской математической научной и педагогической школы.

Владимир Кондратьевич Дыдырко родился 22 сентября 1877 г. в семье таксатора (оценщика-лесостроителя) управления государственных имуществ по Киевской и Подольской губерниям – православного по вере, русского по этнической принадлежности. Тогда семья чиновника невысокого уровня Кондратия Михайловича и его жены-домохозяйки Марии Николаевны проживала в весьма большом (около 1300 жителей) селе Дахновка, что располагалось над Днепром в восьми километрах от города Черкассы. Некоторое время Владимир жил у бабушки в деревне, что не помешало ему получить достойное домашнее образование, поступить в подготовительный класс Черкасской четырехклассной прогимназии и в 1891 г. успешно ее закончить. Видимо, домашняя обстановка, сфера занятий отца (он после Черкасс работал в Киеве землемером) и гимназические педагоги привили мальчику «вкус» к точным наукам. Путь к познанию математики начался с поступления в пятый класс 3-й киевской гимназии, которая располагалась на Подоле в шикарном трехэтажном особняке, где до середины XIX в. заседала городская дума. Немалое количество ее выпускников впоследствии стали гордостью украинской и российской культуры и науки. После окончания гимназии в 1895 г. Владимир

Дыдырко поступил на математическое отделение физмата Киевского Императорского университета Святого Владимира. Здесь, как впоследствии писал уже состоявшийся ученый, он обнаружил у себя «интерес к математике и в особенности к прикладной математике». Чтобы не быть зависимым от родителей, все годы учебы в университете студент зарабатывал на жизнь частными уроками.

31 мая 1900 г. после успешной сдачи всех экзаменационных испытаний перед членами физико-математической комиссии альма-матер Владимир Кондратьевич Дыдырко был удостоен диплома второй степени. Потом целый год в родительском доме в Черкассах пришлось определяться с дальнейшим выбором жизненного пути, одновременно подрабатывая домашним учителем. В конце концов было принято решение приложить математические знания к практической сфере: в 1901 г. ищущий себя юноша поступил в Императорский Московский институт путей сообщения, точнее – инженерное училище, созданное в 1896 г. указом Николая II. Прочувшись всего лишь год, Владимир Кондратьевич перевелся на третий курс более престижного Петербургского института Корпуса инженеров путей сообщения императора Александра I. Но так как истекло два года после получения диплома, его необходимо было переутвердить, получив разрешение Министерства народного просвещения России на сдачу экзаменов в физико-математической комиссии – теперь уже Императорского Московского университета (чтобы математические дисциплины были перезачтены при переводе в Петербургский институт на старший курс). Эти испытания молодой математик с блеском выдержал в апреле – мае 1902 г. (с оценками от «удовлетворительно» до «весьма удовлетворительно» – по тогдашним меркам наивысшими). 29 мая 1902 г. он был удостоен диплома первой степени. Выпускник в совершенстве владел французским языком и сносно – немецким и

3-я киевская гимназия. Начало XX в.

английским (читал научную и художественную литературу).

Безденежье не позволило переехать на учебу в столицу империи. Сразу после экзаменов В. К. Дыдырко получил предложение поучаствовать в геофизической практике в Казанском округе путей сообщения (орган управления водными путями в центральной части империи в составе управления водяных и шоссейных сообщений Министерства путей сообщения). Почти все лето и осень 1902 г. он работал помощником начальника партии по геодезической съемке р. Волги в ее течении между Ярославлем и Костромой. Потом пришлось круто изменить планы на будущее и навсегда оставить мечту получить престижную профессию инженера-путейца. Прежде всего уже двадцатипятилетнему человеку следовало озаботиться финансовым обеспечением своей жизни.

По неизвестным пока причинам сразу после экспедиции на Волгу Владимира Кондратьевич оказался в Минске, где до 1917 г. стал одним из самых авторитетных гимназических преподавателей. Его фотографии этих лет можно считать чуть ли не идеальным воплощением образа внешне строгого и очевидно высокоинтеллектуального педагога той, старой формации. Уже работая в БГУ, он указывал, что все эти годы вел математику, приобщая школяров к познанию не только «математики элементарной», но и «аналитической геометрии», «анализа бесконечно малых» и т. п. Сразу же, с ноября 1902 г., математик стал преподавателем Минской мужской правительственной гимназии. Потом его знания были востребованы и в других учебных заведениях города: женской гимназии и железнодорожной школе. Можно предположить, что несмотря на неплохую зарплату и сопровождающее ее иное материальное довольствие, что было положено преподавателям школ и гимназий, В. К. Дыдырко все же приходилось подрабатывать – необходимо было создать

Киевский Императорский университет Святого Владимира. Начало XX в.

достойные условия жизни своей семье. Во всяком случае странно читать его примечание к описанию своих профессиональных знаний и умений, что он также «знает переплетное ремесло».

Супругой Владимира Кондратьевича стала преподавательница женской гимназии Зинаида Александровна Бриккен – дочь контролера Московской государственной конторы Московско-Брестской железной дороги. Один за другим родились трое детей. О своей семье в годы работы в БГУ математик не раз упоминал в различных официальных бумагах. Зинаида

В. К. Дыдырко – преподаватель Минской гимназии

Владимир Кондратьевич Дыдырко

Елена Эрнестовна –
учительница французского языка

Александровна (правда, как Бринкен) названа и в 1937 г. в следственных бумагах НКВД. Без ссылок на документы современные авторы называют супругой В. К. Дыдырко учительницу французского языка той же мужской гимназии Елену Эрнестовну. Можно предположить, что это была первая жена.

Владимир Кондратьевич преподавал в мужской правительственной гимназии (она находилась на углу центральных минских Подгорной и Губернаторской улиц). Вскоре он вошел в состав педагогического совета, через некоторое время министр удостоил его чина коллежского советника (а это чин VI класса в Табели о рангах), что означало личное дворян-

Минская мужская правительственная гимназия. Вид с улицы Подгорной

ство. Утверждается, что жалованье ему было положено вполне значительное: за год получал 1980 руб. да еще 160 руб. за классное руководство, на бытовые нужды выделялось еще 270 руб. Семья Дыдырко за 200 руб. в год снимала трехкомнатную квартиру «со всеми удобствами» (но с печным отоплением) недалеко от гимназии – на улице Петропавловской (ныне улица Энгельса). Была нанята прислуга для уборки квартиры, топки печей, стирки белья, приготовления пищи. Средств хватало на здоровое питание, на покупку марочных вин и прочих изысканных напитков, которыми иногда любил потчевать себя и друзей гимназический преподаватель. Не было проблем и с одеждой, которая состояла из форменных каждодневного и парадного вицмундиров. А для выходов на разные мероприятия, для посещения театра и балов покупалась частная, неофициальная, но тем не менее престижно-строгая одежда: пальто с меховым воротником, костюм-тройка из английской шерсти и пр. Средства позволяли регулярно пользоваться извозчиком, подписываться на книги, журналы и газеты, покупать и то, что считалось повседневно необходимым (продукты, лекарства и т. д.), и то, что удовлетворяло личные пристрастия.

Научными исследованиями, в том числе на уровне подготовки магистерской диссертации, Владимир Кондратьевич стал серьезно заниматься с 1912 г., когда и семейные, и служебные обстоятельства позволили сосредоточить внимание не только на «прозе жизни» и ее материальном обеспечении. Годами позже он стал весьма активен как член Минского педагогического и Вольно-экономического обществ. Участие в них давало возможность обмениваться мнениями с коллегами, совместно обсуждать некоторые профессиональные вопросы, заслушивать сообщения о новинках литературы и даже отдельные исследовательские проекты. Минское педагогическое общество действовало недолго (было основано в

марте 1919 г., а уже в 1922 г. не получило разрешения на свою деятельность), однако в его работе принимали участие более 100 членов – в основном работники учебных заведений, госслужащие и даже священнослужители. С 1921 г. к ним присоединились преподаватели БГУ. Оно объединило тех, кто был обеспокоен поиском новых методов обучения, форм воспитания, новых идей в педагогике. Общество действовало в тесной спайке с Обществом истории и древностей. Обе организации располагались в здании бывшей Минской мужской гимназии, превращенной во 2-ю Советскую школу, т. е. в здании, в котором Владимир Кондратьевич проработал долгие годы.

С началом Первой мировой войны семье Дыдырко пришлось податься в эвакуацию. В 1915–1917 гг. Владимир Кондратьевич учительствовал в Москве. В Минск семья вернулась только в 1918 г. Он и жена поначалу продолжили работу в женской и мужской гимназиях, но уже вскоре стали преподавать в советской семилетке.

С первых постреволюционных дней обычные профессиональный и бытовой уклады резко изменились. Для Владимира Кондратьевича наметилась даже новая профессиональная планка, которую возможно было преодолеть. Он был востребован в первых учебных заведениях, претендовавших на статус высших, но таковыми не являвшихся хотя бы по причине отсутствия необходимого уровня преподавателей, соответствующих учебных планов, перспектив трудоустройства возможных выпускников. Так, в январе 1919 г. Советом учительского института, вернувшегося в Минск из Ярославля, В. К. Дыдырко был избран на должность преподавателя математики и стал читать в институте курсы нескольких математических дисциплин («Высшая алгебра и теория детерминантов», «Элементарная математика»), а потом, после его переформирования, что было в духе времени, – в Минском институте народного

образования (вплоть до его закрытия и создания Белорусского педтехникума). В этот период ученый вошел в состав педсовета института и отметил тем, что вместе с В. М. Игнатовским и В. Л. Ивановским в составе специальной комиссии рассматривал вопрос о «выражении сочувствия» академику Е. Ф. Карскому в связи с отстранением того коллегией Наркома просвещения ССРБ от должности профессора пединститута. Члена Комиссии по организации Белорусского университета в условиях революционных и национальных ниспровержений уличили в обладании неприемлемой «политической физиономией». Но математик и его коллеги-гуманитарии на заседании Совета поддержали предложение дать возможность Е. Ф. Карскому дочитать свой институтский учебный курс, а уж затем покинуть Минск. Эта поддержка была зафиксирована в протоколе № 13 от 14 мая 1919 г. заседания Совета Минского пединститута.

С осени того же 1919 г. математические курсы В. К. Дыдырко слушали и студенты созданного на базе технического училища политехнического института. Но с учетом образовательного профиля Владимир Кондратьевич в 1920/21 и 1921/22 учебных годах также читал там общий курс математики, «Аналитическую геометрию 2 и 3 измерений», «Дифференциальное и интегральное исчисление» и др. Лекционные курсы «Аналитическая геометрия» и «Анализ бесконечно малых», которые В. К. Дыдырко читал в политехническом институте, уже в 1921 г. были изданы литографическим способом (в те годы популярный, достаточно дешевый и оперативный способ тиражирования текстов) в качестве учебных пособий в 157 и 117 страниц соответственно. Эти издания Владимир Кондратьевич впоследствии называл своими «научными и литературными трудами».

После преобразования политехнического института в сельскохозяйственный преподавательская работа В. К. Дыдырко

на таком уровне была прервана, но началось восхождение в качестве преподавателя по линии истинноуниверситетского высшего образования: он получил приглашение от Правления только что начавшего свою деятельность Белорусского государственного университета вступить в должность ассистента по кафедре математики. Универсализм математика не мог быть незамеченным: его преподавание, хотя и краткосрочное, в по сути средних учебных заведениях, но по-революционному заявленных как высшие, многое дало для того, чтобы в скором времени влиться в коллектив настоящего университета.

Характер преподавания Владимира Кондратьевича в «высше-средних» учебных заведениях советской Беларуси уточняет небольшое «Дело № 30», заведенное в конце 1920 г. канцелярией Белорусского государственного политехникума «о службе сотрудника Владимира Кондратьевича Д-ы-д-ы-р-к-о». Писарь, видимо удивившись необычной фамилии, озаглавил начатое «Дело» весьма прилежно, выделив каждую букву, чтобы не ошибиться. Он вложил в папку заявление от «Преподавателя Минского Института Народного Образования Владимира (Кондратьевича) Дыдырко», в котором тот «имел честь заявить Совету» политехникума, что согласен «взять на себя ведение специальных курсов по математике», и проинформировал, что в ИНО «в настоящее время» преподает аналитическую геометрию и с «открытием старших курсов» будет преподавать дифференциальное исчисление. Характерна приписка внизу заявления: «Alma mater Моск. Унив. (Инст. пут. сообщен.)».

Данное заявление датировано 28 ноября 1920 г., хотя во втором документе «Дела» – справке со штампом «С. С. Р. Б. Наркомпрос. Белорусский Государственный Политехникум. г. Минск» – указано, что «преподаватель высшей математики» с нагрузкой «9 часов вечерних» и «содержанием» в 26 730 руб. в месяц преподает

уже с 1 октября 1920 г. Также уточнено, что В. К. Дыдырко, кроме того, работает в ИНО с 1 февраля 1918 г., во 2-й Советской школе 2-й ступени, а также является «преподавателем математики высшей и низшей в школах 30 ч. дневных». Указано, что в ИНО его «содержание» равно 53 538 руб. в месяц за «8 часов вечерних».

Эта справка датирована февралем 1921 г., и, как указывает запись черными чернилами вдоль штампа техникума, она была куда-то передана. Можно предположить, что этот «послужной список» поступил для рассмотрения в готовящийся к открытию Белорусский университет.

Работая в указанных учреждениях, Владимир Кондратьевич живо интересовался новинками в области преподавания математических дисциплин. Свидетельством тому стала статья «Преподавание математики в Американской школе», опубликованная в «научно-педагогическом и официально-справочном» журнале белорусского Наркомпроса «Школа и культура Советской Белоруссии» (1921. № 1–2. С. 53–57). Автор простым языком изложил некоторые важнейшие принципы, которыми руководствовались в США преподаватели математики – арифметики, алгебры, геометрии и тригонометрии. Он акцентировал внимание на том, что за океаном учителя школ и колледжей большое значение придают «наглядности преподавания». Владимир Кондратьевич обратил внимание на практику преподавания своей любимой геометрии, а также планиметрии, стереометрии, тригонометрии. Он привел шесть принципов, которым следовали американские коллеги, в том числе «большое значение за интуицией» ученика. Объективно и смело прозвучала общая оценка минского математика: «Заслуживает внимания та широта взглядов и инициатива, какие вообще характерны во всех отраслях жизни американского народа. Всякая новая идея, которая покажется ему плодотворной, немедленно и самым широким образом воплощается в жизнь».

Педагогический опыт, научный кругозор, желание совершенствоваться в профессии позволили В. К. Дыдырко стать профессором. Разительные перемены в его жизни и профессиональных устремлениях произошли после того, как он стал преподавателем БГУ. 21 мая 1923 г. Владимир Кондратьевич, всего лишь как ассистент, обратился в Правление университета с просьбой разрешить ему научную командировку в Петроград для работы в Государственной публичной библиотеке, заявив при этом, что его поддержала физико-математическая предметная комиссия педагогического факультета. Можно считать, что Владимир Кондратьевич сразу проникся духом, аурой университета, где работу даже «просто» ассистента возможно было воспринимать только при наличии научной составляющей во всех профессиональных навыках педагога.

На начало октября 1922 г., если судить по «Служебному списку сотрудника БГУ», заполненному лично Владимиром Кондратьевичем, в Минске он проживал с семьей из шести человек (кроме жены, которая стала домохозяйкой, на содержании университетского преподавателя находились два сына 16 и 10 лет, тринадцатилетняя дочь, а также сестра жены). Нужно было двигаться по служебной лестнице, что непосредственным образом отражалось на финансовом состоянии. Правда, с началом работы БГУ все преподаватели от ассистента до профессора получали зарплату в зависимости от количества прочитанных лекций и проведенных практических занятий. Разумеется, часы оплачивались по-разному, поэтому должность ассистента даже при большой учебной нагрузке не могла ни удовлетворить профессиональные амбиции, ни просто прокормить семью. Уже в июне 1923 г. была начата процедура перевода Владимира Кондратьевича на должность преподавателя. За 1922/23 учебный год он прочел на педфаке два лекционных курса – «Аналитическую геометрию 2 и 3 измерений» и «Теорию определите-

лей». Сам же вел и практические занятия, благодаря чему у заместителя декана педфака профессора-физика Ефима Еремеевича Сиротина были все основания 25 июня 1923 г. дать рекомендацию В. К. Дыдырко для утверждения его в должности преподавателя по кафедре математики. В рекомендации было указано, что Владимир Кондратьевич «с образованием в феврале 1923 г. физико-математической секции Научного общества БГУ проявил активность, выступал как докладчик, состоял членом президиума секции». Предметная комиссия педфака в тот же день единогласно проголосовала за рекомендацию. А уже 26 июня Правление БГУ, согласившись с позицией коллег, направило ходатайство в Главпрофобр СССР с просьбой утвердить ассистента Дыдырко в должности преподавателя. Бюрократический круг замкнулся, когда из Москвы, из отдела педагогического образования Главпрофобра 10 декабря 1923 г. в БГУ пришло решение об утверждении «т. Дыдырко В. К. в должности преподавателя по кафедре аналитической геометрии педагогического факультета». Владимир Кондратьевич продолжил читать аналитическую геометрию, углубил курсы «Дифференциальной геометрии», «Проективной геометрии», хотя в то же время за ним оставались курсы «Высшей алгебры», «Дифференциальных уравнений» и др. (за них он получал отдельную плату).

Первая квалификационная ступень в новой, советской, высшей школе была взята. Указание на то, что Владимир Кондратьевич утвержден «по кафедре аналитической геометрии», в условиях первой половины 1920-х гг. означало, что он признавался специалистом в данной области математики, а вовсе не то, что был назначен преподавателем потому, что в БГУ существовала подобная организационная структура – кафедра. Кафедры в современном понимании появились в советской высшей школе лишь к концу 1920-х гг.

Круг читаемых дисциплин В. К. Дыдырко расширился и изменился по содержанию. Например, в рукописном отчете о работе в 1924/25 учебном году от 8 сентября 1925 г. Владимир Кондратьевич указал, что читал курсы «высшей алгебры при 2-х пед. часах и 2-х часах семинарских занятий на 2-м и 3-м курсах педфака; интегрирования диф. уравнений при 3-х пед. часах на 3-м курсе педфака», а также проводил семинарские занятия «по интегрированию функций на 2-м курсе педф. при 4 пед. часах и по элементарной математике на 1 курсе педфака при 2-х пед. часах». Помимо этой учебной нагрузки на педфаке БГУ, как было указано преподавателем, с ноября по 1 июня был «проведен курс математики (аналит. геометрия) и основы анализа бесконечно-малых путем групповых семинарских занятий со студентами 1-го курса Белор. Ин-та сельского хозяйства». Научная деятельность в том учебном году выразилась в прочтении в Научном обществе БГУ двух докладов: «Об инвариантных плоских кривых 3-го порядка» и «Некоторые свойства циркулярных кривых в связи с инверсионным преобразованием».

Служебные успехи были омрачены семейными обстоятельствами – в 1923 и 1925 гг. один за другим умерли мать и отец (но, что странно, уже чуть ли не через десять лет Владимир Кондратьевич почему-то назвал иные даты смерти родителей: матери – 1925 г., а отца – 1928 г.).

В скором времени В. К. Дыдырко стал доцентом, о чем свидетельствуют многие документы, хранящиеся в его архивном деле. Так, различные «заявления», «пасведчанні», «ходатайства», «удостоверения» и другие столь востребованные в системе госучреждений «просительные» и «разрешительные» бумажки с 1926 г. называют математика доцентом «па катэдры матэматыцы БДУ». Владимир Кондратьевич в 1926 и 1927 гг. проявлял повышенную активность на научном поприще: просил и требовал раз-

решений и денег на научные командировки в Москву и Ленинград для «заняткаў у Бібліотэках навуковых устаноў». Несколько удивляет лишь просьба о командировании на время летних каникул 1926 г. в далекий алтайский город Бийск (в отличие от просьбы отправить на курортное лечение в Крым летом 1927 г.). Все запросы Правление университета удовлетворяло.

9 февраля 1926 г. в Беларуси произошло знаковое событие: на базе педфака по инициативе физиков и математиков БГУ, в том числе и В. К. Дыдырко, начала работу Первая Всебелорусская физико-математическая конференция, на которой 109 ученых ознакомились с «последними достижениями науки и педагогики», был заслушан 21 доклад.

Новым выражением высоких профессиональных качеств математика стало командирование Правлением БГУ на «Всесоюзный» съезд математиков, который проходил с 27 апреля по 4 мая 1927 г. (в командировочном удостоверении было записано именно так, хотя это был Всероссийский съезд). На этот съезд вместе с В. К. Дыдырко был командирован и его коллега-математик доцент И. С. Пятосин. 22 февраля 1927 г. Правление БГУ ходатайствовало перед Главпрофобром БССР о предоставлении зарубежных командировок профессорам и преподавателям трех факультетов университета – медицинского, права и хозяйства и педагогического. Среди более чем 20 фамилий был назван и В. К. Дыдырко – доцент педфака. В обосновании утверждалось, что он «сканчвае вялікую працу па вышэйшай геаметрыі і жадае азнаёміцца з спецыялістамі ў гэтай галіне, папрацаваць пад іх кіраўніцтвам, а таксама наведацца на семінарскія заняткі ўніверсітэта ў Нямецчыне».

Детективная история связана с подготовкой поездки Владимира Кондратьевича в Италию на 2-й Международный съезд математиков, который должен был состояться в Болонье 1–10 сентя-

бря 1928 г. В документах, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, можно проследить некоторые любопытные детали подготовки командирования университетского математика на столь представительный форум. К этому времени позади осталась некоторая вольница в подобных зарубежных поездках, которая допускалась в начале 1920-х гг. Более того, для трезво мыслящих преподавателей становилось очевидным, что лучше поостеречься прямых контактов с «буржуазными» коллегами-учеными, дабы не навлечь на себя уже вполне очевидные последствия. Однако В. К. Дыдырко проявил инициативность и «пробил» свою командировку.

Узнав о съезде и, видимо, получив личное приглашение, Владимир Кондратьевич 8 июня 1928 г. обратился в физико-математическую предметную комиссию педфака с просьбой выйти с ходатайствами перед деканатом факультета, Правлением БГУ и «вышэйшымі ўстановамі» о продлении времени его уже утвержденной командировки в Европу и о выдаче дополнительных денег. Дело в том, что немногим ранее майским решением Наркомпроса БССР он уже был командирован на срок 1 июня – 1 августа «у Нямецчыну – Берлін і Гэтынген – з навуковай мэтаю на час летніх вакацый для вывучэння і азнаямлення з новымі дасягненнямі ў галіне чыстай матэматыкі». 7 июня было выдано соответствующее свидетельство на немецком языке за подписью В. И. Пичеты, что Владимир Кондратьевич направляется в Германию для математических занятий, а жена почему-то затребовала и получила справку о командировке мужа «у Нямецчыну для навуковых заняткаў».

В связи с новыми обстоятельствами Правление БГУ под председательством ректора В. И. Пичеты на заседании 13 июня 1928 г. приняло решение командировать доцента педфака на этот съезд и выдать ему 50 руб. В данном случае необходимо было как-то совместить

эти две поездки в Западную Европу, но главное – изыскать немалые бюджетные средства. Важно было получить и соизволение более высоких инстанций, чем даже Наркомат просвещения республики. Правление БГУ 18 июня послало в Наркомпрос БССР обращение за подписью заместителя ректора С. З. Слонима с просьбой выступить с ходатайством перед «Упаўнаважаным Народнага Камісарыяту па Замежных Справах СССР пры ўрадзе БССР» утвердить решение Правления от 13 июня. Оказалось, что такое обращение излишне, так как Дыдырко уже имел зарубежный паспорт, который позволял посетить любую европейскую страну и любой город. Тем не менее официальное разрешение было оформлено в виде внушительного по форме документа под названием «Certifikat», составленного на французском языке 25 июня.

Наиболее проблематичным был денежный вопрос. Владимир Кондратьевич рассчитывал уехать в Европу 20 июня. Но командировочных денег было слишком мало. И математик проявил сметку, точнее – знания в столь тонком деле, как отправка ученых за рубеж. Когда планы о сроке отъезда нарушились, он написал в Правление университета заявление (от руки красными чернилами) с просьбой выделить ему 150 руб. «ліцэнзійных» в счет зарплаты, так как ранее полученные им деньги «з спецсродкаў БДУ» недостаточны на поездку в Италию. Что это за «ліцэнзійныя» деньги, можно узнать из того же заявления и нового решения Правления БГУ, которое последовало 27 июня 1928 г., когда математик обратился к руководству университета. Оказывается, подобные суммы были в распоряжении как БГУ, так и Комвуза и сельхозакадемии, но только Наркомпрос имел право на их предоставление командируемым. Так что своим вторым решением Правление и просило Наркомат разрешить выдать эти 150 руб. именно Дыдырко.

Одновременно с решением всех «орго-вопросов» командируемому пришлось озаботиться представлением подробной характеристики съезда математиков. Владимир Кондратьевич проинформировал, что первый съезд был в канадском Торонто в 1925 г., что итальянские власти гарантируют участникам второго съезда ряд льгот (например, 50 %-я скидка на проживание и др.). Свой главный интерес в съезде он описывал так: «Для мяне як геомэтра надта цікава азнаёміцца апроч з'езду з працай унівэрсытэтаў Італіі (Рым і Балонья), где працуюць гэтка выдатныя геомэтры як Ф. Энрыквэс і Леві-Чывіта». В дополнение ко всем иным документам был представлен обстоятельный отчет об учебной и научной деятельности за истекший учебный год. Его Владимир Кондратьевич, доцент педфака, написал 5 июня по-белорусски: «...чытаў 1) аналітычную геаметрыю для студэнтаў II курса 2-й групы – 8 гадзін; 2) “дыф. вылічэньня” для студэнтаў II курса 1-й групы – 4 гадзіны; 3) “дыф-фер. геомэтрыі” для студэнтаў III курса – 3 гадзіны. Спец. курс “Інтэгрываньня разн. у часных праізвадных” – ст. IV курса (3 гадз.). Падрыхтаваў да друку 150 поўлістоў працы “цыркулярныя крывыя 3-га парадку” і зроблена 56 рысункаў да тэксту. Зрабіў 3 даклады у матэматыч. секцыі навуковага таварыства пры БДУ».

Пока не удалось найти точных сведений о том, состоялась ли командировка в Болонью. Даже в документе по реабилитации В. К. Дыдырко отмечено: «Был ли ДЫДЫРКО в Италии из дела не видно». А вот поездка в июле – августе 1928 г. в германский Геттингенский университет прошла продуктивно. Ученый на средства Наркомпроса БССР два месяца занимался в математических семинарах этого университета. В результате был подготовлен текст диссертации «Циркулярные кривые 3-го порядка». Диссертация затем в два этапа была напечатана в «Трудах БГУ» – научном сборнике университета: первая часть в № 17–18 за 1928 г.,

Научный кружок БГУ под руководством доцента В. К. Дыдырко (во втором ряду в центре). 1928 г.

а вторая – в № 24 за 1932 г. Важно, что свои научные изыскания В. К. Дыдырко использовал при разработке геометрических методов синтеза механизмов.

В этот период Владимир Кондратьевич вместе со своими коллегами – математиками БГУ активно обсуждал научные проблемы и делал доклады в продолжение темы диссертации на заседаниях в физико-техническом обществе. В № 26 журнала «Труды БГУ» за 1932 г. был приведен список большинства докладов, которые прочитали в 1928–1931 гг. университетские математики и физики: В. К. Мрочек, Ч. Ч. Домбровский, Ц. Л. Бурстин, Е. Е. Сиротин, Я. П. Громмер, Г. Н. Сагалович, Е. К. Успенский, В. Г. Некрашевич и др. Среди прочих названы и темы докладов «профессора В. К. Дыдырко»: на заседании Научного общества 15 мая 1930 г. – «Новые способы построения циркулярных кривых 3-го порядка в связи с классификацией известных способов»; 30 мая того же года – «О некоторых линейных поверхностях в связи с построением моделей», а 10 сентября – «Об образах, связанных с простой, линейчатой поверхностью, конгруэнции, комплекса». Можно обратить внимание на то, что «в духе требований

В. К. Дыдырко среди коллег и студентов 2-го курса физико-математического отделения педагогического факультета БГУ. 1928 г.

времени» научные штудии математиков приобрели «народно-хозяйственный ориентир» – даже само общество стало называться «физико-техническим», как и учебное подразделение педфака: приказом ректора БГУ от 3 апреля 1930 г. заведующим «физико-техническим отделением» был назначен профессор Ц. Л. Бурстин.

На март 1930 г., незадолго до «разукрупнения» университета, кафедру математики педфака БГУ представлял коллектив в составе профессоров Ц. Л. Бурстина и Я. П. Громмера, не так давно отважившихся приехать из Западной Европы в БССР, и доцентов В. К. Дыдырко, И. С. Пятосина, Ч. Ч. Домбровского, А. П. Круталевича, А. М. Матисовой, ассистента Г. Н. Сагаловича. На 1 марта 1932 г. в «списке научных работников БГУ» фамилии этих математиков сопровождались максимально точными личными данными (например, указывалось, что В. К. Дыдырко по социальному происхождению был «из служащих»,

а Г. Н. Сагалович – «из ремесленников» и закончил «Грузинский у-т»). Притом Григорий Наумович в 1933 г. значился уже как «зам. ректора». На 1938/39 учебный год только он в подобном списке был назван доцентом по кафедре «высшей геометрии», тогда как фамилия Дыдырко, как и многих других, исчезла.

В это время в аспирантуре училась А. И. Нахимовская (в будущем – заведующая кафедрой геометрии физмата БГУ), которая в 1918–1920 гг. была ученицей Владимира Кондратьевича во 2-й минской Советской школе, а потом его студенткой на педфаке БГУ. Она вспоминала, что именно благодаря учителю полюбила математику и в конце концов стала ученым и преподавателем высшей школы. Отмечала преданность Владимира Кондратьевича своему делу, то, как он «все свои силы отдавал науке, увлеченно передавал свои знания молодежи... сам своими руками делал учебные пособия, хотя это и не входило в его обязанности». Анна Иовнасовна (Натановна) указыва-

ла, что «в 1931 г... Дыдырко за хорошую работу в университете было присвоено ученое звание профессора».

Эта «хорошая работа» была оценена и на государственном уровне. В связи с приближением десятой годовщины начала работы БГУ решением ЦИК БССР (оно было опубликовано в июльском номере за 1931 г. центральной республиканской газеты «Звязда») 46 профессоров, доцентов и преподавателей университета, в том числе и В. К. Дыдырко, были удостоены высоких наград. Сегодня любопытна сама стилистика газетного сообщения о правительственном решении: «За гэраічную работу на фронце культурнага будаўніцтва». Владимир Кондратьевич – «дацэнт матэматыкі» (как и его коллега «прафэсар-матэматык» И. С. Пятосин) – удостоился среди 17 награжденных Почетной грамоты Наркомата просвещения, Почетной грамотой СНК БССР были награждены 18 человек, 7 – Почетной грамотой Наркомата охраны здоровья, С. Я. Вольфсон и П. Я. Панкевич получили ордена «Чырвонага працоўнага сцягу». Профессорам-медикам М. Б. Кролю и Ф. О. Гаусману было присвоено звание заслуженных деятелей науки БССР.

Утверждение Владимира Кондратьевича в должности профессора состоялось в тот же 1931 г. Приказом № 206 от 18 октября 1931 г. (накануне юбилея БГУ) Наркомат просвещения БССР «надаў годнасць прафэсара па каф. матэматыкі» доценту Дыдырко В. К. С этого времени свой профессиональный статус сам Владимир Кондратьевич оценивал так: «прафэсар матэматыкі у Вузах і Втузах, спецыяльнасць – геамэтрыя». Данные сведения летом 1934 г. профессор прописал точно и подробно, что дает нам сегодня представление о том, как перманентно изменялась структура белорусской высшей школы и как к ней были вынуждены подстраиваться преподавательские кадры. Свои «перамяшчэнні па службе» математик зафиксировал так: «б. Менскі Ін-т Нар. Асв. (выклад-

чык з 1918 (I) па 1922 (II), зачынены); – б. Бел. Політ. Ін-т (выклад. з 1921–23, зачынены); – б. С/г I-т (выклад., 1925–26, пераведзены ў Горкі); – Універсітэт, фізмат (доцэнт у 1922–30 гг., прафэсар з 1930); – Белар. Політэх. Ін-т (з 1933 г. прафэсар)». В связи с последней записью отметим, что В. К. Дыдырко, несмотря на работу в БПИ, продолжал оставаться штатным профессором БГУ. В этом статусе он был арестован органами НКВД.

Интеллектуал, умудренный опытом жизни в советской стране, всячески стремился быть вне политики, хоть это было наивно как минимум потому, что любой университетский преподаватель сам по себе являлся личностью политической, востребованной в случае той или иной надобности, в особенности сопряженной с идеологией. Математик все годы настойчиво писал в разных документах, что никогда не состоял в партиях, «у рэвалюцыях не ўдзельнічаў, да следства не прыцягваўся, у войсках не служыў» и с самого начала деятельности советского профсоюза работников просвещения состоял его членом (с 1935 г. – член Союза работников высшей школы и научных учреждений). Но такие характеристики далеко не всегда были аргументами для спасения от карательных органов, действовавших в соответствии со своими представлениями и установками. Чего стоили только настоящие окрики и понукания со стороны «по-пролетарски бдительных» студентов, которые раз за разом раздавались в адрес преподавателей, невзирая на их статус, возраст, квалификацию. Так, первая университетская многотиражка «Ленінскім шляхам» в апреле 1930 г. в стилистике всеобщей критики тех лет среди прочих преподавателей, которые позволяли себе опаздывать на занятия, назвала и В. К. Дыдырко. Более того, указывалось, что Владимир Кондратьевич опоздал на целый академический час!

Да как тут было не опаздывать, если профессор-математик был одним из наи-

более востребованных ученых, участником большинства научных мероприятий, которые должны были воплощать неустанную заботу властей о процветании советской науки во всех ее направлениях. Вполне естественно, что Владимир Кондратьевич вместе со своими коллегами по физмату БГУ вошел в оргкомитет по подготовке Всебелорусской физико-математической конференции, намеченной на июль 1936 г.

О ней как о прорыве на «научном фронте» подробно рассказал в республиканской прессе ректор БГУ А. С. Кучинский. Оргкомитет конференции возглавил академик Ц. Л. Бурстин, кроме университетских ученых в нем участвовали математики и физики Витебского и Гомельского пединститутов. Всего планировалось собрать до 300 человек, в большинстве своем учителей школ Беларуси. Для выступления перед ними В. К. Дыдырко готовил доклад «Принципы Грассмана в геометрии», профессор И. С. Пятосин – «Элементы математического анализа в школе», академик Ц. Л. Бурстин – «Основные направления современной математики», а профессор-физик Евгений Васильевич Снятков занялся разработкой и вовсе уникальной для того времени темы доклада – «Телевидение». В целом же, как писал А. С. Кучинский, ставилась задача «...ознакомить учителей средней школы с современными направлениями и достижениями, разработками наиболее трудных и принципиальных вопросов школьных программ». И это должны были сделать чуть ли не все университетские преподаватели математики и физики.

В условиях середины 1930-х гг. после прошедших и все еще идущих погромов политических оппонентов каждый советский гражданин в полной мере обязан был осознавать, кто есть кто в системе властной иерархии, и в меру сил воздавать славу единственному безоговорочному лидеру страны. Естественным стало письмо за 57 подписями университетских профессоров и доцентов, в том

числе В. К. Дыдырко, И. С. Пятосина и Ц. Л. Бурстина, с восхищенными оценками очередного выступления Иосифа Сталина, в котором тот, по словам подписантов, указал «далеешыя шляхі барацьбы за соцыялізм». Подписавшиеся заверили: «...працуючы на адказнейшым вучастку соцыялістычнай навукі і культуры на рубяжы двух міроў, мы запэўніваем цябе, наш лепшы друг і настаўнік, што пакладзем усе свае СІЛЫ і веды на справу выхавання ўзброеных глыбокімі ведамі, беззаветна адданных соцыялізму навукова-педагагічных кадраў».

К этому времени Владимир Кондратьевич в полной мере овладел белорусским языком и у него не было проблем со «встраиванием» своих курсов в бурно шедший и столь же бурно корректируемый процесс белорусизации. Даже в анкетах, которые стали заполняться принципиально на белорусском языке, математик постоянно указывал крестьянское происхождение отца и матери, называл должность отца в традициях белорусской истории – «каморнікам», а в 1937 г. уточнил его должность – «землемер-таксатор при Управлении лесничеством Киевской и Подольской губерний».

Эти сведения, зафиксированные рукой Владимира Кондратьевича, – одни из последних перед неожиданным арестом всегда стремившегося быть вне политики профессора.

Арестован он был, что можно воспринимать с чувством негодования, и в день рождения БГУ, и в ночь массовых расстрелов выдающихся членов его коллектива – 31 октября 1937 г. Опытные «расстрельных дел мастера» без труда нашли обвинение – «агент германской разведки». Не был забыт 1928 год, когда Владимир Кондратьевич стажировался в Геттингене. В архиве белорусского КГБ имеется личное дело «профессора Белорусского государственного университета ДЫДЫРКО Владимира Кондратьевича» на несколько десятков страниц, а в нем – двухстраничное «Обвинительное заклю-

чение по следственному делу № 31939 по обвинению ДЫДЫРКО Владимира Кондратьевича по 68 ст. УК БССР». На этих страницах и расписан с лживой и «убийственной» однозначностью и вопиющей безграмотностью расстрельный вердикт, обоснованный тем, что «в 1928 году будучи в научно-творческой командировке в гор. Гетинге (так! – *Авт.*) в одну из своих встреч с офицером германской разведки – Липо Гансом был завербован последним для шпионской работы на территории СССР». И якобы сообщал немцам «о ходе развития оборонной промышленности и о строительстве военного флота» (так! – *Авт.*). А еще участвовал «в прошлом в черносотенных монархических организациях, белорусской к. р. раде и деятельной помощи белопольским оккупантам», «проводил махровую фашистскую обработку учащейся молодежи Белгосуниверситета...», «проводил среди преподавательского состава БГУ к. р. агитацию выражавшуюся в распространении провокационных слухов о возникновении войны, о падении Советской Власти» и т. п. Такое нагромождение диких по сути и стилю обвинений было обычным для тех лет.

Более двух месяцев шли кровавые допросы, о которых сегодня можно узнать из появившихся в интернете воспоминаний одного из сокамерников Владимира Кондратьевича по печально известной «американке». Их обнаружил внук этого узника НКВД: «Специалисты НКВД на допросах работали на полную мощь со своими жертвами: стоять по несколько суток подряд, без сна, пищи, воды и т. д.

В два часа ночи в мою одиночную камеру втолкнули двух человек. Один из них – Дыдырко Владимир Кондратьевич – профессор, житель г. Минска, второй – Ивко Владимир – инженер-путейщик, командир ж/д полка из г. Витебска. На другую ночь обоих взяли на допрос и к шести часам утра надзиратели едва живых уволокли в камеру. Не выдержав истязаний, подписали, что Дыдырко – агент немецкой разведки, а Ивко – участник военного заговора командарма Белорусского военного округа Уборевича. Через мою камеру пропущено было много арестованных разных общественных положений, подписавших под пытками обвинения. А куда уводились, одной ночи известно. Да палачам».

Следствие, которое вел младший лейтенант 3-го отделения УГБ НКВД, было завершено к 2 декабря 1937 г. Его итоговое заключение должен был одобрить лично «Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР – Генеральный Комиссар Государственной Безопасности тов. ЕЖОВ Н. И.». 21 января 1938 г. последовал вердикт – «расстрел». 15 марта профессор был расстрелян. Его реабилитация последовала только в 1965 г.

Как свидетельствует «Белорусский “Мемориал”», жена Владимира Кондратьевича была арестована в том же 1938 г., но уже после расстрела мужа. Зинаиду Александровну обвинили в контрреволюционной агитации и присудили к пяти годам казахстанских лагерей, где она и умерла, не дождавшись освобождения.

Олег Антонович Яновский

**Родоначальник статистики
и демографии в БГУ**

Профессор университета

**Лев Иосифович
ЛУБНЫ-ГЕРЦЫК**

01.12.1880 – 28.02.1965

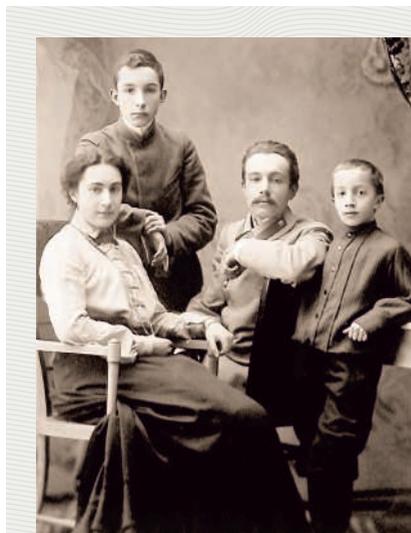
*С*егодня практически невозможно представить себе историю становления и развития советской статистики без упоминания имени Льва Иосифовича Лубны-Герцыка. В 1920-е гг. он считался одним из авторитетнейших советских ученых в области сельскохозяйственной и демографической статистики. В этот период Лев Иосифович преподавал в ряде московских вузов, работал в Центральном статистическом комитете, Государственном колонизационном научно-исследовательском институте. Именно с его именем связана подготовка в стенах БГУ будущих экономистов и статистиков для государственных учреждений Беларуси.

Льва Иосифовича можно по праву считать основоположником научной демографии. На экономическом отделении ФОНа БГУ он читал факультативный курс «Учение о народонаселении». Во время работы в БГУ опубликовал ряд фундаментальных трудов по актуальным в те годы экономическим вопросам, среди которых «О переводе капитала в трудовые эквиваленты» (1922), «Что такое перенаселение?» (1923). Так, в работе «О переводе капитала в трудовые эквиваленты» Л. И. Лубны-Герцык рассмотрел проблемы оценки капитальной стоимости, калькуляции себестоимости, определения зарплаты, которые возникали в связи с переводом предприятий на хозрасчет и рыночные отношения в начальном периоде НЭПа. Труд «Что такое перенаселение?» посвящен теоретическим аспектам понятия «перенаселение» и методам борьбы с ним. Львом Иосифовичем сделан вывод, что понятие «перенаселение» относится к нормативной науке и в каждую историческую эпоху имеет свою специфику. Его идеи и труды и сегодня не утратили своей актуальности и значимости.

Лев Иосифович Лубны-Герцык родился в д. Струнино Александровского уезда Владимирской губернии. Крестили мальчика в старинной Иоанно-Предтеченской церкви в с. Каринское Александровского уезда. В своем «Кратком жизнеописании» (1946) он указывал, что родился на фабрике, где его отец работал служащим. Интересно, что свое дворянское происхождение Лев Иосифович никогда не скрывал и всегда при приеме на работу уже в советское время, заполняя анкеты, в соответствующей графе писал «из дворян».

Лев Иосифович был представителем старинного дворянского рода Великого княжества Литовского (герб Ястржембец). Известный по историческим источникам с XV в., этот род (Герцык из Лубны) в 1838 г. был внесен в 6-ю часть дворянской родословной книги Витебской губернии. Одним из ярчайших его представителей был дед Льва Иосифовича – генерал-майор Антон Казимирович Герцык (1811–1891), уроженец Витебской губернии, активный участник Крымской войны 1853–1856 гг. Отец будущего профессора БГУ Иосиф Антонович (1846–1939) был крупным инженером-строителем, возводившим новые фабрики для Соколовской мануфактуры известного купца и инженера-технолога Асафа Ивановича Баранова в Александровском уезде Владимирской губернии. Мать Юлия Антоновна (в девичестве Вокач), также происходившая из старинного дворянского рода, была двоюродной сестрой актрисы О. Л. Книппер, которая в 1901 г. вышла замуж за писателя А. П. Чехова.

В семье Лубны-Герцык воспитывалось четверо детей: сыновья Лев, Константин, Николай и дочь Евгения. В родовой усадьбе Ивановское (современный Ногинский район Московской области)

Семья Иосифа Антоновича Лубны-Герцыка. 1890-е гг.

всегда гостили известные деятели культуры и искусства того времени. Однако вопреки царившей в доме художественно-поэтической и творческой атмосфере, которая благотворно влияла на воспитание детей, все они пошли по тернистому и нелегкому пути науки. Евгения и Константин по получении высшего образования уже в советские годы посвятили свою жизнь комплексному изучению и освоению естественных производительных сил Алтайско-Иртышского района. Николай преподавал артиллерию в одном из военных учебных заведений, а Лев всю свою жизнь положил на алтарь изучения демографии, экономики и статистики. В отличие от братьев и сестры Льву Иосифовичу судьба отмерила долгую жизнь¹, за которую он успел многое сделать, а результаты его трудов актуальны до настоящего времени.

В 1900 г. Лев окончил полный курс 5-й московской классической гимназии (на

¹ Николай Иосифович погиб в 1927 г. в Монголии, Константин Иосифович был репрессирован и умер в лагере в 1941 г., Евгения Иосифовна умерла в 1943 г.

углу улиц Поварской и Большой Молчановки). Во главе ее стоял замечательный педагог и переводчик Андрей Викентьевич Адольф, для которого классическое образование было связано с воспитанием высокой нравственности. На сохранившейся фотографии класса, в котором учился Лев (1898), запечатлен учитель древнегреческого языка Н. Н. Трескин, который также оказал большое влияние на развитие гуманистического мирозерцания гимназистов. Сокурсниками будущего профессора БГУ были известные в дальнейшем ученые: историк-античник В. Н. Дьяков, биохимик А. Р. Кизель, католический священник, высланный на «философском пароходе», В. В. Абрикосов.

По завершении обучения в гимназии Л. И. Лубны-Герцык поступил на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Московского университета, которое успешно окончил в 1904 г. с дипломом первой степени. Согласно личному листку по учету кадров Лев Иосифович получил специальность «физиология растений». Как он отмечал в автобиографии, «еще с первых лет пребывания в Университете, [меня] стали интересовать экономические проблемы. С целью изучить экономнику сельского хозяйства я поступил

по окончании университета в Петровскую сельскохозяйственную академию. Прослушав там полугодичный курс, я воспользовался случаем занять место временно исполняющего обязанности уездного земского агронома в Суздальском уезде Владимирской губернии. Состоял в этой должности до осени 1905 г., когда, убедившись окончательно в своем тяготении к вопросам экономики, решил посвятить себя всецело изучению экономических наук. С этой целью я вернулся в Москву, принял на себя обязанности преподавателя сначала естественных наук и товароведения, а потом политической экономики и законоведения в частном коммерческом училище А. Л. Плестера и одновременно стал экстерном проходить курс экономического отделения юридического факультета».

В 1908 г. Лев Иосифович сдал государственные экзамены по циклу экономических наук и получил диплом первой степени по специальности «статистик-экономист». В 1914 г. он на отлично сдал и магистерские экзамены по предмету политической экономии и статистики в Московском университете. За годы учебы Лубны-Герцык овладел английским, немецким и французским языками, что позволяло быть в курсе всех свежих общеевропейских тенденций в области статистики и экономики.

С окончанием 10-летнего периода обучения совпала женитьба Льва Иосифовича на дочери известного банкира Елизавете Александровне Шлезингер. Через год в их семье родился сын Александр.

Начало научно-исследовательской деятельности молодого экономиста-статистика совпало с тяжелыми для экономики России годами Первой мировой войны, когда государство пыталось чуть ли не целиком перевести промышленность на военные рельсы, всемерно увеличить военное производство. Далеко не последнюю роль в реализации этих мероприятий с 1915 г. стала играть комиссия по изучению естественных и производи-

Л. И. Лубны-Герцык
с супругой Елизаветой Александровной.
1910-е гг.

тельных сил России. Она поставила своей целью перевод научно-исследовательской работы целого ряда естественных и точных наук в практическую плоскость для нужд армии и страны. Достижение данной цели было невозможно без привлечения знаний в области статистики и экономики.

На волне такого живого интереса к этим наукам Лев Иосифович и начал свою научную деятельность. В 1915 г. в «Агрономическом журнале», на страницах которого публиковались известные российские экономисты-аграрники того времени (Н. П. Огановский, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев и др.), он поместил свою первую статью «О нормальной интенсивности земледелия». В ее основе лежал доклад, зачитанный им 5 марта 1915 г. на заседании Общества им. А. И. Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете. В статье молодой экономист писал: «Вопрос о нормальной интенсивности земледелия представляется, на мой взгляд, чрезвычайно важным в связи с одним из самых основных вопросов современной науки о народном хозяйстве – проблемой наиболее рационального, так сказать, оптимального соотношения между численностью населения и наличными запасами природных благ. Мне представляется, что именно в наше время эта проблема принимает особенно резкую, беспокоящую и мысль и воображение, форму, и, вероятно, в ближайшем будущем явления народной жизни настойчиво потребуют того или иного ее решения. Я уверен, что независимо от того, возможно или невозможно ее окончательно решить, независимо от ее огромной сложности, проблему о нормальном отношении между численностью населения и запасами природных благ придется поставить в центре современной науки о народном хозяйстве». Именно тогда Лев Иосифович впервые высказал мысль о том, что «наивысшая, возможная при максимальной производительности

земли плотность населения лежит значительно выше того уровня населенности, который совместим с максимумом народного благосостояния». В газетной заметке, посвященной сделанному докладу, указывалось, что в возникших по поводу доклада прениях приняли участие А. В. Чаянов, П. П. Маслов, В. П. Милютин и М. А. Абросимов, которые «высказали ряд замечаний методологического характера и по существу доклада». Так прошло боевое крещение молодого ученого. На память об этом событии Лев Иосифович сохранил приглашение на заседание Общества им. А. И. Чупрова. Следует сказать, что данная статья в какой-то мере очертила широкий круг вопросов, ответы на которые Лев Иосифович усердно искал в уже новых политических реалиях.

Революционные потрясения 1917 г. не только значительно расширили научный кругозор Л. И. Лубны-Герцыка, но и сделали его педагогическую деятельность более востребованной. Его опыт преподавания и обширные знания в различных сферах и областях не могли остаться без внимания руководства молодой республики. В июле 1917 г. он издал работу «Земельный вопрос в связи с проблемой населенности», в которой отстаивал точку зрения, что перенаселение России является одной из главных причин, обуславливающих бедственное положение народов, ее населяющих.

Помимо преподавания в коммерческом училище А. Л. Плестерера (до 1920 г.) в 1918 г. Лев Иосифович прочел ряд пробных лекций по статистике, после чего был принят в число приват-доцентов юридического факультета Московского университета. На факультете он читал курсы «Учение о народонаселении» и «Мировое снабжение сырьем, продовольствием и топливом», вел семинарии по экономической политике сельского хозяйства и политической экономии. В стенах альма-матер Лев Иосифович проработал до 1928 г. С 1919 по

1923 г. его курс статистики прослушали студенты военно-педагогического, Пречистенского практического и финансово-экономического институтов Москвы. Во время работы в Пречистенском институте Л. И. Лубны-Герцк близко познакомился с преподававшим там будущим ректором БГУ В. И. Пичетой. Студент Я. Мейеров, сравнивая этих своих педагогов с другими преподавателями, называл их «цензовые ученые», подчеркивая высокую планку профессионализма.

Вполне возможно, что именно знакомство с В. И. Пичетой имело итог, круто изменивший уклад жизни Льва Иосифовича: в 1923 г. он был приглашен в Белорусский государственный университет на должность профессора по кафедре статистики. При этом педагогическая деятельность в московских институтах не только была продолжена, но и совмещалась с работой в Центральном статистическом управлении. На этой государственной службе экономист до 1920 г. состоял консультантом, а затем заведующим подотделом нормативных изысканий в области сельского хозяйства, заведующим отделом статистики движения и численности населения. С весны 1922 г. к этому прибавилась работа в Государственном колонизационном научно-исследовательском институте (Госколонит), который занимался проблемами колонизации и переселения в системе государственных мероприятий по восстановлению и развитию народного хозяйства.

В 1924 г. по заданию Наркомата земледелия Госколонит исследовал проблему избыточного труда в СССР. Главными задачами были: «1) выяснить картину распределения трудовых сил на территории Союза в сельском хозяйстве и промышленности в довоенное время и после революции; 2) установить по районам Госплана соответствие наличного труда и трудоемкости сельского хозяйства и промышленности в довоенное время и после революции; 3) выяснить в общей проблеме избыточного труда

значение перемещения труда, как способ к ее разрешению, и 4) установить по возможности направление и степень напряженности главнейших потоков, по которым движется избыточный труд в поисках его приложения, как в смысле переселения из одних районов в другие, так и в смысле перехода из одной отрасли в другую».

Заведующий отделом миграционных и колонизационных процессов института Л. И. Лубны-Герцк возглавил работу комиссии по определению масштабов аграрного перенаселения. В первую очередь было решено проработать вопрос об избыточном труде только в сельском хозяйстве, так как в те годы в СССР оно было основной и доминирующей областью приложения труда. Комиссией были выбраны четыре района по Госплану: Северо-Западный (территория БССР), Западный, Центрально-промышленный и Центрально-земледельческий. В результате проделанной работы Всесоюзным переселенческим комитетом и Наркоматом земледелия РСФСР на основании заявок с мест был определен десятилетний план (1925–1935) переселения 5 млн 200 тыс. человек. Л. И. Лубны-Герцк, анализируя величину избыточности труда и основные межрайонные переселения населения, связывал их с «нормой населенности». По его мнению, она предполагает «оптимальные отношения между численностью населения и внешней средой». Достижение нарушенного равновесия между ними он считал возможным за счет военных действий, голода, эпидемий, а также проводимой колонизации территорий.

В этот период Лев Иосифович издал монографии «О переводе капитала в трудовые эквиваленты» (1922) и «Об аграрном перенаселении России» (1923), опубликовал статьи в журналах «Вестник статистики», «Бюллетень Центрального статистического управления», «Сельское и лесное хозяйство», «Труды Государственного колонизационного научно-ис-

следовательского института», выступал с докладами в Обществе для изучения общественных наук им. А. И. Чупрова («О намечающемся новом направлении в развитии экономической науки» и «О нормативных изысканиях» (1919), «Об измерении издержек производства в трудовых эквивалентах» (1922)), в Русском евгеническом обществе при Институте экспериментальной биологии («Современное освещение проблемы населенности» и «Опыт посемейного демографического исследования» (1921)), в Институте сельского хозяйства, экономики и политики («О нормативных изысканиях» (1921)).

Несмотря на колоссальную загруженность практической и научной работой, Лев Иосифович согласился начать преподавание в Белорусском государственном университете. С 1 января 1923 г. он был зачислен в штат профессорско-преподавательского состава БГУ. Его появление в университете было долгожданным, поскольку, согласно итоговому отчету о первом учебном году (1921/22), должность преподавателя по дисциплине «Теория статистики» на всех отделениях факультета общественных наук была вакантной.

Предметная комиссия по экономическим дисциплинам университета 10 марта 1923 г. в протоколе заседания отметила: «...принимая во внимание отзывы о печатных трудах Лубны-Герцька равно и то, что занимает кафедру статистики в некоторых высших учебных заведениях Москвы, признать его кандидатуру на должность профессора статистики желательной». Постановлением Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР 27 апреля 1923 г. Лев Иосифович был утвержден в должности профессора ФОНа БГУ по кафедре статистики. На экономическом и правовом отделениях он начал читать лекции и вести семинарии по курсу «Статистика».

Практически сразу по приезде в Минск Л. И. Лубны-Герцьк подготовил

«Записку о преподавании статистики в Белорусском государственном университете», в которой обозначил свои пожелания и требования к методике проведения занятий со студентами. Он отмечал: «Преподавание ведется как в лекционной форме, так и в форме семинарских занятий. Лекционная форма неизбежна в виду значительной сложности статистического метода в современной его разработке. Необходимо разъяснять аудитории теоремы и формулы математической статистики, их вывод и практическое приложение, а также приемы статистической практики. Семинарская работа включает как собирание и разработку сырого материала, так и доклады на заданные темы по вопросам теоретической статистики и анализу опубликованных статистических материалов, с последующим обсуждением этих докладов. <...> В семинарии повышен-

Л. И. Лубны-Герцьк
с отцом Иосифом Антоновичем,
супругой Елизаветой Александровной
и сыном Александром. 1920-е гг.

Лев Иосифович Лубны-Герцьк

ного типа для подготовленных студентов ведутся исследования на более углубленные темы, как-то статистической методологии, так и по сырым и опубликованным статистическим материалам».

В деканат ФОНа профессор также направил свою развернутую программу по курсу общей статистики, текст которой хранится в Национальном архиве Республики Беларусь. Она включала в себя разделы, посвященные истории статистики, теории вероятностей, методам и методологии исследования, источникам погрешностей статистического наблюдения, подготовке и анализу статистических таблиц, понятию статистического ряда, установлению «причинозависимостей» и т. д. Весной 1923 г. в порядке семинарских работ по статистике Л. И. Лубны-Герцык со студентами организовал обследование хозяйств БССР, имеющих огороды, поскольку, по его мнению, «знакомство студентов с сырым материалом» являлось целесообразным и полезным занятием по данному курсу.

Уже на первых порах преподавания в БГУ Лев Иосифович столкнулся с целым рядом проблем. Во-первых, его приход в университет пришелся на середину учебного 1922/23 года, что не позволяло вычитать весь курс к началу экзаменационной сессии. Во-вторых, студенты испытывали дефицит с учебной литературой по курсу статистики, и, в-третьих, в заявлении от 21 мая 1923 г. в деканат ФОНа профессор указал на то, что он не в состоянии качественно принять экзамен по статистике вследствие большого количества (более 600) экзаменуемых студентов. Исправить сложившуюся ситуацию, по мнению Льва Иосифовича, могло приглашение ассистента по статистике, «хотя бы временно на осенний экзаменационный период». Деканат факультета в лице его руководителя профессора С. З. Каценбогена с пониманием отнесся к данной просьбе. Будучи хорошо осведомленным о суммарной недельной нагрузке коллеги, Соломон Захарович

стал искать кандидатуру на должность ассистента по кафедре статистики. Вскоре эта вакансия была закрыта бывшим руководителем Гомельского губернского статистического бюро. Им был Андрей Михайлович Арцимович, который после утверждения Главпрофобром 8 сентября 1923 г. был зачислен на кафедру статистики в должности преподавателя. А впоследствии стал профессором БГУ.

Несмотря на довольно затратный по времени и силам первый учебный год, в БГУ Лев Иосифович успевал еще читать курс общей статистики и вести по нему практические занятия в Московском Пречистенском практическом институте, в 1-м Московском государственном институте – по политической экономии для подготовленных студентов. В научном плане также не снижал набранной ранее интенсивности: в 1923 г. опубликовал работу «Что такое перенаселение», сдал в печать ряд объемных научных статей, выступил на Всероссийском статистическом съезде с докладом «О выражении издержек производства в трудовых эквивалентах», в Госколоните – «О перенаселении» и «Трудоемкость земледелия по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.», в Русском евгеническом обществе – «Перенаселение и евгеника».

В сентябре 1923 г. Лев Иосифович проинформировал деканат ФОНа БГУ о том, что приехать в Минск для чтения лекций может только в определенные сроки. Как свидетельствуют архивные документы, руководство университета всегда старалось идти навстречу пожеланиям профессора. Так, интерес представляет записка на его имя следующего содержания: «Деканат ФОНа условно поставил Вашу лекцию на среду 3 октября [1923 г.] от 6 [часов] 50 [минут] до 8 [часов] 20 [минут] имея в виду, что может быть Вы захотите не потерять дня. О Вашем желании благоволите сообщить...» Можно предположить, что речь шла не о вечернем, а об утреннем времени начала

лекций, что указывает, с одной стороны, на уважительное отношение руководства факультета к лектору, а с другой – на ограниченные возможности его пребывания в Минске. (Об отношении студентов к таким ранним лекциям сведений обнаружить не удалось.)

В указанном учебном году Лев Иосифович продолжил читать курс лекций по общей статистике, вел просеминарий по статистике для студентов 1-го курса, семинарии по этому же предмету для подготовленных студентов. Кроме этого, успевал читать на Смоленских губернских статистических курсах «Основы сельскохозяйственной статистики». В годовом отчете он писал: «В частности, предметом семинарских тем послужила сводка и научная обработка добытых путем семинарских занятий в 1922/1923 учебном году материалов по огородничеству Белоруссии и выборки из сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Весной 1924 г. организовано посемейное демографическое обследование в пределах Белоруссии». 17 октября 1923 г. на заседании предметной комиссии по экономическим дисциплинам Лев Иосифович анонсировал также ряд тем по теории статистики на семинарские занятия: «Движение цен, импорт продовольствия в Америку и Англию, разработка формуляра бюджетных исследований и т. п. Кроме этого предполагается выпустить анкету по выявлению морального облика современной молодежи и в частности, студенчества».

Льва Иосифовича по праву можно считать основоположником в Беларуси не только статистики, но и демографии. В 1923 г. в Научном обществе при БГУ он выступил с докладом «О понятии перенаселения», а на втором курсе экономического отделения с того же года стал читать факультативный курс «Учение о народонаселении». Представление об этом курсе можно получить из подготовленной им программы, которая отразила высокую научную и методическую со-

стоятельность профессора БГУ. Сегодня эта программа демонстрирует скрупулезность, с которой подходили к своему делу большинство первых белорусских интеллектуалов.

В рамках курса студентам предлагалось изучить следующие разделы:

«1. Понятие о предмете учения о народонаселении и его место среди экономических дисциплин. Основное хозяйственное отношение численности населения к запросу природных благ. Зависимость между формами народного хозяйства и плотностью населения.

2. Движение народонаселения в истории. Проблема продолжительности существования человеческого рода. Гипотезы о развитии населенности в доисторические эпохи. Численность населения, предопределяемого формами первобытного хозяйства.

3. Численность населения и его движение в древности. Источники сведений о населенности в древности: данные источников исчисления военнообязанного населения. Переписи. Сведения о населенности древнего Египта, Сирии и других восточных стран.

4. Численность и движение народонаселения древних Греции и Рима. Проблема соотношения численности свободного населения и рабов. Факторы, препятствовавшие развитию населения в древности. Уменьшение населения в эпохи падения Греции и Рима. Политика населенности в древности.

5. Численность и движение народонаселения в Средние века. Источники сведений: переписи, списки податного населения, церковные записи. Численность и движение населения отдельных стран Западной Европы в Средневековье. Соотношение численности сельского и городского населения. Число и населенность средневековых городов. Факторы, определявшие численность и движение населения в Средние века: влияние войн, голодовки, эпидемии. Периоды стационарности и падения численности насе-

АНШЕСІПАП
ПРОФЕССОРА

№ 014537 *

Решением
Сессии 1923 г.
№ 1 (протокол № 17)
Гражданин
Алексей Григорьевич Меньшиков
УТВЕРЖДЕН В УЧЕНОМ ЗВАНИИ
ПРОФЕССОРА
по кафедре
экономической географии

Кафедра Экономической Географии
Иркутского
Университета

Профессора Григория Александровича
Меньшикова
А. Меньшиков

Почему Вас считают работником
наиболее производительным профессором, участником
работы в области развития географической
педагогической и в области семинарских
работ по географии. Почему утверждение
и звание географа областного уровня
слишком оправдалось.

1923 г.

НАУЧНЫЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ВОЗРАСТА
СТАЛА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ЦЕНТРА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИМЕНИ Л. Д. ЛЕНИНА-ТЕПЛИЦА

ЧТО ТАКОЕ
ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ

А. Меньшиков

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС
или
ПРОБЛЕМА НАСЕЛЕННОСТИ.

МОСКВА
1922

А. Н. ЛУБАНОВСКИЙ

ДВИЖЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ СССР
ЗА ВРЕМЯ НЕКОТОРЫХ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

ления в Средние века. Политика народонаселения в Средние века.

6. Движение населения в Новое время. Источники сведений. Эмиграция в колониальные страны и их заселение. Ускорение прироста населения в Новое время и причины этого явления. Факторы, ускорявшие и тормозившие прирост населения в отдельных странах в Новое время. Дифференциация стран на промышленные и земледельческие. Рост городов в XIX веке и определявшие его причины. Изменения в соотношении численности отдельных классов населения. Развитие населенности России. Политика населенности в Новое время.

7. Современная численность населения различных стран мира. Методы исчисления: переписи, текущая регистрация. Зависимость плотности населения стран от системы народного хозяйства и обратная зависимость. Соображение численности различных классов населения. Распределение населения по профессиям, по полу и по возрастным группам.

8. Движение населения в настоящее время. Брачность, рождаемость, смертность и прирост городского и сельского населения в различных странах. Наблюдаемые зависимости этих явлений от классового и профессионального положения, культурного уровня и иных факторов. Уменьшение рождаемости в последнее десятилетие.

9. Эмиграция и иммиграция в различные страны. Эмиграция в город и обратное движение населения из городов. Передвижение населения внутри отдельных стран. Причины, обуславливающие движение населения в современности.

10. Теории народонаселения в изложении древних авторов. Проблема населенности в эпоху реформации у меркантилистов. Воззрения писателей 17-го и 18-го веков. Предшественники Мальтуса.

11. Учение Мальтуса. Его «Опыт о законе народонаселения». Последователи Мальтуса в теории и практике. Неомальтузианство. Критика учения Мальтуса.

Возражения оптимистов. Оценка учения Мальтуса социалистами.

12. Проблема населенности в организационно-хозяйственной науке. Понятие нормальной населенности. Методологические предпосылки, обуславливающие действительность постановки этой проблемы. Нормальная плотность земледельческого населения. Зависимость от систем сельского хозяйства и природных условий. Вопрос о нормальной сельскохозяйственной продукции.

13. Видимые запасы природных благ, составляющие объект добывающей промышленности. Количество рабочих сил, потребное для их рациональной разработки. Количество сырых продуктов, которые можно получить при рациональной разработке природных богатств.

14. Нормальные размеры различных видов обрабатывающей промышленности, определяемые возможным количеством сырых материалов и количеством рабочих, потребных при совершенной их организации.

15. Учет нормальных потребностей людей и количество благ, необходимых для их удовлетворения. Нормальная численность населения, определяемая запасами предметов потребления при рациональной организации народного хозяйства».

Известно, что Л. И. Лубны-Герцык должен был консультировать в качестве научного руководителя дипломные работы студентов. Почти сразу на одном из заседаний экономической предметной комиссии за ним был закреплен студент Л. Л. Тот с темой работы «Характер и логический смысл статистических величин». Тогда Лев Иосифович не предполагал, что это будет его первый и последний студент-выпускник БГУ.

6 августа 1924 г. на страницах газеты «Звезда» появилась заметка «Ликвидация ФОНа БГУ». В ней отмечалось, что «постановлением коллегии Наркомпроса [от 5 августа] ликвидируется факультет общественных наук Белгосуниверси-

тета. Студентам 3-го курса, заканчивающим курс факультета к 1-му января 1925 года, будет представлена возможность его окончить. Часть студентов 2-го и 3-го курсов будет переброшена на общественно-экономический цикл педфака (120 человек на обоих курсах). Остальными студентами будут укомплектованы техникумы. Срок перевода в техникумы установлен до 1-го января 1925 года». Реорганизация затронула не только студентов, но и профессорско-преподавательский состав факультета. За подписью С. З. Каценбогена в Правление университета была направлена докладная записка, в которой отмечалось следующее: «В виду ликвидации ФОНа Деканат обращается с просьбой выяснить срок окончания службы профессоров, преподавателей и научных сотрудников ФОНа, не имеющих занятий на 2-х старших курсах. Со своей стороны Деканат полагает, что этим сроком должно быть 1-е октября. При этом должен быть выяснен вопрос, относится ли положение о выплате дополнительного месячного вознаграждения, в качестве ликвидационного, также к научным работникам ВУЗов, приглашаемым на год, и в частности, должно ли быть распространено это положение также и на профессоров, приехавших в Минск на определенные сроки».

В числе тех, кто по новому учебному плану должен был прекратить чтение лекций, оказался и профессор Л. И. Лубны-Герццк. На его имя было направлено соответствующее письмо, в котором указывалось: «Правление Университета глубоко сожалеет, что, вследствие этого постановления, Университет лишается в Вашем лице одного из своих ценнейших сотрудников».

Правление Университета приносит Вам свою искреннюю благодарность за Вашу глубоко полезную деятельность в деле насаждения высшего образования в лишенной его, до самых последних лет, Белоруссии». Аналогичные письма полу-

чили профессора-правоведы А. В. Горбунов и В. В. Чредин. На заседании Правления БГУ 9 сентября 1924 г. было принято решение выплатить им содержание по 1 октября данного года и, как отмечалось в документе, «тем считать расчет с ними окончательно поконченным».

На белорусском периоде педагогической работы Льва Иосифовича была поставлена точка. Однако, несмотря на непродолжительный срок его деятельности, им были посеяны зерна статистической и демографической науки в БГУ, которые после него бережно взращивались ассистентом, а потом профессором А. М. Арцимовичем.

20 февраля 1925 г. состоялся первый выпуск студентов БГУ. Университет выпустил молодых специалистов – 34 экономиста и 26 юристов. На торжественном заседании помимо выступления руководства было зачитано присланное из Москвы поздравление Л. И. Лубны-Герццка. В нем, обращаясь к молодым специалистам, профессор писал: «Поздравляю Университет с достижением ближайшего этапа ответственного и славного пути; оканчивающих студентов – с выходом на широкую арену необходимого стране труда. Жалею, что условия жизни помешали мне присутствовать на торжестве и лично выразить чувства искренней преданности Белорусскому Университету».

О белорусской университетской странице в своей трудовой деятельности Лев Иосифович вспомнил еще в конце 1930-х гг., когда по невыясненным причинам обратился к В. И. Пичете с просьбой подготовить отзыв о его работе в БГУ. В своем отзыве Владимир Иванович отметил следующее: «В бытность мою ректором Белорусского государственного университета Правление университета избрало Льва Иосифовича Лубны-Герццк профессором по кафедре статистики на факультете Общественных наук. <...> Правление университета и Деканат факультета подробно были осведомлены о преподавательской деятельности

Л. И. Лубны-Герцык и полагали, что в его лице Факультет общественных наук приобрел прекрасного преподавателя и высококвалифицированного специалиста.

Считаю себя обязанным отметить чуткое и внимательное отношение проф. Лубны-Герцык к студентам Белорусского государственного университета. Правление университета с сожалением вынуждено было освободить проф. Лубны-Герцык от должности профессора в Белорусском государственном университете, так как статистика не преподавалась на историко-педагогическом отделении Университета...»

Официально педагогическую деятельность Лев Иосифович завершил в 1928 г., когда покинул Московский государственный университет. Всю оставшуюся жизнь он посвятил научно-исследовательской работе. В мае 1925 г. закончил рукопись книги «Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции», целью которой была попытка отметить общие тенденции движения населения СССР в период величайших политических и социальных потрясений первых десятилетий XX в. Географические рамки исследования включали в себя в том числе и территорию Витебской, Могилевской и Минской губерний. Итогом вычислений и анализа демографических процессов стал вывод о том, что за время мировой войны и революций численность населения не сократилась, а, наоборот, возросла более чем на 4 млн человек.

1930-е годы были для Льва Иосифовича временем постоянной смены мест трудоустройства. В январе 1931 г. он по собственному желанию ушел из Центрального статистического управления СССР и перешел на должность старшего экономиста Треста дорожного машиностроения. С июля 1932 по март 1933 г. работал старшим научным сотрудником и заведующим сектором Всесоюзного научно-исследовательского института строительного производства, а в 1933–

Л. И. Лубны-Герцык с женой и сыном.
1930-е гг.

1934 гг. – старшим консультантом Всесоюзного управления водохозяйственного строительства. В июле 1934 г. Лев Иосифович устроился профессором-консультантом в Научно-исследовательский институт экономики Московской области, где проработал до 1941 г., когда вышел на пенсию.

Можно предположить, что частично это могло быть вызвано нарастающим критическим прессингом в печати того времени в сторону идей и взглядов Л. И. Лубны-Герцыка. В 1931 г. известный советский ученый-демограф, специалист в области социальной гигиены, санитарной статистики и демографии, ортодоксальный марксист-ленинец Б. Я. Смулевич на страницах журнала «Вестник коммунистической академии» обвинил Льва Иосифовича в симпатии к буржуазным теориям населения. В статье «Буржуазные влияния в планировании сельскохозяйственного труда» другой автор называл идеи Лубны-Герцыка по проблемам планирования сельского труда «откровенными планами капиталистической реконструкции сельского хозяйства». Автор статьи называл «жуткой статистикой маститого профессора»

расчеты Льва Иосифовича, согласно которым при условии техники частновладельческого хозяйства и улучшенной зерновой системе на территории 36 губерний Европейской России можно было бы образовать 3 300 000 сильных крестьянских трудовых хозяйств вместо менее эффективных 12 150 245 сельскохозяйственных предприятий всех типов.

В 1936 г. тот же Смулевич назвал Л. И. Лубны-Герцыка вредителем и оппортунистом, а его труды – антимарксистской литературой. Подобного рода выпады не могли быть безрезультатными. Не исключено, что именно под их влиянием Лев Иосифович написал записку о прекращении своей научной работы по вопросам народонаселения: «Сегодня я понял, что заблуждался, думая, что своей работой по вопросам населения я мог бы принести пользу партии и правительству, а потому даю слово, что с сегодняшнего дня я не буду более ни работать на эту тему, ни думать о ней, ни говорить о ней. Я хотел бы впредь проводить какую-либо научную работу, которая была бы мне по силам и которая дала бы мне сознание, что я приношу посильную пользу, выполняя ее хотя бы безвозмездно». Со второй половины 1930-х гг., судя по описи его личного фонда в Архиве РАН, Лев Иосифович все больше стал писать в ящик своего письменного стола.

В начале Великой Отечественной войны Л. И. Лубны-Герцык вместе с женой эвакуировался в Молотов (современная Пермь) к сыну, который работал инженером-исследователем на военном заводе им. Сталина. В эвакуации ученый приступил к написанию работы «Проблемы олигантропии», над которой продолжал работать и в послевоенное время. В 1944 г. он вернулся в Москву. О послевоенных годах жизни и деятельности Льва Иосифовича практически ничего не известно. 28 февраля 1965 г. в возрасте 85 лет он умер. После смерти мужа Елизавета Александровна в январе 1966 г. передала в Архив Российской академии наук научные труды Льва Иосифовича, часть из которых так и остались незавершенными и неопубликованными (монографии «Социализм и проблемы населенности», «Проблемы олигантропии», «Китай»), а также материалы биографического характера.

Для Белорусского государственного университета талантливый ученый навсегда останется первым, кто стал разрабатывать сложные вопросы статистики, а для Республики Беларусь – еще одним примером гордости и уважения к нашей истории и земле, сопричастных с известным родом Лубны-Герцыков.

Андрей Николаевич Максимчик

**Организатор и реформатор
высшего медицинского
образования в Беларуси**

**Профессор, декан
медицинского факультета БГУ,
член-корреспондент
Академии наук БССР**

**Сергей Михеевич
МЕЛКИХ**

02.06.1877 – 07.07.1952

Сергей Михеевич Мелких – выдающийся ученый, талантливый медик-клиницист, сторонник инновационных подходов в обучении, активный общественный деятель. Он стоял у истоков создания в Беларуси высшей школы профессиональной подготовки специалистов по внутренним болезням, являлся организатором и первым руководителем Республиканского научного общества терапевтов.

Во время работы в Белорусском государственном университете Сергеем Михеевичем были внедрены новейшие методы исследования и лечения больных, что позволило осуществить прорыв в борьбе с болезнями легких, почек, сердца и сосудов. Профессор С. М. Мелких одним из первых применил пневмоторакс при лечении туберкулеза легких, организовал люминесцентную лабораторию для ранней диагностики рака, инициировал создание первого в Беларуси гематологического отделения. В 1940 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук БССР. Достижения ученого-медика отмечены и иными высокими званиями и должностями: заслуженный деятель науки БССР (1938), депутат Верховного Совета БССР (1938–1952) и Минского городского совета (1934–1938). Ученый удостоен: ордена Ленина, ордена Трудового Красного Знамени, медалей и почетных грамот Верховного Совета БССР.

Являясь талантливым клиницистом и высококвалифицированным педагогом, Сергей Михеевич обладал качествами подлинного врача-гуманиста. Он всегда с уважением относился к коллегам, персоналу клиники и студентам, своим примером прививал им лучшие качества врача.

Сергей Михеевич Мелких родился 2 июня 1877 г. в Москве в семье чиновника. Среднее образование получил в 1-й московской гимназии, после окончания которой в 1895 г. поступил на медицинский факультет Императорского Московского университета. Во время обучения в старейшем классическом университете империи студент постигал основы медицинской науки у светил российского здравоохранения: на лекциях ректора Д. И. Зернова (известный анатом и крупный специалист в области бальзамирования), профессоров А. Я. Коженикова (один из основоположников научной школы невропатологии и один из учредителей Пироговского общества врачей), С. С. Корсакова (один из родоначальников московской научной школы психиатрии), В. Ф. Снегирева (один из инициаторов выделения гинекологии в качестве самостоятельной научной дисциплины), Н. Ф. Филатова (основатель русской педиатрической школы) и др. Однако особое влияние на формирование профессиональных навыков молодого медика оказал профессор Алексей Александрович Остроумов – выдающийся российский терапевт, основатель крупной клинической школы и заведующий госпитальной терапевтической клиникой Московского университета.

С. М. Мелких с сотрудниками клиники профессора Э. В. Готье-Дюфайе. Москва. Начало XX в.

По воспоминаниям слушателей, лекции А. А. Остроумова при высоком научном уровне отличались крайней простотой и ясностью изложения и поэтому пользовались популярностью как у студентов, так и у практикующих врачей. Вероятно, именно педагогический талант этого ученого смог пробудить у его ученика – будущего светила белорусского здравоохранения – интерес к терапевтической медицине.

В 1900 г. С. М. Мелких окончил университетский медфак со званием лекаря с отличием (диплом первой степени) и был принят на должность сверхштатного ординатора в факультетскую госпитальную терапевтическую клинику. После ухода профессора А. А. Остроумова из Московского университета в конце 1900 г. клинику возглавил известный врач, автор одного из первых российских «Справочников терапевта» Эдуард Владимирович Готье-Дюфайе, который также внес вклад в становление С. М. Мелких как профессионала в области терапевтического лечения.

Сергей Михеевич, будучи серьезным и вдумчивым врачом, вскоре обратил на себя внимание коллектива и руководителя клиники. Уже в 1901 г. он был назначен ее штатным ординатором и проработал на этой должности до окончания ординатуры в 1904 г. Во время обучения в ординатуре С. М. Мелких придавал большое значение не только лечению больных, но и научно-исследовательской работе. В 1902 г. в еженедельной медицинской газете «Практический врач» был опубликован его первый труд – «Диагностика хронических панкреатитов», а в 1903 г. «Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии» напечатал статью молодого ученого-медика «Клиническое значение криоскопии мочи».

После окончания ординатуры С. М. Мелких продолжил работу в клинике Э. В. Готье-Дюфайе в качестве сверхштатного ассистента, при этом оставаясь ординатором в стационаре московской лечебницы доктора К. Ф. Барановича

до 1910 г. Дальнейшая профессиональная деятельность Сергея Михеевича была связана с продвижением по карьерной лестнице его учителя. В 1910 г. Э. В. Готье-Дюфайе был назначен на должность профессора факультетской терапевтической клиники Московских Высших женских курсов, которую в 1911 г. перевели в здание, специально построенное по инициативе и при активном содействии новоиспеченного профессора. Новый корпус клиники был оснащен учебной лабораторией и лекционной аудиторией. Приняв приглашение своего учителя стать ассистентом клиники, Сергей Михеевич проработал в ней вплоть до начала Первой мировой войны. Последней опубликованной в дореволюционной России работой С. М. Мелких стала вышедшая в 1914 г. в «Медицинском обозрении» статья под названием «О вдувании плевретических экссудатов», которая легла в основу его будущих исследований.

Период жизни медика в предвоенные годы отмечен и формированием общественно-политических взглядов. Так, накануне Первой русской революции Сергей Михеевич примкнул к деятелям либерального движения Москвы, а в 1905 г. вступил в ряды Конституционно-демократической партии, членом которой (т. е. кадетом) являлся вплоть до 1917 г. При этом, поддерживая партийные установки, активного участия в революционных событиях ни в 1905–1907 гг., ни в 1917 г. не принимал. Вместе с тем после распространения большевистского декрета от 11 декабря 1917 г. и запрещения деятельности партии кадетов в России С. М. Мелких свою политическую позицию кардинально не изменил и в последующие годы членом ВКП(б) так и не стал.

С началом Первой мировой войны и объявлением всеобщей мобилизации С. М. Мелких был призван в армию. На фронте Сергей Михеевич продолжал оказывать медицинскую помощь населению. В первые месяцы военного ли-

холетья он проходил службу в Седльце (ныне – г. Седльце в Польше) в качестве младшего врача 318-го Полевого запасного госпиталя. Учитывая опыт врачебной деятельности, начальник лечебного учреждения доверил ему заведование холерным и дизентерийным баракком, а также организацию при нем лаборатории. Условия работы с инфекционными больными были ужасающими, и, несмотря на все предостережения, Сергей Михеевич не смог избежать заражения. Летом 1915 г. у него диагностировали септическую форму дизентерии, вследствие чего он был эвакуирован в Москву. С 1916 г. С. М. Мелких занимался лечением больных и раненых в качестве младшего ординатора 3-го эвакуационного госпиталя Москвы, где до этого на протяжении восьми месяцев он проходил лечение от дизентерии и дальнейшую реабилитацию после болезни.

В феврале 1918 г. Сергей Михеевич в качестве старшего ассистента вернулся на работу в факультетскую терапевтическую клинику Московских Высших женских курсов, которые к тому времени были преобразованы во 2-й Московский государственный университет. Постепенно шло продвижение по карьерной лестнице. В 1922 г. врачу было присвоено звание доцента 2-го Московского госу-

2-й Московский государственный университет. 1920-е гг.

Сергей Михеевич Мелких

Доходный дом Л. Униховского, впоследствии I Дом Советов, в котором проживал с семьей профессор С. М. Мелких (современная ул. Советская, 19)

дарственного университета. Возможно, он и дальше мог бы делать себе карьеру здесь или в выделившемся из университета в 1930 г. 2-м Московском государственном медицинском институте. Однако судьба свела его с ректором Белорусского государственного университета В. И. Пичетой, который в это время подбирал штат ученых для налаживания образовательного и научного процесса в БГУ.

Безусловно, в то время Минск на фоне Москвы выглядел более чем просто, провинциальным городом. Однако личные качества Владимира Ивановича и его умение убеждать помогли привлечь в университет многих профессионалов своего дела. С. М. Мелких вспоминал: «...встреча в Москве с ректором БГУ В. И. Пичетой, его светлый взгляд на будущее БГУ быстро убедили меня в том, что надо ехать именно в Минск. Я ваш, Владимир Иванович, сказал я ему на прощанье...» И Сергей Михеевич сдержал данное первому ректору БГУ обещание.

26 апреля 1922 г. на заседании деканата медицинского факультета БГУ было рассмотрено заявление С. М. Мелких о возможности замещения им должности заведующего кафедрой факультетской терапии. Необходимость обучения терапевтическому делу студентов 2-го и 3-го курсов медфака БГУ в 1922/23 учебном году совпала с намерением Сергея Михеевича. На заседании деканата 28 июня 1922 г. решался вопрос о возможности ускорить приезд С. М. Мелких в Минск. Для этого были выделены соответствующие денежные средства.

После прибытия в столицу БССР в 1922 г. по инициативе Сергея Михеевича была налажена работа по осмотру городских больниц в целях приспособления их под лечебные учреждения, при которых могла бы вестись учебная работа. В качестве базы для деятельности терапевтической клиники он выбрал бывшую Еврейскую больницу, которая размещалась на улице Губернаторской. Накануне Первой мировой войны по местным меркам это было достаточно большое лечебное учреждение: основное отделение вмещало 85 человек. При больнице функционировали богадельня, инфекционное отделение, павильон для зараженных оспой и психиатрическое отделение, а также были оборудованы рентгеновский кабинет и дезинфекционная камера. После Октябрьской революции лечебное учреждение переименовали в Минскую губернскую Советскую больницу, а в 1922 г. – в Первую Советскую больницу (ныне – 3-я городская клиническая больница им. Е. В. Клумова). Она стала базой по подготовке врачей медицинского факультета БГУ в 1920-е гг. В ее здании 22 ноября 1922 г. и была открыта Первая пропедевтическая терапевтическая клиника, одним из основателей которой и ее несменным заведующим на протяжении практически 30 лет являлся С. М. Мелких. Это событие стало началом становления в Беларуси пропедевтической терапии и профессиональной под-

С. М. Мелких (сидит во втором ряду шестой слева) среди делегатов Всебелорусского съезда работников Медсантруда. 1923 г.

готовки специалистов для этой отрасли медицины.

Огромное значение в процессе подготовки врачей-терапевтов имели профессиональные и личностные качества Сергея Михеевича. Неизгладимы в памяти многих поколений врачей были его методики учебной и воспитательной работы. На медицинском факультете БГУ он успешно внедрял и совершенствовал передовые для того времени наработки своих учителей – А. А. Остроумова и Э. В. Готье-Дюфайе. Все свои знания и богатый опыт клинициста Сергей Михеевич охотно отдавал ученикам, старательно развивал у них мышление клинициста и умение правильно понимать заболевание, его течение и исход. Основным же в лечении больных профессор считал создание наиболее благоприятных для них условий жизни. Он учил своих студентов чутко относиться к пациенту и его родным, умело и терпеливо вести расспрос, собирая анамнез. Сам заведующий клиникой никогда не торопил больного, внимательно выслушивал его жалобы, тщательно изучал причины возникновения болезни, придавая значение

методам функциональной диагностики. Используя большое количество примеров из собственной врачебной деятельности, учил будущего врача индивидуально подходить к каждому больному, посвящать его в течение и исход болезни, чтобы пациент мог стать помощником.

В лекциях, которые читал профессор С. М. Мелких в клинике при медицинском факультете БГУ, проявлялись высокая эрудиция педагога, талант лектора и мастерство клинициста. Сергей Михеевич не просто освещал программные вопросы, но и пробуждал интерес у слушателей к терапии и народному здравоохранению.

Человеческие и профессиональные качества способствовали карьерному росту Сергея Михеевича. В начале 1923 г. его избрали деканом медицинского факультета БГУ – он сменил на этом посту известного хирурга профессора М. П. Соколовского. Перед новым деканом стояли важнейшие задачи по дальнейшей организации образовательного процесса, внедрению инновационных учебных дисциплин, открытию новых направлений в обучении, подбору про-

фессорско-преподавательского состава. За время пребывания Сергея Михеевича на посту декана кадровый потенциал медицинского факультета БГУ был значительно укреплен видными учеными, приглашенными в основном из соседних советских республик. Так, осенью 1923 г. для чтения лекций по бактериологии из Киева пригласили Бориса Яковлевича Эльберта, ставшего основоположником белорусской микробиологической науки. В том же году по кафедре патологической анатомии вести занятия приехал доктор медицины приват-доцент кафедры патологической анатомии Киевского университета Иван Трофимович Титов. Для заведования 1-й хирургической клиникой медицинского факультета БГУ и профессором по кафедре общей хирургии из Ленинграда прибыл Савелий Миронович Рубашев, который впоследствии стал первым руководителем Республиканского научного общества хирургов. В 1923 г. при активном участии С. М. Мелких велись переговоры о возможности приглашения известного специалиста в области пищевой гигиены Михаила Михайловича Экземплярского на кафедру экспериментальной гигиены (приезд состоялся несколько позднее).

В 1924 г. Сергея Михеевича в должности декана медицинского факультета БГУ сменил стоявший у истоков создания Белорусского государственного универси-

тета Михаил Борисович Кроль. Покинув административный пост, С. М. Мелких сосредоточил все свои усилия на деятельности в образовательной и научной сферах, на внедрении новейших методов исследования и лечения больных. В 1-й Советской больнице он организовал клиническую, а позже – люминесцентную лабораторию. В этом же лечебном учреждении по его инициативе открыли первое в БССР гематологическое отделение, ставшее впоследствии основой для создания института переливания крови. В отделении первоначально в 1920-е гг. проводились обследование и лечение людей с заболеваниями органов кроветворения. Под руководством профессора работавшая в терапевтической клинике ассистентом Роза Евелевна Гинзбург собрала и обобщила богатый материал по гематологии, результатом чего стал выход в 1927 и 1929 гг. двух изданий «Практического руководства по клинической гематологии», научным редактором которого выступил С. М. Мелких.

В целях совершенствования работы клиники Сергей Михеевич неустанно следил за издававшимися научными трудами по медицине, тем самым расширяя свои познания и привнося новое в обучение будущих терапевтов. Этому во многом способствовало его уверенное владение английским, немецким и французским языками. Он всегда был в курсе новейших достижений не только в советской, но и в западноевропейской медицинской науке, с деталями которых постоянно знакомил своих учеников и коллег по факультету. Владение в совершенстве немецким языком и стремление познакомить коллег с опытом лечения заболеваний почек дали в 1923 г. импульс для работы над переводом на русский язык коллективного труда выдающихся немецких ученых-медиков Теодора Фара и Франца Фольгарда «Die Brightsche Nierenkrankheit: Klinik, Pathologie und Atlas» (в переводе С. М. Мелких – «Брайтова болезнь

Обложки научных трудов
С. М. Мелких 1920-х гг.

С. М. Мелких (в центре) с преподавателями
и студентами медицинского факультета БГУ. 1927 г.

почек»). Благодаря его усилиям и кропотливой работе русскоговорящие врачи и студенты получили совершенное для того времени пособие по учению о брайтовой болезни.

Своей научной и врачебной деятельностью Сергей Михеевич внес весомый вклад в развитие советской медицинской науки. Совместно с коллективом клиники медицинского факультета БГУ, а затем и Белорусского медицинского института профессор С. М. Мелких занимался изучением диагностики, лечения и профилактики злокачественной анемии, малярии, лейкозов и многих других заболеваний. Однако ведущее место занимало исследование проблем болезней органов дыхания. По его инициативе в БССР велась огромная работа по борьбе с туберкулезом. Используя результаты собственных исследований, полученных накануне Первой мировой войны, Сергей Михеевич предложил способ лечения начальных форм легочного туберкулеза вдвухванием небольших доз воздуха в плевральную полость для аэрации легкого. С методикой и положительными резуль-

татами такого лечения ученый ознакомил своих коллег, выступив с докладами на III Всесоюзном съезде по борьбе с туберкулезом в Харькове (1924) и III Всесоюзном съезде терапевтов в Ленинграде (1926). Профессором С. М. Мелких были разработаны показания к наложению модифицированного им же искусственного пневмоторакса – активного на то время метода лечения легочного туберкулеза. Было проведено исследование о применении препаратов золота при лечении этой болезни. Полученные результаты Сергей Михеевич обобщил в 1930 г. в совместном с С. И. Мазель труде «Учение о санокризине и опыт применения его в клинике туберкулеза».

В центре внимания профессора находились не только лечение и профилактика туберкулеза, но и сердечно-сосудистая патология. Под его руководством ассистентом клиники внутренних болезней медицинского факультета БГУ Л. Я. Ситерманом были проведены исследования по проблемам расстройства ритма сердца и инфаркта миокарда, которые составили основу будущей докторской диссертации

Лазаря Яковлевича. В начале 1930-х гг. по инициативе С. М. Мелких в республике началось изучение кишечной палочки как этиологического фактора в возникновении «брюшного синдрома». Результаты этих исследований были опубликованы в 1938 г. в «Медицинском журнале БССР» под заглавием «Кишечный сепсис (колибациллез)».

Сергей Михеевич активно участвовал и в общественной жизни Беларуси. Он входил в состав бригады профессоров медицинского института по организации советских медицинских учреждений. Ему принадлежит заслуга создания в республике терапевтического общества, которым он руководил на протяжении многих лет. С. М. Мелких был консультантом поликлиник лечкомиссии Наркомздрава БССР и НКВД, а также железнодорожных больниц Минска и Гомеля. В порядке шефской помощи неоднократно выезжал в районные больницы лично или направлял сотрудников своей клиники для ведения консультативных приемов больных, санитарно-просветительской работы, оказания помощи местным медицинским работникам в решении организационных вопросов. При его непосредственном участии проходило преобразование медико-санитарного дела в западнобелорус-

ских областях после их воссоединения с БССР в 1939 г. Несмотря на высокую занятость и напряженный ритм работы, Сергей Михеевич всегда находил время посетить тяжелобольных в своей клинике и оказать им необходимую квалифицированную помощь.

Оставаясь беспартийным, ученый-медик в 1934 г. был избран депутатом Минского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, которым являлся вплоть до избрания в 1938 г. депутатом Верховного Совета БССР I созыва. Деятельность С. М. Мелких как депутата и члена Президиума Верховного Совета обширна и многогранна: часто приходилось вручать по поручению правительства высокие награды в области здравоохранения, выступать с публичными докладами, пропагандируя достижения медицинской науки БССР. На сессиях Верховного Совета он неоднократно поднимал важные вопросы, затрагивающие состояние и перспективы развития здравоохранения и медицинского образования. Так, на Пятой сессии I созыва при утверждении государственного бюджета на 1941 г. им была поддержана просьба одного из учеников (в то время – наркома здравоохранения) М. И. Коваленка о строительстве в Минске большой больницы и института переливания крови. Особое внимание С. М. Мелких обращал на подготовку кадров, повышение общей культуры и образованности белорусского народа.

Сергей Михеевич застал начало Великой Отечественной войны в Гомеле, где знакомил своих избирателей с решениями Пятой сессии Верховного Совета БССР. 25 июня 1941 г. 64-летний профессор вместе с семьей вынужден был покинуть Беларусь и уже 2 июля прибыл в Москву, где поступил в качестве начальника отделения и консультанта-терапевта на воинскую службу в Московский коммунистический военный госпиталь. Позже, выступая в марте 1942 г. на сессии АН БССР в Казани, свое искреннее

Обложки научных трудов
С. М. Мелких 1930-х гг.

стремление служить на благо Родине он объяснял следующим: «Теперь каждый из нас должен работать для фронта... Я, в частности, не нашел лучшего применения своим силам, как вступить в ряды Красной Армии... и весь свой опыт, знания и волю отдаю раненым и больным красным командирам, бойцам и политработникам. Лучше я не сумел, не смог применить свои силы. Я думаю, что и в моем преклонном возрасте я могу быть полезным нашей Родине, нашей славной Красной Армии».

Вместе с госпиталем С. М. Мелких 25 октября 1941 г. был эвакуирован в Горький, где в 1942 г. получил воинское звание военврача 1-го ранга. В июне того года Сергей Михеевич реэвакуировался вместе с госпиталем в Москву. В феврале 1943 г. ему было присвоено звание подполковника медицинской службы.

В годы Великой Отечественной войны Сергей Михеевич продолжал активно заниматься научно-педагогической деятельностью. В 1942 г. он выступил с докладами на сессиях АН БССР в Казани и Ташкенте, в которых обобщил свои наблюдения, полученные во время службы в военных госпиталях. В мае 1943 г. С. М. Мелких демобилизовали и откомандировали для научной работы в АН БССР, а в июне 1943 г. по распоряжению правительства БССР его направили в Ярославль в качестве заместителя директора по научной части для возобновления деятельности Белорусского медицинского института (БМИ), где профессор стал заведовать кафедрой госпитальной терапевтической клиники. В должности заместителя директора его сменил прибывший в 1943 г. из Новосибирска профессор Василий Антонович Леонов. Сергей Михеевич же оставался заведующим кафедрой и одновременно являлся председателем Общества врачей Ярославля.

В октябре 1944 г. БМИ был реэвакуирован в Минск. С. М. Мелких включился в работу по восстановлению на-

С. М. Мелких в Москве в начале Великой Отечественной войны. Июль 1941 г.

родного здравоохранения. В том же году его назначили временно исполняющим обязанности директора, а вскоре утвердили в должности директора Института теоретической и клинической медицины АН БССР. Сергей Михеевич руководил этим Институтом вплоть до самой смерти.

В науке в послевоенное время профессор сосредоточил усилия на разработке методов диагностики раковых за-

Профессор С. М. Мелких (второй слева в верхнем ряду) среди делегатов сессии Белорусской академии наук в г. Казань. 12–14 марта 1942 г.

Профессор С. М. Мелких и поэт Якуб Колас во дворе Республиканской больницы лечебно-санитарного управления спецназначения г. Минска. 1946 г.

болеваний на ранней стадии путем люминесцентного анализа. Этим методом была открыта новая страница в развитии советской медицины. Продолжал Сергей Михеевич свою деятельность и в общественной жизни республики. Как член Ученого совета Наркомздрава БССР, а в 1944–1946 гг. как председатель и заведующий отделом науки и подготовки медицинских кадров, затем председатель квалификационной комиссии Наркомздрава БССР он непосредственно занимался

С. М. Мелких открывает сессию Верховного Совета БССР. 1947 г.

решением актуальных проблем здравоохранения и развития медицинской науки в республике. Будучи консультантом поликлиники лечкомиссии Наркомздрава БССР, он вместе с Д. Г. Абрамовичем и М. И. Дашкевич являлся одним из лечащих врачей народного поэта Беларуси Якуба Коласа.

Несмотря на то что Сергей Михеевич смог достичь значительных высот и занимал официальные должности в здравоохранении республики, с 1947 г. являлся членом Верховного Совета БССР II созыва, он смог сохранить в себе самые главные качества врача – сострадание и гуманное отношение к людям. Это особо ярко проявилось в деле Антона Романовича Жебрака, лишённого 16 октября 1947 г. должности президента АН БССР и осуждённого на следующий день на заседании Президиума Академии за «антипатриотический поступок». Стремясь заступиться за коллегу, присутствовавший на заседании Сергей Михеевич не побоялся написать заместителю председателя Совета Министров СССР К. Е. Ворошилову письмо, в котором говорилось: «Профессор Жебрак мужественно выслушивал обвинения, признал, что совершил ряд политических ошибок, но никак не мог признать, что он, член партии с 30-летним стажем, сын белорусского народа, обязанный своими научными достижениями и ученым званием советскому народу, совершил поступок против своей Родины. Все заседание велось в резких выражениях, а под конец некоторые из выступавших перешли всякие грани резкости и нанесли такую травму профессору Жебраку, что этот мужественный человек не выдержал, разрыдался и долгое время не мог прийти в себя. После этого у него начались сжимающие боли в сердце... Обращаюсь к Вам, Климент Ефремович, как свидетель происшествия и как врач, прошу оградить в дальнейшем проф. Жебрака от душевных травм, подобных только что им перенесенной. Для советского народа,

для нашей науки чрезвычайно важно сохранить здоровье и работоспособность такого крупного ученого, как профессор Жебрак». Письмо сопровождало медицинское заключение на личном бланке С. М. Мелких, где указывалось, что по состоянию здоровья А. Р. Жебрак нуждается в покое и постельном режиме.

Сергей Михеевич в условиях развертывания новой репрессивной волны совершил поступок, продиктованный совестью. Вот только ответа на свое письмо он так и не получил. Заступничества от К. Е. Ворошилова не последовало.

Талантливым клиницистом и педагогом, обладавшим важными качествами подлинного врача-гуманиста, считали своего наставника М. М. Владысик, Р. Е. Гинзбург, М. И. Коваленок, Е. Л. Маршак, И. Е. Новаш, Л. Я. Ситерман и еще сотни подготовленных профессором БГУ врачей-терапевтов.

Отдавая всего себя работе на благо народного здравоохранения, Сергей Михеевич не всегда уделял должное внимание собственному здоровью. 26 апреля 1949 г. он перенес инсульт, приведший к потере речи и обездвижению правой части тела. К концу 1949 г. выдающийся врач, внезапно ставший пациентом, смог немного

Профессор С. М. Мелких в лаборатории терапевтической клиники Минского мединститута. 1950 г.

оправиться от болезни. Однако окончательного выздоровления не последовало.

Умер С. М. Мелких 7 июля 1952 г., похоронен на Военном кладбище в Минске. На надгробном камне написаны слова, ярко характеризующие облик выдающегося ученого-медика: «Здесь покоится доктор медицинских наук, профессор Сергей Михеевич Мелких. К больному, как к родному, он нес свое чуткое сердце».

Александр Вячеславович Бурачонок

**Основоположник
изучения и преподавания
в Беларуси астрономии**

**Профессор БГУ,
первый и единственный
в Беларуси 1920-х гг.
специалист в области астрономии**

**Арсений Алексеевич
МИХАЙЛОВСКИЙ**

15.07.1876 – 30.09.1928

Арсений Алексеевич Михайловский вошел в профессорский состав БГУ с 1923 г. в качестве уникального специалиста в столь неизведанной вообще, а тем более в Беларуси области научного познания, как астрономия. Он приехал в Минск уже сформировавшимся и опытным специалистом, ученым с широкой известностью и заложил основы изучения и преподавания сложной, но привлекательной для молодых умов области познания.

Работа ученого в университете была недолгой: внезапная смерть оборвала обширные планы Михайловского – ученого и педагога. Однако за несколько лет он смог многое сделать для того, чтобы Беларусь не оказалась на обочине современных научных тенденций, уже тогда позволявших надеяться не только на проникновение в тайны окружающего мира, но и на постижение перспектив человеческой цивилизации.

Весной 1924 г. Правление БГУ констатировало то новое, что удалось сделать за два с небольшим года напряженной работы по созданию достойного университетского научно-образовательного пространства. Одним из достижений были названы уже развернувшие свою полноценную работу на трех факультетах 15 учебных лабораторий, 7 медицинских клиник, а также 16 учебных кабинетов. Среди 11 кабинетов, созданных для обеспечения деятельности педагогического факультета, был и астрономический, единственный естественно-научного профиля, – детище Арсения Алексеевича Михайловского.

Формирование незаурядного русско-белорусского астронома происходило на берегах Волги на рубеже двух столетий. Арсений Алексеевич Михайловский родился 15 (27) июля 1876 г. в Саратове в семье протоиерея. Среднее образование получил в Казани, где в 1894 г. с золотой медалью окончил 1-ю городскую гимназию (видимо, он учился еще и в духовном заведении). И сразу поступил в местный императорский университет. На протяжении четырех лет юноша слушал лекции выдающихся физиков и математиков, обучаясь на математическом отделении физико-математического факультета. Вскоре он избрал своей специализацией астрономию. Способному студенту ничего не стоило блистательно сдать сложнейшие государственные экзамены и в 1898 г. получить диплом первой степени об окончании университета.

Трудовая биография А. А. Михайловского началась с преподавания математики, физики и космографии (в ту пору в России это был учебный предмет, который знакомил учащихся средних учебных заведений с азами астрономии, геодезии, метеорологии и т. д., и в распоряжении преподавателей имелись весьма популярные учебники) в различных средних учебных заведениях Казани. Так что ничто не мешало продолжить студенческие увлечения астрономией, тем более Арсений Алексеевич одновременно работал сверхштатным ассистентом Казанской астрономической обсерватории. Он принял участие в научных экспедициях, которые в 1899, 1900, 1902 и 1902 гг. организовала обсерватория. На Урале и Поволжье вел разноплановые астрономические наблюдения. Это позволило приобрести неоценимый практический опыт, соотнести его с теоретическими знаниями. Научные результаты, которых сумел достичь молодой ученый, были по достоинству оценены – Императорское Русское географическое общество наградило А. А. Михайловского серебряной медалью.

Потом были другие экспедиции, преумножились научные публикации. Так, в 1912 г. Арсений Алексеевич во время очередной экспедиции наблюдал кольцеобразное затмение Солнца, находясь на ст. Лещево Вологодской губернии. В августе 1914 г., когда уже громыхала Первая мировая война, не побоялся приехать в Киевскую губернию, в Новоселицу, чтобы изучать полное затмение небесного светила. Итоги исследований вылились в научные статьи. С 1898 г. до момента приезда в Минск А. А. Михайловский напечатал около 20 работ в специализированных изданиях, выходивших в Казани, Москве, Киеве и других городах. Международное признание пришло после нескольких публикаций на немецком и французском языках, которыми в совершенстве владел ученый. Результат столь активной деятельности – его приняли в бельгийское научное Астрономическое общество, физико-математическое общество Казанского университета, Русское астрономическое общество и Общество любителей мироведения.

В 1917 г., после сдачи магистерских экзаменов по астрономии и геодезии, уже состоявшийся ученый был принят в качестве приват-доцента в штат Казанского университета – своей альма-матер – по кафедре астрономии и геодезии. Тем не менее практические исследования в обсерватории были продолжены, и в следующем году Арсений Алексеевич стал старшим ассистентом по кафедре.

Революционные пертурбации коренным образом затронули систему высшей школы и науки. Изменения в ней непосредственным образом сказались и на карьерном росте А. А. Михайловского. Весной 1919 г. он в университете получил должность астронома, что означало прямое совмещение преподавательской деятельности с научными изысканиями. Его высокая научная квалификация, определявшаяся очевидной практической составляющей, уже осенью позволила получить должность профессора

геодезии в Казанском политехническом институте. Однако только один учебный год Арсений Алексеевич проработал в нем: в июле 1920 г. он переехал в Самарский университет в качестве профессора астрономии сначала физмата, а после его закрытия – педфака. Вскоре он вошел в состав президиума факультета, возглавил физико-математическое отделение и стал членом Рабпроса – профсоюза работников просвещения РСФСР.

Три учебных года прошли в напряженной борьбе за выживание в условиях не только перманентных изменений, потрясавших университет, но и элементарной бытовой неустроенности и нищенского существования. Голод, охвативший Поволжье, тяжело сказался и на условиях жизни университетских преподавателей. Пришлось заняться поиском более подходящего места для работы и жизни. Каким образом Арсений Алексеевич узнал о начале деятельности БГУ в далеком Минске – сложно сказать. По косвенным данным, его проинформировал белорусский математик И. С. Пятосин. Известно, что 25 июля 1922 г. Правление университета под председательством заместителя ректора профессора В. Н. Ивановского рассмотрело заявление «профессора астрономии Самарского Государственного Университета Арсения Алексеевича Михайловского о его желании занять кафедру астрономии на физико-математическом отделении БГУ в качестве профессора». Было решено пригласить заявителя в БГУ, а одновременно просить Государственный ученый совет в Москве утвердить Михайловского в должности профессора БГУ. Решение руководства БГУ о приглашении астронома сопровождалось финансовой конкретикой – на переезд из Самары в Минск было выделено 120 млн руб., отдельно оплачивались перевоз 40 пудов багажа и «июньское содержание» профессора.

Отметим, что в реальности республика оплачивала переезд не бумажными «миллионами», а полновесными

золотыми рублями из расчета 750 тыс. бумажных рублей за один золотой. Однако и этой суммы было недостаточно. Арсений Алексеевич 14 августа 1923 г. специальным письмом уведомил Правление БГУ, что ему нужно забрать с собой в Минск «60 пудов одних только книг и инструментов», которые необходимы «для лекций и научных работ». К чести Правления, сразу же был дан ответ, в котором гарантировалась «за счет БГУ доставка из Самары в Минск его библиотеки и инструментов по его специальности», а также выделялись 3 тыс. руб. «на покрытие путевых расходов» предварительного посещения Михайловским своего будущего места работы и знакомства с бытовыми условиями.

Оформление на работу в БГУ проходило оперативно. Уже 13 июля 1923 г. заместитель ректора В. Н. Ивановский письмом уведомлял руководство Самарского университета, что А. А. Михайловский «состоит утвержденным ГУСом профессором Белорусского государственного университета по кафедре астрономии». И почему-то счел необходимым уточнить то обстоятельство, что педфак «обслуживает лишь Белоруссию», в отличие от медфака и ФОНа, «обслуживающих не только Белоруссию, но также и некоторые губернии РСФСР». Видимо, тем самым констатировалось, что профессор стал всецело работать на ССРБ, а потому претензии на его удержание в Самаре следует оставить.

Приглашение переехать в Минск, в БГУ, было весьма кстати. В семье подрастали две дочери, которым нужно было дать достойное образование. Да и просто в условиях всеобщей неустроенности и неопределенности следовало найти профессиональную стабильность, которая могла бы обеспечить семью всем необходимым. Так, в письме от 9 июля 1922 г. на имя декана педфака БГУ А. А. Михайловский не только выражал готовность «считать [себя] кандидатом» на кафедру астрономии этого факультета, но одно-

временно осторожно испрашивал ответа на вопрос об условиях проживания в Минске, о возможности БГУ обеспечить перевоз «нескольких тонких астрономических инструментов». Самарский профессор рассчитывал на новые горизонты в реализации своего научного потенциала. Перспектива «с нуля» повести в далекой Беларуси подготовку новых для республики кадров в области астрономии и геодезии вселяла надежды на получение полной свободы в организации «своей» кафедры.

Надо сказать, что А. А. Михайловский был хорошо известен в Минске: организаторами БГУ являлись выдающиеся специалисты в различных областях науки, опытные педагоги, они знали ведущих специалистов в «нужных» для Беларуси областях знаний. Известность к А. А. Михайловскому пришла и в связи с тем, что он в 1914 г. осмелился (точнее – ему было доверено автором-учителем) осуществить научную редакцию двух лекционных курсов профессора Дмитрия Ивановича Дубяго – мирового авторитета в области астрономии. Это «Основы теоретической астрономии» и «Практическая астрономия». Нельзя не вспомнить, что Д. И. Дубяго, уроженец Мстиславля, после окончания с золотой медалью Могилевской гимназии прошел блистательный путь ученого, был ректором Казанского университета и директором обсерватории в Казани. Так что этот уроженец белорусских земель сформировал у своего ученика А. А. Михайловского главные качества подлинного ученого и вплоть до 1918 г. сопровождал его в становлении научной и профессорской карьеры.

С 1 сентября 1923 г. 47-летний ученый в качестве профессора по кафедре астрономии Белорусского государственного университета должен был начать преподавание уникальных курсов, увлекая студентов педфака в постижение тайн Вселенной и родной Земли. Ректор В. И. Пичета в своем материале «Беларускі

Дзяржаўны Унівэрсытэт напярэдадні 10-годзьдзя Кастрычнікавай Рэвалюцыі», опубликованном в сборнике «Беларускі Дзяржаўны Унівэрсытэт. 1921–1927. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай Рэвалюцыі» (Минск, 1927), отмечал, что за шесть лет «займалі кафэдры на Пэдфаку» среди многих иных А. А. Михайловский – кафедре астрономии, а И. С. Пятосин среди прочих «займаў дацэнцкую пасаду» по кафедре «вышэйшай матэматыкі», а Н. В. Азбукин – по кафедре «эканамічнай геаграфіі», А. А. Савич – по кафедре «расійскай гісторыі». К тому же Пятосин как доцент еще и возглавлял кабинет математики и физики.

Совершенно прикладным курсом, который А. А. Михайловский готовился читать в БГУ, должна была стать механика. Правление БГУ на заседании 9 октября 1923 г. установило профессору А. А. Михайловскому оплату за девять лекционных и четыре практических часа по профессорской ставке с 1 сентября. Правда, переезд из Самары оказался сложным и несколько подорвал и без того слабое здоровье астронома. Декан педфака Н. М. Никольский 15 октября 1923 г. даже был вынужден объявить студентам, что из-за болезни А. А. Михайловского «его вступительная лекция,

Уведомление декана педагогического факультета БГУ Н. М. Никольского о том, что из-за болезни А. А. Михайловского его лекция откладывается. Октябрь 1923 г.

назначенная на 16/X с.г., откладывается на несколько дней».

Что собой представляла учебная нагрузка столь важного для Беларуси специалиста, можно понять из текущей документации, которой все более и более «обрастал» БГУ, как и всякое советское государственное учреждение. Однако именно эта бюрократическая волна, захлестнувшая работу университета, сегодня позволяет во многих деталях восстановить работу и коллектива, и отдельных его представителей.

Так, в первом «профессорском отчете» от 29 мая 1924 г. Арсений Алексеевич убористым почерком дотошно зафиксировал немалую учебную нагрузку, которую ему пришлось осилить в 1923/24 учебном году. Он на чуть ли не десяти листах серой бумаги подал исчерпывающие сведения: «...мною читались на педфаке следующие курсы: I. Описательная астрономия – 1 и 2 курсу физико-математич. отделения по 2 лек. часа в неделю в течение всего года с практич. занятиями. II. Сферическая тригонометрия – 1 и 2 курсу физико-математич. отделения по 1 лек. часу в неделю в течение всего года. III. Механика точки – 2 курсу физико-математич. отделения по 3 лек. часа в неделю в течение всего года с практич. занятиями. IV. Астрономическая география – 2 курсу естественно-го отделения по 2 лекц. часа во втором полугодии (с 1 февраля 1924 г.)... По механике на практических занятиях студенты занимались решением задач на все отделы читавшегося им курса механики точки. Программы прочитанных курсов при этом приложены».

Профессор приложил таковые программы, опять же написанные от руки. В программе «Описательная астрономия» он четко выделил разделы, изучение которых последовательно должно было ввести студентов в неизведанную область высокой во всех отношениях науки: «Первоначальные понятия о фигуре и размерах Земли», «Суточные движения

небесного свода...», «Сферические координаты светил», «Измерение времени», «Суточный параллакс светил», «Солнечная система», «Солнце», «Планеты» и т. д. Программы других курсов («Механика точки. Кинематика», «Статика и динамика», «Астрономическая география») зафиксировали массу понятий, имен, дефиниций, которые должны были осилить первые студенты БГУ, обладавшие весьма невысокой подготовкой. И они постигали неведомый мир знаний с помощью отличного педагога и знатока своего дела.

Отметим, что столь уникальные дисциплины не затронула развернувшаяся в середине 1920-х гг. борьба со «шматпрадметнасцю». Как отмечал В. И. Пичета в материале, опубликованном в названном выше юбилейном сборнике по случаю 10-летия Октябрьской революции, избавление от «шматпрадметнасці» должно было освободить для студентов время для проведения самостоятельных занятий. На самом деле эта борьба имела цель сэкономить на высшей школе, ускорить подготовку специалистов для народного хозяйства. Однако значительное количество лекционных курсов Арсения Алексеевича не было затронуто бездумной кампанией.

В начале первого для Арсения Алексеевича учебного года в стенах БГУ на заседании Правления университета от 9 октября 1923 г. по ходатайству президиума педфака только что приехавшему профессору была установлена «недельная нагрузка» – девять лекционных часов и четыре часа практических занятий. На деле норма была существенно превышена: знания казанского ученого были востребованы чуть ли не на всех естественных специальностях, которые были открыты на педфаке. Вот только оплата его труда должна была осуществляться по установленной «недельной нагрузке». Но Правление БГУ в меру сил пыталось изыскивать деньги, чтобы поддержать своих преподавателей в сложные первые

постреволюционные годы. Так, на заседании Правления 22 апреля 1924 г. было решено выплачивать с 1 апреля дополнительное вознаграждение преподавателю В. К. Дыдырко за четыре часа лекций по курсу высшей алгебры, а с 1 февраля – профессору А. А. Михайловскому за два часа лекций по описательной астрономии для 2-го курса естественно-исторического отделения педфака. Чуть ранее, на заседании 1 апреля 1924 г., приняты к сведению ходатайство профессора А. А. Михайловского об ассигновании сумм на оборудование кафедры астрономии.

Жизнь в Минске была наполнена не только учебными и научными проблемами. На первых порах требовалось просто освоиться в незнакомой обстановке, понять, чем и как живут граждане национальной советской республики, что такое «беларусізацыя», «карэнізацыя» и т. д. К чести высокого интеллектуала, уже в мае 1926 г. русский профессор под одной из многочисленных анкет по-белорусски написал: «Пасьведчаньне № 5 6 траўня 1926 г. атрымаў. А. Міхайлоўскі». Значит, он стремился постичь язык, на котором предполагалось преподавание всех дисциплин – на долгую перспективу жизни в Беларуси. Надо отметить, на то время уже была разработана белорусская научная терминология по математике, космографии и физике – благодаря Леониду Леонидовичу Бильдюкевичу, выпускнику Киевского университета, уроженцу белорусского местечка Ивенец. Он, являясь членом Терминологической комиссии Инбелкульты, смог проделать эту по сути пионерскую работу. И что самое интересное, к созданию белорусской научной терминологии оказался причастен и университетский астроном. В 1927 г. Институтом белорусской культуры был издан очередной, 14-й, выпуск проекта словаря разрабатываемой Терминологической комиссией научной терминологии. Он на 144 страницах содержал математическую терминологию. В числе

составителей в библиографических данных первым указан А. А. Михайловский.

Необходимо было решать массу бытовых вопросов. Арсений Алексеевич приехал на новое место работы вместе со всей семьей: женой Софией Николаевной и двумя дочерьми – Верой (род. 11 сентября 1904 г.) и Галиной (род. 26 марта 1907 г.). Сразу по приезде в Минск семью приглашенного профессора Правление университета и горисполком за неимением свободной квартиры поселили в 1-й Советской гостинице по Комсомольской улице (она находилась в здании бывшей гостиницы Дрейцера, в которой имелось 40 номеров).

Только некоторое время спустя была выделена вполне приличная квартира по адресу: угол Володарского и Университетской, д. 5/30. Отметим, что эта квартира была обещана профессору еще во время его ознакомительной поездки в Минск. А 14 августа 1923 г. Правление БГУ на своем заседании «удовлетворило ходатайство прибывшего из Самары профессора А. А. Михайловского от 14 августа о предоставлении ему квартиры в 4 комнаты (ко времени его поездки в Минск с семьей в сентябре) и решили выдать ему аванс в 300 рублей в знаках 1923 г. на покрытие путевых расходов». Вот только сразу решить «квартирный вопрос» не удалось. Но уже 14 февраля 1924 г. Правление БГУ на очередном заседании одобрило предложение члена Правления И. В. Герчикова о «прекращении оплаты гостиницы и обедов для профессоров М. О. Гредингера, В. Ю. Мронговиуса и А. А. Михайловского» с момента передачи им квартир в «Доме БГУ № 7».

В начале работы БГУ завлечь известных специалистов в Минск было сложно. Одной из «приманок» университетского руководства и правительства ССРБ было обещание сразу предоставить достойное жилье. Но далеко не всегда это удавалось. Сам ректор до 1924 г. жил в учебном корпусе «Дом № 1 БГУ» и получил квартиру только на общих основаниях.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 16
 заседания Бюро Президиума Академии наук БССР
 от 18 декабря 1956 года

арх. № 3673

22. Заявление жены бывшего академика АН БССР ПАНКЕВИЧА Павла Яковлевича (посмертно реабилитированного) - МИХАЙЛОВСКОЙ Галины Арсеньевны о выплате ей двухмесячной зарплаты её мужа и назначения материального обеспечения.

1. На основании постановления Совета Министров Союза ССР от 8 сентября 1955 года № 1656, выплатить МИХАЙЛОВСКОЙ Галине Арсеньевне двухмесячную зарплату по должности члена Президиума АН БССР её мужа академика АН БССР ПАНКЕВИЧА Павла Яковлевича (посмертно реабилитированного).

2. На основании постановления СНК СССР от 28 декабря 1943 г. № 1435, назначить гр. МИХАЙЛОВСКОЙ Галине Арсеньевне ежемесячное материальное обеспечение 50% оклада за звание академика её мужа ПАНКЕВИЧА Павла Яковлевича с 24 октября 1956 года.

П. П. ... БССР, академик АН БССР В. Ф. Купревич

УДОСТОВЕРЕНИЕ
 Дипломное удостоверение выдан Арсению Александровичу ПАНКЕВИЧУ в том, что он состоит Профессором по кафедре истории Восточного Государственного Университета в чине 1-го класса с 1930 года, с момента вступления в должность в связи со смертью Арсения Павловича ПАНКЕВИЧА в Галины Арсеньевны, чья подлинная в архивах не сохранилась.
 1950
 В. Иванова-Венская
 Л. Павлов
 [Signature]

Сведения о жизни А. А. Михайловского
 Арсений Александрович Михайловский родился 17/27 июля 1876 г. в Варшаве (Финия образована получила в том же Казанский университет, которую окончил в 1894 г. - зачислен в 1894 г. по 1898 г. слушал лекции на физико-математическом факультете Казанского Университета, изучая математику по Ауретти. В 1898 г. окончил университет в Казани и получил степень I степени. С этого времени преподавал математику, физику, космографию в различных учебных заведениях в Казани, состоял в то же время профессором математики Казанского Университета по кафедре Ауретти. В 1917 г. по делу математический факультет по Ауретти-матри и Бодену, принят в то же время в университет Казанского Университета по кафедре Ауретти-матри и Бодену, в 1918 г. избран старшим ассистентом по кафедре математики, в 1919 г. - ассистентом Казанского Университета, а также в то же году профессором Высшей Казанской Политехнической Института. В июле 1920 г. по приглашению в 1920 г. стал профессором математики Самарского Университета, а также в то же время профессором математики и географии в Самарском педагогическом высшем учебном заведении, а также в то же время профессором математики Самарского педагогического высшего учебного заведения. С сентября 1923 г. перешел в Белорусский Государственный Университет профессором математики Педагогического факультета. Также преподавал математику на Земле факультетов в.

6
 Галины Белорусского Государственного университета.
 Приказе не переписать в Миксиде университет, а поставила себе проект университета.
 Визирование за мной квартиру в 4 комнаты
 Если материал готовый не окажется к моему приходу / и продолжится бы переписать в том же (матри), зарплата должна быть до того же времени к квартире времени переписки на деле в комнате
 Изучившие систему на уровне математики, которые значительно отличаются от, так же изучают логику книги, а также и мои лекции и научный труд и некоторые труды, находящиеся у меня в библиотеке и в настоящее время. Если книга и материал для книги 60 книг
 Математические книги бы в своем предмете распадаются на следующие главы в Миксиде
 Проф. А. Михайловский

О состоянии квартир имеется много интересных фактов. Например, доцент-экономист А. М. Арцимович в своем заявлении от 31 января 1924 г. в Правление БГУ едко отметил, что с августа 1923 г. живет в бараке по улице Широкой, построенном на месте бывшей бани. Всюду сырость, гниль, вокруг и внутри барака «ряд достопримечательностей». Он настоятельно требовал «скорее убрать меня и семью из этого “сада пыток”». А вот профессора А. А. Михайловский, М. О. Гредингер, А. М. Евлахов и В. Ю. Мронговиус в подобных «квартирных» заявлениях от 1 февраля 1924 г. более сдержанно, но столь же убедительно обрисовали картину жизни в «Доме № 7 БГУ», который требовал серьезного ремонта, «отсушки» и отопления квартир.

Впрочем, положение дел было хорошо известно университетскому руководству. Еще 13 ноября 1923 г. Правление БГУ на очередном заседании признало, что ремонт предоставленного правительством республики здания бывшего управления Либаво-Роменской железной дороги, которое предназначалось передать под профессорские квартиры, затянулся, так как приходилось надстраивать два этажа и приводить в надлежащий вид каждый квадратный метр. В. И. Пичета и его коллеги не только констатировали, что приглашенная профессура «ютится в лишенных элементарных удобств, необходимых для подготовки к учебе и занятиям, временно отведенных помещениях», но и изыскивали финансовые возможности спешно решать подобные вопросы.

А. А. Михайловскому нужно было озаботиться и тем, чтобы в студенческой кассе взаимопомощи «выбить» для дочери Веры, поступившей на 1-й курс педфака БГУ, какую-никакую сумму, так как семейный бюджет профессора не выдерживал платного обучения, введенного в вузах СССР. В результате руководство педфака направило в «Комиссию по обложению студентов БГУ платой за право

учения» справку, что Вера Михайловская на самом деле профессорская дочь и ей положена скидка по оплате.

В Национальном архиве Республики Беларусь сохранились два небольших «Дела» в университетском 205-м фонде, которые содержат сведения о двух студентках БГУ – Вере и Галине Михайловских. Так, старшая, Вера, студентка естественно-географического отделения педфака Самарского университета, уже 29 сентября 1924 г., т. е. сразу по переезде семьи в Минск, была зачислена на естественно-историческое отделение педфака Белорусского университета. Правда, «Пасьведчаньне», выданное студентке канцелярией БГУ 5 апреля 1925 г., определяло уже новое название этого отделения: «натуральна-агранамічнае». Интересен факт, что профессорская дочь ранее получила «домашнее образование в объеме трудовой школы». Но этого хватило, чтобы при поступлении в Самарский университет выдержать приемные испытания «в объеме рабфака». Несомненно, отец и мать очень опекали своих дочерей. Они находились на полном иждивении родителей, хотя отцу не раз пришлось, как указывалось, обращаться в разные инстанции с просьбами об освобождении Веры от платы за обучение. Дочери оставалось только демонстрировать «весьма удовлетворительные» знания по сложным дисциплинам (химия, физика и др.), которые она изучала на своем отделении.

Вторая дочь, Галина, избрала иную специальность, подав летом 1925 г. в приемную комиссию БГУ заявление с просьбой допустить к экзаменам для поступления на только что открывшийся факультет права и хозяйства. Бюро секции научных работников БССР за подписью его ответственного секретаря Н. Р. Успенского сопроводило это заявление официальной рекомендацией – командированием профессорской дочери на учебу. Видимо, и Галина получила домашнее образование под присмотром матери. Однако она перед поступлением

Профессор А. А. Михайловский (третий справа во втором ряду) среди коллег по педагогическому факультету БГУ и студентов 3-го курса физико-математического отделения. 16 мая 1926 г.

в БГУ смогла окончить еще и общеобразовательные курсы, что давало более весомые гарантии стать студенткой. Отцу-профессору, на 1925 г. имевшему на семью одну только месячную зарплату в 169 руб., сложно было содержать двух студенток и неработающую супругу. Правхоз Галина Михайловская окончила через год после смерти отца.

Арсений Алексеевич всецело отдавался работе, в которой преподавание дополнялось серьезными научными исследованиями. Архивные документы содержат убедительные доказательства этого. Так, менее чем через год после приезда в Минск, 26 августа 1924 г., ученый подал в Правление БГУ заявление с просьбой изыскать немалые средства на покупку для кабинета астрономии редких для тех условий и того времени астрономических инструментов. Видимо, кто-то со слов профессора по-белорусски составил это заявление (сегодня уже экзотично воспринимается белорусско-польское слово «зэгарак», означавшее всего-навсего

«часы»). А. А. Михайловский просил «абкуплі ў інжэнера Сайета храномэтра, зэгарка марскога і сонечнага». И необходимые 60 руб. были найдены. Благодаря усилиям университетского астронома и, конечно же, его обширным связям в мире российской науки в ноябре 1926 г. Пулковская обсерватория подарила астрономическому кабинету, который возглавлял Арсений Алексеевич, 90 томов различных трудов по астрономии.

1924/25 учебный год прошел с не меньшим напряжением, чем первый. В очередном «профессорском отчете» Арсений Алексеевич вновь подробно изложил качественные и количественные показатели своего труда, выделив на сей раз три особых подраздела: «Учебная деятельность», «Научная деятельность» и «Астрономический кабинет». Так, на педфаке он прочел курсы «Механика точки» (математикам 2-го курса), «Сферическая астрономия и механика системы и твердого тела» (математикам 3-го курса), «Низшая геодезия» и «Описательная

астрономия» (студентам 2-го и 3-го курсов естественного отделения). В научной области он завершил составление «таблицы для приведений на видимое место звезд каталога Росса на 20 столетие» и отослал ее в Государственный астрономический институт в Ленинграде. Сам факт проведения А. А. Михайловским научной работы на основе каталога, составленного американским астрономом и физиком Фрэнком Элмором Россом, – свидетельство его несомненного высокого профессионализма. Также профессором БГУ были продолжены работы по определению «окончательной орбиты планеты (263) Dresda» (небольшой астероид, входящий в состав семейства Коронида). Результаты изысканий ученый отправил для публикации в журнал «Astronomische Nachrichten» – один из первых международных журналов по астрономии, основанный в 1821 г. немецким астрономом

Генрихом Христианом Шумахером. Но все это были теоретические исследования. С сожалением Арсений Алексеевич констатировал, что «за отсутствием астрономических инструментов наблюдений не проводилось».

Предметом особой гордости профессора был созданный собственными руками астрономический кабинет. О нем А. А. Михайловский более всего рассказывал в вышеуказанном отчете. Отметил, что кабинет пополнился 209 книгами, закупленными на сумму в 338 руб. «По случаю» удалось приобрести в Минске «морской полусекундный номер (Barwise)», а также купить солнечные часы. Главное же, что «в счет золотого фонда» им была подана в правительство республики заявка на приобретение в Германии за 1500 руб. в валюте настольной астрономической трубы «с принадлежностями». Ученый с неким нетерпе-

Профессор А. А. Михайловский (в центре, второй справа во втором ряду) среди коллег и выпускников природоведческого отделения педагогического факультета БГУ. 1927 г.

нием, как сейчас кажется, записал, что с помощью этой трубы ему «представится возможность, помимо обзора неба, производить также несложные астрономические наблюдения». Настоящий, увлеченный астроном не мог долго пребывать без непосредственного «общения с небом».

Однако грандиозные планы А. А. Михайловского на постановку в молодой советской Беларуси серьезных научных исследований в области астрономии сорвались. Внезапная и преждевременная смерть Арсения Алексеевича потрясла не только коллектив БГУ, но и, без преувеличения, всю республику. Об этом свидетельствовало то, что все три центральные газеты БССР («Савецкая Беларусь», «Звезда», «Рабочий») 2 октября 1928 г. поместили пространные некрологи, написанные ректором В. И. Пичетой.

Эти некрологи можно воспринимать не только как образец текста-памяти, но и как объективную и вместе с тем личностно-трогательную оценку профессиональных и человеческих качеств коллеги. Важно и то, что Арсений Алексеевич в ректорских текстах представлен как один из самых преданных делу строительства Белорусского университета и интеллектуализации всей Беларуси высоких профессионалов. Приведем выдержки из этих некрологов:

«...у нядзелю, ад раку пячонкі» умер «вялікі вучоны, выдатны выкладчык, крыстальнай душы чалавек... асірацела унівэрсытэцкая сям'я, асірацелі яго вучні». Пичета отмечал, что Арсений Алексеевич оказал огромное влияние на коллег и студентов своими «надзвычайнымі» простотой и мягкостью, блестящим профессионализмом. Ректор с благодарностью отозвался о том, что большой ученый, несмотря «на слабыя лёгкія», не гнушался выступать в пролетарских клубах, в различных организациях, перед красноармейцами. И в студенческих аудиториях, и перед населением он как педагог был терпелив к неподготовленности слушателей вос-

принимать сложные вопросы его лекций. Он многократно повторял, разъяснял все то, что оставалось непонятным. Поэтому пользовался искренней любовью своих учеников, которые считали профессора «настаўнікам навукі».

Ректор признал, что кафедра астрономии требовала для полноценной деятельности больших средств. Но руководство БГУ не могло изыскать все необходимое. Арсений Алексеевич, понимая трудности, сам на протяжении четырех лет вел переписку с научными учреждениями СССР и европейских стран. В результате «Абсэрваторыі Францыі, Ангельшчыны, Італіі і Нямецчыны знаходзіліся з ім у перапісцы і пасылалі яму свае выданні». А пустой вначале кабинет астрономии наполнился оборудованием, которое позволило вести научную работу.

Нашлись у руководителя университета и друга покойного теплые слова и о семейном уюте, который подкреплялся тем, что А. А. Михайловский был «цэнтрам, духоўнай асобай». Руководитель БГУ заверил, что университет обеспечит материально жизнь супруги и двух дочерей умершего профессора.

К чести руководства университета, лично ректора В. И. Пичеты, семья профессора не была оставлена без внимания. Правлением БГУ, Научным обществом и деканатом педагогического факультета 27 октября 1928 г. было организовано заседание, посвященное памяти профессора А. А. Михайловского. Как можно судить из специального обращения Правления БГУ от 3 октября 1928 г. в «Наркамсацзабясьпечанья» БССР, выдающийся ученый так и не смог обеспечить своей семье достойное материальное благополучие. В. И. Пичета констатировал, что семья «засталася зусім незабяспечанаю». Младшая дочь Галина еще была студенткой университета (старшая дочь Вера уже окончила педфак). Правление БГУ просило Наркомат социального обеспечения «прызначыць пажызьненую пэнсію жон-

цы памёрлага прафэсара Міхайлоўскага Зосі Мікалаеўне Міхайлоўскай».

Однако прошло всего немного времени, и уже в угаре усиливавшихся «чисток» новое руководство БГУ после отстранения В. И. Пичеты от должности ректора фактически по политическим мотивам, отчитываясь перед правительственными инстанциями за 1928/29 учебный год, с гордостью за содеянное докладывало, что за этот срок «были сняты с работы» 32 профессора и преподавателя. Среди вдруг ставших негодными видных ученых была названа и фамилия умершего и ни в чем «политическом» ранее не уличенного Арсения Алексеевича. Можно предположить, что ее назвали для «большей цифровой убедительности», чтобы засвидетельствовать свою ретивость по «наведению порядка» в БГУ после изгнания Пичеты и в условиях дошедшей до крайности политической вакханалии и всеобщего смятения – как себя вести, что говорить и что делать, каких постулатов придерживаться, кому верить... Среди прочих иных анекдотичной причиной изгнания из БГУ, например, можно считать увольнение (с последующим многократным упоминанием во всех СМИ БССР) профессора-медика, гигиениста М. М. Экземпларского. Его обвинили в том, что лекции «идеологически перекрученные, неправильные и враждебные пролетариату», так как он идеализирует Талмуд, «неправильно толкует обрезание, объясняя его гигиенической целесообразностью».

Софья Николаевна Михайловская пережила мужа на много лет и умерла, не

дожив два года до столетия. По-разному сложились судьбы дочерей. Вера Арсеньевна вышла замуж за И. Н. Сержанина (они учились на одном отделении педфака, но Иван Николаевич поступил на два года раньше), который стал выдающимся белорусским зоологом, членом-корреспондентом АН БССР. И сама внесла значительный вклад в науку. После окончания БГУ училась в аспирантуре в Ленинграде, защитила кандидатскую диссертацию о флоре Полесской низменности, опубликовала ряд книг о лекарственных растениях Беларуси. Затем многие годы проработала в Институте биологии АН БССР, где в 1960-е гг. возглавляла лабораторию флоры и систематики растений. Она считается одним из важнейших коллекторов знаменитого Гербария БГУ. Ее дети и внуки стали также биологами. Умерла Вера Арсеньевна в 1986 г. А вот жизнь сестры – Галины Арсеньевны – сложилась трагически. Она была женой знаменитого белорусского педагога и организатора системы образования П. Я. Панкевича – одного из первых академиков АН БССР. Павел Яковлевич попал под маховик репрессий и был расстрелян. Жену врага народа сослали в далекую Калмыкию, а двухлетнюю дочь Татьяну буквально вырвала из рук НКВД, когда ребенка собирались направить в детский дом, тетя – Вера Арсеньевна. Девочка выросла в семье Сержаниных, дождавшись освобождения матери.

Олег Антонович Яновский

**Выдающийся математик,
один из создателей белорусской
математической школы**

Профессор БГУ

**Иосиф Степанович
ПЯТОСИН**

?.?.1882 – 21.10.1938

Иосифа Степановича Пятосина по праву считают одним из первых белорусских ученых-математиков, реализовавшим свой талант и в науке, и в преподавательской деятельности. Как математик он состоялся в Белорусском государственном университете. Более того – его имя неразрывно связано со становлением первого университета Беларуси. Иосиф Степанович внес огромный вклад в то, чтобы БГУ с первых дней своей работы смог стать университетом «настоящим», а не «поддельным» (как опасался профессор-физик Н. Н. Андреев) в возможностях дать студентам совершенное по тому времени высшее образование.

Опытный педагог-математик заложил основы деятельности педагогического факультета университета, на начальном этапе формирования учебных планов, структуры и штата факультета был его деканом, а затем заместителем декана. Был одним из создателей научной математической терминологии на белорусском языке, активным участником первых белорусских и всесоюзных математических конференций. Иосиф Степанович прошел в БГУ путь от ассистента до профессора, стал одним из ведущих преподавателей математики чуть ли не во всех минских высших учебных заведениях.

Иосиф Степанович Пятосин родился «в незажиточной семье в Бобруйске Минской губернии». Однако в «Анкетным листе БДУ», заполненном в июне 1934 г., И. С. Пятосин писал, что его родиной является станция Березина Либаво-Роменской железной дороги, что и неудивительно, так как отец был железнодорожником. Вот только, видимо, низшего, обслуживающего звена: для выполнения тяжелой физической работы на железной дороге набиралось окрестное крестьянство. Его сын Иосиф («вѣроисповѣдания православного, изъ крестьянь») в советские годы многократно подчеркивал факт своего «крестьянского происхождения». К сожалению, пока не удалось найти в архивах информацию о социальном и материальном положении семьи Пятосиных, как и точную дату рождения Иосифа Степановича.

Однако каким бы ни было происхождение И. С. Пятосина, оно не мешало ему закончить Бобруйскую четырехклассную прогимназию, а затем гимназию в Минске и поступить на физико-математический факультет Императорского Московского университета «по отдѣлению математическихъ наукъ». Юноша в 1901 и 1902 гг. сдал ряд «полукурсовых испытаний», а осенью 1906 г. был допущен к экзаменам перед членами

«Физико-Математической Испытательной Комиссии», действовавшей при родном университете. Сегодня представляет интерес перечень этих экзаменов. Так, «полукурсовые испытания» – две части аналитической геометрии, высшая алгебра, дифференциальные исчисления, дифференциальная геометрия, интегральные исчисления, две части физики, механика, химия. Почти все оценки были высокими – «весьма удовлетворительно». А перед членами названной комиссии в 1906 г. студенту пришлось показать глубокие познания (вновь на «весьма удовлетворительно») по вторым частям интегральных исчислений и механики, по астрономии, метеорологии и земному магнетизму, а также почему-то по двум дополнительным предметам – кинематике и метеорологии. Как блистательный результат этих всех сложных испытаний – решение комиссии от 12 декабря 1906 г. о вручении Иосифу Пятосину диплома первой степени «со всеми правами и преимуществами...». Дополнением к высокому постижению математики стали два в совершенстве освоенных языка – французский и немецкий.

Правда, этот диплом позволил всего лишь заняться преподаванием математики и физики в гимназии г. Шавли Ковенской губернии (современный литовский город Шяуляй) и обеспечить старость своих родителей. После смерти отца (Степан Евсеевич до 1907 г. трудился на железной дороге, умер в 1910 г.) с 1910 г. местом работы Иосифа Степановича стал городской учительский институт в Вильно, который действовал с 1876 г. Здесь педагогу доверили вести не только специальные математические курсы, но и важный курс методики преподавания математики. Вскоре Иосиф Степанович был избран на должность председателя Совета института. В эти годы он если не учил, то прекрасно знал тех студентов института, которые впоследствии заняли ответственные властные посты в совет-

Вокзал ст. Березина. Начало XX в.

ской Беларуси: А. Г. Червякова, С. М. Некрашевича, И. П. Кореневского и др.

Первая мировая война нарушила устоявшийся ритм работы и быта. И. С. Пятосин вместе с институтом эвакуировался в далекую Самару. Там он преподавал в местном учительском институте (в его структуру организационно был включен Виленский институт). В 1917 г. И. С. Пятосин вновь был избран председателем педагогического совета, стал членом профсоюза работников просвещения (Рабпрос). Потом в условиях коренной перестройки системы образования с 1918 по 1921 г. являлся председателем отдела подготовки учителей второй ступени Самарского института народного образования. Ни тогда, ни впоследствии так и не примкнул ни к одной из политических партий. Карьерные восхождения в 1916 г. были омрачены вестью о смерти матери Михолоны Людвиговны (девичья фамилия Герасимович), которая вырастила и воспитала сыновей в «должности – домохозяйка».

Революционные события определили новые повороты в судьбе – с октября 1919 г. Иосиф Степанович был утвержден в должности «временного преподавателя», а в июле 1920 г. – «штатного доцента» Самарского госуниверситета. В университете он преподавал «по кафедре чистой математики» физико-математического факультета, а также на агрономическом факультете. Острая нехватка кадров в городе и личная заинтересованность в «подработке» определили необходимость преподавания еще и в геодезическом техникуме.

Местные условия не вселяли оптимизма ни к продолжению карьеры в Самаре, ни в перспективах устройства быта. Поволжье в начале 1920-х гг. было охвачено засухой, повлекшей страшный голод. Необходимо было позаботиться о семье: на иждивении у Иосифа Степановича находилась жена Евгения Васильевна, а в Беларуси после смерти отца – младший брат Петр (разница в

Собор Петра и Павла в г. Шяуляе.
Начало XX в.

годах между братьями была существенной – Петр родился 25 ноября 1902 г.). А вот второй брат, Александр, в такой непростой ситуации оказал существенную поддержку. Он, проживая в полесской деревне Паричи, 12 июня 1921 г. направил в Правление еще только формирующегося БГУ ходатайство с просьбой принять на преподавательскую работу брата Иосифа. И отметил, что «доцент Самарского университета» просто бедствует, невозможно элементарно прокормиться, так как пуд муки стоит свыше 200 тыс. руб.

Когда летом 1921 г. математик-белорус получил приглашение Наркомата просвещения ССРБ на работу в Бело-

Одна из улиц г. Шяуляе.
Начало XX в.

Иосиф Степанович Пятосин

Брат Петр – студент БГУ

русский государственный университет, раздумывать не приходилось. На родине было предложено начать чтение лекций по математике на медицинском факультете и, более того, в целом заняться организацией преподавания математических наук. Следует сказать, что личное желание Иосифа Степановича переехать для преподавания в БГУ полностью совпадало со стратегическим курсом его руководства на собрание в стенах университета именно ученых-белорусов. Об этом не раз писал ректор В. И. Пичета, подчеркивая, что «Праўленьне БДзУ імкнулася да таго, каб запрасіць для працы ў БДзУ праф. беларусоў, якія працавалі ў інш. навуч. установах». Приходилось даже идти на определенный риск, делая ставку не только на уже состоявшихся профессоров, но и на молодых способных и проявивших себя в профессии педагогов и ученых. Тот же Владимир Иванович, будучи главным стратегом в кадровом вопросе, в 1927 г. заявлял, что «пад уплывам і кіраўніцтвам кваліфікаваных прафесараў маладыя сілы далі прастор сваім здольнасцям і на працягу 5 год выраслі ў выдатную навуковую сілу. Праўленьне Ун-ту падлічыла гэтыя дасягненні і знайшло неабходным прадставіць цэлы шэраг

навуковых працаўнікоў на дацэнцкія і прафесарскія пасады».

Одним из ярких представителей таких «выдатных навуковых сіл» в самом начале университетской истории был и Иосиф Степанович Пятосин. Оценка его работы в виде научных регалий произойдет со временем, в 1926 г. А вначале, 31 августа 1921 г., было написано заявление о приеме в БГУ. И тогда же под этим числом университетские канцеляристы завели личное «Дело» на нового преподавателя. Первое служебное удостоверение Иосиф Степанович получил 1 декабря 1921 г. в Правлении БГУ, тогда располагавшемся в здании на углу улиц Магазиной (современная Кирова) и Красноармейской. На улице Магазиной в доме № 29 семья Пятосиных получила свое первое жилье. Известно, что И. С. Пятосину наряду с профессорами Л. П. Рязановым, А. П. Бестужевым, С. И. Лебедкиным, С. М. Василейским и другими 9 апреля 1924 г. на заседании Хозяйственного комитета в присутствии ректора В. И. Пичеты была выделена новая квартира из 13 имевшихся в распоряжении университетского Правления. Как указывалось в решении, «в первую очередь» среди прочих заявителей. Были заявления, которые рассматривались «во вторую» и даже «в третью очередь» (это был удел ассистентов).

Вскоре (12 декабря 1921 г.) пришлось писать новое заявление о приеме на преподавательскую работу на медицинский факультет БГУ. Затем последовала постановка на воинский учет (хотя, если судить по сохранившейся «Личной карточке» военнообязанного Пятосина, он с января 1919 г. был принят на учет где-то в Стайковской волости Киевского уезда). Объяснить этот факт биографии можно тем, что Иосиф Степанович был женат на Евгении Васильевне Андреевой – киевлянке, дочери железнодорожного служащего. Потом, уже работая в БГУ, И. С. Пятосин во время летних каникул не раз брал разрешение Правления уни-

верситета на посещение Киева, а также Полтавской губернии «для научных занятий». Вот только сложно говорить, что на самом деле в Украине математик занимался наукой. Возможно, просто вывозил детей на оздоровление к украинским дедушке и бабушке.

Находившийся на иждивении брат Петр в 1922 г. поступил на «натуральна-гістарычнае аддзяленьне Пэдагагічнага факультэту» (лично В. И. Пичета подписал его студенческое удостоверение) и по-прежнему материально полностью зависел от брата, которого в студенческой справке за декабрь 1923 г. уважительно назвали «профессор Иосиф Степанович ПЯТОСИН». До поступления в БГУ Петр в 1917–1921 гг. жил в Самаре в семье брата, там окончил 2-ю опытно-показательную школу второй ступени и по приезде в Беларусь около года учительствовал в сельской школе (видимо, на Бобруйщине). После поступления в университет он вновь стал жить в семье брата в квартире по ул. Университетской, 29 (так была переименована бывшая Магази́нная), в которой вместе с ним насчитывалось пять человек. Не получая стипендии, Петр перебивался «случайной физической работой» и состоял членом студенческой кассы взаимопомощи. В летние каникулярные месяцы Петр уезжал по железной дороге до ст. Березина, а оттуда в м. Паричи, где жил его второй брат Александр.

Пятосиным приходилось рассчитывать лишь на «преподавательское содержание» главы семейства. Но оно, по справке финотдела БГУ, в марте 1925 г. составило лишь 109 руб. 20 коп. Так что Иосифу Степановичу постоянно приходилось искать места для пополнения семейного бюджета. Так, после первого года работы Пятосина в БГУ университетское руководство направило на имя директора педтехникума просьбу следующего содержания: «Прошу утвердить 15 сентября в должности преподавателей: проф. В. Н. Перцева для преподавания

всеобщей истории; Иосифа Степановича Пятосина для преподавания методики математики и К. М. Мицкевича для преподавания методики родного языка и Коценбогена – историч. социол.». На документе внизу сделана приписка: «Педтехникум от 1922 г. утвердил приказом № 307, п. 3».

Системную работу в БГУ Иосиф Степанович начал с декабря 1921 г. в должности «преподаватель по кафедре математических дисциплин». Затем последовательно прошел путь к должности доцента, а в июне 1932 г. ему было присвоено звание профессора. Архивные документы, раскрывающие многие обстоятельства в деятельности БГУ, буквально наполнены фамилией Пятосин. Дело в том, что Иосиф Степанович был востребован во всех областях университетской жизни, сам стремился к максимальной реализации своей высокой компетенции во благо университета и его студентов. Естественным продолжением научно-педагогической работы стала работа административная. Когда в 1922 г. было принято решение о создании педагогического факультета, И. С. Пятосину поручили осуществить первые организационные мероприятия, утвердив его в должности декана. Правда, он пребывал на этом посту только в июне – сентябре, уступив его более «политической» фигуре – нарком просвещения В. М. Игнатовскому.

В 1922–1924 гг. Иосиф Степанович провел огромную организаторскую работу по налаживанию учебного процесса на педфаке, будучи заместителем декана. В сферу его обязанностей в 1922/23 учебном году входило и непосредственное руководство физико-математическим и естественным отделениями педфака. Помимо этого, он занялся созданием кабинета физики и математики и возглавил учебно-научное подразделение факультета, готовившего учителей для белорусских школ. Чуть позже Правление БГУ для юридического оформления этого весьма высокого академического статусу-

са специально ходатайствовало перед Главпрофобром ССРБ об утверждении «у пасадзе Загадчыка фізика-матэматычнага і натуральнага аддзеленій настаўніка Язэпа Сьцяпанавіча Пятосіна». Сохранилась выписка из протокола № 13 заседания Комиссии Наркомпроса ССРБ от 16 мая 1924 г. Заседание вел А. В. Балицкий. На нем как раз и было рассмотрено «Хадайніцтва БДУ аб зацьверджаньні на пасаду Заг. фізыка-матэматычнага і натуральнага аддзяленьняў настаўніка І. С. Пятосіна». Постановление было единогласным: «Зацьвердзіць».

Здесь следует уточнить некоторые нюансы организационной структуры высшей школы СССР и ССРБ. Нельзя применительно к первой половине 1920-х гг. говорить о наличии в БГУ какого бы то ни было количества «кафедр» в настоящем понимании. Тогда кафедра представлялась преподавателем (желательно профессором или доцентом), который мог и читал те или иные учебные курсы. Так что получалось, что количество лекционных курсов и определяло количество «кафедр». Но этот термин не соответствовал некой организационно-управленческой единице. Так, на июнь 1924 г. в БГУ по двум отделениям педфака (этнолого-лингвистическому и социально-историческому) в документах названы 27 кафедр («19 занятых, 6 занятых по совместительству и 2 вакантные»). А вот на естественных отделениях факультета (естественно-историческом и физико-математическом) названо 16 кафедр (8, 3 и 5 – соответственно выше-названной градации). Таким образом, на педфаке в 1924 г. читалось более 40 учебных курсов. Немалое количество «кафедр» занимал и Иосиф Степанович.

Административная и преподавательская работа поглощала все время, но И. С. Пятосин находил возможность для проведения научных исследований в области своей любимой математики. Некоторые результаты он выносил на

суд коллег, увлеченных студентов и широкой общественности. Такую возможность предоставляло действовавшее в университете Научное общество. Математик был одним из его организаторов, с первых дней работы НО БГУ активно участвовал в научных дискуссиях, выступал с научными докладами на заседаниях физико-математической секции. Из архивных материалов известны некоторые темы, озвученные им на подобных заседаниях: «Николай Коперник и его теория», «Роль и значение Ф. Клейна в методике математики» (видимо, в связи со смертью в 1925 г. этого выдающегося немецкого математика и педагога), «Библиография Н. И. Лобачевского и его труды», «Значение И. Ньютона в анализе бесконечно малых», «О работах секции анализа на 1-м Всероссийском съезде математиков в мае 1927 г.» и др.

В последнем случае ученый представил коллегам некоторые результаты работы Всероссийского математического съезда, состоявшегося в Москве 27 апреля – 4 мая 1927 г. Он, уже «доцент Педагогического факультета», был его участником, получив от Правления БГУ специальную командировку. Известно, что после этого съезда в математике начали сгущаться тучи, хотя материалы съезда были напечатаны (правда, среди почти 90 авторов сборника фамилия Пятосина не названа). Власть отчетливо давала понять математикам, что они не могут воспринимать свою науку в отрыве от «строительства социализма». И белорусские математики с учетом не только общесоюзных политических тенденций, но и внутренних республиканских должны были как можно быстрее усвоить суть «советской математики».

Сомнений в лояльности И. С. Пятосина не возникало, так как затем руководство БГУ (разумеется, с согласия партийного и правительственного руководства) делегировало его уже на всероссийские математические съезды в

Харькове (24–30 июня 1930 г.) и Ленинграде (24–30 июня 1934 г.). Разумеется, это в первую очередь было признанием несомненных научных и организаторских заслуг Иосифа Степановича, проявленных во время подготовки и проведения различных математических мероприятий в Беларуси. О политической составляющей всесоюзных научных форумов говорят хотя бы некоторые детали. Так, первый съезд открылся докладом земляка И. С. Пятосина знаменитого полярного исследователя О. Ю. Шмидта на тему «Роль математики в строительстве социализма». Доклад и решения съезда отразили мнение ученых мужей о том, что математика неразрывно связана с деятельностью человека, а ее якобы независимость – «фикция», что «математика – весьма сильное орудие» и ее «носители» должны «творчески, как хозяева, участвовать в общем деле строительства социализма». На втором съезде в Ленинграде выдающийся математик А. Н. Колмогоров еще более однозначно определил суть работы советских математиков: «Главнейшая задача советских математиков есть задача, поставленная и осуществляемая партией, – сделать нашу страну непобедимой».

Говоря об участии Иосифа Степановича в организации и проведении в Беларуси схожих научных математических форумов, можно отметить его выступления с несколькими принципиальными докладами на всебелорусских конференциях преподавателей математики и физики. Например, на первой такой конференции, состоявшейся в Минске в 1926 г., И. С. Пятосин сделал доклад «К вопросу о постановке преподавания математики в школе». Уже с опытом участия во всесоюзных съездах он на Третьей Всебелорусской математической конференции (1934) озвучил научные наработки в области представленной темы «Метод Хевисайда в интегрировании дифференциальных уравнений» (видимо, увлекшись оригинальными идеями

умершего в 1925 г. английского инженера и математика Оливера Хевисайда).

Подобные научные результаты были естественным продолжением напряженной педагогической работы Иосифа Степановича. «По кафедре математики» он читал студентам БГУ общие и специальные курсы, большинство из которых сами по себе можно считать введением в образовательное поле Беларуси уникальных и значимых направлений подготовки специалистов. Таковыми были «Высшая математика», «Введение в анализ и дифференциальное исчисление», «Интегральное исчисление», «Дифференциальная геометрия», «Теория вероятностей», «Теория конечных разностей», «Вариационное исчисление» и др. Например, эти дисциплины он читал в 1924/25 учебном году на 1–3-м курсах педфака и почти всегда вел по ним семинарские занятия. Его лекции имели успех у студентов, которые по мере возможности записывали услышанное, чтобы потом издавать для общего пользования в качестве своеобразных учебных пособий, как в случае с лекциями по интегральному исчислению и дифференциальной геометрии. Правда, самому Иосифу Степановичу приходилось внимательно вычитывать «себя», редактировать, исправлять ошибки и неверно понятое студентами, чтобы не допустить тиражирования научного невежества. Много времени отнимало руководство математическим кружком.

Именно И. С. Пятосин первым в БГУ (да и в Беларуси в целом) поставил на научные основы такой важный предмет, как методика преподавания математики. Он вел лекционные и семинарские занятия по этой важной для будущих педагогов дисциплине. Свои познания в методике преподавания Иосиф Степанович не только передавал коллегам и студентам, но и часто выступал с лекциями перед работниками народного просвещения в белорусской провинции. Так, учителям Гомеля в 1923 г. он представил достаточно сложные темы: «Математика и ее

значение для естествознания» и «Современные методические взгляды на преподавание пропедевтического курса геометрии».

Разумеется, преподавание математики в БГУ вели и другие специалисты с различной научной подготовкой и особыми педагогическими пристрастиями. Так, в 1920–30-е гг. в разных источниках часто встречается фамилия Г. Н. Сагаловича. Более того, в середине 1920-х гг. он даже называется преподавателем по кафедре «методыкі матэматыкі». Потом, в 1930-е гг., этот доцент-математик сделал стремительную академическую карьеру. Различные математические курсы на педфаке преподавали младшие по возрасту и опыту педагогической работы коллеги Иосифа Степановича: Александр Прохорович Круталевич (ко всем его математическим талантам был известен как мастер игры в русские шашки) и его соавтор по различным учебным пособиям, в том числе по методике преподавания математики, уже названный выше Григорий Наумович Сагалович (в предвоенное время – декан физмата БГУ). Также со студентами университета плодотворно работал утвержденный одновременно с Иосифом Степановичем доцентом Василий Леонтьевич Левкович (в послевоенное время он стал заведующим кафедрой в БПИ, опубликовал ряд книг, в том числе «Теорию вероятностей», «Решение численных алгебраических и трансцендентных уравнений») и др.

В апреле 1929 г. по приглашению БГУ в Минск из Вены переехал выдающийся математик Ц. Л. Бурстин, чтобы на педфаке возглавить кафедру математики. К этому времени кафедры стали полноценными структурами факультетов. Они были обязаны реализовывать (в который раз!) измененные учебные планы. Зазвучали рапорты о том, что покончено с многопредметностью, что студенты получили «вольны час для самастойных заняткаў» и т. п. Но в реальности студентам таким образом, без повседневной когнитивной

работы, занятий с высокопрофессиональными преподавателями, постичь математические премудрости было невозможно. Поэтому рапорты шли по инстанциям, а университет по-прежнему был озабочен наполнением аудиторий квалифицированными преподавателями. Стиль этих рапортов походил на заказные «политкорректные» заметки, которые в середине 1930-х гг. печатала на своих страницах университетская многотиражка. Имя того же Целестина Леоновича, абсолютного интеллектуала и трезво мыслящего человека, было проставлено под бравурным материалом по случаю очередного партийно-правительственного решения в сфере образования: «Наша моладзь мае неабмежаваныя магчымасці павышаць сваю кваліфікацыю. Наша моладзь не мае клопатаў у адшуканні работы пасля заканчэння вучобы. Наша студэнцтва ўпэўнена ў сваёй будучыні, упэўнена ў заўтрашнім дні. У нас і мінулыя батракі, чорнарабочыя часта становяцца выдатнымі спецыялістамі, вучонымі». Подчеркнем, что Ц. Л. Бурстин в полной мере владел белорусским языком и преподавал на нем.

Ко времени приезда Ц. Л. Бурстина из Вены в Минск в Беларуси уже была разработана научная математическая терминология на белорусском языке. Огромно значение деятельности Иосифа Степановича в осуществлении белорусизации именно в такой сложной области, как математика. И. С. Пятосин был активен в разработке терминологического аппарата элементарной и высшей математики, участвуя в деятельности математической секции Главной терминологической комиссии Института белорусской культуры и издании в 1927 г. «Слоўніка матэматычнай тэрміналогіі».

Естественным продолжением такой работы был переход на белорусский язык в преподавании. Так, в отчете за 1926/27 учебный год университетский математик записал, что «чытаў такія курсы на фізіка-матэматычным аддзяленні

педфаку: на 2-м курсе – дыфэранэнальнае лічэньне, на 3-м курсе – інтэгрэнальнае лічэньне, на 3-м курсе – тэорыя канцовых розьніцаў і варыяцыйнае лічэньне. Апрача таго на факультэце права і гаспадаркі чытаў курс алэманты вышэйшай матэматыкі. Зрабіў 2 даклады на фізіка-матэматычнай секцыі НТ».

В практику преподавания математики в БГУ с помощью И. С. Пятосина белорусский язык входил и в письменной, и в устной форме. И мало кто подвергал сомнению правомерность того, что на белорусском языке возможно излагать язык математической науки. Разумеется, не только Иосиф Степанович был здесь новатором. Столь же органично по-белорусски читали лекции, проводили исследования и писали научные работы его коллеги.

Для поддержания научно-педагогического «тонуса», но в первую очередь для того, чтобы не отстать от современного течения научной жизни, Иосиф Степанович, как и многие его коллеги по БГУ, регулярно наведывался в научные учреждения и библиотеки Москвы и Ленинграда. Сделать это возможно было в счет летних каникул и только с разрешения Правления университета. Интересен эпизод лета 1926 г., когда И. С. Пятосину одновременно пришлось озаботиться подобной командировкой и проблемой смены квартиры. Командировку до 1 сентября он получил без проблем, а вот «квартирный вопрос» решался туго. Иосиф Степанович в своих петициях отмечал, что имеющаяся квартира уже стеснительна для семьи в пять человек, да к тому же она «очевидно будет отдана Комвузу», как и весь «Дом № 3 БГУ» по улице Университетской. Не соглашался он и на переезд в общежитие по улице Широкой (современная улица Куйбышева), которое было далеко от места работы. Математика и физика преподавались уже в новом корпусе (он был отдан университетскому Институту физики и физико-математическому отделению педфака), построенном

к 1926 г. возле главного корпуса педфака, т. е. вблизи железнодорожного вокзала.

Однако нельзя уличить математика в привередливости: он соглашался на квартиру «с кем-то пополам», хотя писал, что в таком случае все же «согласен жить вместе с М. Н. Пиотуховичем». Но решение вопроса затягивалось. Уже в начале сентября 1928 г. Иосиф Степанович вновь был вынужден заострить внимание Правления БГУ на своем жилищном положении. Как писал «дацэнт Я. С. Пятосін» в своем пространном заявлении на белорусском языке, он, работая в университете «са дня яго існаваньня», был вынужден вместе со своей семьей ютиться в небольшой квартирке в доме на углу улиц Университетской и Серпуховской. Когда в 1923 г. была выделена более подходящая квартира в этом доме, член Правления И. В. Герчиков попросил Пятосина уступить ее переехавшему на работу в БГУ из Казани профессору-астроному А. А. Михайловскому. А когда через некоторое время Иосифу Степановичу была вновь выделена новая квартира (трехкомнатная), то и ее пришлось уступить еще одному профессору – на сей раз психологу С. М. Василейскому. Но в силу того, что Серафим Михайлович оставил работу в БГУ, доцент-математик просил передать его квартиру. Вот только по прошествии двух лет указал, что семья насчитывает четыре человека, а не пять, как летом 1926 г. (наверное, брат Петр стал жить самостоятельно, получив диплом БГУ). И закончил заявление сентенцией: «Думаю, што як абцяцанні, которые калісь мне давалісь адносна квартэры, так і мая, праўда, скромная праца, якую я вяду ў БДУ с часу яго існаваньня, даюць мне права спадзявацца на тое, што просьба мая будзе задаволеная».

Более десяти лет И. С. Пятосин «числился доцентом», хотя с 1921 г. читал лекции по широкому спектру математических дисциплин и считался одним из самых авторитетных специалистов в своей области. Только в начале лета 1932 г. наконец

Фотография выпускников физико-математического отделения педагогического факультета и ведущих преподавателей БГУ. И. С. Пятосин – третий справа в верхнем ряду. 1926 г.

последовало официальное утверждение в профессорской «годнасці». Для этого решение специальной квалификационной комиссии при Государственном ученом совете Наркомата просвещения БССР потребовались ходатайство БГУ, отзыв об учебно-методической и научной работе (его дал профессор Ц. Л. Бурстин) и иные документы. Но, несмотря на сложные политические процессы, разворачивавшиеся в начале 1930-х гг., которые накладывали тягостный отпечаток на межличностные отношения, решение комиссии было однозначным – «Надаць годнасць Праф. Матэматыкі т. Пятосіну».

С этого времени постоянно звучавшее в аудиториях и кабинетах БГУ «профессор Пятосин» приобрело официальное подтверждение – подтверждение незаурядного профессионализма математика Иосифа Степановича Пятосина. И он сам

в служебных и иных документах, которые сопровождали жизнь советского гражданина и не уменьшались, а множились с невероятной быстротой, стал писать: «пасада – прафесар». Если более внимательно присмотреться к обстоятельствам преподавательской карьеры Иосифа Степановича, то можно констатировать, что он был одним из многих интеллектуалов, востребованных буквально чуть ли не во всей системе формировавшейся высшей школы советской Беларуси. Так, одновременно с напряженной работой в БГУ и карьерным ростом именно в стенах университета он в 1925–1930 гг. фактически возглавлял кафедру математики в Белорусском коммунистическом университете им. В. И. Ленина. С 1931 по 1933 г. был заведующим кафедрой и преподавал различные математические курсы в Белорусском энергетическом институте, а с

1933 г. сконцентрировался на преподавании в Белорусском политехническом институте. Там и оборвался не только профессиональный, но и жизненный путь универсального математика, до мельчайших деталей скрупулезного во всем профессионала, скромного и внимательного человека, всей душой болевшего за создание новой Беларуси.

Иосиф Степанович никогда не оставлял преподавание в БГУ, являлся его профессором и продолжал свою активную деятельность не только в области преподавания и науки, но и общественной: в 1934 г. он назван в документах депутатом горсовета Минска. А летом 1936 г. активно отозвался на постановление о высшей школе. В материале «Узнiем якасць нашай работы» за подписью «профессор ПЯТОСІН» математик писал в университетской многотиражке «За лeнiнскiя кадры»: «Пастанова нашай партыі і ўрада аб вышэйшай школе ад 23-га чэрвеня 1936 г. дае ясныя ўстаноўкі па ўсiх асноўных пытаннях арганiзацыі і работы вышэйшай школы. Тут мала слоў, але ўсё ёсць. Кожнаму, хто мае дачыненне да вышэйшай школы, пастанова ўказвае шлях сапраўднага развіцця вышэйшай школы, указвае канкрэтна, што ён павiнен рабiць. На грунце гэтай пастановы павiнна разгарнуцца барацьба за якасць падрыхтоўкі нашых кадраў. Адзiным адказам на гэту пастанову з боку кожнага навуковага работніка павiнна з'явiцца павышэнне якасці яго ўласнай, як педагагiчнай, так і навуковай работы».

В передовице газеты отмечалось, что в завершившемся учебном году «...прафесарска-выкладчыцкі склад, студэнты працавалі не пакладая рук». И среди 13 фамилий наиболее успешных преподавателей были названы профессора-математики Пятосин, Дыдырко, Бурстин, химик Змачинский, историк Щербаков и др. – те, кто в самом скором времени были не только устранены из университетских аудиторий, но и лишены жизни в самом расцвете творческих сил. Еще в

списках «научных работников» БГУ на 1936 г., на 1935/36 и на 1937/38 учебные годы Иосиф Степанович числился. Хотя, в отличие от «профессоров Бурстина Ц. Л. и Дыдырко В. К.», он был назван в разделе «ассистенты и другие преподаватели», что можно расценить как определение его работы по совместительству. Но уже в списке следующего учебного года, подписанном «врио ректора» Лихтарниковым, фамилия Пятосина отсутствует. Правда, если быть точным, видимо, по недосмотру университетских канцеляристов фамилия И. С. Пятосина и еще 20 его коллег первоначально попала в этот список. Но все они были не совсем тщательно вымараны (сегодня возможно прочитать) – то ли в момент подачи в Наркомпрос, то ли позже.

Иосиф Степанович был арестован 16 мая 1938 г. «компетентными органами» вместе с одним из первых преподавателей психологии и педагогики В. В. Перебилло. В НКВД было заведено «дело» (оно сегодня хранится в архиве белорусского КГБ). Казалось бы, волна арестов и судилищ, расстрелов и ссылок стала спадать. Многие из университетских коллег и товарищей уже прошли семь кругов ада, уготованного белорусской интеллектуальной элите (и не только) вождями и их ретивыми сатрапами. Прошли и не вернулись. Но для И. С. Пятосина нашлась «статья» – он оказался в казематах как «участник к. р. повстанческой организации и агент польской разведки». Допзнание и прочие «процессуальные действия» были проведены по накатанной схеме. Приговор 22 сентября 1938 г. огласила «тройка» в составе наркома Наседкина, секретаря ЦК Пономаренко и генпрокурора Новика. Было указано, что Пятосина в «контрреволюционную организацию» вовлек И. П. Корневский еще в 1926 г. (отметим, что бывший ректор БГУ уже почти годом ранее был расстрелян). И все эти фальшь и чудовищные измышления завершились приговором – «расстре-

лять!». Выдающийся белорусский математик и организатор высшей школы был расстрелян 21 октября. Реабилитация последовала в марте 1956 г.

Имя выдающегося математика сразу было вычеркнуто из университетской жизни. Вскоре в БГУ провели научную сессию с участием тех оставшихся ученых, которые могли продемонстрировать некоторые итоги своих исследований. Но акцент руководство университета сделало на привлечение молодежи, даже без сколь-нибудь серьезных научных работ. Была сформирована и физико-математическая секция, отчет о работе которой сделали в университетской многотиражке коллеги Иосифа Степановича доценты Г. Н. Сагалович и А. И. Нахимовская. Им пришлось лишь выдать желаемое за действительное: «Першыя дні работы фізіка-матэматычнай секцыі паказалі, што фізмат мае значны зрух у навуковым жыцці. У навукова-даследчай рабоце прымаюць удзел такія маладыя

кадры навуковых работнікаў фізмата, як тт. Нісневіч, Шэрамецьеў, Фёдараў і др. На сесіі разам з убеленымі седзінамі акадэмікамі выступалі з дакладамі маладыя навуковыя работнікі». Но декан физмата И. П. Шапиро в том же 1939 г. вынужден был признать, что для обеспечения учебного процесса и проведения научно-исследовательской работы приходится приглашать специалистов из Москвы и Ленинграда – профессором-математиков А. М. Лопшица и И. М. Гельфанда, доцента Н. В. Ламбина, физика Н. С. Акулова и др. Для восстановления загубленного интеллектуального потенциала университету потребовались десятилетия.

Человека нельзя воскресить. Но наш долг поднять из небытия величие дела ученого и педагога, которому Беларусь обязана своим продвижением на пути цивилизации, демократии, гуманизма.

Олег Антонович Яновский

**Выдающийся медик,
организатор клинической
хирургии в Беларуси**

**Профессор, заведующий
клиникой БГУ**

**Савелий Миронович
РУБАШЕВ**

20.05.1883 – 13.08.1957

Среди выдающихся врачей, которые стояли у истоков медицинского образования и клинической хирургии в Беларуси, видное место принадлежит именитому советскому хирургу, уроженцу Беларуси Савелию Мироновичу Рубашеву. С именем ученого связано становление нескольких хирургических клиник в Беларуси, России, Молдове. Он организатор первой в нашей стране хирургической клиники – клиники Белорусского государственного университета. Есть заслуга медика и в создании Белорусского НИИ переливания крови. Более 50 лет выдающийся врач занимался лечением тысяч больных, раненых фронтовиков, органично сочетая практическую деятельность с многогранной научной и педагогической работой.

Савелий Миронович был не только по-настоящему увлеченным практикующим врачом и организатором врачебного дела, но и серьезным ученым. Он автор монографий и учебников по хирургии, множества научных статей. В его публикациях обобщен хирургический опыт, накопленный им как в мирные годы работы в дореволюционной России и советской Беларуси, так и в период Первой и Второй мировых войн.

С. М. Рубашев – один из наиболее талантливых хирургов, работавших в Беларуси в годы становления ее государственности. Он был не только профессором медицинского факультета БГУ, но и директором 1-й хирургической клиники, первым директором Белорусского НИИ переливания крови. Его научный, практический и организаторский талант был реализован и в советской Молдове: Савелий Миронович руководил факультетской хирургической клиникой в Кишиневском медицинском институте, являлся главным онкологом МССР, членом Президиума Ученого медицинского совета при Минздраве МССР. Профессор-медик входил в правление Всесоюзного общества хирургов, был членом редколлегий нескольких хирургических журналов.

Савелий Миронович Рубашев родился в 1883 г. в мещанской семье в м. Чашники Лепельского уезда (в некоторых анкетах по неизвестным причинам местом рождения указывается Петербург). Отец служил приказчиком у частных лиц, мать вела домашнее хозяйство, подрабатывая белошвейкой. Видимо, семейное благосостояние было скромным, так как впоследствии в одной из заполненных анкет Савелий Миронович указал, что родители даже не владели недвижимым имуществом. Можно предположить, что отец рассчитывал лишь на жилье, которое ему и его семье предоставляли хозяева.

Волей судьбы способный юноша оказался в Воронеже, где ему, несмотря на ограничения, которые касались еврейской молодежи, удалось поступить и окончить в 1901 г. местную гимназию. Гимназическое образование в 1902 г. открыло двери для учебы на медицинском факультете Харьковского университета. Пять лет упорных занятий завершились в 1907 г. получением квалификации хирурга.

Многие факты говорят о том, что Савелий Миронович был очень талантливым и способным человеком. Кроме белорусского и русского языков он владел немецким, французским и английским, читал на итальянском. Уже только этот лингвистический уровень образованности, не говоря о чуть ли не фанатичной увлеченности любимым делом – хирургией, позволял молодому врачу быть устремленным к постижению передовых научных медицинских знаний. Как указал Савелий Миронович в своем *curriculum vitae*, уже в 1907–1910 гг. он был ординатором госпитальной хирургической клиники Харьковского университета. А затем в предвоенные годы (1914) работал в клинике Императорского Московского университета у профессора А. В. Мартынова. Ординатура гармонично сочеталась с заграничными стажировками: в берлинской клинике профессора Бера, в швейцарском Берне у профессора Кохера,

в Вене – у профессора Эйсельсберга, в столице Франции – у профессоров Дельбета и Альбаррана и др.

Именно в период пребывания за границей С. М. Рубашев написал первую научную работу: во время стажировки в клинике профессора Бера была обобщена практика по ферментному лечению туберкулеза. Под руководством профессора Бюда проходили исследования по патологической анатомии, в Верховском институте – по патологической физиологии. Кроме того, в европейских университетах и клиниках медик знакомился с урологией, рентгенологией и другими методами исследования.

Столь богатая практическая и исследовательская работа принесла свои плоды: в 1912 г. Савелий Миронович успешно защитил докторскую диссертацию в клинике профессора А. В. Мартынова. Тема диссертации отразила многолетние усилия по выявлению наиболее эффективных средств и методов лечения дыхательных путей человека: «Хирургическое лечение эмфиземы легких в связи с ее патогенезом».

В 1913 г., за год до начала Первой мировой войны, молодой доктор медицины и практикующий врач серьезно занялся изучением вопросов, связанных с новейшими открытиями физиков. Он одним из первых начал осваивать возможности рентгенодиагностики. В это время Савелий Миронович работал в разных медучреждениях Москвы, в том числе в Басманной больнице. Результатом его практической и исследовательской работы стали публикации четырех статей (две из них на немецком языке).

С началом Первой мировой войны С. М. Рубашев был мобилизован и служил ординатором в хирургических военных госпиталях – в Минске, в Новгород-Северске, в Черкассах. Только в 1918 г. он был демобилизован в Харькове, где находился до занятия этого украинского города Красной армией. И сразу его мобилизовали – уже в Красную армию.

Правда, в некоторых документах Савелий Миронович указывал две даты своей мобилизации – 1918 и 1919 гг. Новая военная служба проходила в Харькове – он был начальником эвакуационного пункта, затем, до демобилизации в 1922 г. – главврачом харьковских госпиталей.

В годы Первой мировой войны С. М. Рубашев не прекращал научные исследования и публикацию их результатов. Как и прежде, наука была сопряжена с практическими проблемами, усугубленными условиями войны. Его статьи тех лет посвящены военной хирургии: «К вопросу о местном столбняке» (в журнале «Практический врач», 1916 г.), «Современное лечение инфицированных ран на войне» (в журнале «Врачебное дело», 1918 г.), «Профилактика и лечение столбняка» (Там же, 1919 г.). Были также подготовлены семь статей по огнестрельным ранениям.

Несмотря на службу в армии, в 1917 г. Савелий Миронович был избран приват-доцентом Московского университета по кафедре госпитальной хирургической клиники, а в 1918–1919 гг. занимал должности в харьковском профсоюзе врачей. После окончания Гражданской войны, в 1921–1923 гг., он заведовал хирургическим отделением больницы в Харькове и был ординатором хирургического отделения узловой железнодорожной больницы. В 1922 г. опытного врача избрали приват-доцентом по урологии в хирургической клинике Харьковского медицинского института. Но вскоре в судьбе произошел крутой перелом – в 1923 г. последовало приглашение на переезд на далекий Урал, так как в Омском, а затем Пермском университетах ему была предложена должность профессора по кафедре хирургической патологии. На тот момент Савелий Миронович был уже известным хирургом-практиком, имел опыт преподавания в Московском и Харьковском университетах, отметил почти сорока печатными трудами, состоял в медицинских хирургических обще-

ствах Харькова и Москвы. Для советских реалий важно было и то, что врач состоял в профсоюзе (Всемирном медицинском союзе). Так что приглашение получить свою кафедру в молодых советских университетах было и обоснованным, и лестным.

Одним из таких университетов в те годы был и Белорусский государственный университет. Его медицинский факультет считался важнейшим, хотя и самым сложным, ведь существовали кадровые, организационные, материально-технические и прочие проблемы. Но руководители республики и Правление БГУ делали все для того, чтобы состоялся факультет, а значит – и весь университет. Изыскивались средства для современного и полного оснащения всем необходимым медфака. Так, 26 сентября 1923 г. на заседании Совета БГУ декан медицинского факультета профессор С. М. Мелких проинформировал коллег о том, что удалось открыть терапевтическую и хирургическую пропедевтическую клиники, для оборудования которых пришлось

Профессор С. М. Рубашев (третий слева во втором ряду) с коллегами по медицинскому факультету БГУ (во втором ряду: первый слева – профессор С. М. Мелких, второй – профессор кафедры глазных болезней С. Д. Каминский, четвертый – декан факультета профессор М. Б. Кроль, пятый – профессор акушерства М. Л. Выдрин, шестой – заведующий кафедрой детских болезней В. А. Леонов) и студентами. Середина 1920-х гг.

Первый выпуск врачей медицинского факультета БГУ
(С. М. Рубашев – пятый слева во втором ряду). 1925 г.

приложить особенно много усилий. А это расценивалось как краеугольный камень для возведения «всего стройного клинического здания медфака».

Обе клиники были устроены в зданиях 1-й городской Советской больницы. Выделенные помещения были основательно отремонтированы. Хирургическую клинику удалось оснастить всевозможным инструментарием. В январе 1923 г. в помещениях 1-й городской Советской больницы была открыта поликлиника, при которой работал рентгеновский кабинет, обслуживавший обе клиники.

Для постановки медицинского образования, равно как и для белорусской медицины в целом, остро стоял вопрос привлечения в открытые клиники опытных кадров. Для решения проблемы Правление университета, деканат медфака предпринимали всевозможные шаги,

использовали личные связи, авторитетно обещали обеспечить бытовые условия, а главное – предоставить самостоятельность в реализации профессиональных знаний. В первую очередь рассматривались кандидатуры уроженцев Беларуси.

Предложение переехать на родину и занять в Минске должность заведующего хирургической клиникой БГУ было направлено и профессору С. М. Рубашеву. Приглашение он получил в Харькове, где занимал доцентскую кафедру хирургической урологии Харьковского мединститута. 23 сентября 1923 г. Савелий Миронович направил декану медфака БГУ письмо с просьбой сделать факультету официальное заявление о том, что он изъявляет желание занять в Минске кафедру хирургической клиники медфака. Формальности были быстро улажены, и кандидатура С. М. Рубашева была единогласно реко-

мендована на заседании предметной комиссии неклинических дисциплин БГУ. 14 октября 1923 г. Савелий Миронович был единогласно избран Советом медфака БГУ на вышеуказанную должность. Оставалось лишь направить в вышестоящие инстанции итоги прошедшего в университете избрания нового профессора. В установленном порядке Правление БГУ направило просьбу в Главпрофобр РСФСР об утверждении в должности профессора медфака БГУ по кафедре факультетской хирургической клиники Савелия Мироновича Рубашева. Вскоре, 8 ноября 1923 г., отдел медицинского образования Главпрофобра РСФСР сообщил, что Государственный ученый совет на заседании 26 октября 1923 г. назначил С. М. Рубашева на должность профессора по факультетской хирургической клинике.

Новоизбранный университетом и официально назначенный высшими советскими властями профессор прибыл в Минск 12 января 1924 г. и сразу вступил в заведование факультетской хирургической клиникой. Отметим, что с означенного числа клиника становилась открытой – об этом Правление БГУ сообщило в горздрав Мингорисполкома.

Савелий Миронович сразу же включился в учебный процесс в университете: уже зимой – весной 1924 г. читал по два лекционных часа курса урологии для студентов-четверокурсников медфака. Но все же основное время забирала работа в клинике, где были продолжены исследования по разным направлениям хирургии. Среди прочего ученого интересовали вопросы хирургии вегетативной нервной системы. Еще с 1910 г. он опубликовал 10 работ по этой проблематике (одну на немецком языке). Много публикаций было по тематике военной хирургии. Всего же на 1926 г. С. М. Рубашев опубликовал 56 работ (некоторые из них изданы в Германии).

Переезд из Харькова в Минск был связан с большими проблемами. Когда стало известно о новом трудоустройстве Саве-

лия Мироновича, его семью из занимаемой квартиры (ул. Конторская, д. 8) стал выселять харьковский губздрав, обосновывавший свое решение тем, что медик прекратил работу в городе. Жену с пятилетним ребенком и весь домашний скарб следовало немедленно перевезти в Минск. Правление БГУ 19 февраля 1924 г. ходатайствовало в Украинскую комиссию по улучшению быта ученых с просьбой оставить семью до мая 1924 г. Харьковские городские власти пошли навстречу и разрешили проживание семьи Рубашева до 15 апреля 1924 г. Однако к этому сроку в Минске не смогли выделить обещанную квартиру. Савелию Мироновичу пришлось в очередной раз обращаться в Правление БГУ, подкрепляя свои доводы эмоциональной констатацией, что его семья поставлена «в совершенно невыносимое положение».

Ректор Владимир Иванович Пичета лично направил просьбу к заведующему харьковским губздравом о продлении срока проживания семьи Рубашева, поясняя, что в Минске квартира в силу проведения значительного ремонта будет готова не ранее начала мая. В новом обращении к харьковским коллегам руководство БГУ в отчаянии приводило аргумент, что отказ продлить срок про-

Профессор С. М. Рубашев (второй слева во втором ряду) среди коллег и студентов. Середина 1920-х гг.

Савелий Миронович Рубашев

живания «вызовет необходимость отъезда С. М. Рубашева в Харьков, чем будет сорвано преподавание клинической хирургии в университете». Более того, 7 апреля письма подобного содержания были направлены харьковскому губпрокурору и председателю Харьковского губисполкома.

Эти обстоятельства, касающиеся судьбы всего лишь одного из профессионалов, которые так были нужны молодой республике и ее университету, интересны и даже в чем-то знаменательны для понимания того, что и как делалось ради создания и эффективного функционирования Белорусского университета.

Тем не менее профессор был вынужден не только постоянно ездить в Харьков к своей семье, что снижало эффективность его работы, но и переживать из-за столь затянувшегося решения квартирного вопроса. Например, 29 февраля 1924 г. Савелий Миронович написал рапорт декану медфака с просьбой об отпуске на 10–14 дней с 5 марта 1924 г. по семейным обстоятельствам. Заведование клиникой он просил передать на это время своему ассистенту доктору И. М. Перельману. Правление БГУ 4 марта согласилось на его отпуск.

Одновременно возникла и другая проблема – харьковский губздрав направил в суд иск о взыскании с С. М. Рубашева 170 руб. 90 коп. Судом была выписана повестка. Вот только оплатить затребованную сумму профессору оказалось затруднительно: на его иждивении кроме жены и сына находилась также овдовевшая сестра Фаина Лерман с малолетней дочерью. Близкие проживали в Ростове-на-Дону.

Несмотря на все старания, из-за катастрофической нехватки жилых помещений у БГУ в 1924 г. постоянную квартиру семье С. М. Рубашева так и не удалось выделить. В заявлении в Правление БГУ Савелий Миронович писал, что, не имея осенью квартиры, вынужден был снять комнаты частным порядком, из-за чего нес значительные затраты. Правление университета смогло помочь лишь выдачей аванса. Из-за тяжелых финансовых условий 22 декабря 1924 г. профессор просил Правление насколько возможно уменьшить ежемесячный вычет из жалования, которого едва хватало на существование.

В связи с судебным заседанием, назначенным на 20 января 1925 г., Савелий Миронович вынужден был вновь направиться в Харьков, для чего 1 января 1925 г. просил десятидневный отпуск у декана М. Б. Кроля. В его отсутствие свои обязанности он просил передать опять же доктору И. М. Перельману. Видимо, судебные проблемы были сняты, так как 18 февраля 1925 г. С. М. Рубашев с неким пафосом рапортовал декану медфака, что начал читать курс по болезням уха, носа и горла для студентов 5-го курса (один раз в неделю по два часа). Хирург согласился на данный педагогический эксперимент, так как президиум медфака БГУ попросил Правление БГУ поручить временно, до приглашения специалиста-профессора, читать лекции по этим болезням именно С. М. Рубашеву. Не откликнуться на просьбу университетского руководства в ситуации, когда оно прила-

Профессор С. М. Рубашев (третий слева во втором ряду) среди коллег. Вторая половина 1920-х гг.

гало усилия для решения всевозможных семейных и личных вопросов, Савелий Миронович просто не мог.

Период работы в Белорусском государственном университете стал самым плодотворным этапом научной деятельности Савелия Мироновича. Он преподавал, интенсивно занимался исследовательской работой (только в 1925 г. профессор издал 16 научных работ), совершал научные командировки. Поражает интенсивность научных и служебных командировок ученого и руководителя важной университетской клиники. Так, 19 мая 1925 г. Савелий Миронович был командирован в Ленинград на Всесоюзный съезд хирургов. Через год Правление БГУ вновь направило ученого-хирурга на очередной Всесоюзный съезд хирургов в Москву (с 20 мая по 3 июня 1926 г., где он выступал с докладами). И буквально сразу, с 15 по 19 сентября 1926 г., была осуществлена командировка в Одессу на Всеукраинский хирургический съезд. В скором времени, в январе 1927 г., С. М. Рубашев выступал в Ростове на областном съезде хирургов, а 20–28 мая 1927 г. – в Ленинграде на Всесоюзном съезде хирургов и урологов. Как директор 1-й хирургической клиники медфака БГУ 23 мая 1928 г. был направлен Правлением БГУ в командировку на уже 20-й Всесоюзный съезд хирургов в Москве (проходил с 26 по 31 мая 1928 г.).

Непродолжительное время в 1927 г. Савелий Миронович являлся деканом медфака БГУ, однако совмещать активную преподавательскую работу и работу в хирургической клинике с административной и при этом находить время на научные командировки было невозможно. Поэтому уже в 1927 г. Савелия Мироновича на должности декана заменил другой выдающийся медик – профессор М. Б. Кроль, предоставив ему возможность сосредоточиться на преподавательской работе и работе в университетской клинике, которую возглавлял С. М. Рубашев.

Профессор С. М. Рубашев (сидит третий слева) среди коллег по хирургической клинике БГУ. Конец 1920-х гг.

Серьезная научная и практическая работа требовала быть в курсе современного зарубежного опыта в области медицины. Белорусское правительство изыскивало необходимые средства на подобные командировки первых профессионалов. Так, с 1 июня по 1 сентября 1927 г. Савелий Миронович за счет комиссариата финансов БССР находился в Берлине, хотя профессору пришлось использовать и свои личные деньги, правда досрочно выделенные ему тем же Наркоматом. В автобиографии, написанной уже после войны в Кишиневе, Савелий Миронович отмечал, что это была премия за выпущенную книгу. В объяснительной записке к заграничной командировке 1927 г. профессор Рубашев писал: «Целью моей заграничной поездки является: 1. В Берлине я хочу ознакомиться в клиниках университета с новыми методами клинического преподавания, практикующимися во всех трех берлинских хирургических клиниках, а также познакомиться практически с новейшими приобретениями германской хирургии. 2. Занимаясь последние 2 года вопросами хирургии нервной системы, я имею в виду изучить целый ряд вопросов по хи-

рургии симпатической нервной системы у проф. Brüning'a в Берлине и по хирургии головного мозга у проф. Foerster'a в Бреславле. 3. В Берлине я буду работать в институте проф. Blumenthal'я по вопросу о злокачественных опухолях. 4. Последней целью поездки является необходимость закончить 2 большие монографии, что невозможно без работы в медицинских библиотеках Берлина. 14.02.1927 г.».

В ноябре 1927 г. произошло знаковое событие в белорусской медицинской науке. Доцентом кафедры хирургии Е. В. Корчицем была защищена первая в Беларуси докторская диссертация по медицине. Работа выполнялась в Институте оперативной хирургии и топографической анатомии Военно-медицинской академии Ленинграда под руководством профессора В. Н. Шевкуненко, а одним из двух официальных оппонентов был профессор С. М. Рубашев.

Савелий Миронович являлся членом авторитетного Общества минских врачей, в работе которого принимал активное участие. На проходящем в январе 1928 г. в актовом зале БГУ торжественном юбилейном заседании Общества,

посвященном его 60-летию, Савелию Мироновичу было предоставлено почетное право прочитать доклад на тему «Гипократизм и современная медицина». Ученый активно выступал на заседаниях секции Научного общества БГУ, в 1930–1934 гг. был председателем Научного общества хирургов БССР.

В начале 1930-х гг. в карьере профессора произошли изменения. В марте 1932 г. он был назначен первым директором Всебелорусского филиала Центрального института переливания крови, который в ноябре того же года реорганизовали в Белорусский НИИ переливания крови. В этой должности Савелий Миронович находился до 1933 г., продолжая активно заниматься наукой, публиковаться и одновременно преподавать в Минском медицинском институте, в который был преобразован медфак БГУ. В 1932 г. из-под пера Савелия Мироновича вышла первая книга для хирургов Беларуси – «Клінічна хірургія». Заслуги профессора были по достоинству оценены – С. М. Рубашеву первому среди ученых было присвоено звание «Заслуженный деятель науки БССР».

В 1934 г. опытный хирург, хорошо известный в медицинских кругах СССР, получил предложение занять должность заведующего кафедрой общей хирургии 2-го Ленинградского мединститута. Отказаться от такого предложения было нельзя. Переезд в один из научных центров предоставлял широкие возможности для творческого и карьерного роста. Дальнейшая профессиональная деятельность Савелия Мироновича до начала Великой Отечественной войны была связана именно с этим медицинским учебным заведением.

В годы Второй мировой войны профессор С. М. Рубашев активно оказывал помощь раненым бойцам и офицерам Советской армии. До 1945 г. состоял постоянным консультантом и научным руководителем двух крупных госпиталей в Ленинграде, хотя как опытный и

Профессор С. М. Рубашев (первый слева в верхнем ряду) среди коллег и студентов первого выпуска медицинской школы. 1930 г.

Некоторые из научных трудов профессора С. М. Рубашева, изданные в годы работы в БГУ

высококласный специалист, а также по состоянию здоровья постановлением правительственной комиссии был эвакуирован в Омск. Там, наряду с работой в мединституте, Савелий Миронович занимал должность главного хирурга крупного госпиталя для тяжелораненых и одновременно консультировал в двух других крупных госпиталях. С середины 1942 г. и до середины 1944 г. находился в Новосибирске, где заведовал кафедрой общей хирургии Новосибирского мединститута, возглавлял хирургическую работу в госпиталях для раненых тяжелого профиля.

В 1944 г. профессор был избран по конкурсу на кафедру хирургии во вновь организованном медицинском институте в Кисловодске. Он развернул клинику на базе крупнейшего госпиталя и проделал огромную работу по организации лечения очень сложной группы раненых с повреждением грудной клетки. Одновременно как консультант ряда госпиталей, а в дальнейшем как главный хирург госпитальной базы кисловодской группы госпиталей С. М. Рубашев лечил раненых, занимался научным обобщением хирургического опыта, накопленного за годы войны. Как главный хирург кисловодской группы госпиталей, он привлек к активной научной и практической работе большой коллектив врачей, что придало всей деятельности госпитальной группы серьезную научную и практическую направленность. Эта работа была неодно-

кратно отмечена в приказах по Главному управлению эвакуационных госпиталей.

С октября 1945 г., в связи с переездом Кисловодского мединститута в молдавский Кишинев, профессор С. М. Рубашев был утвержден заведующим кафедрой хирургии (а после и оперативной хирургии) Кишиневского мединститута и одновременно директором факультетской хирургической клиники. Можно предположить, что в какой-то степени эти должности всколыхнули воспоминания о работе в БГУ.

В послевоенные два года под руководством Савелия Мироновича в клинике Кишиневского мединститута было проведено свыше 1200 сложных операций. Опыт, накопленный при их осуществлении, позволил ученикам профессора подготовить четыре диссертации. Под руководством уроженца Беларуси С. М. Рубашева врачи клиники изучали вопросы использования пенициллина при лечении некоторых хирургических заболеваний, применения новейших на то время наркотических веществ, вопросы гнойной хирургии. Профессор в этот период подготовил несколько научных работ.

Профессор С. М. Рубашев стал главным онкологом Молдавской ССР и в этом качестве проводил огромную работу по организации противораковой борьбы, в частности сети онкологических пунктов и санитарно-просветительской работы среди населения. Под его руководством

в 1946 г. в республике была проведена противораковая неделя, в течение которой для населения, студентов и врачей было прочитано свыше 125 лекций и докладов. Савелий Миронович принимал также активное участие в работе Общества Красного Креста по организации противораковой борьбы и как член Президиума Ученого медицинского совета при Министерстве здравоохранения МССР выполнял ряд заданий этого Общества.

Профессор выезжал в разные города республики (Бендеры, Тирасполь, Бельцы и др.), где проконсультировал около 300 сложных больных. Вел активную популяризаторскую и просветительную работу среди населения, выступал с научными докладами для врачей, периодически выезжал на операции и консультирование больных в госпиталь для инвалидов Великой Отечественной войны в Каменке, являлся председателем хирургического общества в Кишиневе, на заседаниях которого читались доклады на актуальные темы хирургии. Был членом правления Всесоюзного общества хирургов и членом нескольких редколлегий издаваемых в СССР хирургических журналов. Столь очевидная общественная активность предопределила возможность стать членом КПСС в 1948 г., несмотря на солидный возраст.

В Кишиневе ученый-медик плодотворно проработал вплоть до смерти в 1957 г. За свою жизнь С. М. Рубашев опубликовал более 200 научных работ и более 10 учебников, стал заслуженным деятелем науки Молдавской ССР. Наиболее востребованными в медицинской практике стали те работы, в которых Савелий Миронович аккумулировал опыт всей профессиональной деятельности: вопросы хирургии грудной полости (пять работ, из них две на немецком языке), хи-

рургии брюшной полости (семь работ, из них две на немецком языке), хирургии мочеполовых органов (пять работ, из них одна на немецком языке). В нескольких своих ранних работах он рассматривал вопросы, связанные с хирургией и туберкулезом (одну подготовил совместно с профессором А. Стиккером и в 1912 г. издал в Берлине).

Огромный опыт, исключительную эрудицию, талант хирурга и педагога – все это С. М. Рубашев на протяжении 50 лет отдавал делу подготовки врачебных кадров, науке и лечению больных. За свою деятельность он по праву занял одно из ведущих мест в истории советской и белорусской хирургии. Основные труды Савелия Мироновича посвящены хирургическим вмешательствам при заболеваниях брюшной полости (аппендицит, холецистит, панкреатит, язвенная болезнь желудка, грыжа), обезболиванию, а также военно-полевой хирургии (огнестрельные повреждения суставов, грудной клетки, бедра, инфицированные раны), урологии (злокачественные новообразования мужских половых органов). Он одним из первых описал врожденные ангиодисплазии (синдром Паркса – Вебера – Рубашева, 1928), опухоли вилочковой железы (1911), предложил модификацию метода гастроскопии (1912). Самая же большая заслуга Савелия Мироновича – его огромный вклад в становление и развитие хирургии в Беларуси, России, Молдове, спасенные им прямо и косвенно жизни. Его многочисленные ученики продолжили дело учителя по практическому применению совершенных методов хирургической помощи, а также по научной разработке различных вопросов клинической хирургии.

Виталий Сергеевич Макаревич

**Создатель Института физики БГУ,
новых научных направлений
и учебных курсов в Беларуси**

**Профессор БГУ, организатор
системного преподавания физики**

**Ефим Еремеевич
СИРОТИН**

13.10.1888 – 22.07.1949

Одним из основоположников университетского физического образования в Беларуси и постановки научных исследований в самых современных областях физики по праву можно считать Ефима Еремеевича Сиротина. За 1922–1927 гг. он по кафедре физики БГУ создал вместе с коллегами настоящую систему в преподавании, а главное – в разработке многих фундаментальных и прикладных проблем в науке, что расширило горизонты познания макро- и микромира. Незаурядный ученый опубликовал работы по дифференциальным уравнениям, математическим методам в физике. Он автор первой научной статьи по математике, опубликованной ученым Белорусского университета. Его педагогическая деятельность протекала буквально на всех факультетах университета – курс физики он читал на педагогическом, медицинском и рабочем факультетах. По инициативе Е. Е. Сиротина в БГУ в 1923 г. была организована первая физическая лаборатория, вскоре названная Институтом физики. Также им создана мастерская точной механики.

Научные изыскания Ефима Еремеевича в разных областях физики были востребованы в народном хозяйстве Беларуси. Он первым в советской республике стал проводить геомагнитные съемки и изучение радиоактивности, гравитометрические измерения. Университетский профессор активно участвовал в работе физико-математической секции Института белорусской культуры и инициировал создание кафедры физики, был ее заведующим.

Научная состоятельность белорусского ученого имела международную репутацию. Ефим Еремеевич под руководством Петра Капицы работал в Кембридже в возглавляемой Э. Резерфордом лаборатории.

Ефим Еремеевич Сиротин родился 13 октября 1888 г. в с. Соленое Займище Черныярского уезда Астраханской губернии в крестьянской семье. Родители будущего физика происходили из украинских крестьян и до 1895 г. носили фамилию Сиротенко. Вскоре отец принял решение переехать на один из островов Каспийского моря для занятия рыбной ловлей. В 1891 г. в Гурьевском уезде Уральской области (сегодня это территория Казахстана) глава семейства основал поселок, долгое время носивший название Сиротино. Позже поселок стал называться Прорва (как и остров, на котором он расположен). Видимо, переезд положительно сказался на благополучии семейства Сиротиных – уже в 1899 г. в метрике о рождении еще одного сына (Дмитрия) отец будет записан как мещанин.

С восьми лет Ефим был отдан на воспитание в семью учительниц начальных училищ в Астрахани. Вскоре он вместе с ними переехал в Саратов и в 10 лет поступил в известную 1-ю городскую мужскую гимназию. Благодаря отличной учебе – во всех классах по успеваемости смысленный мальчик был первым – он, будучи из малообеспеченной семьи, в течение всего периода обучения освобождался от

оплаты. Позднее и в университете успехи в учебе позволили получить высшее образование за «государственный кошт».

Сохранились свидетельства, что в период учебы в Саратове Ефим Еремеевич снимал комнату и ее хозяева оказывали студенту всяческую поддержку, фактически став для будущего физика приемными родителями. Такое отношение чужих людей много значило для молодого человека, и он всегда о нем помнил, старался помогать в ответ. Так, много лет спустя, после смерти жены, Ефим Еремеевич фиктивно женился на дочери своих саратовских благодетелей с тем, чтобы прописать ее в доме вблизи Москвы, где жил сам.

Обучение в гимназии Е. Е. Сиротин проходил в одно время с такими известными в будущем людьми, как Арвид Беннинг (гидробиолог, зоолог, профессор), Михаил Зенкевич (поэт и прозаик, переводчик), Владимир Антонов-Саратовский (советский государственный деятель, юрист) и др. Полный курс гимназии был завершен с золотой медалью в 1907 г. (в списках выпускников Сиротин указан как Ефим Иеримиевич). В аттестате зрелости педагогический совет отметил особую склонность выпускника к физико-математическим занятиям. Решение о подаче документов в университет было принято не сразу. В целях заработка для обеспечения своей жизни и накопления средств для поступления в университет молодой человек год занимался репетиторством с учениками разных классов.

В 1908 г. Е. Е. Сиротин поступил на физико-математический факультет Императорского Московского университета. Учился у таких выдающихся ученых и педагогов, как Алексей Петрович Соколов, Николай Алексеевич Умов, Петр Николаевич Лебедев, Петр Петрович Лазарев и др. В университете была получена великолепная подготовка – как теоретическая, так и экспериментальная. Это неудивительно, ведь Ефим Еремеевич, как и многие другие студенты, про-

1-я городская мужская гимназия Саратова.
Начало XX в.

шел через Общий физический практикум Физического института Московского университета. Впоследствии профессор В. А. Карчагин по праву назвал его «первым в России самым обширным и оборудованным классическим физическим практикумом», после которого выпускники уносили с собой «не только формально знания физики как отвлеченной науки, но и любовь к ней и к эксперименту, так необходимому для закрепления и уяснения физических явлений».

Вместе с Е. Е. Сиротиным физикат Московского университета в 1913 г. окончили такие в будущем известные ученые, как Григорий Самуилович Ландсберг (академик АН СССР), Владимир Александрович Карчагин (профессор), Сергей Яковлевич Турлыгин (профессор, награжден орденом Ленина). Годом позже, в 1914 г., выпускником Московского университета стал будущий академик и президент Академии наук СССР Сергей Иванович Вавилов, к которому и спустя 20 лет, в трудные 1930-е гг., Е. Е. Сиротин обращался не иначе как «брат». В период обучения в Московском университете судьба свела Ефима Еремеевича с Адамом Юрьевичем Мицкевичем – двоюродным дядькой будущего народного поэта Беларуси Якуба Коласа (впрочем, Адам Юрьевич был на семь лет моложе своего именитого племянника). Адам Мицкевич тоже учился на физико-математическом факультете, только на курс младше. По окончании университета Е. Е. Сиротин останется в Москве, а А. Ю. Мицкевич вернется в родную Беларусь. Судьба спустя почти десять лет вновь сведет университетских товарищей.

Фактически Е. Е. Сиротин окончил физико-математический факультет Императорского Московского университета с дипломом первой степени в 1913 г., а не годом ранее: из-за его желания «использовать университетскую лабораторную обстановку с целью дальнейшей научной подготовки». Молодой физик получил

предложение остаться при университете, однако отказался от него в пользу работы в лаборатории своего учителя П. Н. Лебедева, который в 1911 г. в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо уволился из университета. Вместе со своими учениками П. Н. Лебедев ушел в специально оборудованную для него на частные средства физическую лабораторию в Народном университете им. А. Л. Шанявского.

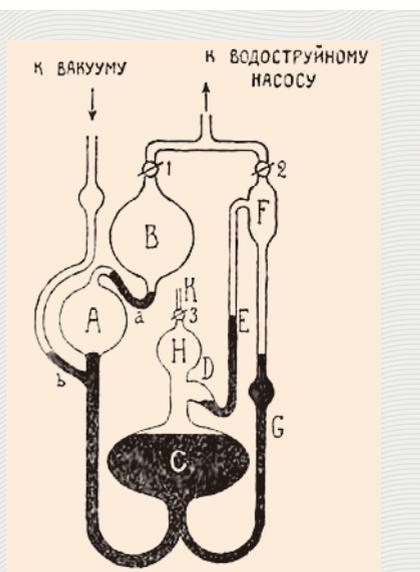
Именно в этой лаборатории Е. Е. Сиротин под руководством профессора П. П. Лазарева продолжил научное исследование, начатое еще в январе 1911 г. в университете. Исследования велись по энергетическому аспекту безэлектродного разряда (проблема звучала как «Зависимость между яркостью и поглощенной энергией при безэлектродном разряде в разреженных газах») и были окончены в 1915 г. Когда в январе 1917 г. под руководством П. П. Лазарева был открыт Физический институт Московского научного института, Е. Е. Сиротин продолжил там свою научную работу. К началу 1920-х гг. им были выполнены исследования в области электронной теории и молекулярной физики (частично опубликованные). Проведенное Е. Е. Сиротиным самостоятельное исследование (начато в 1915 г.) «Адсорбция ионизированного газа стенкой в часто-переменном электромагнитном поле» (консультантами по деталям рентгеновской теории и техники выступили известные ученые Т. К. Молодой и Э. В. Шпольский) докладывалось им на коллоквиуме у академика П. П. Лазарева в Физическом институте и опубликовано в «Известиях Физического института при Московском научном институте».

В 1914–1916 гг. Ефим Еремеевич работал ассистентом кафедры физики Московского высшего технического училища. В 1916 г. был избран преподавателем по кафедре физики в Народном университете им. А. Л. Шанявского, где проработал вплоть до отъезда в Кострому. Имеются сведения и о работе Е. Е. Сиротина

Московское промышленное училище
(ныне – РХТУ им. Д. И. Менделеева)

в Московском промышленном училище в память 25-летия царствования императора Александра II (ныне – Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева). Преподавал также в Московской женской гимназии. Одна из выпускниц гимназии, Е. А. Зверева

Модель автоматически действующего ртутного насоса.
Авторы – Е. Е. Сиротин,
Р. Х. Сталь. 1917 г.

(в будущем – помощница Е. Е. Сиротина в Костромском университете), так впоследствии вспоминала об этом времени и своем преподавателе физики: «Почти полное отсутствие приборов не давало ему возможности сопровождать демонстрацией свои уроки, но это не помешало ему вызвать очень серьезное отношение, а в некоторых и интерес к своему предмету. По моему мнению, он очень часто подводил нас к физике как к науке, а не как только к учебному предмету, к чему в сущности сводилось преподавание очень многих предметов и, например, математики. Этот учебный год – самый светлый из всех моих ученических лет. Здесь впервые пробуждается влечение и интерес к науке».

26 октября 1918 г. Е. Е. Сиротин получил из Костромы телеграмму следующего содержания: «Москва, Садовническая набережная, д. 11, кв. 24. Ефиму Еремеевичу Сиротину. Утвержден преподавателем, условия приняты, желателен приезд. Получите разрешение приезд Комиссарате просвещения бывший Лицей у Покровского. Телеграфом отправлен аванс пятьсот (500) рублей. Чепурковский». Предложение Е. М. Чепурковского прибыть в создаваемый Костромской университет Ефим Еремеевич принял без долгих раздумий и уже 30 октября 1918 г. был избран профессором по кафедре физики.

Свою работу в Костроме Е. Е. Сиротину пришлось начинать в условиях полного отсутствия демонстрационных приборов и оборудования для проведения даже элементарных экспериментов. Однако целенаправленные и систематические усилия Ефима Еремеевича позволили уже в 1920 г. говорить о наличии в Костромском университете «лаборатории по исследованию специальных вопросов физики». Несмотря на занятость вопросами организации физического образования, руководством кафедрой и лабораторией, Е. Е. Сиротин не оставлял научных исследований – в этот период он занимался среди прочего теоретическими

вопросами ионной теории возбуждения, кинетической теорией газов.

Уже в январе 1919 г. чрезвычайно востребованными оказываются московские связи Е. Е. Сиротина – Правление университета поручило ему совместно с Б. Н. Вишневым оговорить условия продажи библиотеки профессора А. П. Соколова, которую тот изъявил желание продать Костромскому университету, но «по расценке в 10 раз больше номинальной стоимости книг».

В августе 1921 г. Наркомпрос РСФСР пересмотрел систему учебных заведений в Костроме: были образованы самостоятельный Костромской педагогический институт и объединенный с ним общим руководством Сельскохозяйственный институт. Организаторские способности профессора-физика не остались незамеченными: в 1920–1921 гг. он ученый секретарь Совета Костромского университета, в марте 1922 г. занял должность ректора Педагогического и Сельскохозяйственного институтов.

В том же 1922 г. молодой ректор профессор Е. Е. Сиротин получил приглашение на работу в Минск – в БГУ и Белорусский институт сельского хозяйства. Ректор БГУ В. И. Пичета предложил ему должность заведующего физической лабораторией и кабинетом и просил «немедленно с момента избрания» приступить к исполнению своих обязанностей по оборудованию вверенного учебно-вспомогательного учреждения.

Уже 14 июня 1922 г. Е. Е. Сиротин был избран медицинским факультетом БГУ на должность профессора физики, а 3 июля 1922 г. Государственный ученый совет Главпрофобра РСФСР, рассматривая вопрос об утверждении профессоров по медфаку БГУ, принял решение «поручить Е. Е. Сиротину вести курс по физике с тем, чтобы через год были представлены Правлением Университета сведения о его научно-педагогической деятельности». 11 июля Правление БГУ

Е. Е. Сиротин (стоит второй справа) в кругу московских коллег-физиков и друзей (А. Ф. Иоффе, Л. В. Мысовский, Б. В. Ильин, Б. А. Введенский и др.). Москва, 1919 г.

постановило считать, что ГУС утвердил Е. Е. Сиротина преподавателем.

Получилось, что приглашали на работу профессором, а принимают преподавателем? Е. Е. Сиротин с таким подходом не согласился и направил в Правление БГУ заявление, текст которого как нельзя лучше отражает ситуацию с замещением должностей преподавателей, профессоров, заведующих кафедрами университетов в ранний советский период: «...согласно уставу о высших учебных заведениях преподаватели утверждаются не ГУС, а Правлением Университета и кроме того преподаватели ведут свою работу не самостоятельно, а под руководством заведующего кафедрой. Правление же ходатайствовало об утверждении меня именно в последней должности, и потому ГУС мог только или утвердить в ней или не утвердить. В постановлении же ГУС отрицательного ответа не содержится».

Поэтому, принимая во внимание вышеизложенные соображения и имея в виду, что старый путь достижения

Е. Е. Сиротин (второй справа) среди сотрудников Института физики и биофизики (П. П. Лазарев, Т. К. Молодой, А. С. Предводителев, С. И. Вавилов и др.). Москва, ок. 1920 г.

профессорского звания в настоящее время декретом государственной власти упразднен, а нового порядка не установлено и кроме того самый смысл звания профессора за время революции изменился, прошу Правление считать, что вышеозначенным постановлением ГУС я утвержден в должности не преподавателя, о чем даже и не упоминается в постановлении ГУС, а профессора, на каковую я и был избран Медицинским факультетом Белорусского Университета 14 июня 1922 года и в каковой я пребывал в течение 4-х лет на Естественном и Медицинском факультетах Костромского Гос. Университета и Педагогического Института (где состою и по сию пору, числясь в отпуске), занимая ответственные учено-учебные административные должности по избранию».

Так или иначе, в 1922 г. Ефим Еремеевич Сиротин, не защищавший диссертаций на соискание степеней и званий, становится профессором БГУ и начинает вести курс физики на медицинском факультете, а с 1923 г. – также на педагогическом и рабочем факультетах. Область

собственной преподавательской деятельности Ефим Еремеевич обозначал как физика экспериментальная, теоретическая и математическая, а также практическая метеорология. Не будет преувеличением сказать, что приезд в Минск Е. Е. Сиротина был настоящей удачей для БГУ – профессор не только имел великолепную теоретическую подготовку, но и был уже опытным исследователем-экспериментатором, к тому же владевшим практическими навыками (включая слесарные, стеклодувные и прочие), необходимыми для лабораторной работы.

Правление БГУ на заседании 19 октября 1922 г., планируя проведение торжеств по поводу годовщины университета, включило в программу заседания 30 октября «академические речи проф. Никольского Н. М. и проф. Сиротина Е. Е. на темы, избранные ими по своему усмотрению». Такое же решение последует и три года спустя (4 августа 1925 г.): «Намеціць дзеля прачытання дакладу у дзень 4 гадавіны Ун-ту праф. Е. Е. Сіроціна».

Университетский профессор 21 октября 1922 г. был приглашен занять кафедру для преподавания физики в учрежденном летом этого же года Белорусском государственном институте сельского хозяйства. В сельхозинституте Е. Е. Сиротин был включен в состав созданной физико-математической предметной комиссии. Помимо собственно курса физики он преподавал и метеорологию. Выступая в апреле 1923 г. с докладом о преподавании дисциплин и планах на будущее на заседании Совета института, профессор отмечал, что «для правильного ведения практических занятий не хватает как помещения, так и нужных приборов». Студенчество, по дипломатичному замечанию Е. Е. Сиротина, «разделяется на 2 резко различающиеся группы: успевающая и слабая».

Работа в сельхозинституте была недолгой – с нового учебного года Ефим Еремеевич сконцентрировался на преподавании только в БГУ. Необходимость создания достойных условий для работы физиков в университете на этапе формирования БГУ четко артикулировал Н. Н. Андреев. Первым специальным зданием, построенным для нужд университета, стал Физический институт. Он, инициатором профессором Н. Н. Андреевым, полноценно заработал уже усилиями Е. Е. Сиротина. В двухэтажном корпусе, ставшем на многие годы своеобразным символом университета, с 1926 г. начало работать физико-математическое отделение педфака БГУ, позднее – самостоятельный факультет. Сегодня в здании бывшего Физического института работает ректорат БГУ. Е. Е. Сиротин характеризовал условия работы в новом здании как неблагоприятные: «...сырое и плохо отапливаемое помещение Физического Института, отсутствие специального места из-за тесноты помещения, не давали поставить необходимые экспериментальные работы». Важным фактором физических исследований стали погодные условия: «...только с наступлением

теплой погоды я получил возможность приступить к экспериментальному исследованию, относящемуся к воздействию рентгеновских лучей на организмы». Создание и оборудование необходимых исследовательских мощностей проходило с большими затруднениями, условия по части лабораторной базы оставались в университете довольно слабыми и спустя четыре года после открытия. Так, в отчете о работе БГУ за 1924/25 учебный год отмечалось, что процент оборудования и кабинетов в среднем не превышает 20–23 %, а в некоторых лабораториях оборудования было лишь 7–10 % от потребности. Выделяемые средства давали возможность «устранить лишь самые вопиющие дефекты», в целом же в имевшихся «условиях как научно-учебного, так и технического оборудования работать было очень трудно».

Как и в Костроме в 1918 г., в Минске ученого-физика на начальном этапе ждало практически полное отсутствие условий для занятий экспериментальной работой. Активно по поручению ректора В. И. Пичеты занимаясь работой по созданию соответствующей базы, в своих научных исследованиях Е. Е. Сиротин вынужден был «ограничиваться вопросами теоретического характера». Результатом этих изысканий стали научные статьи: первая опубликованная ученым БГУ статья по математике – «Интегрирование уравнения Риккати $y^1 + y^2 + a/x = 0$ с помощью рядов» (Труды БГУ. 1923. № 4–5), а также работа «К теории адаптации газа», вышедшая в 1923 г. (Записки Белорусского государственного института сельского хозяйства. Вып. I).

Организованная Е. Е. Сиротиным в 1923 г. первая в БГУ физическая лаборатория в последующие годы пополнилась его стараниями современным оборудованием: генераторами ультравысокой частоты, рефракторами, установкой Линде, спектрографами и микроскопами новейших моделей. При кафедре физики была создана мастерская точной механики.

Участники Первой Всебелорусской физико-математической конференции
(Е. Е. Сиротин – третий справа в нижнем ряду).
9–13 февраля 1926 г. Здание Института физики БГУ

Большое значение имела активная деятельность профессора Е. Е. Сиротина не только по организации и проведению научных исследований, но и по распространению, популяризации научных знаний. Одним из направлений такой работы стало участие в деятельности Научного общества при БГУ. В феврале 1923 г. в нем по инициативе преподавательского состава физико-математического отделения педфака БГУ была создана физико-математическая секция с задачей «разработки научных и научно-методических вопросов по всем отделам физики и математики». Председателем секции был избран профессор Е. Е. Сиротин, секретарем – А. П. Круталевич.

Секция работала весьма активно – за первые пять лет ее деятельности было проведено 45 заседаний, на которых ученые прочитали свыше 70 преимущественно научных докладов и сообщений. Среди докладчиков – Е. Е. Сиротин, В. Н. Ивановский, В. И. Пичета, В. К. Ды-

дырко, А. П. Круталевич, Ч. Ч. Домбровский, И. С. Пятосин, Е. В. Снятков и др.

Важным итогом работы секции стали организация и проведение с 9 по 13 февраля 1926 г. Первой Всебелорусской физико-математической конференции. Большую часть докладов представили работники БГУ. Обсуждались преимущественно вопросы методического характера, делались обзорные научные доклады.

По инициативе и при активном участии Е. Е. Сиротина в университете был проведен ряд юбилейных заседаний. Так, 29 апреля 1923 г. на заседании, посвященном 450-летию со дня рождения Коперника, с докладами выступили профессора В. И. Пичета, В. Н. Ивановский, доцент И. С. Пятосин. Ряд торжественных мероприятий проводился, как сегодня часто говорят, «на полях» уже упомянутой Первой физико-математической конференции. 9 февраля 1926 г. профессор Е. Е. Сиротин выступил с докладом «Значение Г. Лоренца в современной физи-

ке» на торжественном заседании, посвященном выдающемуся физику, лауреату Нобелевской премии Хендрику Антону Лоренцу. Примечательно, что заседание было приурочено к 50-летию юбилею, но не самого Х. А. Лоренца (к тому моменту ему шел 73-й год). В Минске в торжественной обстановке праздновали 50-летие докторской диссертации будущего нобелевского лауреата! 13 февраля 1926 г. состоялось торжественное мероприятие, посвященное памяти выдающегося математика Ф. Клейна.

Немногим позднее, 18 апреля 1926 г., в БГУ с участием Е. Е. Сиротина провели торжественное заседание, посвященное памяти Н. И. Лобачевского. Речь шла о 100-летнем юбилее – в Минске праздновали столетие доклада Н. И. Лобачевского «Новые начала геометрии!» А через год, 10 апреля 1927 г., университет собрал большую аудиторию слушателей по случаю 200-летия со дня смерти И. Ньютона. Профессор Е. Е. Сиротин выступил с обстоятельным докладом «И. Ньютон как основоположник современного физического миропонимания». Были представлены доклады профессоров В. И. Пичеты («Культурное состояние эпохи Ньютона») и А. А. Михайловского («И. Ньютон как астроном»), а также доцентов И. С. Пятосина («Значение И. Ньютона в анализе бесконечно малых») и В. К. Дыдырко («И. Ньютон как геометр»).

Под руководством Е. Е. Сиротина в БГУ было организовано системное преподавание физики для студентов разных факультетов и специальностей. Важнейшей задачей было, конечно, наладить изучение физики студентами педагогического факультета, прежде всего – на физико-математическом отделении. Имеющиеся документы позволяют проследить, насколько интенсивно приходилось работать и профессору, и ассистенту БГУ.

Так, в 1926/27 учебном году занятия со второкурсниками в объеме шести часов каждую неделю вели профессор Е. Е. Сиротин и доцент Е. К. Успенский

(каждый в отдельной группе). Студентам для подготовки рекомендовались: классический учебник Э. Гримзеля, «Лекции по молекулярной физике» академика А. Ф. Иоффе, «Учение об энергии. Введение в термодинамику» профессора Н. В. Кашина, «Физический практикум» профессора А. П. Соколова (того самого, у которого он выкупал библиотеку для Костромского университета).

Лекции по методике преподавания физики читал выпускник физико-математического факультета Петербургского университета, бывший ректор Вологодского института народного образования, проректор Витебского педагогического института, будущий заведующий кафедрой физики, декан, заместитель по научной части Московского инженерно-экономического института (ныне – Государственный университет управления) профессор Николай Викторович Шалауров. Помогал ему ассистент, а в недалеком будущем – доцент, профессор и автор целого ряда учебников по физике на белорусском языке (например, «Крыніцы электрычнага току») М. Я. Пелеп. Он же и будущий заведующий кафедрой физики В. Н. Сирочинский вели семинары. К лекционному курсу было рекомендовано 12 учебников, а для семинаров – еще шесть учебных пособий (и это в условиях нехватки учебных изданий, и не только по методике преподавания физики!).

Профессор Е. Е. Сиротин (в объеме шести часов для одной группы) и доцент Е. В. Снятков (те же шесть часов для еще двух групп) организовали преподавание курса «Физика. Часть II (акустика, оптика, учение о электрических явлениях)». В помощь студентам рекомендовались учебник Э. Гримзеля, «Электричество» профессора А. А. Эйхенвальда, «Физический практикум» профессора А. П. Соколова. Помимо этого, доцент Е. В. Снятков преподавал курс «Радиотехника с практикой» – по два часа лекционных и практических занятий в неделю в двух группах,

а Е. К. Успенский вел факультативный курс «История физики».

На природоведческом отделении педфака курс физики читали Е. К. Успенский (по шесть часов в неделю на 2-м курсе), а для преподавания второй части курса уже дополнительно подключались профессор Е. Е. Сиротин и ассистент Н. И. Макаревский (руководитель Метеобюро Наркомзема БССР).

В 1927/28 учебном году структура преподавания физики на педфаке сохранила свои основные очертания. На 1-м курсе природоведческого отделения курс «Физика. Часть I» преподавался Е. К. Успенским, для второкурсников ту же часть продолжали вести доцент Е. В. Снятков и ассистент А. Ю. Мицкевич. «Физика. Часть II» предназначалась уже для студентов 3-го курса, и занятия вели Е. Е. Сиротин, Е. К. Успенский и Н. И. Макаревский.

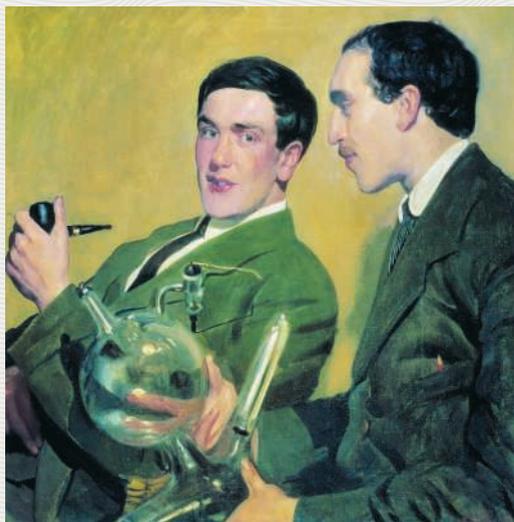
На физико-математическом отделении преподавать физику первокурсникам начинал Е. К. Успенский, на 2-м курсе та же часть продолжалась Е. Е. Сиротиным (по пять часов в неделю в одной группе), доцентом Е. В. Снятковым и ассистентом М. Я. Пелепом (он вел занятия на идиш – в соответствии с национальной и языковой политикой БССР того времени). Курс «Физика. Часть II (акустика, оптика, учение о электрических явлениях)» в прежнем объеме читался Е. Е. Сиротиным и Е. К. Успенским. Четверокурсникам преподавался спецкурс «Специальные главы физики (классическая теория светоиспускания и теория квантов)». Раздел по классической теории светоиспускания в объеме одного часа в неделю вел Ефим Еремеевич, а вот по теории квантов (два часа в неделю) – Е. К. Успенский. Студентам старшего курса в качестве пособий оба лектора предлагали использовать записи своих лекций, а также последние два тома «Курса физики» почетного члена АН СССР О. Д. Хвольсона, «Библию спектроскопистов» немецкого физика

А. Зоммерфельда и ряд немецкоязычных трудов М. Планка и А. Ланде.

Физику в БГУ в 1920-х гг. изучали не только на педфаке. На медицинском факультете лекции по курсу «Физика» для студентов 1-го курса вел сам Е. Е. Сиротин. В 1926/27 учебном году занятия проходили в первом семестре в объеме двух часов каждую неделю (по вторникам) в корпусе университета по Земледельческому переулку (современное здание ректората БГУ). В следующем, 1927/28 учебном году физику будущим медикам вновь преподавал Ефим Еремеевич. Опять первый семестр, опять по средам, опять с утра, опять тот же корпус, но занятия длились уже на час больше. Более того, лекции профессора были продлены и на второй семестр в таком же объеме. В качестве пособия студентам-медикам Ефим Еремеевич рекомендовал учебник немецкого профессора Э. Варбурга «Курс опытной физики» в двух частях. На факультете права и хозяйства на 1-м курсе для студентов экономического отделения курс физики читал доцент Н. В. Шалауров.

Профессор Е. Е. Сиротин активно отслеживал все новое, что было связано с его научной и педагогической деятельностью. Он стремился найти и ознакомиться с новейшими публикациями, в том числе и на английском языке (профессор знал также немецкий и французский языки). Многого можно было постичь в научных командировках: он многократно запрашивал командировки для участия в различных мероприятиях и съездах, для непосредственной исследовательской работы. Так, на V Всесоюзном съезде физиков в декабре 1926 г. был избран в состав бюро почетного президиума этого съезда.

Особо примечательной является командировка в Кембридж в лабораторию Э. Резерфорда для научной работы, состоявшей в «ознакомлении со специальными методами радиоактивных исследований». Народный комиссариат

Портрет Петра Капицы
и Николая Семенова
(Б. М. Кустодиев, 1921 г.)

просвещения БССР 6 мая 1925 г. приказом № 141 одобрил командировку Е. Е. Сиротина в Англию: «Прафэсару Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту СІРОЦЫНУ Аўхіму дазваляецца навуковая камандыроўка ў Англію (Камбрыдж)». Правление БГУ в мае этого года для «исхлопотания визы на въезд в Англию» разрешило Е. Е. Сиротину поездку в Москву. Виза была получена, а 15 июля 1925 г. ректор В. И. Пичета дал согласие на испрашиваемый Е. Е. Сиротиным «отпуск сроком до 1-го октября для совершения заграничной поездки в Англию». Руководство Физическим институтом БГУ на время командировки было возложено на заместителя профессора – ассистента Евгения Константиновича Успенского (в скором будущем – профессор физики, первый декан физико-математического факультета БГУ). Таким образом, все формальности были соблюдены, и 17 июля 1925 г. Ефим Еремеевич получил специальное удостоверение: «...командирован Университетом в Англию в Кэвен-

дишскую лабораторию в Кэмбридже в течение летних вакаций, сроком до 3-х месяцев». Документ содержал и просьбу ко всем учреждениям и частным лицам оказать помощь профессору Е. Е. Сиротину, за что «ректор заранее приносит личную благодарность».

Лаборатория сэра Э. Резерфорда в 1920-е гг. представляла настоящее сосредоточение действующих и будущих лауреатов Нобелевской премии, выдающихся теоретиков и экспериментаторов. Можно только удивляться, как физику из Минска удалось получить приглашение в этот научный центр. Однако все дело в том, что к поездке каким-то образом «приложил руку» уже тогда известный русский, советский физик П. Л. Капица. Выдающийся ученый с января 1925 г. являлся заместителем Э. Резерфорда по магнитным исследованиям, а в марте 1926 г. возглавил созданную Магнитную лабораторию. Петр Леонидович 10 августа 1925 г. писал своей матери: «В последние дни на меня свалилось еще одно удовольствие. Приехал Сиротин, он, кажется, заходил к тебе. Это тот профессор из Минска, который приехал работать в Кавендишскую лабораторию. Он вообще ничего, славный парень, но ни бельмеса по-английски. Это чрезвычайно неприятно – приходится разговаривать за него. К тому же тут еще пиши тезисы и веди научную работу. Господи боже мой!..»

К сожалению, подробных документальных свидетельств пребывания Е. Е. Сиротина в Кембридже в архивах Кавендишской лаборатории выявить не удалось. Причиной тому, вероятно, чрезвычайно высокая интенсивность визитов иностранных исследователей в Кембридж. И, видимо, приезд физика из «провинциального» Минска не вызвал большого резонанса. К тому же в это время руководитель лаборатории Э. Резерфорд довольно много путешествовал.

Значение для Е. Е. Сиротина стажировки в лучшей физической лаборатории мира трудно переоценить. И дело не

только в возможности познакомиться с передовыми научными исследованиями, новейшими оборудованием и методами. Едва ли не важнейшей была возможность окунуться в атмосферу чистого научного творчества, академической свободы...

Еще в 1921 г. П. Л. Капица писал своему другу Николаю Николаевичу Семёнову (будущему нобелевскому лауреату по химии): «Тебе надо, по-моему, прокатиться за границу. Раздобудь себе [на] командировку фунтов 30–50 и приезжай сюда. Визы я тебе раздобуду, только напиши. Очень и очень стоит посмотреть, как люди тут работают и мыслят. Не пожалеешь. Выберись хоть на месяц. Когда угодно. Я тебе окажу всяческое содействие...» Такой рекомендации и последовал в 1925 г. профессор БГУ Е. Е. Сиротин. Спустя 20 лет Петр Леонидович в одном из писем И. Сталину напишет: «...без доверия и уважения к ученым, основанного на мнении других ученых, процветание свободной и продуктивной творческой работы в науке и всего нового, связанного с ней, невозможно». Так что безусловной удачей и для самого Е. Е. Сиротина, и для БГУ была возможность научного и личного общения с подлинно великими учеными, носителями высоких идей научной этики. К такому относился и П. Л. Капица, понимавший значение свободного (в том числе международного) общения ученых для развития науки. А такому общению он активно содействовал, несмотря на все преграды.

Результатами командировки и личными впечатлениями об увиденном профессор Е. Е. Сиротин поделился с коллегами на заседании физико-математической секции Научного общества при БГУ 15 декабря 1925 г.

Как исследователь, Е. Е. Сиротин интересовался различными областями естественных наук, а опытом и знаниями делился с коллегами по университету, обеспечивая для молодого Белорусского университета подлинно научные связи с ведущими учеными своего времени.

Иллюстрацией этому могут служить темы представленных профессором научных докладов в Научном обществе при БГУ: в 1923 г. – «Электрические основания возбуждения в живом организме», «Основания теории периферического зрения»; в 1924 г. – «Пространственно-временной континуум в современной механике», «Последние данные о строении верхних слоев атмосферы по Вегарду», «Об открытии нового химического элемента гафния», «О IV Съезде русских физиков в Ленинграде 1924 г.»; в 1925 г. – «Основные векторы и тензоры теории относительности», «К вопросу о высоте атмосферы», «О постановке физических исследований в Англии (личные впечатления)»; в 1926 г. – «Основные черты в развитии физики за последнее время», «О новых успехах в изучении строения положительного ядра атома»; в 1927 г. – «О сверхкоротких акустических волнах».

Говоря о научном наследии и публикационной деятельности Е. Е. Сиротина, необходимо отметить еще целый

Группа студентов-выпускников физико-математического отделения педагогического факультета БГУ. Вторая половина 1920-х гг.

ряд работ, вышедших в университетском научном издании «Труды БГУ». Так, в статье «О температурном градиенте в атмосфере и барометрической формуле» (Труды БГУ. 1925. № 8–10) высказывается наблюдение о представленности «приведенной» атмосферы в виде газовой оболочки, находящейся в равновесии под действием только силы тяжести и температуры, уменьшающейся с высотой. Е. Е. Сиротин высказывает и обосновывает гипотезу относительно изменения температуры с высотой и предпочтительности трансцендентной (экспоненциальной) функции по сравнению с линейной. Гипотеза подтверждается опытными данными относительно высоты снеговой линии и слоя твердого азота, а также величиной наблюдаемого термического градиента около земли и изменения последнего в зависимости от температуры на поверхности. Автором также выведена формула барометрического нивелирования. В 1928 г. свет увидели сразу несколько публикаций авторства Е. Е. Сиротина (Труды БГУ. 1928.

№ 17–18). В подготовленной совместно с Р. Х. Сталь статье «Простая модель автоматически-действующего ртутного насоса» была описана модель насоса для откачки рентгеновских трубок. Разработка была выполнена еще в 1917 г. в условиях малого распространения диффузионных насосов Гедэ и Ленгмюра. Ефим Еремевич опубликовал также статью «Центробежные силы в газе» и доклад «Ньютон как основоположник современного физического миропонимания».

Заслуживают безусловного внимания и достижения Е. Е. Сиротина фактически на стыке физики и языкознания: и в БГУ, и в Инбелкульте он оказал деятельную поддержку в разработке терминологии и публикации научной и учебной литературы на белорусском языке. К числу наиболее значимых результатов необходимо отнести издание в 1929 г. подготовленного А. Ю. Мицкевичем научного словаря «Слоўнік фізічнае тэрміналогіі», научным редактором которого выступил профессор Е. Е. Сиротин. В 1928 г. первоначальный вариант терминологии рассматривался

На отдыхе в кругу близких (Е. Е. Сиротин – четвертый слева). 1929 г.

специальной комиссией в составе Е. Е. Сиротина, Е. В. Сняtkова, А. П. Круталевича и А. Ю. Мицкевича. Из изданий, к появлению которых Ефим Еремеевич формально не имел отношения, следует выделить написанный коллегами и друзьями (А. Ю. Мицкевичем и А. П. Круталевичем) учебник «Асновы свѣтабудовы», который вышел в 1928 г. в Белорусском государственном издательстве.

Несмотря на не самый лестный отзыв о разговорном английском, данный П. Л. Капицей, очевидно, что с печатными текстами у Е. Е. Сиротина все было в полном порядке. Например, в 1933 г. Государственное технико-теоретическое издательство выпустило том трудов выдающегося ирландского ученого XIX в. Томаса Эндрюса под общим названием «О непрерывности газообразного и жидкого состояний вещества». Книга включала как его одноименный труд, так и работу «О газообразном состоянии вещества». Перевод с английского был выполнен Е. Е. Сиротиным, он же написал биографический очерк о жизни и научном творчестве Т. Эндрюса. Книга вышла в престижной серии «Классики естествознания», в состав редакторов которой в то время входили И. И. Агол, С. И. Вавилов, М. Я. Выгодский, Б. М. Гессен, М. Л. Левин, А. А. Максимов, А. А. Михайлов, И. П. Роцен, А. Я. Хинчин (с некоторыми из них Ефим Еремеевич учился на физмате Московского университета). Редактором же данного издания выступил знаменитый русский физик А. И. Бачинский.

Под началом профессора Е. Е. Сиротина работала предметная физико-математическая комиссия педфака БГУ. Ее деятельность была направлена преимущественно на решение вопросов учебного и методического характера – рассматривались программы и планы лекционных курсов и практических занятий, отчеты профессоров и преподавателей о ходе выполнения учебной нагрузки, обсуждались варианты и пути внедрения новых методов преподавания.

Кроме этого, Ефим Еремеевич активно участвовал в работе физико-математической секции Института белорусской культуры – инициировал создание кафедры физики, был ее заведующим, возглавлял экспедицию по геофизическому исследованию БССР. Под его руководством в Инбелкульте были развернуты геомагнитная съемка и изучение радиоактивности на территории Беларуси, проводились гравитометрические измерения. Комиссия по изучению производительных сил БССР при Инбелкульте поручила университетскому профессору «организовать и руководить Магнитной Съемкой БССР». Эта работа в скором времени началась, и уже летом 1926 г. было заснято восемь пунктов. Несколько позже, в декабре 1929 г., в Президиуме недавно созданной Белорусской академии наук обсуждался вопрос об организации на базе кафедры физики Физического института. Вот только было принято несколько расплывчатое решение – «организацию института физики отложить до первого года следующей пятилетки». Тем не менее уже в марте 1931 г. «для концентрации и объединения вокруг Белорусской Академии наук учреждений научно-исследовательского типа в БССР» был создан Научно-исследовательский физико-технический институт (путем объединения кафедры физики БелАН и отдела энергетики Института промышленности). Возглавил институт академик Ц. Л. Бурстин. В 1933 г. институт был переименован в Физико-математический институт.

Пока не удалось найти достаточно полных и достоверных свидетельств о том, как, в связи с чем и при каких обстоятельствах завершился белорусский период жизни Е. Е. Сиротина. Известно, что руководство кафедрой Ефим Еремеевич оставил через пять лет после своего назначения. В 1927 г. кафедру физики возглавил В. Н. Сирочинский, руководивший впоследствии профильной кафедрой и в созданном на базе БГУ Минском мединституте. В 1924–1927 гг. Владимир

Николаевич работал ассистентом, затем доцентом кафедры физики БГУ и доцентом кафедры физики Коммунистического вуза и одновременно в 1924–1925 гг. являлся ученым секретарем Главного политико-просветительного комитета Наркомпроса БССР.

Означал ли уход профессора с должности заведующего его увольнение из университета? Нет. По многочисленным данным, педагогической работы в БГУ профессор Е. Е. Сиротин не оставил. Одно из сохранившихся тому свидетельств – 15 февраля 1930 г. в Минске проходило заседание физико-математической секции Научного общества при БГУ (объявление о мероприятии поместила республиканская газета «Звезда»). Ефим Еремеевич выступил с докладом «Решение одной задачи теории чисел».

Что происходило в жизни профессора физики Е. Е. Сиротина в 1930-е гг.? Лучше всего ответ на этот вопрос, как нам представляется, дан в сохранившемся в Архиве РАН письме академику С. И. Вавилову, которое Ефим Еремеевич направил из Ферганы весной 1934 г.:

«15/IV 34 Фергана, почт. ящ. 29
Е. Е. Сиротин

Дорогой Сергей Иванович!

Посылаю тебе, пользуясь твоим любезным разрешением писать, прилагаемую при сем статью нашего химика, инженера, солидного и вместе с тем скромного человека. Он получил образование в Москве, по возрасту старше нас с тобой, брат, не знаю, известного ли тебе И. И. Соколова, проф. быв[ших] Высш[их] женск[их] курсов в Москве.

Анализ фтористого кальция, к[оторо]го, кстати сказать, у нас здесь в горах целые залежи, вплоть до оптических образцов, в настоящее время не имеет удовлетворительной методики. Он же, насколько я могу судить, нашел рациональный способ такого анализа. Составь, брат, протекцию: передай статью кому-либо из своих академиков, и если, конечно, она заслуживает того, напечатай ее в “Докладах”. Для него это

был бы большой капитал. Это вторая его исследовательская работа и 4-ая печатная. Только вот французское резюме, печатанное на узбекской машинке и узбекской-машинисткой, требует тщательной корректуры. Прошу прощения за беспокойство, но, как видишь, ведь я не о себе прошу.

Как ты живешь? Судя по всему, заматался ты изрядно. Где только теперь не увидишь твоего имени? Остается ли время на науку-то? Получаешь ли удовольствие?

Что касается меня, то я загружен и перегружен самой дикой и неблагодарной работой. Наукой иногда целыми неделями не приходится заниматься, а когда и приходится, то урывками, и при том, при полном отсутствии оборудования, литературы и товарищей, с к[оторы]ми можно было бы посоветоваться. Чтобы выработать по 120–130 руб. на члена семьи (а у меня их 10 чел., из них 6 стариков, к[отор]ым в сумме полтысячи лет), приходится лишать себя того, к чему больше всего лежит душа. Ну, да не беда! Все-таки стараюсь не опуститься, продвигаюсь кое-как вперед. То, что удастся сделать, надеюсь, будет значительным. Ну, а если не удастся, что делать? Доделает кто-нибудь другой.

Ну, пока прощай. Крепко жму твою руку. Приветствую от всего сердца Ольгу Михайловну и твоего отрока Виктора.

Николаю Ивановичу можешь передать, что, мол, здесь в далекой Фергане некий физик угрожает потрясти основы генетики и как раз в области того самого хлопка “Маарат” тринадцать зерен к[оторо]го он (академик Вавилов) когда-то украл у гостеприимных иностранцев. Теперь его у нас здесь целые сотни гектаров. Действительно, волей судеб я сейчас причастен к работе над этим хлопком.

Если тебе удастся как-ниб[удь] порадовать меня одной-двумя строчками, буду благодарен по гроб жизни, как говорится.

Твой Е. Сиротин».

В 1922 г. в Минск Ефим Еремеевич приехал с семьей – женой Варварой Михайловной и двумя дочерьми (трехлетней Ириной и шестилетней Наташей). Уже пожилые родители оставались на Каспии. Вскоре после увольнения с военной службы в Минск приехал младший брат Е. Е. Сиротина Дмитрий, в 1923 г. зачисленный в БГУ на физико-математическое отделение педагогического факультета. По окончании университета молодой математик, ученик Ц. Л. Бурстина, работал в БГУ и в политехническом институте – доцентом по черчению и пространственной геометрии. Д. Е. Сиротину, оказавшемуся в оккупированном Минске, будет суждено стать свидетелем того, как в начале Великой Отечественной войны фашисты разгромили, разграбили, сожгли университет: «...погибло имущество физмата, кропотливо и с любовью копившееся в течение 20 лет, лаборатории, в которых были воспитаны многочисленные кадры педагогов и научных работников...»

Вероятно, еще до войны Ефим Еремеевич перебрался в Подмоскovie, поскольку сохранились свидетельства того, что во время войны его дочери жили близ Москвы на ст. Перловской, а после войны там стала проживать уже вся семья. С 1937 г. Е. Е. Сиротин работал в Калининском педагогическом институте (ныне – Тверской государственный университет), в 1945–1949 гг., уже после возвращения из эвакуации, – заведующим кафедрой теоретической физики этого вуза. Старшая дочь, Наталья Ефимовна Сиротина, в 1938 г. закончила физический факультет МГУ.

Талантливые и активные ученые и педагоги, которых при участии Е. Е. Сиротина удалось привлечь на работу в БГУ, стали в последующем жертвами политических репрессий 1930-х гг. Кому-то, как А. Ю. Мицкевичу, Ефим Еремеевич в меру сил пытался помогать, кому-то помочь он уже не мог. Так, в 1937 г. были

Дмитрий Сиротин. 1923 г.

расстреляны Е. К. Успенский, А. П. Круталевич...

Когда Е. Е. Сиротин переехал из Костромы в Минск, судьба вновь свела его с университетским товарищем Адамом Юрьевичем Мицкевичем, о перипетиях судьбы которого нам известно благодаря его внучке Ольге Всеволодовне Фотинич (она же любезно предоставила из семейного архива фотоснимок, запечатлевший Е. Е. Сиротина на пикнике в Минске в 1929 г.). Если Ефим Еремеевич по окончании университета остался в Москве, то А. Ю. Мицкевич вернулся в Беларусь: сначала (в 1915–1917 гг.) работал в Двинской женской гимназии (сегодня – Даугавпилс, Латвия), потом преподавал математику в Марьиногорском сельскохозяйственном училище (сегодня – Марьиногорский государственный ордена «Знак Почета» аграрно-технический колледж им. В. Е. Лобанка). Из Марьиной Горки Адам Мицкевич и попал в Минск, где в университете его друг Е. Е. Сиротин на тот момент уже заведовал кафедрой физики. Родился А. Ю. Мицкевич (1889–1943) в Неманском крае, в известной деревне Николаевщине. Он – двоюродный дядя Якуба Коласа. Талантливый ученый-математик и педагог попал в орбиту сфабрикованного дела «Союза освобождения Беларуси». 24 июля 1930 г. его арестова-

ли, а в апреле 1931 г. коллегия ОГПУ за «вредительство и антисоветскую агитацию» приговорила к пяти годам высылки с отбыванием ее в г. Малмыж Кировской области (в 1957 г. реабилитирован Верховным судом БССР). Когда объявили об осуждении А. Ю. Мицкевича и его ссылке, Ефим Еремеевич «собирал деньги на сапоги для Адама, и когда Лариса (жена А. Ю. Мицкевича. – *Авт.*) говорила ему, что его тоже арестуют, то он только отмахивался». В конце 1930-х гг., уже будучи в Калининском пединституте, Е. Е. Сиротин вновь возьмет на работу скрывавшегося после окончания ссылки в Подмоскowie, не имевшего заработка А. Ю. Мицкевича.

С именем Е. Е. Сиротина так или иначе связаны судьбы многих белорусских физиков. В 1923 г. на физмат педфака БГУ поступил Илья Григорьевич Некрашевич. Еще студентом, в 1925–1928 гг., он работал препаратором на кафедре физики под руководством Ефима Еремеевича, одним из первых в Беларуси защитил диссертацию на степень кандидата физико-математических наук.

В 1937 г. он возглавил кафедру физики БГУ, которой руководил до 1980 г. На рубеже 1920–30-х гг. физику в БГУ изучал будущий академик и ректор БГУ Антон Никифорович Севченко, который после окончания университета и годичного пребывания в аспирантуре Белорусской академии наук поступил в аспирантуру Физико-математического института АН СССР к давнему другу Е. Е. Сиротина академику С. И. Вавилову. В 1924–1928 гг. на физико-математическом отделении педфака БГУ учился сын коллеги Е. Е. Сиротина – создателя кафедры статистики БГУ А. М. Арцимовича, – в будущем выдающийся физик академик Лев Андреевич Арцимович.

И это только некоторые из известных учеников Ефима Еремеевича Сиротина. Главное же, что именно благодаря незаурядности этого ученого и педагога в Беларуси за короткое время была создана настоящая, полноценная в научном отношении, ориентированная на передовые направления знаний школа физиков.

Артем Михайлович Назаренко

**Основоположник хирургического
образования в Беларуси**

**Профессор, декан медицинского
факультета БГУ**

**Михаил Павлович
СОКОЛОВСКИЙ**

19.11.1887 – 18.05.1977

Михаил Павлович Соколовский – один из первых белорусских ученых-медиков, основоположник хирургического образования в БССР. Организатор пропедевтической хирургической клиники, кафедры общей хирургии и кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии БГУ. В 1922–1923 гг. Михаил Павлович, будучи деканом медицинского факультета, смог оснастить его лаборатории и кабинеты необходимым оборудованием для подготовки квалифицированных кадров. В 1927 г. издал на белорусском языке первый в республике учебник по оперативной хирургии для студентов-медиков.

Научное наследие профессора М. П. Соколовского составляет более 65 работ, изданных в Беларуси, России и Украине. Они посвящены различным отраслям хирургических знаний, в том числе нейрохирургии и абдоминальной хирургии, а также лечению ран. Им предложены новые операции при слоновости, водянке головного мозга, костнопластическая ампутация стопы, новый способ обработки нервов при ампутациях конечностей. Эти методики долгое время активно использовались в советской медицине.

Михаил Павлович вел широкую общественную деятельность. Он один из организаторов проведения Первого съезда хирургов и гинекологов Беларуси (1929). В 1934–1936 гг. депутат Минского городского совета. Дважды избирался членом правления Всесоюзного научного общества хирургов. Заслуги М. П. Соколовского отмечены орденом Красной Звезды, наградой Министерства здравоохранения СССР «Отличнику здравоохранения».

Михаил Павлович Соколовский родился 19 ноября 1887 г. в семье торговца в г. Ржеве Тверской губернии. Принадлежность его отца к купеческой гильдии позволила не только Михаилу, но и его старшему брату Ивану и младшему Владимиру получить блестящее среднее образование в Ржевской мужской гимназии. Любовь к медицине у младших представителей семейства Соколовских, вероятно, была привита еще с детства. Не только Михаил, но и Владимир выбрал в качестве профессиональной деятельности сферу здравоохранения, став в 1950-х гг. заведующим кафедрой кардиологии Клиники лечебного питания им. профессора М. И. Певзнера в Москве. Михаил же избрал для себя одну из самых древних отраслей медицины – хирургию.

В 1906 г. выпускник Ржевской гимназии поступил на медицинский факультет Императорского Московского университета. Постигая основы профессии, молодой человек не упускал возможности апробировать полученные знания на практике. Именно это стремление свело Михаила Павловича с подлинным мастером хирургического дела Сергеем Ивановичем Спасокукоцким. Уже студентом

выпускного курса М. П. Соколовский в 1910 г. во время летних каникул подрабатывал в хирургическом отделении Саратовской городской больницы, которым в то время руководил Сергей Иванович. Работая рядом с этим выдающимся хирургом, студент не только усовершенствовал навыки оперативной хирургии, но и открыл для себя с новой стороны гастрохирургию – отрасль медицины, в которой С. И. Спасокукоцкий в начале XX в. совершил настоящий прорыв.

Отработав в больнице под руководством светила российской хирургии, осенью 1910 г. М. П. Соколовский вернулся к учебе. Медицинский факультет Московского университета в 1911 г. он окончил со степенью лекаря с отличием. Перед новоиспеченным выпускником старейшего классического университета России с дипломом первой степени были открыты двери большинства медицинских учреждений Москвы. Однако Михаил Павлович предпочел им провинциальный город, где можно было совершить первые шаги в практической врачебной деятельности.

В 1911 г. М. П. Соколовский был принят на должность ассистента кафедры общей патологии и бактериологии последнего из открывшихся в дореволюционной России классических высших учебных заведений – Императорского Николаевского университета в Саратове. Кафедру представлял самый молодой из защитившихся в Российской империи доктор медицины Александр Александрович Богомолец, впоследствии получивший известность как основоположник российской и украинской школ патофизиологии, эндокринологии и геронтологии. Кафедра патологии и бактериологии на момент прибытия Михаила Павловича состояла из профессора и одного сотрудника. Вскоре А. А. Богомолецу было выделено новое помещение, в котором разместилась научная лаборатория, оснащенная по образцам лучших европейских институтов: передовым

Императорский Николаевский университет в Саратове. 1909 г.

оборудованием, большинство из которого Александр Александрович приобрел за собственные средства.

Работая в должности ассистента кафедры в Саратовском университете, Михаил Павлович под научным руководством А. А. Богомольца начал подготовку докторской диссертации на тему «О всасывании бактерий из брюшной полости». Ее экспериментальную часть молодой исследователь закончил во время научной стажировки в г. Эрлангене (Германия) и Вене (Австрия) в мае – сентябре 1913 г. Суть этого исследования сводилась к изучению процесса распространения бактерий по кровеносной системе собак. Эксперименты показали, что бактерии, введенные в брюшную полость, уже через 10 минут могут попасть в общий поток крови и распространиться по всему организму. Поэтому воспаление брюшной полости с первых минут его образования вызывает инфицирование всех тканей и органов, которые вместе с тем мобилизуют защитные силы и принимают участие в борьбе с инфекцией. Этот факт в хирургии М. П. Соколовским был установлен впервые.

К концу 1913 г. Михаилу Павловичу удалось оформить теоретические аспекты своей докторской диссертации, и ее основное содержание было доложено на XIII съезде российских хирургов, проходившем в декабре 1913 г. в Хирургическом музее Н. И. Пирогова в столице империи. Следует отметить, что к этому времени М. П. Соколовский сменил место профессиональной деятельности. Продолжая работать в университете Саратова, он перевелся с кафедры патологии и бактериологии на должность ассистента факультетской хирургической клиники, которую возглавлял знакомый ему со студенческих лет С. И. Спасокукоцкий. Работая в клинике, Михаил Павлович закончил свою диссертацию. Однако, сдав докторантские экзамены еще в 1913 г., представить на рассмотрение текст докторской работы так и не успел – началась

М. П. Соколовский (крайний слева в нижнем ряду) со студентами и преподавателем медицинского факультета Императорского Московского университета

Первая мировая война. В годы военного лихолетья, вплоть по сентябрь 1917 г., столь квалифицированный врач служил в перевязочном отряде Первой гренадерской дивизии и Сводном эвакуационном госпитале. И только в 1920 г., спустя два года после окончания Первой мировой войны, представил на рассмотрение и успешно защитил диссертацию на тему «О элиминации бактерий из брюшной полости».

Став доктором медицины, М. П. Соколовский остался работать в Саратовском университете. После двух пробных лекций (20 апреля 1920 г.) был избран доцентом факультетской хирургической клиники, которой после окончания Первой мировой войны руководил профессор Сергей Романович Миротворцев. Проработав на этой должности чуть меньше года, Михаил Павлович 15 апреля 1921 г. был избран на должность профессора хирургии Смоленского университета. В короткий смоленский период его профессиональной деятельности состоялось

знакомство с выдающимся историком, ректором Смоленского университета профессором Н. М. Никольским. Знакомство переросло в дружбу, которая окрепла после переезда обоих ученых в Минск.

Нельзя сказать, повлиял ли Николай Михайлович или кто-нибудь иной на решение М. П. Соколовского стать одним из профессоров БГУ, поскольку в Национальном архиве Республики Беларусь эта информация, как и многие другие сведения личного характера, не сохранилась. Известно лишь, что 24 ноября 1921 г. заявление профессора М. П. Соколовского о возможности быть принятым на работу в Белорусский государственный университет было рассмотрено на заседании деканата медицинского факультета и вынесено решение, что заявление необходимо передать профессору М. Б. Кролю «для отзыва и для собрания сведений». Вернулись к этому вопросу лишь на заседании деканата 14 июня 1922 г., на котором путем закрытого голосования Михаил Павлович был избран профессором хирургии медицинского факультета БГУ. Спустя месяц его избрали новым деканом медфака БГУ. Эти хлопотные обязанности пришлось исполнять недолго – до февраля 1923 г.

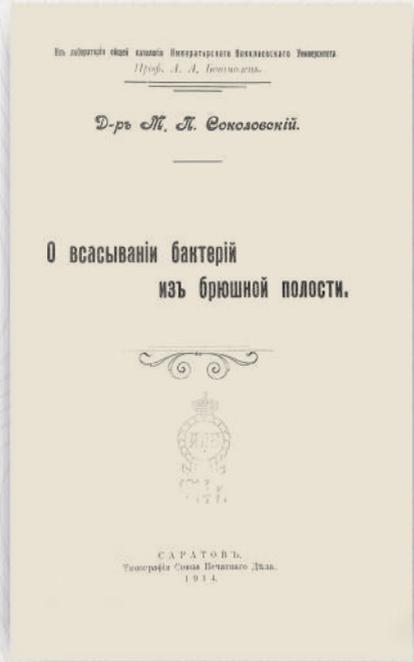
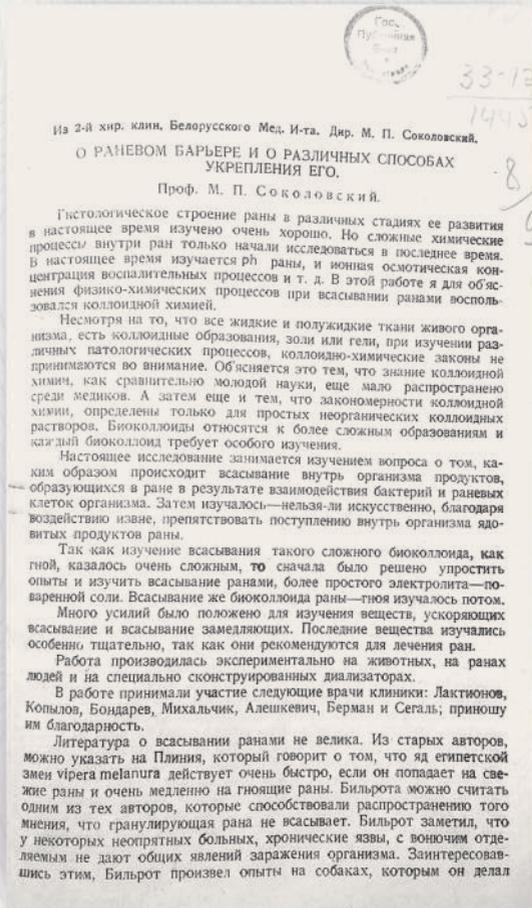

М. П. Соколовский (крайний слева во втором ряду) с семьей и академиком Н. М. Никольским (справа полулежит) на даче под Минском. 1925 г.

М. П. Соколовский в должности декана продолжил оснащение лабораторий и учебных кабинетов медицинского факультета БГУ необходимым оборудованием, несмотря на катастрофическую нехватку средств у молодой республики. К концу 1922 г. удалось создать лаборатории органической, неорганической и аналитической химии, фармации, фармакогнозии и фармакологии, анатомический театр, физический кабинет. Все это способствовало квалифицированной подготовке будущих работников народного здравоохранения. Медфак БГУ сразу стал архипопулярным у тех, кто стремился к высшему образованию. В 1922/23 учебном году на трех курсах медицинского факультета обучалось 516 студентов.

С июня 1922 г. М. П. Соколовский читал курсы общей хирургии, что означало появление столь важной кафедры (с 1924 г. кафедра была передана Савелию Мироновичу Рубашеву). Михаил Павлович читал студентам лекции по общей хирургической патологии, знакомя не только с заболеваниями, известными на то время, и препаратами для их лечения, но и с историей хирургии. По его мнению, такой подход в обучении хирургии должен формировать у студентов более широкий взгляд на эволюцию тех или иных хирургических проблем. В 1922 г. по инициативе М. П. Соколовского было начато преподавание еще по одной кафедре – оперативной хирургии и топографической анатомии, по которой он был ведущим профессором, вскоре возглавил как заведующий (до 1929 г.). Профессор М. П. Соколовский подготовил и издал в 1927 г. первый учебник по оперативной хирургии для студентов-медиков на белорусском языке (второе издание вышло в 1932 г.).

Немалые усилия М. П. Соколовский прилагал для организации на медицинском факультете БГУ учебных клиник. Клиническое обучение было и остается одной из самых эффективных методик в медицинском преподавании: чем ближе

Обложка первого научного труда М. П. Соколовского, изданного в 1914 г.

Заглавная страница статьи М. П. Соколовского «О раневом барьере и о различных способах укрепления его»

Аттестат профессора М. П. Соколовского (звание присвоено в 1921 г., аттестат повторно выдан в 1947 г.)

Здание Второй Советской больницы, в которой располагалась госпитальная хирургическая клиника. 1920-е гг.

студент к постели больного, тем большему способен научиться. В отличие от учебной аудитории обучение в клиниках производилось в малочисленных группах (не более 10 чел.), и таким образом будущий врач под руководством ассистентов и научных сотрудников получал возможность «выслушивать и выстукивать больного». При непосредственном участии М. П. Соколовского в конце 1922 – начале 1923 г. были открыты первые факультетские клиники на базе Первой Советской больницы (ныне – 3-я городская клиническая больница им. Е. В. Клумова), являвшейся не только основной базой подготовки будущих медиков, но

и центром научно-врачебной мысли в республике. Инициатор создания пропедевтической хирургической клиники, Михаил Павлович стал ее первым директором. В 1924 г. она была преобразована в госпитальную хирургическую клинику и переведена во Вторую Советскую больницу (ныне – 2-я городская клиническая больница) и впоследствии переименована во Вторую хирургическую клинику (руководство ею профессор осуществлял до 1936 г.).

Работая на медицинском факультете БГУ, М. П. Соколовский не только делал все возможное для налаживания образовательного процесса и подготовки будущих специалистов в сфере здравоохранения, но и привносил научными исследованиями новое в развитие советской медицины. Научное наследие Михаила Павловича включает свыше 65 трудов по разным отраслям хирургических знаний. Значительную часть своего времени он отводил изучению нейрохирургии. Этот раздел хирургии, отвечающий за оперативное лечение заболеваний нервной системы, привлек его внимание еще в 1920 г. Однако вплотную проблемами нейрохирургии Михаил Павлович занялся, уже работая в Минске. В 1925 г. заведующим госпитальной хирургической клиникой медицинского факультета БГУ при проведении операции на головном мозге был апробирован инновационный метод удаления скопившейся в

Профессор М. П. Соколовский (второй справа в нижнем ряду) с преподавателями и группой студентов медицинского факультета БГУ. 1927 г.

мозгу жидкости, получивший название «Лимфангиопластика в нижний рог бокового желудочка». Впоследствии этот эффективный способ устранения водянки стал широко применяться советскими нейрохирургами.

Основываясь на клинических наблюдениях и экспериментах, проведенных в лабораториях Белорусского государственного университета, М. П. Соколовский разработал уникальный для советской медицины метод замещения верхнего слоя головного мозга иным живым материалом. По предложению Михаила Павловича и при его непосредственном ассистировании впервые данный способ протезирования на живом человеке был применен одним из его бывших руководителей – профессором Саратовского университета С. Р. Миротворцевым. После успешной операции результаты исследований были опубликованы Михаилом Павловичем в работе «О пластическом закрытии твердой мозговой оболочки сальником».

Профессор М. П. Соколовский
(в нижнем ряду в центре) с группой
студентов на практическом занятии
в клинике. 1928 г.

Следует указать на еще одно новшество, предложенное М. П. Соколовским и впоследствии активно использовавшееся в советской медицине. В 1929 г. был издан его научный труд «Ранения головы в мирное время», в котором приводились результаты лечения большой группы

Профессор М. П. Соколовский (второй слева во втором ряду) с преподавателями и группой студентов медицинского факультета БГУ. 1928 г.

Профессор М. П. Соколовский (второй справа во втором ряду)
с группой студентов и профессоров БГУ. 1929 г.

больных – 150 человек, имевших повреждения костей черепа. Михаил Павлович в своем исследовании доказал, что пациентов, получивших подобные травмы, можно оперировать не только в первые 24 часа, как это считалось ранее, но и в более поздние сроки. Подтвержденная гипотеза М. П. Соколовского нашла применение не только в мирное время, но и в годы Великой Отечественной войны.

Непосредственно заведующим и сотрудниками кафедры оперативной хирургии опубликовано большое количество научных работ, посвященных другим видам ран. В качестве примера – статья Михаила Павловича «О раневом барьере и о различных способах укрепления его». В ней исследованы периоды образования, проницаемость и прочность раневого барьера при разнообразных условиях. Полученные в ходе многочисленных опытов практические результаты позволили ученому выработать заключение относительно целесообразности применявшихся в то время способов лечения ран. Предложенная М. П. Соколовским классификация ран исполь-

зовалась в годы Великой Отечественной войны в издававшихся Главным военно-санитарным управлением инструкциях.

Изучению процесса заживления ран желудка при пользовании разного вида швов посвящена работа «Узловой или непрерывный шов при операции желудочно-кишечного соустья». Она подготовлена на основании долгих клинических наблюдений и многочисленных экспериментов, проведенных Михаилом Павловичем. Он уделял огромное внимание и другим проблемам в области гастрохирургии. Одной из первых подобных работ, подготовленных профессором в стенах медицинского факультета Белорусского государственного университета, стал изданный им в 1924 г. труд «Об оперативном лечении травматических диафрагмальных грыж». Михаил Павлович предложил инновационную для того времени методику лечения пептических язв тощей кишки, доказавшую впоследствии свою высокую эффективность.

Достижения в области здравоохранения поспособствовали утверждению в 1934 г. профессора М. П. Соколовско-

го в степени доктора медицинских наук. В этом же году он был избран депутатом Минского городского совета. Однако, несмотря на активность Михаила Павловича в педагогической, научной и общественной сферах, минский период его профессиональной деятельности вскоре подошел к концу. Проработав 14 лет в столице БССР, в июле 1936 г. он вместе со своей женой Клавдией Андреевной и тремя детьми (Андрей, Виктор и Ирина) переехал в Воронеж, куда его пригласили на должность заведующего кафедрой общей хирургии местного медицинского института. С его приходом на кафедре началось формирование клинично-физиологического направления в научных исследованиях. В 1938 г. Михаил Павлович был избран деканом лечебного факультета Воронежского медицинского института, которым руководил до 1939 г.

В годы Великой Отечественной войны М. П. Соколовский работал главным хирургом управления эвакогоспиталей Воронежской области, а с 1942 г. – главным хирургом управления госпиталей Ульяновской области, куда был эвакуирован Воронежский медицинский институт. Несмотря на сложные условия военного времени, учебная и научная жизнь кафедры общей хирургии и ее заведующего не прекращалась. Под руководством профессора изучались вопросы лечения огнестрельных ранений и спонтанной гангрены, пластических операций при травмах. Михаил Павлович в годы Великой Отечественной войны опубликовал в журнале «Военно-Санитарное дело» статью «Как бороться с личинками мух в ране». Описанный в его работе способ зарекомендовал себя как эффективный и получил широкое распространение в военных госпиталях СССР.

В 1944 г. М. П. Соколовский вместе с медицинским институтом эвакуировался в Воронеж, но передал должность заведующего кафедрой коллеге. Проработав на кафедре год в качестве профессора, в июле 1945 г. Михаил Павлович

Профессор Одесского медицинского института М. П. Соколовский обсуждает с коллегой предстоящую операцию

снова сменил место профессиональной деятельности. В этот раз его пригласили занять должность заведующего кафедрой факультетской хирургии Одесского медицинского института. Согласившись на это предложение, ученый-медик возглавлял данную кафедру вплоть до 1971 г., после чего перешел на должность профессора.

Михаил Павлович трудился на благо здравоохранения до самых последних лет жизни. Умер М. П. Соколовский 18 мая 1977 г. и похоронен в Одессе. За годы долгой научно-педагогической деятельности он дал путевку в жизнь тысячам хирургов в Беларуси, России и Украине. Под его научным руководством успешно защищены 11 докторских и 20 кандидатских диссертаций. Только за годы работы в Минске им было подготовлено 7 докторов и 8 кандидатов медицинских наук. Его учениками являются известные хирурги В. В. Бабук, Н. И. Бобрик, М. Р. Вебер, Б. Г. Драгун, Ю. М. Иргер, Е. В. Клумов, Е. В. Корчиц, А. Е. Мангейм, И. Б. Олешкевич, И. М. Перельман, И. М. Стельмашонок, М. Н. Шапино и др.

**Александр Вячеславович
Бурачонок**

Михаил Павлович Соколовский

**ОСНОВОПОЛОЖНИКИ
НАУЧНЫХ ШКОЛ И НАПРАВЛЕНИЙ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ
(гуманитарные и общественные науки)**

**Основоположник изучения
и преподавания в Беларуси
педагогической психологии,
проведения исследований
в области практического
применения методов
психологической науки**

**Профессор БГУ,
один из основателей
отечественной школы психологии**

**Серафим Михайлович
ВАСИЛЕЙСКИЙ**

16.02.1888 – 05.06.1961

Серафим Михайлович Василейский – специалист в области педагогической психологии, педологии, индустриальной психотехники. Доктор психологических наук, профессор. В 1923–1928 гг. работал в Беларуси, где основал свою научную школу. С. М. Василейский – один из инициаторов создания в 1924 г. и первый руководитель Центральной психотехнической лаборатории (ЦПЛ), которую возглавлял до 1927 г. Проводил исследования на базе психотехнической лаборатории Института охраны труда в Минске.

Работы С. М. Василейского, написанные в минский период жизни, посвящены анализу методов и техники исследований в области педологии и психотехники («Введение в теорию и технику психологических, педологических и психотехнических исследований» (1927); «Основные вопросы педологии» (1926, 1928, 1930)). Под его руководством разработан набор тестов для оценки общей умственной одаренности и технической одаренности в целях проведения профессиональных консультаций и отбора. В 1927 г. С. М. Василейский принимал участие в работе IV Международной психологической конференции в Париже.

Серафим Михайлович Василейский родился 18 февраля 1888 г. в с. Ново-Геранькино Бузулукского уезда Самарской губернии. Его отец принадлежал к числу священнослужителей Самарской губернии, что предопределило для сына получение образования в Бугурусланском духовном училище и Самарской духовной семинарии. Кроме глубокого познания богословских дисциплин, в которых юноша, согласно характеристике семинарии, «показал успехи по всем наукам и причислен к первому разряду воспитанников Семинарии, удостоен звания студента со всеми преимуществами», занимался физикой, логикой, философией и психологией, исследование которой стало делом всей его жизни.

В начале XX в. огромное влияние на развитие российской, а впоследствии и советской психологии оказало открытие видным ученым Владимиром Михайловичем Бехтеревым Петербургского психоневрологического института (1907). Здесь с 1909 г. С. М. Василейский продолжил изучение «науки о душе». На становление Серафима Михайловича как ученого огромное влияние оказали Н. Е. Введенский, М. М. Ковалевский, Е. В. Тарле,

С. М. Василейский в годы студенчества

П. Ф. Лесгафт, А. Ф. Лазурский и др. В институте под научным руководством В. М. Бехтерева молодой исследователь изучал рефсологический подход к детскому развитию и наследственные особенности детей, анализировал соответствие психических процессов внешним раздражителям в настоящем и прошлом.

В понимании личности как важнейшей проблемы психологического исследования был заложен интегративный подход, разрабатывалось экспериментальное естественно-научное направление развития психологической науки. В институте были весьма популярны и авторитетны научные взгляды А. Ф. Лазурского, «создателя психологии индивидуальных различий», под руководством которого С. М. Василейский изучал общую и детскую психологию и физиологию. А. Ф. Лазурский настаивал на том, что психология должна иметь экспериментальные основания, подобные клиническому исследованию испытуемого согласно специально разработанной программе. Это впоследствии повлияло на становление научных интересов Серафима Михайловича.

Огромное желание совершенствоваться и раскрыть свои возможности привело талантливого молодого человека в 1910 г. на историко-филологический факультет Петербургского университета, который по праву считался одним из самых сложных (из 200 студентов 1-го курса экзамены сдавали в среднем 25 человек). Там его увлекла работа по программе семинаров А. И. Введенского (сторонник неокантианства, изучал вопросы формирования самосознания и развития рефлексии человека) и Н. О. Лаосского (один из основателей направления интуитивизма в России, «сторонник развития психологии как науки в идеалистических, христианских рамках»).

В 1913 г. С. М. Василейского отправили на стажировку по психологии и философии в Лейпцигский университет. В биографии Серафима Михайловича,

хранящейся в Национальном архиве Республики Беларусь, говорится, что в Лейпцигском университете он работал «в психологической лаборатории под руководством приват-доцента Брана, слушал лекции по философии профессора Фолькельта, по психологии профессора Вунда. Написал дипломное сочинение и предоставил его А. И. Введенскому, его работа была удостоена высшего балла».

В 1914 г. С. М. Василейский получил диплом первой степени выпускника университета и активно занялся преподавательской деятельностью в Петербурге. В это время он познакомился со своей будущей женой М. С. Болховитяновой, уроженкой Липецкой губернии, учительницей истории в гимназии. Из-за сложного материального положения, в котором оказалась молодая семья, приходилось работать во многих местах, совмещая подчас три работы.

После революций 1917 г. С. М. Василейский переехал в Самару, где занялся преподаванием психологии в эвакуированном Виленском учительском институте. Годом позже на базе Виленского и Самарского институтов был образован Высший педагогический институт, где Серафим Михайлович читал курсы педагогики, психологии, являлся секретарем института, приобретая административный опыт. В Самаре судьба свела его с выдающимся российским психологом А. П. Нечаевым, который обратил внимание на талантливую, перспективную ученого. Дружеские отношения и общность научных интересов (внедрение эксперимента в педагогическую психологию) сохранились и после перевода А. П. Нечаева в 1921 г. в Московский государственный психоневрологический институт, который он возглавил.

В Самарском пединституте, затем государственном университете С. М. Василейский занимал должность доцента и был наиболее авторитетным лектором по кафедре психологии и педагогики. Он читал экспериментальный курс по пси-

С. М. Василейский с женой
Марией Сергеевной Болховитяновой.
Начало 1920-х гг.

хологии. Там же Серафим Михайлович познакомился с ректором, профессором-философом Владимиром Николаевичем Ивановским, который в скором времени стал профессором и проректором Белорусского государственного университета. В. Н. Ивановский высоко оценивал разнообразие научной подготовки коллеги и несомненную широту его знаний. Эта оценка явилась весомым аргументом для переезда в Минск, в БГУ.

Ранее, в 1923 г., Серафим Михайлович подал заявление в Витебский педагогический институт, где ему предоставили кафедру по педагогике, на что значительно повлияла рекомендация А. П. Нечаева. Материальное положение профессора этого института, как можно узнать из сохранившихся документов, было «очень прилично: 120 руб. в золотом исчислении». В институте С. М. Василейский проработал с февраля 1924 г. до конца учебного года.

Серафим Михайлович Василейский

С. М. Василейский (третий справа в первом ряду) среди коллег – профессоров и преподавателей БГУ. Середина 1920-х гг.

Открытие в 1921 г. в Минске Белорусского государственного университета вселяло новые перспективы для многих ученых. Уже в сентябре 1921 г. Совет университета утвердил первых преподавателей психологии и педагогики – В. Н. Ивановского и И. М. Соловьёва. По приглашению В. И. Пичеты в университет из Витебска переехал и С. М. Василейский. Рекомендацию Серафиму Михайловичу, как и для Витебского педагогического института, давал А. П. Нечаев. В ней говорилось: «Сим удостоверяю, что в бытность свою профессором государственного Самарского университета (1918–1921 гг.) я имел возможность близко наблюдать научную и педагогическую деятельность Серафима Михайловича Василейского, причем убедился в его достаточной научной подготовке для ведения курсов в высшем учебном заведении и в соответствующих лекторских способностях».

Научная и педагогическая квалификация С. М. Василейского была высоко оценена и В. Н. Ивановским, который отмечал доклад Серафима Михайловича об идеалах детей по данным анкет в самарских школах, представленный на Всероссийском съезде по неврологии и психологии в январе 1924 г. в Ленинграде.

Согласно архивным документам в феврале 1924 г. С. М. Василейский был утвержден профессором БГУ по кафедре психологии с 12 часами лекций и практических занятий в неделю. В отчете за 1928 г. отмечено, что Серафим Михайлович читал лекции по психологии на 1-м курсе, руководил лабораторно-групповыми занятиями по педологии на 2-м курсе и факультативными занятиями по психотехнике на 4-м курсе. Выделялись его необыкновенные ораторские способности, полученные в стенах духовной семинарии. Профессор легко завоевывал внимание любой аудитории, демонстрируя высокий академический уровень, но прежде всего он стремился воспитывать высоко нравственные качества слушателей.

1920–30-е годы в СССР ознаменовались становлением и внедрением психотехник в развитие культуры труда в новых экономических условиях на производстве, в школе, армии и т. д. Бурное развитие психологических техник привлекло к этой работе не только психологов, но и представителей других профессий: гигиенистов, физиологов, работников сферы управления, идеологов, представителей движения «Научная организация труда». Это было вызвано прежде всего необходимостью общей модернизации советского общества, системы управления человеческими ресурсами. Актуальными научными направлениями в области психотехнических исследований в этот период были: оптимизация подготовки к труду, условиям и режиму труда, автоматизация трудовых действий, изучение эффективности пропагандистской работы, профессиональные консультации и отбор, составление анкет для проведения опросов, анализ профессий, изучение утомляемости в процессе труда и др. Эти научные разработки инициировали открытие ряда научно-исследовательских и научно-практических учреждений. В РСФСР на платформе Центрального института труда (ЦИТ) в 1922 г. была

открыта первая психотехническая лаборатория для проведения теоретических и экспериментальных исследований по психотехнике.

Популяризация этих исследований активизировала процесс создания психотехнической лаборатории и при педагогическом факультете БГУ. В Национальном архиве Республики Беларусь сохранился протокол заседания «педагогическо-методологической комиссии» от 9 апреля 1924 г., где был рассмотрен вопрос о создании психотехнической лаборатории. Непосредственное участие в этом принимали И. М. Соловьёв и С. М. Василейский. Идея первой Центральной психотехнической лаборатории БССР была поддержана Всебелорусской ассоциацией научной организации труда (НОТ). С. М. Василейский возглавил лабораторию, работа которой по профотбору и профконсультации началась летом 1925 г.

Для расширения кадрового состава БГУ преподавателей психологии и педагогики в 1925 г. был приглашен на должность ассистента по кафедре пси-

хологии и педологии Александр Алексеевич Гайворовский, который окончил Самарский государственный университет по специальности «психотехник и педолог». А. А. Гайворовский и С. М. Василейский были знакомы по Самарскому университету. Серафим Михайлович высоко оценил его работу: «...он особенно хорошо проводил практикум по умственной одаренности и проблеме упражнения и утомления... Он мог бы не без успеха работать в БГУ в качестве ассистента по педологии и психотехнике (под моим руководством)», – говорилось в рекомендации профессора. А. А. Гайворовский занялся разработкой вопросов отбора представителей различных профессиональных групп.

К деятельности лаборатории в качестве лаборанта, а позднее научного сотрудника осенью 1925 г. был привлечен еще один талантливый ученик Серафима Михайловича – студент Сергей Михайлович Вержболович.

За время работы в БГУ и в психотехнической лаборатории (1924–1928)

С. М. Василейский с витебскими студентами. 1924 г.

Серафим Михайлович Василейский

Удостоверение № 2096
Действительно по 31 дек. 1927 г.
Завед. Общ. Отд. [подпись]

Удостоверение № 2096
Действительно по 31 дек. 1927 г.
Завед. Общ. Отд. [подпись]

Удостоверение № 2096
Действительно по 1 мая 1928 г.
Завед. Общ. Отд. [подпись]

Удостоверение № 2096
Действительно по 31 дек. 1927 г.
Завед. Общ. Отд. [подпись]

Н. К. П.
БЕЛОРУССКИЙ
Государственный Университет.

Удостоверение № 2096
Дано сие Серафиму Михайловичу Василецкому
в том, что он состоит на службе в Бел. Гос. Университете в должности профессора по кафедре психологии и педагогического дисциплны и приложенном печати удостоверяется.

Минск, 20 Октября 1927 г.
Ректор, профессор [подпись]
Управляющий делами [подпись]
Завед. Общ. Отд. [подпись]

У НАУЧНОГО КОМПЛЕКТА АСФАЛТА ВООРУЖ.

Продление Белорусского Дворянского Училища профессору психологии и педагогике Серафиму Михайловичу Василецкому в должности профессора по кафедре психологии и педагогического дисциплны и приложенном печати удостоверяется.

Минск, 20 Октября 1927 г.
Ректор БДУ, проф. [подпись]
Управляющий делами [подпись]

28.10.27
11/10/27

Декану Педагогического Факультета Минского Гос. Университета

профессора б. Самарского Государств. Университета Сераф. Мих. Василецкого

заявление

В случае вакансии кафедры психологии или педагогики на Педагог. Факультете Минского Гос. Университета прошу рассмотреть мою кандидатуру на замещение этой кафедры и предоставить мое избрание и утверждение через соответствующие инстанции.

При сем прилагаю свое curriculum vitae.

Родился я в 1888г. По окончании средней школы (первой и лучшей) в 1909г. посетил по моему желанию в Петербургский Психолого-педагогический Институт. Здесь мое внимание уделял замечательному психологу, физиологу и экспериментальной психологии (под руководством проф. А. Ф. Ладурского). С осени 1910г. по октябрь

УДОСТОВЕРЕНИЕ. - 28

Дано сие профессору по кафедре педагогики Педагогического Факультета Белорусского Государственного Университета, Серафиму Михайловичу Василецкому в том, что он Правлением Б.Г.У. назначается на 1-ый Всесоюзный съезд педагогов, который состоится с 27-го декабря 1927 года по 4-ое января 1928 года в Москве, что подтверждено и приложенном печати удостоверяется.

Ректор БГУ, проф. [подпись]
Управляющий делами [подпись]

В Ленинградско-Педогогическую
Предметную Комиссию Педфака ЛГУ
Отзыв проф. В. Н. Ивановича о кач-
вах на кафедру психологии профессора
Учив-жа С. М. Васильевского.
и психологических наук ка-
чества неслыханная широта и
его научной подготовки. Он за-
границей. Психологический
Учив-жа в Ленинграде. Учив-же на во-
д. фак-те, наконец в Ленинграде
современных наук и психоло-
гии математическими и психоло-
гическими высшей математики
гипотезами, дилеммами,
и в ряде наук психологии со-
трудника по психологии
А. Ф. Лурия, курсы психоло-
гии Учив-жа, курсы Вудра в Ленинграде.

Ваше письмо
на М. Г. У.

Разделожития на заседании Правления ЛГУ
от 17.11.1928 г. прот. М. Г. У.
ПРЕСТАВЛЕНИЕ:
на должность профессора, как ит. протектор
Своей Курсы в ЛГУ на 1928-29 гг.
Крайним Кандидатом 4-го разряда 1928 г.

В. Т. У.
заявление
Вследствие ряда объективных я решил
оставить службу в Бел. Гос. Ун. и перехо-
жу на работу в другой университет, а
потому прошу Правление Б. Т. У. отпустить
меня от должности ит. протектор.
Для выполнения необходимых работ
(принимать заказы и т. п.) и для сдачи дел
могу оставаться в Университете в течение
3-4 недель.

Проф. С. Васильевский

25. VIII. 1928.

Протокол заседания педагогической-психологической комиссии Педфака
ЛГУ от 17.11.1928 г.
Председатель: проф. Д. А. Маринин, секретарь-асс. В. В. Перельман.
Слушатели: Гостановичи

заявление профессора В. Васильевского Государственного Университета Ленинградского Михаила Васильевского на имя директора Педфака В этом заявлении проф. Васильевский просит вы- сшей квалификацией на зане- сении психологии или логике в Л. Г. У. - т. е.	1. Принять кандидатуру проф. С. М. Васильевского на вакантную кафедру психологии т. е. Васильев- ский и издать статью перед деканом об утвер- ждении его профессора по кафедре психоло- гии с преподаванием аму по возможности с текущего же семестра не менее 12 часов в неделю над по ведению курсов, так и по ведению практических занятий.
---	---

С подлинным верно:
Секретарь Педагогической
Комиссии ЛГУ
М. Г. У.

С. М. Вержболович, С. М. Василейский,
А. А. Гайворовский в психотехнической
лаборатории. 1926 г.

С. М. Василейскому удалось сделать многое. Профессор отмечал слаженную работу коллег, что позволило осуществить обширные и многоплановые исследования. В книге Серафима Михайловича «Из теории и практики профориентации и профконсультирования», написанной в соавторстве с А. А. Гайворовским и С. М. Вержболовичем, содержится отчет о деятельности этой уникальной для того времени лаборатории. В нем указывалось, что в рамках психотехнического изучения проведен широкий комплекс исследований, направленных на решение конкретных задач, которые ставило бурно развивающееся белорусское общество.

Среди решенных задач ученые назвали следующие:

- выявление зависимости успеваемости и общей интеллектуальной одаренности выпускников Минской профтехшколы;
- расчет профессиограммы телефонисток Центральной городской станции г. Минска, инспекторов Народного комиссариата РКИ;

- анализ отбора поступающих на предмет одаренности в Военную окружную школу погранохраны, Комвуза им. В. И. Ленина, Профтехшколу металлистов и деревообделочников, курсантов Пограншколы Комсостава для выделения особой кавалерийской группы, слушателей железнодорожного техникума Западной железной дороги;

- выявление круга представлений и знаний современности у кавалеристов (200 чел.), в школе погранохраны в целях выявления профиля их общекультурного и «общезиженного» развития;

- были составлены специальные системы тестов для более масштабного (до 3500 чел.) исследования такого рода у различных возрастных, половых, национальных и социальных групп населения БССР;

- выявление связи между умственной одаренностью и пригодностью к работе на командных должностях у курсантов полковой школы (300 чел.);

- определение профквалификации и профпригодности шоферов Белавтопромторга, кондукторов Автопромторга;

- разработка психогаммы наиболее популярных профессий того времени – шофера, кондуктора, железнодорожника (дежурного по станции), кочегара, профодаренности зубных врачей, красноармейцев погранохраны, кавалеристов и т. д.;

- анализ профодаренности хирургов клиник Белорусского государственного университета;

- определение круга литературного опыта современной молодежи в целях выявления различных типов литературного опыта различных групп современной молодежи (исследованием охвачено около 800 чел., и составлен ряд специальных тестов);

- выявление спецодаренности шахматистов (участников одного из окружных шахматных турниров) в целях проверки и составления психогаммы шахматиста;

- профконсультация для подростков, направляемых Минской биржей труда на производство, и др.

В рамках деятельности лаборатории учеными совместно были разработаны тесты: «тест на наблюдательность, картографическую память и точность восприятия, тест на знание слов и объектов, тест на исследование круга литературного опыта». Также были адаптированы ряд тестов, которые сегодня для неспециалистов звучат весьма загадочно: тест Бурдона, тест на вставку слов, тест Эббингауна, тест умозаключения, тест на знание слов и объектов.

В 1927 г. из Германии было получено оборудование для психогрaмм и сконструирована собственная аппаратура – «сложный экспозиционный прибор для исследования дежурного по станции; прибор на мышечную память; прибор на меткость удара; сложно комплексный прибор, объединяющий в себе кимограф, мнемометр, complicationные часы и хроноскоп, отмечающий время до 1/50 доли секунды; прибор для исследования точности и координированной работы на узко ограниченном поле (для исследования зубных врачей); видеоизмененный и упрощенный аппарат Мюнстерберга для исследования шоферов; аппарат для исследования подвижного глазомера и ряд других менее значительных приборов и аппаратов».

С. М. Василейский активно представлял результаты научно-исследовательской работы на международной арене. В качестве одного из ведущих специалистов по психотехнике он в составе советской делегации с 10 по 14 октября 1927 г. участвовал в IV Международной конференции по психотехнике и профориентации в Париже. На конференции был представлен сравнительный метод в профессиографии, разработанный Серафимом Михайловичем и его учеником С. М. Гайваровским.

В 1927 г. С. М. Василейский был командирован от БГУ на I Всесоюз-

ную конференцию по психофизиологии труда и профподбору, которая состоялась в Москве. Итогом работы конференции стало создание Всероссийского общества психотехники и прикладной психофизиологии (ВОПиПП) (председатель – И. Н. Шпильрейн), впоследствии получившего статус Всесоюзного. В конце этого года Серафим Михайлович участвовал в работе I Всесоюзного съезда по педологии. Съезд собрал свыше 2 тыс. человек. На пленарные заседания были вынесены четыре главных раздела: «политико-идеологические проблемы, педология труда, общие вопросы педологии, проблема методологии изучения детства».

За время работы С. М. Василейского в БССР (1924–1928) профессор подготовил к печати и опубликовал более 16 работ. Среди них: «Введение в теорию и технику психологических, педолого-педагогических и психотехнических исследований», «Статистический метод в применении к психологии, педагогике и психотехнике», «Экспериментально-психологическое исследование мышления у

С. М. Вержболович (справа) проводит опыты в психотехнической лаборатории. 1928 г.

Серафим Михайлович Василейский

С. М. Василейский (второй справа)
среди коллег в БГУ. 1928 г.

детей», «Половое воспитание», «Опыт психотехнической квалификации автобусных шоферов», фундаментальное исследование о методике и технике выявления пригодности человека к профессии «Из теории и практики профориентации и профконсультации» (совместно с А. А. Гайворовским и С. М. Вержболовичем) и ряд других.

В конце 1927 г. С. М. Василейский подал прошение о переводе в Нижегородский государственный университет. В нем профессор указал, что решение покинуть БГУ вызвано «главным образом из-за плохого влияния местного климата на здоровье мое и моей дочери (бронхиты), а также вследствие желания поработать в родных краях».

В марте 1928 г. Серафима Михайловича избрали профессором кафедры педологии педфака НГУ. В 1930 г. Нижегородский государственный университет был реорганизован по отраслевому признаку: на его базе сформировали шесть самостоятельных вузов, одним из которых был Нижегородский (Горьковский) педагогический институт. В этом институте С. М. Василейский возглавил педагогический факультет.

В условиях изменения социально-политических реалий в СССР середины 1930-х гг. Постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов» наука педология была запрещена. Но только в феврале 1939 г. руководство института, основываясь на этом Постановлении, сняло С. М. Василейского с работы. С понижением в должности до старшего преподавателя Серафим Михайлович шесть лет проработал в Кировском педагогическом институте. В октябре 1944 г. он вернулся в Горьковский педагогический институт в качестве профессора и с 1947 г. стал заведовать кафедрой психологии. В это послевоенное время он смог защитить докторскую диссертацию. Вот только ее не утвердили в Москве, в ВАК. Высшая аттестационная комиссия так отреагировала на поступившую жалобу.

Умер Серафим Михайлович Василейский в 1961 г. от сердечной недостаточности.

Эмма Леонидовна Малиновская

Исследователь творчества
Максима Богдановича,
Янки Купалы, Якуба Коласа

Профессор БГУ

**Александр Николаевич
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

17.07.1888 – 16.01.1966

Александр Николаевич Вознесенский внес существенный вклад в развитие белорусской культуры и науки, зарекомендовав себя ученым европейского уровня, единственным из литературоведов Беларуси того времени, имевшим публикации в зарубежной научной печати.

А. Н. Вознесенский сохранил научные контакты с писателями, поэтами, учеными Беларуси. Покинув страну не по своей воле в 1931 г., содействовал подготовке квалифицированных литературоведов, критиков и плодотворно изучал белорусскую литературу.

Сообщая В. И. Пичете об успешной защите 23 апреля 1943 г. в Казанском университете докторской диссертации, Александр Николаевич отмечал: «Когда-то давно, еще при организации Вами Белорусского университета, Вы при разговоре со мною указывали мне, что я, как и другие наши товарищи, приехавшие в Белоруссию, должны отдать свои творческие силы на создание белорус[ской] культуры. <...> Когда я уезжал в [19]31 году из Белоруссии в Москву, то меня мучила совесть, что я не сумел полностью закончить свои белорус[ские] работы и тем выразить свои чувства признательности за 10-летнее гостеприимство, которым я пользовался в Минске. Только теперь, почти через 12 лет, мне удалось, наконец, все начатые пять работ закончить и три из них представить в качестве докторской диссертации...»

А. Н. Вознесенский не сообщал адресату о том, что, уехав из Минска и проработав несколько лет преподавателем московских институтов, в 1934 г. по сфабрикованному «делу славистов» (или дело «Российской национальной партии») он был выслан в Ташкент, где провел целых пять лет. Отбыв ссылку, перебрался в 1939 г. в Казань, посвятив местному университету всю оставшуюся жизнь. С 1940 г. работал профессором историко-филологического факультета, а в 1943–1947 гг. даже занимал должность декана.

В числе первых варшавских филологов, откликнувшихся на призыв ректора БГУ В. И. Пичеты приехать на работу в создававшийся университет, был и уроженец с. Чукалы Симбирской губернии (ныне Ардатовский район Ульяновской области), воспитанник славяно-русского отделения историко-филологического факультета Императорского Варшавского университета, ученик профессора И. И. Замотина Александр Николаевич Вознесенский. В 1913 г. за выпускное сочинение «Русская журналистика 40-х гг. XIX в. в ее главных направлениях» он получил свою первую ученую степень и был оставлен на кафедре русской словесности для подготовки к профессорскому званию. С 1915 г. молодой филолог работал ассистентом, затем приват-доцентом кафедры. Однако Первая мировая война заставила его в этом же году вместе с университетом эвакуироваться в Ростов-на-Дону.

Приезд осенью 1921 г. в Минск вчерашнего аспиранта, скорее всего, был его собственной инициативой, подкрепленной, как отмечается в современных белорусских исследованиях, «амбициозными планами по организации литературной работы в абсолютно новом учебном заведении, где к тому же было значительно проще получить преподавательское, а позднее и профессорское звание».

В звании профессора он и был утвержден в 1928 г., хотя на фотографии 1922 г., запечатлевшей первых профессоров БГУ, 34-летний приват-доцент, филолог А. Н. Вознесенский занимает почетное место в первом ряду, с историками-профессорами Н. М. Никольским и ректором В. И. Пичетой.

Несмотря на непродолжительное пребывание в Беларуси, Александр Николаевич внес существенный вклад в развитие белорусской культуры и науки. Обладая значительными организаторскими и педагогическими способностями, он зарекомендовал себя и как ученый европейского уровня, единственный из

литературоведов Беларуси того времени, имевший публикации в зарубежной научной печати.

Сформировавшееся на базе изучения русской литературы в русле культурно-исторической школы научное наследие А. Н. Вознесенского было успешно перенесено им на белорусскую почву и вылилось в исследования творчества Максима Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа в сравнительно-типологическом аспекте в контексте европейской литературы. И даже уехав из Беларуси, он продолжал поддерживать научные контакты с писателями, поэтами, учеными, содействовал подготовке квалифицированных национальных кадров литературоведов, критиков, плодотворно изучал белорусскую литературу. На последнее обстоятельство указывает защищенная им в 1943 г. в Казанском университете докторская диссертация «Исследования по истории новой белорусской литературы», основу которой составило его изучение творчества Янки Купалы и Якуба Коласа.

Обращаясь в ноябре 1943 г. с письмом к Михасю Лынькову и заверяя его в «неизменных высоких чувствах к белорусскому народу и Беларуси», А. Н. Вознесенский подчеркивал: «Свои занятия белорусской литературой я не оставляю и за пределами Белоруссии. Мною уже написано пять монографий о белорусской литературе и белорусской культуре (Романтические поэмы Янки Купалы; Новеллы Якуба Коласа; Первый белорусский роман (Полесские романы Якуба Коласа); Творчество М. Богдановича; Начальные годы белорусского советского театра; первые три работы были мною представлены и защищены в качестве докторской диссертации)... Среди белорусских писателей, выдвинувшихся в первые ряды, есть и мои ученики: Петро Глебка, Крапива и др.».

Тремя годами позже, в июне 1946 г., в письме к белорусскому критику и литературоведу А. А. Есакову ученый вновь обратился к белорусской проблематике,

напомнив, что «хотя мы живем далеко от Белоруссии, но ни на минуту не забываем о ней, продолжая разрабатывать разные темы по белорусской литературе. Недавно была представлена кандидатская диссертация на тему о белорусской литературе XVII–XVIII вв., защита ее вследствие экзаменационной поры перенесена на сентябрь. В конце года, вероятно, будет готова диссертация на степень кандидата о “Новой земле” Якуба Коласа. Далее, готовится третья кандидатская работа о Богушевиче. Все эти работы выполняются при моем непосредственном участии».

Несмотря на превратности судьбы (увольнение в 1930 г. из БГУ по надуманным обвинениям в «шовинизме», «идеализме» и прочих «измах», арест в 1934 г. в Москве и осуждение на пять лет лагерей по печально известному «делу славистов», или «делу Российской национальной партии»), А. Н. Вознесенский, вероятно, был вправе считать себя счастливым человеком. Он состоялся как ученый, достойно продолжавший и развивавший традиции научной школы, заложенные его выдающимися учителями – академиками Е. Ф. Карским и И. И. Замотиным; зарекомендовал себя организатором высшей школы, готовившей кадры профессиональных литературоведов, текстологов, критиков в Беларуси и Татарстане. Александру Николаевичу посчастливилось руку об руку работать с теми, кто стоял у истоков этой школы в Беларуси, да и сам он был причастен к ее созданию. Именно поэтому А. Н. Вознесенский болезненно реагировал на недостаточное, по его мнению, внимание, уделяемое заслугам В. И. Пичеты в деле создания БГУ. Так, узнав о его кончине, он писал вдове ученого: «Я был крайне обижен, когда в некрологе не нашел упоминания на одну из главнейших заслуг Владимира Ивановича, на его главное и руководящее участие в создании Белорусского университета... Он создал колыбель белорусской культу-

ры. Я убежден, что история восстановит истину и полностью во всем объеме покажет роль и значение Владимира Ивановича».

Сохранилось не так уж много прямых документальных свидетельств о научно-педагогической деятельности А. Н. Вознесенского в БГУ. Прежде всего это хранящаяся в Национальном архиве Республики Беларусь делопроизводственная документация руководящих органов университета (Правления и Совета); факультетов (общественных наук и педагогического), на которых работал ученый; литературной предметной комиссии, которую он одно время возглавлял, а затем состоял в числе ее членов, и др. Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие в архивном фонде БГУ его личного дела.

По известным причинам более полно документирован казанский период в жизни А. Н. Вознесенского, составивший два десятка лет. В Казанском университете он продолжительное время занимал должность декана историко-филологического факультета, успешно сочетая выполнение административных обязанностей с научной и педагогической деятельностью. Все это нашло отражение в документах его личного дела, хранящегося в архиве Казанского федерального университета.

Как отмечал в 1947 г. Александр Николаевич, его знакомство с уже назначенным ректором БГУ В. И. Пичетой и с университетом состоялось в сентябре 1921 г. Приехав в Минск из Ростова-на-Дону без семьи, библиотеки, имущества, ученый сразу же включился в работу, которой в условиях формирования университетских структур было достаточно. Фамилия А. Н. Вознесенского как секретаря официально еще не утвержденного факультета общественных наук встречается в протоколе заседания президиума факультета буквально накануне фактического открытия БГУ, 29 октября 1921 г. (председательствовал на заседании ректор В. И. Пичета). Среди

А. Н. Вознесенский (второй слева в первом ряду) среди профессоров БГУ. 1921–1922 гг.

присутствовавших на заседании – нарком просвещения республики, будущий декан факультета В. М. Игнатовский, историки Ф. Ф. Турук, А. А. Савич, Д. А. Жаринов, философы В. Н. Ивановский, С. Я. Вольфсон, С. З. Каценбоген, экономист В. В. Якунин, литературовед и этнограф Н. А. Янчук и другие ученые.

Официально в должности секретаря факультета общественных наук А. Н. Вознесенский был утвержден решением Правления университета в начале ноября 1921 г. Несколько дней ранее, в конце октября, он возглавил предметную литературную комиссию, учрежденную на факультете.

На первом официальном заседании президиума университета 2 ноября 1921 г. под председательством назначенного деканом факультета В. М. Игнатовского обсуждался вопрос об организации канцелярии факультета. А. Н. Вознесенскому вместе с С. Я. Вольфсоном поручалось «принять все меры к организации канцелярии в помещении факультета (бывшая гимназия Хайкина), избрав для нее соответствующую комнату и затре-

бовав из хозяйственного отдела университета мебель для нее и необходимые канцелярские принадлежности».

Полный сил и энергии молодой ученый и педагог активно включился в процесс создания первого государственного университета Беларуси. Кроме исполнения председательских и секретарских обязанностей в предметной литературной комиссии, участия в руководстве факультетом он в качестве преподавателя кафедры русской литературы в связи с польской в 1921/22 учебном году читал курс истории русской литературы XIX в., вел семинарские занятия, выступал с публичными лекциями «Поэтика Некрасова» на торжественном заседании, посвященном памяти поэта (11 декабря 1921 г.), «Об имажинизме» (30 декабря 1921 г.) (сбор от лекции шел в пользу голодающих) памяти В. Г. Короленко.

5 ноября 1921 г. Александр Николаевич прочел вступительную лекцию «Метод изучения литературы», которая затем была напечатана в первом выпуске ежегодного научного журнала «Труды Белорусского государственного университета

в Минске», вышедшем в свет в 1922 г. Как он сам отмечал, лекция представляла собой результат его занятий древней и новой русской и западноевропейской литературой во времена подготовки к магистерскому экзамену еще в Варшавском университете.

Один из основных выводов работы ученого обратил на себя внимание приверженцев метода исторического материализма. Дело в том, что, завершая лекцию, А. Н. Вознесенский делал вывод, явно расходившийся с материалистическим подходом в изучении литературы: «Единственная сила, от которой зависит успешное и наилучшее выполнение историко-литературных исследований в смысле обработки материала в научную форму, является творческая самодеятельность, личное дарование ученого, его интуиция, его художественность, его импрессия. Творческое воображение составляет главный секрет научной работы. Но оно принадлежит к сокровенным сторонам человеческой души, и его внутренняя сущность недоступна нашему познанию».

В помещенной в 7–8-м выпуске «Вестника Наркомпроса ССРБ» за 1922 г. рецензии на «Труды Белорусского государственного университета в Минске» рецензент Н. Бойков пока лишь мягко пожурил А. Н. Вознесенского за такой вывод: «К сожалению, интересное в условиях нашего времени приложение метода исторического материализма к изучению литературы у автора не получило освещения». Однако «первый звоночек» в адрес нестандартно мыслившего ученого прозвучал. В дальнейшем подобные работы будут квалифицироваться как идеалистические, антимарксистские, а их публикация в немецких и англоязычных научных изданиях, чем гордился ученый, повлияет на его судьбу и станет одной из причин увольнения с должности профессора БГУ и выезда из Беларуси.

19 марта 1922 г. А. Н. Вознесенский принял участие в чествовании Янки Ку-

палы, состоявшемся по случаю 40-летия поэта и 15-летия его литературной деятельности, подчеркивая в своем выступлении связь лирики Купалы с народным творчеством. С этого времени и начинается общение ученого с белорусским песняром: весной 1926 г. он был в доме у Купалы, в 1942 г. встречался с ним в Казани и Печищах. В Литературном мемориальном музее Янки Купалы хранится изданная в 1919 г. книга «Избранные стихотворения в переводах русских поэтов» с дарственной надписью автора: «Вельмі паважанаму праф. А. Н. Вознесенскаму ад Я. Купалы. 19.Х.[34]».

18 марта 1922 г. Александр Николаевич участвовал в заседании Совета университета, на котором рассматривался получивший острое политическое звучание вопрос о возврате Россией, Украиной и Беларусью Польше культурных ценностей, вывезенных за ее пределы со второй половины XVIII в. А. Н. Вознесенского наряду с В. И. Пичетой, О. Л. Дыло, А. А. Савичем, М. Н. Пиотуховичем и другими участниками собрания избрали в состав редакционной комиссии по выработке резолюции, направленной против необоснованно завышенных польской стороной претензий на многие архивные, музейные и библиотечные ценности белорусского происхождения.

27 апреля 1922 г. А. Н. Вознесенский взял отпуск в связи с переездом из Ростова-на-Дону жены и сына, а также доставкой имущества, среди которого особую ценность представляла его библиотека.

К сентябрю 1922 г. был завершен переезд в Минск семьи Вознесенского. Ученый был вынужден вместо обещанной ему Правлением университета отдельной квартиры несколько месяцев проживать с семьей в крайне стесненных условиях, не имея возможности даже распаковать вещи. Вместе с А. Н. Вознесенским в выделенной университетом квартире в «Доме № 4 БГУ» проживал еще ассистент по кафедре логики и философии

С. А. Аквилоню. Но в октябре 1923 г. его отстранили от должности, и семья Вознесенских получила желанную отдельную квартиру.

Изучение повседневной жизни университетских преподавателей позволяет всесторонне рассмотреть явления и события тех лет, понять их личность, мотивы жизнедеятельности и творчества, осознать тяготы быта, которые нередко случались. Так, обращает на себя внимание обсуждавшаяся 20 февраля 1923 г. жалоба заведующего Центральным архивом Беларуси Д. Ф. Жилуновича в Президиум ЦИК БССР на действия преподавателя БГУ А. А. Савича, взявшего, по словам руководителя архивного ведомства, из помещения архива и не вернувшего разные вещи, рукописи, книги. Правление приняло решение предложить Савичу «возвратить взятые для себя и для А. Н. Вознесенского и Н. М. Гутковского вещи».

Обратившись к фонду Центрального архива Беларуси, мы обнаружили там «Дело об обвинении А. А. Савича и А. Н. Вознесенского в присвоении ими государственного имущества». Из документов следует, что летом 1922 г. Александр Николаевич при поддержке со стороны А. А. Савича, который фактически руководил белорусскими архивами, взял находившийся в архиве велосипед. Самим же Савичем, по словам Жилуновича, была взята некоторая мебель и самое главное – древние рукописи. Последние историк на самом деле брал для практической работы со студентами и затем возвращал в архив. Что же касается мебели, то речь шла о нескольких старых венских стульях и сломанном диване, который был сразу же отправлен на чердак. Взятый же А. Н. Вознесенским пресловутый велосипед, по заявлению делопроизводителя Центрального архива, был «зусім новы, крыху праржаўлены».

Тем не менее делу был дан ход, и по постановлению городского суда от 13 декабря 1923 г. велосипед был возвращен «як дзяржаўная маёмасьць і занесен у

інвентарную кнігу Цэнтрархіву». Вероятно, это был первый, но далеко не последний случай общения А. Н. Вознесенского с судебными-следственными инстанциями...

Несмотря на молодость и отсутствие значительных научных трудов, Александр Николаевич уже в первые годы работы в университете выделялся активностью, благодаря которой ему поручали ответственные должности. Например, 2 ноября 1922 г. на общем собрании профессоров, преподавателей, ассистентов и научных сотрудников он был избран в Совет университета. В соответствии с действовавшим в то время положением о вузах в Совет вошли пять представителей профессорской корпорации (Н. М. Никольский, А. С. Усов, А. В. Горбунов, С. М. Мелких и И. И. Замотин) и столько же преподавателей (Г. Э. Земель, И. С. Пятосин, Е. М. Зубкович, Е. И. Боричевский и А. Н. Вознесенский).

Организаторские способности А. Н. Вознесенского проявлялись в деятельности по созданию, руководству, участию в работе университетских и факультетских структур и в коммуникации с учеными из других республик в целях приглашения их на работу в БГУ. Так, по его инициативе и с его участием 1 февраля 1923 г. был открыт кабинет литературы, заведующим которого он стал. В начале октября того же года предметная литературная комиссия дала Александру Николаевичу поручение войти в переговоры с профессором Новороссийского университета Б. М. Ляпуновым и просить того в случае невозможности переезда в Минск приезжать сюда на 3–4 недели в каждом триместре. 19 ноября 1923 г. предметная комиссия просила Александра Николаевича войти в переговоры с кандидатами, рекомендованными академиком Е. Ф. Карским для работы в университете.

При напряженной организаторской работе в условиях формирования кадрового корпуса и структуры университета

А. Н. Вознесенскому удавалось вести не менее напряженную педагогическую деятельность, выкраивая при этом время (как правило, каникулярное, отпускное) и для научных исследований.

Отчет литературоведа о научной работе за 1923/24 учебный год – пример интенсивности преподавательской деятельности. А. Н. Вознесенский прочитал для студентов-первокурсников этнолого-лингвистического отделения общий курс по истории русской литературы XVIII – начала XIX в.; для второкурсников этого же отделения – методологии изучения литературы; для студентов русской секции 3-го курса – истории русской литературы. Лекционные курсы сопровождалось семинарскими и практическими занятиями. «В области личных научных занятий, – отмечал в отчете Вознесенский, – в указанное время я продолжал изучение литературных явлений второй половины XVIII в. и начала XIX в. и составление работы по истории русского сентиментализма. Кроме того, изучал творчество Лермонтова и составил ряд очерков, относящихся к поэтике этого художника... Для занятий по истории русского языка в связи с чтением лекций по этому предмету имел научную командировку в Ленинград на рождественские каникулы».

Предлагаемые А. Н. Вознесенским темы курсовых и дипломных работ, лежащие в русле его научных интересов, свидетельствуют о продуманной педагогом и ученым одной из важных форм подготовки кадров литературоведов. Приведем несколько примеров тематики дипломных работ по русской литературе, которые и сегодня представляют интерес с точки зрения литературоведения и педагогики: «Поэтика “Горе от ума” Грибоедова и ее объяснение»; «Поэтика “Мертвые души” Гоголя и ее объяснение»; «Поэтика “Герой нашего времени” М. Лермонтова и ее объяснение»; «Теория классицизма и ее социально-культурное основание»; «Мотив романтического универсализма

в русской литературе и его связь с социалистическими устремлениями в первой половине XIX в.»; «Роман Радищева “Путешествие из Петербурга в Москву” (изучение имманентное и социологическое)»; «Поэмы Рылеева (их поэтика и история в связи с историко-культурной обстановкой)»; «Стиль романа Пушкина “Евгений Онегин” и его объяснение в условиях социальной и культурной среды» и др. В пояснительных записках Александр Николаевич отмечал, что тематика предполагает углубленное изучение произведений с формально-социологической точки зрения, применение которой, по его мнению, предусматривалось педагогической практикой того времени.

Важной вехой научного пути А. Н. Вознесенского стало его участие в работе созданной Инбелкультом в ноябре 1926 г. Академической конференции по реформе белорусского правописания и азбуки, в которой участвовали не только ученые из Беларуси, но и представители других республик СССР и зарубежья. Как отмечали в предисловии к изданным трудам конференции председатель Инбелкульта В. М. Игнатовский и руководитель отдела языка и литературы Инбелкульта С. М. Некрашевич, «апрача спецыяльна мовазнаўчых пытанняў, на Конфэрэнцыі былі зачытаны і чатыры даклады па беларускай літаратуры... Апошні даклад... на тэму “Паэтычнае мастацтва навейшай беларускай літаратуры” быў зроблены доц. Вазьнясенскім».

Еще до конференции А. Н. Вознесенский стал участником и историографом лингвистической дискуссии, развернувшейся 1 февраля 1924 г. на педагогическом факультете БГУ между преподававшим в университете белорусский язык Я. Ю. Лёсиком и претендовавшим на преподавание истории белорусской литературы И. В. Волком-Левановичем. Александр Николаевич был секретарем совместного заседания совета этнолого-лингвистического и социально-исторического отделений педфака и тщательно за протоколировал его ход.

Автобиография
А. Н. Вознесенского, профессора Казанского
Государственного университета

2 родился 5 (18) июля
Мордовской обл.

Ректору Казанского государственного университета
проф. И. Т. Нужику

профессора историко-филологического
факультета А. Н. Вознесенского

Заявление.
В связи с перенесенной тяжелой болезнью /инфаркт миокарда/ и в настоящее время по состоянию здоровья лицам возможно выполнять обязанности профессора кафедры литературы, поэтому прошу Вас освободить меня от работы и оформить мой пенсия на пенсод. Вместе с тем я готов выполнять отдельные обязанности кафедры по своей специальности.

5.6.1961г.

Профессор А. Н. Вознесенский

В. Чурин
Освобождает с 2 июля 1961 г.
Земля с Алексеем
19/12-49 Шенд

174

Доктору Казанит государственного
университета К. Ф. Симпильну

Прошу предоставить мне на период каникул
с 15 июля по 15 августа 1961 г. отпуск
с 15 июля по 15 августа 1961 г.

Ввиду отсутствия мне возможности для отъезда
в отпуск в связи с необходимостью выполнения
работы в музее и в связи с тем, что в настоящее
время я выполняю работу от лица кафедры,
прошу Вас предоставить мне отпуск с 15 июля
по 15 августа 1961 г. с сохранением места
работы и оплаты в период отсутствия.

Проф. Вознесенский
22/7 1961г.

Служба кадров
Казанского государственного университета
22/7 1961г.

Делу № 999 от 27. Магистру Р. И.
25/10 61г.

Прошу предоставить мне отпуск с 15 июля по 15 августа 1961 г. с сохранением места работы и оплаты в период отсутствия.

ПРИКАЗ
по Казанскому Государст-
венному Университету
№ 15/11 от 10.10.1961г.

ЗАГАД...
Народная комиссария Асьветы
№ 19

Заказ № 70 от 25.10.1949 г. в связи с тем, что профессор на кафедру риторики А. Н. Вознесенский...
Народный комиссар Асьветы
Секретарь И. А.

20/11 1949г.

Воспитатель Фроловский!
Кружок у Ленинграда В. И.
на в области славянской
Кружок № 1 с 1949г.

КВВ'С
МЕСЯЧНИК
ЛИТЕРАТОРЫ
КВЛТОРЫ I
ГРЯДЯЩАЯ
ЖИЗНЬ
1925

Проф. А. Н. Вознесенский

Формально заседание носило характер обычного для университетской практики обсуждения доклада «Гістарычнае вывучэнне беларускай мовы ў славянскай філалогіі», который 1 февраля 1924 г. прочитал перед профессурой БГУ претендующий на работу в университете Волк-Леванович. Фактически же оно вылилось в бурную дискуссию представителей двух школ в белорусской филологии, условно именуемых «ортодоксами» (ее представлял воспитанник Петербургского университета, ученик выдающихся филологов И. А. Бодуэна де Куртенэ, Е. Ф. Карского, А. А. Шахматова, И. А. Шляпкина И. В. Волк-Леванович) и «младобелорусами» во главе с языковедом и общественным деятелем, действительным членом Ин-белкульта Я. Ю. Лёсиком.

Не вдаваясь в суть происходившей на заседании 1 февраля 1924 г. дискуссии, отметим, что А. Н. Вознесенский целиком разделял позицию И. В. Волка-Левановича и его сторонников в лице И. И. Замотина, М. Н. Пиотуховича, Н. М. Никольского и др. В отличие от Я. Ю. Лёсика, заявлявшего о неудовлетворительном характере доклада (по его мнению, он изобиловал русизмами, а докладчик проигнорировал ряд исследований и вообще не знает белорусского языка), А. Н. Вознесенский начал свое выступление с заявления, что, не являясь специалистом в области истории белорусского языка («таковым оказывается один только академик Карский»), он очень много занимался русским языком и вообще славянским языковедением и следит за лингвистикой. Самой ценной частью доклада Александр Николаевич считал присутствовавшую в нем чрезвычайно интересную методологическую характеристику двух школ славяно-русского языкознания того времени: А. А. Шахматова – Ф. Ф. Фортунатова и А. И. Соболевского – Е. Ф. Карского, что, по его мнению, имело большое значение для построения курса истории бе-

лорусского языка. Соглашаясь с тем, что истории белорусского языка как науки еще не существует, А. Н. Вознесенский считал, что «первый камень для этой науки сегодня заложен именно докладом Волк-Левановича». Он предложил не только одобрить доклад, но и напечатать его, что и было сделано в сборнике «Працы БДУ».

Участие А. Н. Вознесенского в Академической конференции оказалось весьма успешным, прежде всего ввиду открывшейся возможности знакомства и общения с европейскими коллегами-учеными. Вот только эти же контакты сослужат для ученого и недобрую службу.

В мае 1926 г. деканат педфака БГУ рассмотрел на своем заседании вопрос о переводе доцента А. Н. Вознесенского на профессорскую должность. Профессор И. И. Замотин отметил значительную научную работу, проведенную соискателем в области изучения русской литературы, и предложил ходатайствовать перед Правлением университета о переводе коллеги на должность профессора по кафедре истории русской литературы.

Уже утвержденный в должности профессора 14 ноября 1927 г. А. Н. Вознесенский обратился с заявлением в предметную литературную комиссию педагогического факультета с просьбой «исходатайствовать... заграничную командировку в пределы Германии сроком на 5 месяцев – с 1 мая по 1 октября 1928 г. – для научных занятий...». В начале заявления ученый подробно описал предмет изучения, сообщил о публикации своих статей по методологии изучения литературы в ряде немецких научных филологических журналов, а также о получении принципиального согласия от редакций этих и иных зарубежных журналов напечатать и другие его работы: «...о категориях ценности в науке о литературе, о принципах классификации явлений художественного стиля и др., которые, однако, нуждаются в углублении и дополнении... материалами из специ-

альных немецких журналов». Работая летом 1926 г. в московских и ленинградских библиотеках, Александр Николаевич обнаружил там этих изданий. Ему нужны были и немецкие издания XVIII в. для работы над темой о русском сентиментализме.

Решение о предоставлении ученому зарубежной командировки деканат принял 17 ноября 1927 г., однако 23 февраля следующего года вдруг вынес иной вердикт: «Хадайнічаць перад Праўленнем БДУ аб дачы праф. Вознесенскаму унутрысаюзнай камандыроўкі на 6 месяцаў». Вероятно, такое радикальное изменение решения было обусловлено обстоятельствами далеко не из научной сферы. Дело в том, что фамилия Вознесенского к этому времени уже фигурировала в списке 32 «идеологически и политически неблагонадежных» профессоров и преподавателей БГУ, составленном в 1926 г. так называемой Комиссией по интеллигенции, призванной выявлять политические настроения и идеологические взгляды среди ее различных групп. Значившийся в этом списке 22-м А. Н. Вознесенский характеризовался следующим образом: «русский великодержавный уклон» (такой же характеристики удостоился и шедший следом за ним экономист-статистик А. М. Арцимович, которому также было отказано в 1928 г. в научной командировке в Лондон и Берлин).

Вообще, выезды из СССР за границу в то время были обставлены «частоколом» условностей и жестких требований, предъявляемых к выезжавшим. При ЦК КП(б)Б существовала специальная комиссия пограничным командировкам, которую в 1928 г. возглавлял председатель ГПУ БССР Р. А. Пиляр. На ее заседаниях рассматривались подаваемые наркоматами, научными, образовательными и иными учреждениями списки лиц, которым были необходимы заграничные командировки. Последнее слово оставалось за секретариатом ЦК КП(б)Б, который на своих закрытых заседаниях

принимал окончательные решения. Так, из рассмотренного 20 мая 1928 г. на заседании секретариата списка сотрудников Инбелкульта из семи человек было отказано в выезде за границу всем (среди них совмещавшие работу в ИБК с преподавательской деятельностью в БГУ П. А. Бузук, С. М. Некрашевич, Н. Н. Щекотихин, В. В. Чаржинский, П. В. Трампович, Н. В. Азбукин, Е. А. Ярошук). Из списка БГУ (32 чел.) было отказано 14 (в их числе: М. Б. Кроль, В. Д. Друщиц, В. Н. Перцев, Н. М. Никольский и др.), 16 разрешено, а по двум заявителям (в том числе и В. И. Пичете) решение отложили. Однако тщетно искать фамилию Вознесенского в этом списке, учитывая февральское решение деканата.

Тучи над Александром Николаевичем начали сгущаться, очевидно, вскоре после Академической конференции, на которой, как уже отмечалось, он познакомился с зарубежными коллегами, включая и эмигрировавшего в 1921 г. из советской России в Германию известного языковеда и этимолога, редактора выходившего с 1924 г. в Лейпциге «Журнала славянской филологии» («*Zeitschrift für slawische Philologie*») профессора Макса Фасмера. Авторитетное издание Фасмера, поддерживавшее связи с лучшими представителями русской филологии, было широко известно в научных кругах Европы и мира. В нем публиковались академик Е. Ф. Карский, В. М. Жирмунский и др.

Есть все основания предполагать, что рукопись напечатанной в 1927 г. статьи А. Н. Вознесенского «Методология русских литературных исследований в 1910–1925 гг.» («*Die Methodologie der russischen Literaturforschung in der Jahren 1910–1925*») была передана Фасмеру лично в Минске в ноябре 1926 г. во время их общения на Академической конференции. Напечатанная в немецком филологическом журнале статья обратила на себя внимание редактора выходившего в Лондоне журнала «Славянское обозре-

ние» («The Slavonic and East European Review») сэра Бернарда Пэрса, одиозной для советских властей личности (он был сотрудником посольства Англии при Временном правительстве, находился в свое время в контактах с правительством А. Колчака). Кроме того, журнал представлял свои страницы для публикации работ политическим противникам большевиков, эмигрировавшим или высланным из советской России.

Вероятно, Пэрс попросил А. Н. Вознесенского дать согласие перепечатать в журнале статью из немецкого издания. Оно было получено и сыграло с ученым из Минска роковую роль.

Таким образом, в 1928 г. в «Славянском обозрении» была опубликована статья А. Н. Вознесенского под названием «Проблемы метода в изучении литературы в России» («Problems of method in the study of literature in Russia»). В том же году в 3-м выпуске издававшегося в Мюнхене «Филологического ежегодника» («Jahrbuch für Philologie»), представлявшего собой официальный орган печати школы эстетической философии Карла Фослера, была опубликована статья Вознесенского «Строительство литературной науки» («Aufbau der Literaturwissenschaft»). Примечательно, что выпуск вышел с подзаголовком «Идеалистическая филология», что также было не на пользу поместившему здесь свою статью профессору БГУ. Не приветствовалось официальными кругами советской Беларуси и помещенное Александром Николаевичем в 1926 г. статьи «Паэтыка Максіма Багдановіча» в журнале «Крывіч», который издавался бывшим премьер-министром БНР Вацлавом Ластовским. Все это и составило благодатную почву для недобросовестных критиков литературоведа и в конце концов привело к снятию его с работы в университете с последующей высылкой из Беларуси.

Однако некоторое время А. Н. Вознесенский все же находил поддержку. Так,

в упоминавшейся статье П. Я. Панкевича об этом говорилось: «Яшчэ у 1927/28 [научальным] годзе ставілася пытаньне аб зьняцьці Вазнясенскага з работы ва унівэрсытэце. Але тады знайшліся людзі, якія упарта абаранялі яго, даказваючы, што гэты прафэсар нават зьяўляецца марксыстам ці блізкі да марксызму... Толькі новыя таварышы, прыехаўшыя з Масквы, дапамаглі выкрыць Вазнясенскага». Вероятно, прежде всего таким защитником был В. И. Пичета – до тех пор, пока 8 октября 1929 г. не был отстранен от должности ректора БГУ. Под «приехавшими из Москвы новыми товарищами» подразумевался П. О. Горин, ученик М. Н. Покровского, возглавивший в феврале 1931 г. Белорусскую академию наук вместо застрелившегося В. М. Игнатовского.

В. И. Пичета действительно упорно защищал А. Н. Вознесенского, видя в нем талантливого ученого, опытного педагога и блестящего организатора в деле подготовки кадров в университете. Показательно в этом отношении его письмо в Наркомпрос республики, написанное 11 июня 1928 г. в связи с проведенными без согласования с ним его заместителем (одновременно бывшим и руководителем партийной организации университета) С. З. Слонимом изменениями в структуре читаемых в БГУ учебных курсов, что вело к сокращению ряда профессоров и преподавателей.

Касаясь личности А. Н. Вознесенского и используя всевозможные аргументы (в частности, авторитет высшего партийного и научно-образовательного руководства республики), В. И. Пичета подчеркивал: «Т. Слонім прызнаў, што праф. Вазнясенскі, які быў прызначаны прафесарам толькі ў гэтым годзе, з'яўляецца вельмі цікавым навуковым працаўніком. З прычыны таго, што частка яго курсаў скарачаецца і ў Вазнясенскага не будзе шмат гадзін, ён таксама павінен пакінуць ун-т... Трэба прызнаць, што праф. Вазнясенскі

з'яўляецца вялікім энтузіястам у сваёй навуцы. Цэлы шэраг прац, надрукаваных у расійскіх, беларускіх і замежных часопісах, сведчыць аб яго навуковай здольнасці. Цэлы шэраг прац па беларускай літаратуры сведчыць аб тым, што А. М. Вазнясенскі ўкараніўся на Беларусі, а гэтых укараніўшыхся асоб, згодна з думкай адказнага сакратара ЦК КП(б)Б т. Крыніцкага і б. народнага камісара асветы т. Ігнатоўскага, трэба асабліва шанаваць. Расеец па сваім паходжэнні, праф. Вазнясенскі азнаёміўся добра з беларускаю моваю. Як выкладчык і кіраўнік практычных заняткаў ён з'яўляецца адным з найлепшых выкладчыкаў ва ун-це. З боку метадалагічнага ён не выклікае ніякіх спрэчак, яго артыкулы друкаваліся і друкуюцца ў марксісцкіх часопісах. Значыцца, і ў гэтым напрамку няма ніякіх спрэчак. І вось гэткага выдатнага працаўніка т. Слонім, без дасканалых асноў, супраць Палажэння аб навуковых супрацоўніках, лічыць неабходным аслабіць...»

В 1928 г. В. И. Пичете удалось отстоять коллегу. Однако с отстранением его самого от должности ректора у Вознесенского защитников не стало. Ученый чувствовал, что развязка приближается, что его «выдавливают» из университета и вскоре придется покинуть Беларусь.

Показательно в этом отношении письмо Вознесенского академику Е. Ф. Карскому от 29 марта 1930 г. Сообщив о перемене домашнего адреса (с весны прошлого года он жил на ул. Володарского, 30, кв. 17) и исполнении просьбы академика (она была связана с библиографической работой, которую по поручению Карского вел Волк-Леванович), Александр Николаевич писал: «В общем здесь все по старому. По крайней мере, все словесники и лингвисты все те же известные Вам лица. Но, видимо, скоро произойдут перемены. Некоторым из нас придется отсюда уехать. Хуже всех чувствую здесь я. Мне как-то не удалось слиться с общей массой, и я чувствую

себя здесь крайне изолированно. Не хотелось бы бросать Минск. Здесь все-таки есть определенная научная жизнь. В других же университетских провинциальных городах одна только педагогика и больше ничего».

Интуиция не подвела ученого: 16 октября 1930 г. новый ректор БГУ И. П. Корневский подписал приказ по личному составу за № 76 о снятии с работы профессора кафедры литературы А. Н. Вознесенского «за удзел у беларэмігранцкім часопісу “Славонік Рэвью”, а таксама і за правядзеньне на працягу сваёй педагагічнай і навуковай працы ідэялістычных поглядаў».

После исполнения ряда формальностей (в частности, создания паритетной комиссии, которая должна была рассмотреть дело об увольнении) 3 января 1931 г. Наркомпрос республики окончательно утвердил приказ ректора об увольнении профессора А. Н. Вознесенского. Паритетная комиссия, в состав которой от педфака БГУ был включен доцент Е. К. Успенский, не только продублировала ранее подписанный ректором приказ в отношении Вознесенского, но и конкретизировала его «грехи», добавив, «што ў навуковых працах праф. Вазнясенскага маецца шэраг памылак (аб'ектывісцкі пункт погляду, фармалізм, недастатковае адлюстраваньне момантаў клясавае барацьбы, наяўнасць эклектызму), якія зьяўляюцца сьстэмай антымарксысцкага сьветапогляду».

Ректор И. П. Корневский 22 марта 1931 г. начертал на присланной из Нацкомиссии ЦИК БССР резолюции по докладу о белорусизации БГУ предписание, обязывавшее всех деканов и заведующих кафедрами университета «рассмотреть, активизировать, принять меры» и т. п. В преамбуле документа говорилось: «Нацкамісія ЦВК БССР адзначае, што нягледзячы на тое, што асноўная маса навуковых працаўнікоў і студэнтства БДУ усьвядомілі сабе сутнасць і значэньне правядзеньня ў жыцьцё прынцыпаў Ленінскай нацпалітыкі КП(б)Б, аднак

1932 – 1934 гг. – профессор литературы Всесоюзного института кинематографии и Московского областного университета
весна 1934 г. – 1939 г. – арест по политическим мотивам
лето 1939 г. – приезд в г. Казань к семье (1964 г.).

1939 – 1941 гг. – и. о. профессора кафедры педагогического института.

1941 – 1966 гг. – профессор Казанского государственного университета

1941 – 1942 гг. – работа над докторской диссертацией
23 апреля 1943 г. – защита докторской диссертации (утвержден в учёной степени доктором наук)
ября 1943 г.).

1944 г. – присвоено учёное звание профессора

1943 – 1948 гг. – декан историко-филологического факультета
кафедрой русской и всемирной литературы Казанского государственного университета.

1946 г. – награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»

1961 г. – выход на пенсию (по состоянию здоровья)
16 января 1966 г. – скончался в г. Казань

Ачкасова Людмила Сергеевна, Е.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
1888 –

Редактор Р.З.Ц.

Оригинал-макет подготовлен в лаборатории филологического факультета Казанского государственного университета

Подписано в печать 30.01.1966 г.
Гарнитура "Arial"

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Генеральному Комиссару Государственной Безопасности
Л.П. БЕРИЯ,
г. Москва,

42

ВОЗНЕСЕНСКОГО Александра Николаевича /профессора Казанского Государственного Университета, доктора Филологических наук/, проживающего в г. Казани, по ул. Давуринского д. № 11, кв. 54

З А Я В Л Е Н И Е.

28 марта 1934 г. Коллегией ОГПУ я был осужден по ст. 58, п. 10-11, 4 УК по обвинению в национализме /великодержавном шовинизме/ к 5 годам лишения свободы в лагерях. За время моего пятилетнего пребывания /с апреля 1934 по июнь 1939 г./ в системе Средне-Азиатских лагерей НКВД УзССР я работал в качестве заведующего учебной частью профессионально-технического образования по подготовке квалифицированных кадров по сельскому хозяйству, а также экономистом по труду, учету и планированию. После отбытия срока мне было предложено остаться в системе НКВД вольнонаемным работником. Но я не мог воспользоваться этим предложением, ибо стремился продолжать свою педагогическую и научно-исследовательскую работу по своей филологической специальности, которую я и веду с половины 1939 года в ВУЗ'ах г. Казани. Связанные с моим осуждением ограничения являются значительным моральным препятствием моей научной и учебной деятельности, поэтому я прошу Вас снять с меня мою судимость.

Прилагаю характеристику заведующего кафедрой литературы на Историко-филологическом факультете Казанского Государственного Университета и характеристику ректората того же Университета.

А.В. Вознесенский /А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ/

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
1-й спецотдел
вступил № 5
от 8/4-10252
г. Москва
Имя отчества ВОЗНЕСЕНСКОМУ Александру
Николаевичу
1888 года рождения, уроженец Мордовской АССР
судимый: физическое ОГПУ 29.03.1934 г.
до ст. 55-10-11 и 4 ст. 58 РСФСР и УК
срок ос. 5 лет
10-10-1939 г.
Верховный Суд РСФСР

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ СУД

Казанская, 43

№ 37 с 262/64

17 ноября 1964 г.

СПРАВКА

Дело по обвинению ВОЗНЕСЕНСКОГО Александра Николаевича, до ареста профессор Московского областного педагогического института, пересмотрено Президиумом Московского городского суда 26 октября 1954 г.

Постановление коллегии ОГПУ от 29 марта 1934 года отменено, в дело в отношении ВОЗНЕСЕНСКОГО Александра Николаевича, 1888 года рождения, производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ Александр Николаевич по настоящему делу реабилитирован.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА *Савельев* /ОСЕТРОВ/

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Имени В. И. Ульянова-Ленина.
РАБОЧИЙ ДНЕВНИК
Факультет: Историко-филологический, кафедра: Русская литература
Вознесенский Александр Николаевич
Тема: История и филология
Срок исполнения: 1964 г.

у сувязі з абвастрэннем клясавае барацьбы за апошнія гады з боку паасобных навуковых працаўнікоў (Шчапоцьёў, Гайвароўскі, Вазьнясенскі) мелі месца праявы адчынёных выступленьняў вялікадзяржаўнага расійскага шовінізму...». Далее следовалі обвиненія в адрас групы «беларускіх контррэвалюцыйных нацдэмавоў» (Лёсик, Смолич, Красковскі, Трамповіч, Міцкевіч), і замыкалі перечень «інакомысливых» прадставіцель «еврэйскага нацдэмакратызма» (профэсор Сосіс).

В 4-м нумары журналу «Польмя» за 1931 г. в статье непременного секретаря Беларускай акадэміі навук, дырэктара НІІ педагогікі П. Я. Панкевіча пад хлесткім названнем «Філёзофія добрастаннасьці ці недобрастаннасьці філёзофіі» гаворыліся: «Гэты профэсор, распрацоўваючы гісторыю і мэтодалёгію літаратуры, разьвіваў у сваіх навуковых працах і лекцыях ідэалістычныя погляды. Разам з гэтым, ён з'яўляўся вялікадзяржаўным шовіністам, які ўдзельнічаў у ангельскім, бела-эмігранцкім часопісе «Славянское обозрение», у якім змяшчалі свае артыкулы Мілюкоў, Керанскі і іншыя «былыя людзі», і які выдаваўся пад лэзунгам «адзінай непадзельнай Расіі»».

А. Н. Вознесенскі в пакаянным заявленьні в адрас камісіі, разглядаваўшай яго «дело», пісал: «У сваіх працах на замежных мовах я прытрымліваўся ў корані памылковага так званнага аб'ектыўнага пункту погляду і, выкладаючы даныя аб напрамках у сучасным расійскім літаратуразнаўстве, не аднёсься з неабходнай крытычнасьцю да тых плыняў, якія зьяўляюцца варожымі марксізму (формалізм, фрэйдызм і інш.), не выкрываючы іх клясавай сутнасьці і не паказваючы, што барацьба паміж гэтымі плынямі зьяўляецца адлюстраваньнем клясавай барацьбы, якая адбываецца ў СССР».

Дальнейшая дзейнасьць А. Н. Вознесенскага праходзіла за прэделамі

Беларусі. В письме к В. Ф. Луцевич, написанном спустя несколько дней после трагической гибели Янки Купалы, профессор вспоминал, как год назад он гостил в их доме: «...где была полная чаша жизни, я видел Янку веселым и бодрым. Читал ему свои стихи. Он расцеловал меня. Пели, танцевали... Далее война. Ужасы Минска і эвакуацыі. Везде чувствовалось дыхание смерти, которое так близко испытал и я, идя пешком из Минска до Могилева і Орши». Здесь же Александр Николаевич отмечал, что встречался с Янкой Купалой в Москве в сентябре 1941 г.

Как к купаловеду, к тому же не только лично знавшему песняра, но и находившемуся в добрых отношениях с его вдовой, к нему стали обращаться с просьбами о содействии в собирании документов и материалов о поэте. Так, в протоколе заседания комиссии по увековечению памяти народного поэта Белорусской ССР от 3 августа 1943 г. написано: «Для высветления, у якім стане знаходзяцца рэчы, звязанныя з памяццю паэта, адвезеныя ў г. Уфу, камандзіраваць туды т. Агіевіча і ў г. Казань тав. Луцэвіч для зьбірання матэрыялаў у праф. Вазнясенскага...»

Фамилия Вознесенского фигурирует и в списке авторов, к которым обращаются с просьбой написать воспоминания о Янке Купале. К сожалению, ученому не удалось удовлетворить эту просьбу, равно как и не была написана обещанная им статья о Купале. В письме из Казани А. А. Есакову от 21 июня 1946 г. А. Н. Вознесенский отмечал: «...мне не суждено написать статью о белорусском поэте, к которому я всегда питал чувства высокой любви и симпатии. Вы просили у меня статью о Я. Купале как драматурге. Действительно, после встречи с Владиславой Францевной [Луцевич] в Москве я принялся за разработку этой темы, но потом, когда перспективы на напечатание этой работы оказались мало возможными, мне пришлось ее оставить. Я начал писать для Вас статью под названием «Художественный облик поэта

(светлой памяти незабвенного Я. Купалы)”, но успел написать несколько страниц. К четвертой годовщине со дня его смерти окончить ее я не сумею... Я очень сожалею об этом. Я. Купале я посвятил первую значительную часть своей докторской диссертации...»

Занимая с 1943 г. должность декана историко-филологического факультета Казанского университета, А. Н. Вознесенский много сил и времени вынужден был тратить на решение возникавших перед возглавляемым им факультетом проблем, о чем он сообщал в упоминавшихся выше письмах М. Лынькову.

Не забывали А. Н. Вознесенского и в БГУ, предлагая ему работу после возобновления деятельности университета на подмосковной Сходне. Об этом ученый писал В. Ф. Луцевич 15 октября 1943 г.: «Меня крайне взволновало приглашение Белорусского университета занять в нем кафедру литературы и переехать в Москву на ст. Сходня. Мне так захотелось опять поехать в Белорусский университет. Жаль, что приглашение получилось в начале учебного года. В Казани я все равно не останусь. Здесь слишком суровая зима и много вообще холода. Я вынужден был пока отказаться от любезного предложения, но выразил надежду, что мои услуги пригодятся университету в недалеком будущем. Отказ послал с горьким сожалением».

Проживая в Казани, Александр Николаевич оставался в курсе судьбы университета, его профессоров и преподавателей. Так, встретившись летом 1946 г. в Москве с А. А. Савичем, он узнал от того, что осенью БГУ готовится отметить свой четвертьвековой юбилей, на который собираются пригласить бывших работников университета. «Если мне будет прислано приглашение, – писал ученый 23 сентября 1946 г. В. Ф. Луцевич, – то я с удовольствием его приму, чтобы побывать у Вас дня на два-три».

К сожалению, А. Н. Вознесенскому не удалось реализовать многого из задуманного.

Коллективное фото. А. Н. Вознесенский (четвертый справа в верхнем ряду) среди коллег и студентов Казанского государственного университета

Причиной тому были обстоятельства, связанные не только с войной, но и с событиями предвоенного времени. Его как человека с не снятой судимостью не оставляли в покое «надзирающие органы». Более того, в феврале 1943 г. ему было не разрешено проживание в Казани. Обращаясь с заявлением на имя наркома внутренних дел Татарской АССР, ученый отмечал, что это для «человека, работающего по своей специальности с 1913 г., является моральной смертью». Он писал: «Выезд из Казани является второй незаслуженной, суровой карой по делу, наказание по которому я отбыл с абсолютной честностью и добросовестностью». Затем, 12 июля 1944 г., он обратился с заявлением на имя наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берии с просьбой о снятии с него судимости, ограничивающей его научную и учебную деятельность. Однако судимость была снята только через год, 4 августа 1945 г. Через 19 лет, 26 сентября 1964 г., Московский городской суд отменил постановление коллегии ОГПУ от 28 марта 1934 г. за отсутствием в действиях А. Н. Возне-

А. Н. Вознесенский (крайний справа) с В. Ф. Мачульским и его женой на отдыхе. Июль 1951 г.

сенского состава преступления и он был полностью реабилитирован.

Тремя годами ранее долгожданной реабилитации, в 1961 г., после перенесенного инфаркта миокарда Александр Николаевич был вынужден выйти на пенсию, однако продолжил работать с аспирантами, общался с коллегами, в том числе и из Беларуси. Едва оправившись от болезни, А. Н. Вознесенский написал страстное письмо Ю. С. Пширкову по поводу недавно вышедшего в Беларуси

издания по истории белорусской литературы: «Даже не назвали в нем Боричевского, Ивана Ивановича [Замотина]. А ведь такого издания, как “Теория литературы” Боричевского до сих пор не написано. Историки были более честны, они назвали почти всех историков в своих [40 лет]».

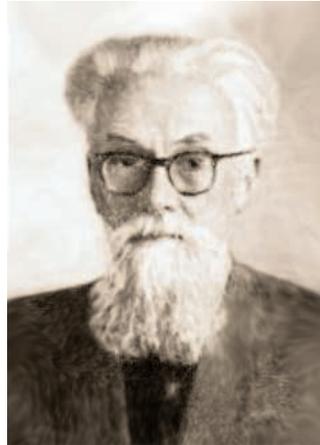
Уроженец Мордовии, получивший высшее образование в Варшавском университете и отдавший десять лет работе в БГУ, профессор А. Н. Вознесенский свой жизненный путь закончил 16 января 1966 г. в Казани, оставив значительный след в науке и культуре Беларуси.

Александр Николаевич как ученый и страстный библиофил собрал огромную библиотеку, размещавшуюся в занимаемых им с женой Ольгой Алексеевной двух комнатах коммунальной квартиры. После его смерти библиотека не стала собственностью Казанского университета. Как вспоминала бывшая аспирантка А. Н. Вознесенского, вдова распродала книги «в розницу», часть из них передала на кафедру русской и зарубежной литературы КГУ. Однако при переезде историко-филологического факультета в новое здание многие из них были утрачены...

Михаил Федорович Шумейко

**Один из основоположников
школы государственного
и конституционного права
в Беларуси**

**Профессор БГУ, заслуженный
деятель науки РСФСР**

**Всеволод Николаевич
ДУРДЕНЕВСКИЙ**

28.01.1889 – 13.11.1963

Всеволод Николаевич Дурденевский – один из выдающихся ученых, стоявших у истоков юридической науки Беларуси. Несмотря на то что он был сотрудником БГУ лишь краткий период (1923–1927), значителен его вклад в научную разработку проблем конституционного и государственного права, в подготовку студентов-юристов по этим важнейшим направлениям. Ученый-правовед был пионером российской школы государственного права и основоположником советской научной юриспруденции.

Будучи одним из основоположников концепции и правовой системы советского федерализма, В. Н. Дурденевский считал за образец и отправную точку развитого федерализма в СССР принцип равноправия наций, а именно нормы Конституции советской Беларуси 1920–1921 гг., где был зафиксирован и затем некоторое время реально претворялся в жизнь принцип равноправия языков. БССР гарантировала государственный статус четырех основных языков страны (белорусского, русского, польского и идиш) и тем самым опережала в конституционном строительстве другие республики СССР.

Передовой для того времени характер и содержание имели курсы по государственному праву, которые В. Н. Дурденевский читал на факультете общественных наук БГУ. Школа правоведения БГУ во многом восприняла и развила наследие Всеволода Николаевича.

В дальнейшем В. Н. Дурденевский длительное время работал и возглавлял кафедру государственного права и советского строительства МГУ, был одним из основателей МГИМО, создал школу юристов – специалистов в области международного права в СССР, а также стал одним из выдающихся советских дипломатов.

Всеволод Николаевич Дурденевский родился 28 января (9 февраля) 1889 г. в Москве в семье мещанина, происходившего из Иваново-Вознесенска. О ранних годах жизни Всеволода и о его семье известно не много. Со слов самого Дурденевского, семья была небогата: «...отец капиталов и недвижимостей никогда не имел, жил личным преподавательским заработком». Будучи учителем гимназии, он вынужден был переехать из Москвы

в принадлежащее Российской империи Королевство Польское. Там после подавления национально-освободительного восстания 1863–1864 гг. установился жесткий режим управления, подкрепленный со стороны российских властей переводом и назначением на чиновничьи должности уроженцев Центральной России. Так Николай Дурденевский, молодой учитель и бедный выходец из московского мещанства, оказался на польских землях.

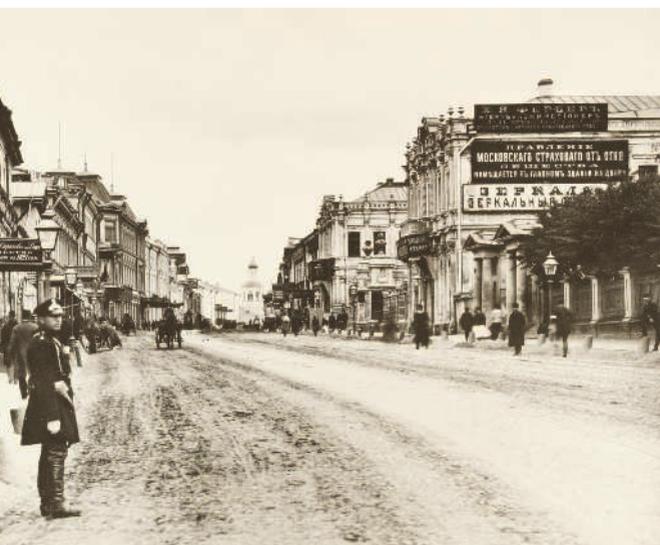
В июне 1907 г. Всеволод Дурденевский закончил гимназию в древнем польском городе Калиш (неподалеку от Лодзи), где, по всей видимости, и работал отец. В своем жизнеописании Всеволод Николаевич указал, что перед этим он учился в гимназиях Варшавы (в районе Прага) и Холма. О его матери Екатерине Ивановне известно, что она родилась в 1860 г.; могла происходить из московского мещанства; работала служащей статистического бюро на железной дороге, а потом стала домохозяйкой.

Род Дурденевских известен с XVIII в. К нему принадлежало несколько богатых владельцев хлопчатобумажных фабрик в г. Иваново в XIX – начале XX в. Известно, что у этих купцов было немало деловых интересов и связей в так называемом Привисленском крае, где существовал мощный район текстильной промышленности.

В. Н. Дурденевский в 1907–1911 гг. учился на экономическом и правовом отделениях Императорского Московского университета по специальности «публичное право». Всеволод Николаевич превосходно владел французским языком, а также читал по-немецки, по-английски и по-польски. В 1910 г. «за сочинение по административному праву» студент Дурденевский был удостоен серебряной медали. После окончания обучения в университете осенью 1911 г. Всеволод Николаевич остался в магистратуре для научной работы по кафедре административного права. Именно в это время, главным

На уроке в гимназии. Начало XX в.

Вид на одну из типичных улиц Москвы. 1880-е гг.

образом благодаря командировке за рубеж в 1912–1914 гг. (Германия, Швейцария, Франция), началась интенсивная творческая карьера начинающего правоведа.

Особый предмет научных интересов Всеволода Николаевича тогда составляло публичное право, сфера использования которого была в условиях самодержавной России весьма неразвитой. Тем не менее, как свидетельствуют документы, «В. Н. Дурденевский в Париже плотно занимался на докторских курсах и специальных семинарах по публичному праву под руководством Бертеlemi, Эсмена и Лапроделя в Ecole de Droit» (Школе права). В 1912 г. в журнале «Вопросы права» была опубликована его статья «Судебная проверка конституционного закона», а в 1914 г. в Париже – две работы по-французски: статья «Le régime de la presse en Russie» («Право в сфере прессы в России») в известном юридическом журнале «La Revue du droit publique» («Журнал публичного права») и 60-страничная работа «La législation Russe, selon Korkounoff. Théorie du droit général» («Российское право по Коркунову. Теория общего права»). По всей видимости, уже тогда Всеволод Николаевич придерживался некоторых социал-демократических взглядов, которым остался верен и в последующей научной работе. Так, в 1915 г. вышла его статья «Проект социалистического кодекса» в «Вестнике права», а также отдельная брошюра «Воинская эволюция и ее правовая эволюция» в издательстве кадетов «Мысль».

Начало Первой мировой войны вынудило В. Н. Дурденевского вернуться в Россию. После успешных магистерских испытаний в 1915 г. он был утвержден приват-доцентом Московского университета, а в 1916 г. по рекомендации известного правоведа, историка, публициста и одного из основателей партии кадетов Сергея Андреевича Котляревского его приняли на кафедру государственного права Московского частного юридического института. В 1916–1917 гг. Всево-

Калиш (Польша). Вид на Вроцлавскую улицу, здание гимназии. Начало XX в.

лод Николаевич преподавал право в Московском юридическом институте. По не вполне ясным причинам он переехал в Пермь. С 1 июля 1917 г. В. Н. Дурденевский занял кафедру административного права Пермского университета, а с 1 декабря 1920 г. по январь 1922 г. являлся заместителем декана факультета общественных наук этого университета. Здесь ученый вел два курса – конституционное право и политическую экономию. Кроме того, в Институте народного образования в Перми в 1920–1921 гг. он читал курс истории социальных учений.

Всеволод Николаевич активно включился в построение молодого Пермского

Здание Московского университета.
Начало XX в.

Всеволод Николаевич Дурденевский

С. А. Котляревский

университета, который был открыт указом Временного правительства в июле 1917 г. Отмечалось, что «в числе ведущих профессоров университета В. Н. Дурденевский входил в состав городской комиссии по высшей школе, рассматривавшей вопросы развития Пермского университета, увеличения объемов его финансирования, выделения помещений для учебных аудиторий и вспомогательных служб». Коллегами юриста по университету были историки Г. В. Вернадский, Б. Д. Греков, А. П. Дьяконов, известный украинский и советский юрист и

Пермский университет.
Начало 1920-х гг.

демограф М. В. Птуха, юрист и философ Н. В. Устрялов.

В 1917 г. В. Н. Дурденевский с вдохновением поддержал революционные преобразования и в контексте событий написал работы «Монархия и республика», «Права и обязанности гражданина», «Волостное земство и его задачи», «Новый закон о милиции» и др. Он выступал с оригинальными мыслями о том, что управление крупными городами, в силу трудностей их снабжения и обеспечения санитарного состояния, должно быть «разукрупнено», а полномочия самоуправления переданы городским округам. Примечательно, что в принятых в апреле 1917 г. Временным правительством Правилах для городских дум использовались идеи Всеволода Николаевича. Важно и то, что в 1920-е гг. Дурденевский стал активным участником разработки юридических принципов и содержания федерализма как отрасли административного права в Советском Союзе. В Перми он запомнился также как блестящий эрудированный лектор и основатель школы трудового права в университете.

По сообщению самого В. Н. Дурденевского, в октябре 1922 г. «в виду предстоящего сокращения Факультета общественных наук» он отчислился из Пермского университета и вернулся в Москву, где проживала его мать. Всеволод Николаевич стал работать в Отделении правовых материалов в Институте советского права, который был основан на базе Института права Московского университета. Новый институт был призван развивать совершенно новое и притом весьма разветвленное направление общего, гражданского и административного права молодого советского государства. Еще с 1921 г. В. Н. Дурденевский «для подсобного заработка» занялся юридической консультацией в Наркомате государственного контроля (или «рабоче-крестьянская инспекция») и Наркомате просвещения. Помимо того, с июля 1922 г. он стал сверхштатным профессором по

кафедре публичного права МГУ, где вел новаторский курс «Автономия и федерация», а в 1923 г. – подобный курс по конституциям советских республик в Московском промышленно-экономическом институте. Уже тогда Всеволод Николаевич получил признание как специалист по основам советского федерализма, по конституционному и административному праву. Как один из видных творцов советской школы правоведения он с октября 1922 г. стал редактором специализированного журнала «Спутник советского юриста» и активным членом Ассоциации советских юристов.

В начале мая 1922 г. в предметную комиссию БГУ поступило заявление Всеволода Николаевича о приеме на работу в БГУ. Вскоре был получен отзыв о научных трудах Дурденевского, удостоверяющий его квалификацию. Эта ситуация возникла вследствие того, что Всеволод Николаевич «сдал устные магистерские испытания по административному праву и политической экономии» в 1915 г., но так и не подготовил к защите диссертацию. Тем не менее, как было сказано в отзыве, «с 1911 г. В. Н. Дурденевский опубликовал... свыше 25 статей и брошюр... весьма солидный том научных работ. Пересматривая список трудов Дурденевского, мы находим в выборе тем постоянный живой отклик автора на научные запросы, вставшие перед административным правом в условиях текущего быта... темы, которые жизнью выдвигались в первую очередь, несмотря на свою трудность и сложность... для работ Дурденевского характерна логическая утонченность и содержательность формы». Всеволод Николаевич характеризовался также как острый наблюдатель и глубокий исследователь, как автор, который «обладает несомненным талантом юриста... как исключительный знаток и специальной литературы, и положительного законодательства». Был отмечен и педагогический багаж: «...четыре года проработал в Перми в качестве профес-

сора Пермского Университета, приобретает крупный преподавательский опыт».

В сентябре 1923 г. Всеволод Николаевич в качестве профессора-совместителя стал преподавать в БГУ (прочитал 6 часов лекций по государственному праву), а в октябре 1923 г. был утвержден профессором по кафедре государственного права БГУ. При этом до 1925 г. основным местом его работы оставался факультет общественных наук МГУ. 1 октября 1923 г. Правление БГУ выдало В. Н. Дурденевскому удостоверение профессора за № 2310. Дурденевский приступил к регулярному чтению лекций (по 10 часов в неделю) на правовом отделении факультета общественных наук БГУ. Предполагалось, что Всеволод Николаевич с 1 октября по 6 ноября 1923 г. проведет лекции по общему конституционному праву (2 часа), государственному правлению СССР (2 часа), подготовит темы по государственному праву, а также факультативный курс «Автономия и федерация» и семинары по государственному праву. Между тем Всеволод Николаевич задерживался в Москве, поскольку тогда пассажирский поезд курсировал из Москвы в Минск лишь два раза в неделю, по вторникам и четвергам, и существовали определенные трудности с размещением приезжих.

Установлено, что Всеволод Николаевич вел занятия в БГУ в ноябре 1923 г., а затем в январе, феврале и марте 1924 г. По всей видимости, предполагалось дальнейшее плодотворное сотрудничество БГУ и профессора Дурденевского. Так, 1 июня 1924 г. ему было выдано новое годовое удостоверение профессора БГУ, а в мае 1924 г. Правление БГУ по просьбе ученого («в виду чрезвычайных затруднений в деньгах по семейным причинам») выдало ему вперед «содержание» (зарплату) за май.

Вместе с тем 12 октября 1924 г. В. Н. Дурденевский обратился к профессору В. И. Пичете как ректору БГУ с просьбой о предоставлении ему го-

дичного неоплачиваемого отпуска для научной работы. В своем обращении Всеволод Николаевич подробным образом объяснял причины и мотивы своего решения: «В данный момент я заканчиваю обработку курса конституционного права и усиленно занимаюсь проблемами федерализма, в частности, вопросами о равноправии языков в государствах Запада и в Союзе ССР. Наличие некоторых материалов, в особенности по праву автономных республик РСФСР и по праву иностранному, в частности, швейцарскому и германскому, – только в библиотеках и архивах Москвы, и заставляет работать именно так. С весны 1928 года я надеюсь иметь научную командировку за границу». В Правлении отношении к молодому профессору было самое положительное. Как следствие, уже 14 октября 1924 г. В. Н. Дурденевский получил разрешение на отпуск. Известно, что в декабре 1924 г. он приезжал из Москвы в Минск, чтобы принять зачет по общему и государственному праву у студентов 3-го курса правового отделения ФОНа. Затем в октябре 1925 г. Всеволод Николаевич обратился в Правление БГУ с просьбой о продлении ему годовичного неоплачиваемого отпуска для научной работы и уже вскоре получил его – по 1 октября 1926 г.

Здание ФОНа БГУ, в последующем факультета права и хозяйства БГУ. 1920-е гг.

Последнее весьма обрадовало Всеволода Николаевича, и он писал в БГУ: «Прощу считать меня в научном отпуске по начало занятий, т. е. 1.X.1926 г... Предполагавшийся перевод в Иркутск аннулирую, так как работал в Белорусском государственном университете раньше и намереваюсь сохранить связь». Между тем в штатном расписании сотрудников БГУ за 1925, 1926 и 1927 гг. В. Н. Дурденевский уже не числился.

Несмотря на увлеченность работой В. Н. Дурденевского в БГУ и его намерения, он направился в Иркутск, где в университете был открыт новый факультет права и хозяйства. Там он работал профессором права в 1924–1926 гг., читал лекции по международному и административному праву, а с 1925 по 1963 г. был профессором факультетов МГУ – советского права, советского строительства и права, юридического.

После установления советской власти на повестку дня вышли потребность в разработке советского законодательства, постепенное строительство советского правоведения. Так, в работе 1925 г. «Опыт библиографии общественных наук за революционное трехлетие (1918–1920)» В. Н. Дурденевский написал: «От социологии к социализму – путем усиленной хозяйственной регулировки глубокой ломки старого частного и публичного права, создания новых культурных публичных служб нового типа политического уклада – таким представилось нам стремление этой (революционной) мысли в русской революции».

Безусловно, в БГУ, как и в ССРБ в целом, в начале 1920-х гг. ощущался острый дефицит подготовленных специалистов в юридической сфере. Именно поэтому приезд в университет В. Н. Дурденевского был востребованным и желанным, тем более что уже в 1922 г. Всеволод Николаевич был признанным и авторитетным юристом, активным разработчиком норм советского права.

Именно для нужд преподавания в БГУ В. Н. Дурденевский подготовил к 1924 г. «Программу испытаний по государственному праву», а также «Схему курса по общему государственному (конституционному) праву». Все это требовало больших творческих усилий и блестящей эрудиции, поскольку в условиях свершившегося перехода власти в руки большевиков и советского государственного строительства необходимо было искать новые принципы общественной организации и осмысления прошлого. Тогда Всеволод Николаевич справился с вызовами в своей жизни блестяще, что в последующем позволило ему стать в ряду выдающихся советских ученых-правоведов – теоретиков и практиков. Так, в «Программе...» надлежало последовательно рассмотреть общее учение о праве, в том числе понятий «государство», «общественный класс», «классовый строй», «политический строй» и «социальная революция», и на этой основе проанализировать особенности «буржуазного государства», явлениями которого были конституция и федерализм, а также «Советское государство» (или «Республика Советов»). Согласно Дурденевскому «Советское государство» представляло собой определенный «революционный порядок», реализуемый через Советы как форму организации (революционную) пролетариата и крестьянства. Специальной литературы по государственному праву в советской интерпретации в то время практически не было, так что студенты могли опираться лишь на лекции В. Н. Дурденевского, а что касалось самых общих вопросов права – на книгу в трех частях авторитетного советского ученого-юриста М. А. Рейснера «Государство буржуазии и Р.С.Ф.С.Р.» и на работу петроградского профессора-правоведа Я. М. Магазинера «Общее учение о праве» или его курс лекций о государстве, опубликованный в 1922 г.

Содержание новаторских лекций по общему государственному (конституци-

Обложка личного дела
В. Н. Дурденевского – профессора БГУ.
Из фондов НАРБ. Середина 1920-х гг.

онному) праву Всеволода Николаевича можно уточнить по сохранившемуся в архивном фонде БГУ документу «Схема курса проф. В. Н. Дурденевского». Так, прежде всего следовало разъяснить понятия «конституция» и «конституционный режим», который был итогом революционных преобразований 1789–1793, 1848, 1905, 1917–1918 гг. в Европе и России. Важнейшее значение здесь имело рождение и внедрение идеи верховного или суверенного органа власти, олицетворявшего народ. После этого следовало разъяснить содержание понятия «власть» (как «правомочие» или «система отношений»), а также «элементы» и «формы» государства в современных (для 1920-х гг.) конституциях. В частности, рассматривались такие формы государства, как монархия и республика, а также унитарное, или простое, государство и федеральное, или сложное (союзное), государство. Затем надлежало рассмотреть формы власти («правления») в связи с правами граждан. При этом формы разделения властей и распределения

КОНСТИТУЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

(Принята I Съездом Советов БССР 4 февраля 1919 г.)

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТРУДЯЩЕГОСЯ И ЭКСПЛУАТИРУЕМОГО НАРОДА

1. Белоруссия объявляется республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вся власть в Центре и на местах принадлежит этим Советам.

Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, достижение социалистической организации общества и победу коммунизма во всех странах, I Белорусский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов постановляет далее:

1. Земельная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общегосударственным достоянием; леса, недра и воды, а равно весь живой и мертвый животный мир объявляются национальным достоянием;

2. Всякая эксплуатация человека человеком, всякая эксплуатация трудящихся в интересах эксплуататоров и в интересах имущих классов объявляется преступлением и подлежит беспощадному наказанию; всякая эксплуатация трудящихся в интересах имущих классов объявляется преступлением и подлежит беспощадному наказанию; всякая эксплуатация трудящихся в интересах имущих классов объявляется преступлением и подлежит беспощадному наказанию;

3. Всякая эксплуатация трудящихся в интересах имущих классов объявляется преступлением и подлежит беспощадному наказанию; всякая эксплуатация трудящихся в интересах имущих классов объявляется преступлением и подлежит беспощадному наказанию; всякая эксплуатация трудящихся в интересах имущих классов объявляется преступлением и подлежит беспощадному наказанию;

Белорусских Инженеров.
Задать, что мои курсы прослушаны
третьего года в прошлом акаде-
мическом году совместно с товарищами
принимаю зачетов и предполагаю
Минск в конце 1924 года
Доб по поездке, и делаю все
срок, чтобы принять зачеты
установленным сроком.
Проф. В. Дурденевский

...либо новое и будит к выяснению новых кон-
кретных правовых сплетений в строющейся науке административ-
ного права.
К тому же В. И. Дурденевский исключительный знаток и специа-
лит литературы и положительного законодательства. Подтверждением может
служить его обзор русской литературы по административной юстиции
в котором рука умелого библиографа поражает даже и специалиста.
Глубокое знание старого законодательства России: показывает
... а нового-советского, столь текущего и
едва уловимого, только что напечатанная работа о Совете Народных
Комиссаров.

С точки зрения изложения для работ Дурденевского характер-
на логическая утонченность и содержательность формы. Автор скуп на
слова-каждая его фраза обдумана и выверена. И в то же время у а-
ра, в форме его изложения, чувствуется резец художника. В речи и
тему "Наука и государственное строительство", произнесенной ав-
ром в открытом заседании Совета Пермского Университета, чувству
глубокий научный пафос.

В. И. Дурденевский был приват-доцентом Московского Универ-
ситета и четыре года проработал в Перми в качестве профессора Пермско-

их функций, а также реализация прав граждан в «Советском государстве» или при «советском строе» рассматривались как более прогрессивные, чем в буржуазных государствах.

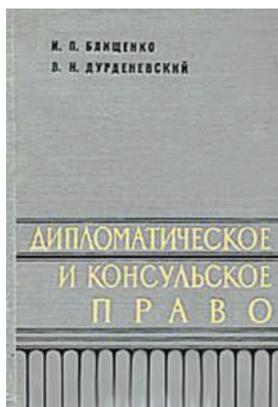
Помимо лекций по общему государственному праву В. Н. Дурденевский разработал для учебного процесса на ФОНе БГУ новый курс «Государственный строй СССР и БССР», который опирался (кроме нескольких работ коллег из РСФСР) на его статью «Конституционное строительство в БССР» в журнале «Советское право» за 1924 г. (№ 1). Им также был предложен широко востребованный современниками курс «Автономия и федерация».

Лишь в 1923 г. Д. А. Магеровский написал первую работу о конституционном строительстве в Беларуси, а процесс государственного строительства не был известен за ее пределами. И поэтому работа В. Н. Дурденевского была призвана исправить сложившееся положение. Фундаментальное значение для Всеволода Николаевича имело то обстоятельство, что среди первых декретов советской власти была Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г., которая провозгласила равенство и суверенность народов бывшей Российской империи, а также декларировала (как намерение) «прочный союз» указанных народов на

советской основе. В. Н. Дурденевский приводил аргументы в пользу того, что Конституция Советской Беларуси 1920–1921 гг. (принята 15–17.12.1920 и вступила в силу в январе 1921 г.) была «идущей от жизни и опережающей конституции РСФСР и других союзных республик». Она стала образцом для других конституций – Советского Союза и союзных республик – в первой половине 1920-х гг. Так, Конституция ССРБ (как и акт ССРБ от 01.08.1920) гарантировала государственный статус не только прежде господствовавшего русского (российского), но и белорусского, еврейского (идиш) и польского языков – языков основной (титульной) нации и крупнейших на то время национальных меньшинств страны. Это стало первым примером законодательного равноправия языков в Советском Союзе, на что В. Н. Дурденевский обращал особое внимание.

В период сотрудничества с БГУ Всеволод Николаевич внимательно изучал вопросы языкового равноправия, первую советскую библиографию, а также опыт конституционного строительства в молодых (т. е. возникших после Первой мировой войны) странах Европы и на Востоке. Итогом его усилий в период работы в БГУ стали следующие труды: «Послевоенные конституции Запада» и «Конституции Востока» (1924–1926), «Иностранное конституционное право в избранных образцах» и «Международные договоры в конституционном праве СССР. Консульский устав СССР» (1925), «Опыт библиографии общественных наук за революционное трехлетие (1918–1920)» – в соавторстве с другим известным впоследствии советским правоведом С. М. Берцинским (1925), а также широко востребованный «Спутник советского юриста. Систематические и алфавитный указатель-ежемесячник» (за 1922–1925 гг.).

Примечательно, что именно во время работы в БГУ Всеволод Николаевич стал заниматься международным правом

Обложки работ профессора В. Н. Дурденевского разных лет

и выступал как консультант Наркомата иностранных дел СССР, а в 1926 г. был активным участником комиссии по разработке Консульского устава СССР. Во многом это объясняется тем, что в 1920-е гг. В. Н. Дурденевский считался крупнейшим специалистом конституционного права стран – западных соседей Советского Союза. Так, в работе 1924 г. «Послевоенные конституции Запада» он среди прочего достаточно подробно рассматривал конституции Польши, Румынии, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, а также исторические обстоятельства развития этих стран. В частности, он объяснял неудачу советизации данных государств тем, что «правлящие круги нашли там опору в зажиточном крестьянстве» и провели «крупные аграрные реформы». И если при характеристике ситуации в Польше и Финляндии дополнительный аргумент в объяснении неудачи «советизации» (в смысле российских интересов) ученый находил в «накопившейся неприязни к русскому режиму» в силу имперского подавления народов Польши и Финляндии ранее, то в отношении Эстонии он уточнял, что эту страну «не удалось советизировать, поскольку она имела иностранное признание и поддержку, прежде всего от Англии, а также благодаря аграрной реформе».

Важное место в исследованиях В. Н. Дурденевского в его белорусский период занимал вопрос правового положения языков. Особенно интересна его работа «Равноправие языков в советском строе» (М., 1927). В ней автор привел аргументы в пользу того, что именно при советском строе «давняя проблема о равноправии языков» находила свое решение.

Много места в своей работе В. Н. Дурденевский уделил именно примеру Советской Украины и Советской Беларуси, в конституциях которых (УССР 14.03.1919 в ст. 4, 32, 34 и ССРБ 4–6.02.1919 в ст. 15) не только упразднилась классовая система общества, но и утверждались «равные

Конституция БССР 1927 г.: в основу положены конституционные акты ССРБ 1920–1921 гг., о которых писал В. Н. Дурденевский

права за трудящимися, независимо от их расовой и национальной принадлежности».

Всеволод Николаевич в целом принадлежал к передовым деятелям правовой мысли своего времени. Вместе с тем он во многом смотрел на мир через искажающую призму своего происхождения и идеалистического восприятия большевистских идеологов.

Так, ученый был убежденным сторонником принципа равноправия языков, но в то же время этот принцип «с вытекающим правом родного языка для всех граждан» был для него лишь «юридическим средством расчистки пути к слиянию наций Союза в культуре будущего». Опыт построения новых национальных государств по соседству с Советской Россией он еще в 1924 г. несколько враждебно и свысока называл «балканизацией Восточной Европы» и «происками мирового империализма», но одновременно ясно выступал против «варварского обезличивания» Польши, что имело место во времена Российской империи.

МГИМО, у истоков которого стоял В. Н. Дурденевский

После 1926 г. В. Н. Дурденевский был профессором факультета советского права и затем кафедры государственного права и советского строительства юридического факультета МГУ (1925–1963). Есть сведения, что во время войны он вступил в ряды народного ополчения, читал лекции на историко-политические темы солдатам и офицерам. С 1944 г. Всеволод Николаевич стал сотрудником Министерства иностранных дел СССР и в 1948–1963 гг. преподавал международное право в Высшей дипломатической школе, на основе которой возник МГИМО при МИД СССР. Один из выпускников МГИМО писал, что В. Н. Дурденевский являлся «учителем и наставником по призванию, у которого было важное достоинство: он был одновременно и творческой, и деятельной личностью. Он непрестанно изучал и анализировал все новое, что касалось международного права, и тут же применял эти знания на практике». Коллеги в 1963 г. написали о нем: «...человек большого дарования, исключительной эрудиции, поразительной работоспособности и чудесного, отзывчивого сердца».

В 1945–1957 гг. Всеволод Николаевич в качестве эксперта участвовал в важнейших в истории XX в. международных конференциях (Потсдамская 1945 г., Парижская мирная 1946 г., Белградская 1948 г. и др.), на заседаниях двух сессий Генеральной Ассамблеи ООН.

Он также принимал активное участие в подготовке мирных договоров (1947) с Италией, Финляндией, Венгрией, Болгарией, Румынией. Впоследствии ему был присвоен ранг чрезвычайного и полномочного посланника 2-го класса. Был В. Н. Дурденевский известен и как крупный специалист-исследователь в сфере международного права. Им опубликовано 170 научных работ, до 50 его учеников стали кандидатами юридических наук, а 5 – докторами юридических наук.

Дипломатическую службу Всеволод Николаевич оставил в 1961 г., но до последних дней, несмотря на проблемы со здоровьем, оставался профессором в МГУ и МГИМО. За свои труды он получил ряд государственных наград (ордена Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР») (1957).

В настоящее время в рамках юридического факультета БГУ работает несколько кафедр, развивающих те учебные и научные курсы и направления, которые в свое время закладывал в стенах БГУ В. Н. Дурденевский. Это кафедры теории и истории государства и права, конституционного права, государственного управления, политологии. В структуре факультета международных отношений БГУ действуют кафедры международного права и дипломатической и консульской службы.

Виктор Адамович Кохнович

**Основоположник белорусской
литературной критики**

**Профессор, декан БГУ,
действительный член
Института белорусской культуры**

**Михаил Николаевич
ПИОТУХОВИЧ**

23.02.1891 – 20.12.1937

Михаил Николаевич Пиотухович – пионер изучения белорусской литературы, ее критического научного анализа. Он во многом содействовал приобщению белорусского общества к чтению и пониманию творчества Франтишка Богушевича, Янки Купалы, Максима Богдановича, Кузьмы Чорного, Михася Лынькова и др. Литературовед первым исследовал творческие достоинства и социальную остроту поэм К. Вереницына «Тарас на Парнасе» и «Два дьявола».

С 1922 г. преподавал западноевропейскую и белорусскую литературу в БГУ и выступил инициатором создания в университете кабинета белорусского языка и литературы. С 1926 г. профессор, а в 1926–1928 гг. – декан педагогического факультета, проделал огромную работу по организации учебного процесса, наполнению его передовыми, научно выверенными лекционными курсами. Эта работа осуществлялась уже в период свертывания национального компонента в деятельности университета. Немаловажной для становления в республике педагогического образования была и преподавательская деятельность Михаила Николаевича, его работа в качестве секретаря в Белорусском педагогическом техникуме.

С самого начала деятельности Института белорусской культуры в 1922 г. университетский филолог был избран его сотрудником, а в 1925 г. – действительным членом. Один из самых активных участников Научно-терминологической комиссии ИБК.

В январе 1937 г. был арестован и приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1957 г.

Михаил Николаевич Пиотухович родился 23 февраля 1891 г. в семье деревенского православного священника, белоруса в д. Алексиничи Сенненского уезда Могилевской губернии. Белорусский язык был в семье родным.

Начальное образование Михаил получил в Могилевской духовной семинарии, затем учился в Нежинском историко-филологическом институте князя Безбородко на словесном отделении, где под руководством профессоров В. И. Резанова и В. В. Розова сконцентрировался на изучении западноевропейских литератур. Особое внимание студент уделял влиянию этих литератур на русскую литературу XIX в. Результатом штудий стало дипломное сочинение «Западно-европейские влияния на корифеев русской литературы в освещении новейших французских исследователей», которое высоко оценил его руководитель профессор В. И. Резанов. Молодой филолог дал обзор новейшей французской литературы и ее критический разбор.

Закончив в 1917 г. институт, М. Н. Пиотухович благодаря ходатайству его руководства перед Министерством народного просвещения был прикомандирован к Петроградскому университету для подготовки к профессорскому званию по кафедре русского языка и словесности. Здесь

в разгар революционных событий 1917 г. он работал под руководством профессоров И. А. Шляпкина, А. А. Шахматова и Ф. А. Брауна. Однако условия революционного Петрограда не способствовали научной работе. В 1918–1919 гг. значительную часть времени приходилось проводить в провинции, у родителей, где жить было легче, чем в столичном городе.

Видимо, это стало причиной, по которой М. Н. Пиотухович не смог закончить свою научную подготовку и, кроме того, был вынужден уехать в более подходящий для жизни город. Еще одной причиной переезда в своей автобиографии, написанной в феврале 1924 г., ученый называет расстроенное здоровье супруги. В 1920 г. он оказался в Одессе, где занимал должности в местных губоно и губвоенпродснабе. Михаил Николаевич пытался продолжать занятия наукой, используя для этого библиотеки города – публичную одесскую и библиотеку Новороссийского университета.

Крутой поворот в жизни советского госслужащего произошел в 1921 г. После освобождения Беларуси от польских войск его, как и многих других этнических белорусов, откомандировали для работы на родине. М. Н. Пиотухович был отослан в распоряжение белорусского Наркомпроса. Осенью 1921 г. началась его научная и преподавательская деятельность в Минске: в сентябре он был избран в состав белорусской Научно-терминологической комиссии, с 1 октября учительствовал в Белорусском педагогическом техникуме, преподавая в нем белорусскую литературу и исполняя обязанности секретаря.

Тогда же началась работа М. Н. Пиотуховича в Белорусском государственном университете. В декабре 1921 г. Михаил Николаевич был избран преподавателем по кафедре западноевропейских литератур, но после смерти профессора Н. А. Янчука в январе 1922 г. ему предложили продолжить чтение курса по истории белорусской литературы.

Нежинский историко-филологический институт

Преподавательская деятельность М. Н. Пиотуховича в БГУ началась 1 февраля 1922 г. по кафедре белорусской литературы. Однако, учитывая университетскую подготовку молодого специалиста, летом того же года на заседании совета педагогического факультета Михаил Николаевич прочел вступительную лекцию на тему «Расин как драматург». После признания этой лекции «вполне удовлетворительной» он был допущен к чтению лекций по истории западноевропейских литератур.

Следующие несколько лет М. Н. Пиотухович читал лекции и вел практические занятия как по истории белорусской литературы (в том числе по белорусской народной словесности, курс «История новой белорусской литературы в связи с общественными движениями»), так и по истории западноевропейских литератур («Французская литература эпохи Просвещения», «Французский романтизм», «Итальянская литература эпохи Ренессанса»). Насколько велики были его педагогические обязанности, свидетельствуют архивные документы. Общая нагрузка Михаила Николаевича в 1923/24 учебном году составляла 16 недельных часов, а в своем отчете за следующий учебный год он перечислял пять лекционных курсов по трем темам (новейшая белорусская литература, западноевропейская литература эпохи торгового капитала, художественная белорусская литература в связи с общественными движениями) и три семинария по белорусской литературе практически на всех курсах этнолого-лингвистического отделения. Кондрат Крапива в своих воспоминаниях сказал: «Мне повезло, что удалось учиться у таких преподавателей, как профессор Замотин, Пиотухович, Боричевский, слушать их чрезвычайно интересные, содержательные лекции...»

В октябре 1922 г. М. Н. Пиотухович был введен в состав предметной комиссии по литературе, которую возглавлял И. И. Замотин. По поручению предсе-

дателя комиссии Михаил Николаевич в 1923 г. должен был провести переговоры с Брониславом Тарашкевичем о возможности его переезда в Минск и занятия кафедры белорусской литературы и белорусского языка.

М. Н. Пиотухович заведовал кабинетом белорусского языка и литературы, открытым в 1922 г. Об этой стороне своей деятельности он вспоминал на страницах юбилейного сборника в честь 10-летия Октябрьской революции: «Из Государственной библиотеки были отобраны ненужные ей дублиеты, которые составили около 100 наименований; все книги поместились на двух небольших полках, и эти полки представляли собой весь фонд “кабинета”. Не было конца разным остроумам и насмешкам скептиков... Жизнь показала, что правы были оптимисты: теперь кабинет имеет около 2000 наименований, им приобретено даже много ценных изданий, которые представляют теперь библиографическую редкость, особенно в области художественного фольклора».

Педагогическая деятельность филолога не ограничивалась, как и у многих других сотрудников БГУ, университетскими аудиториями. Он преподавал в Белпедтехникуме, где проводил занятия по истории белорусской и всеобщей литературы, несколько лет преподавал на Высших курсах белорусоведения в Минске. В 1921/22 учебном году Михаил Николаевич – заведующий и преподаватель на девятимесячных белорусских лекторских курсах. Как отмечалось в «Вестнике Наркомпроса Белоруссии» (1922. № 9–10), из-за недостатка в лекторах и финансовых ресурсах были моменты, когда читать лекции на курсах приходилось исключительно заведующему. В одной из своих автобиографий М. Н. Пиотухович указывал, что в 1922–1926 гг. прочитал более десяти курсов по истории белорусской литературы на различных учительских курсах как в Минске, так и в провинции.

В первой половине 1920-х гг. Михаил Николаевич смог возобновить свою научную деятельность, которая теперь сосредоточилась на двух главных направлениях: истории западноевропейской литературы и истории белорусской литературы. 1921–1926 годы были весьма плодотворными для ученого, несмотря на материальные трудности, с которыми сталкивались все сотрудники БГУ. В архивных документах сохранились сведения, что в те голодные годы М. Н. Пиотухович наряду со многими другими деятелями науки и культуры получал помощь от американской организации «Джойнт», хотя советская республика делала, казалось бы, невозможное, чтобы поддержать интеллектуалов, работавших на настоящее и будущее Беларуси. Оказывалась помощь ученым и специально созданными организациями по обеспечению их потребностей в бытовом и творческом планах (союзная ЦЕКУБУ и белорусская БелКУБУ).

В области изучения западноевропейской литературы М. Н. Пиотухович исследовал личность и творчество французского писателя Альфреда де Виньи. Для работы над темой Михаил Николаевич получил две научные командировки в Ленинград, где изучал как произведения этого писателя, так и исследовательскую литературу. Первая командировка состоялась летом 1923 г. – ученый ходатайствовал о ней в мае, объясняя свои мотивы так: «В продолжение зимних вакаций текущего академического года я, получив научную командировку от университета, занимался в г. Москве специальным изучением французского романтизма, в частности Альфреда де Виньи. К сожалению, в московских библиотеках я нашел далеко не все нужные мне источники. Часть книг, необходимых мне для работы, я на собственные средства через ЦЕКУБУ выписал из Франции еще в январе месяце с/г, но до настоящего времени эти книги еще не получены. Отсутствие научных пособий приостановило мою дальней-

шую работу по изучению интересующего меня вопроса». Правление БГУ пошло навстречу, оформив командировку и обратившись с запросом в ПЕТРОКУБУ с просьбой о бесплатном поселении М. Н. Пиотуховича в одном из общежитий Петрограда с 1 июля по 10 августа 1923 г. Вторая же командировка в Ленинград состоялась летом 1924 г. также при финансовой поддержке университета.

Пользуясь возможностью, ученый выписал из-за границы почти все сочинения де Виньи и работы о нем на некоторых европейских языках. В середине 1920-х гг. М. Н. Пиотухович готовил труд о французском поэте к печати, но, как отмечал И. И. Замотин, «интенсивной работе в данном направлении мешает крайняя перегруженность Пиотуховича преподавательской работой».

Параллельно исследователь стал уделять большое внимание изучению современной белорусской художественной литературы, историю которой он преподавал на педагогическом факультете. Этому способствовала не только его преподавательская деятельность, но и активное участие в общественной жизни университета и Минска. Пиотухович не раз выступал в БГУ, Инбелкульте, Государственном театре, Центральном доме Раброса и других местах с публичными докладами и лекциями о творчестве белорусских писателей и поэтов (Якуб Колас, Янка Купала, Тишка Гартный, Алесь Гарун, Тётка, «Молодняк»). Одно из первых его публичных выступлений в Минске («Максим Богданович как импрессионист») прошло 3 декабря 1922 г. на торжественном вечере, посвященном Максиму Богдановичу. Выступал он с докладами и о белорусском первопечатнике Франциске Скорине. Лишь в 1924/25 учебном году было сделано шесть, а в следующем – уже восемь докладов (в БГУ, Инбелкульте и других организациях).

Важная составляющая научно-популяраторской деятельности ученого –

М. Н. Пиотухович (второй справа
в первом ряду) с коллегами и студентами

публикации в периодических изданиях Беларуси, в которых читатель знакомился с творчеством белорусских писателей: очерки «Природа в творчестве Якуба Коласа», «Максим Богданович как поэт-импрессионист», «Пролетарская поэзия и лирика Тишки Гартного», «Франциск Богушевич как идеолог белорусского возрождения и как мастак» и многие другие. В журнале «Польмя» и газете «Савецкая Беларусь» был опубликован ряд заметок и рецензий М. Н. Пиотуховича о творчестве писателей и поэтов того времени.

Михаил Николаевич активно вел научную работу и в Инбелкульте. С 1922 по 1925 г. являлся научным сотрудником, а с 1925 г. – действительным членом Института. С марта 1925 по январь 1926 г. был заместителем председателя литературной секции, а с 1926 г. – членом президиума объединенной секции белорусского языка и литературы Института. В 1927 г. возглавил комиссию по изучению народного словесного творче-

ства по кафедре этнографии. Именно от Инбелкульта М. Н. Пиотухович в конце 1924 г. получил научную командировку в Ленинград для изысканий, связанных с деятельностью Франциска Скорины. Результатом этой командировки стал очерк о первопечатнике «Францішак Скарына і яго літаратурная дзейнасць», опубликованный в сборнике «Чатырохсотлецьце беларускага друку». Да и в целом М. Н. Пиотухович активно участвовал в подготовке мероприятий, приуроченных к юбилею белорусского книгопечатания. В июле 1924 г. вошел в состав редакционной комиссии Инбелкульта по подготовке юбилейных изданий, в мае 1925 г. стал членом юбилейной комиссии по подготовке к 20-летию юбилею литературной деятельности Янки Купалы.

В 1923 г. вышла в свет хрестоматия «Выпісы з беларускае літаратуры: Новы і найноўшы кругагегі», где М. Н. Пиотухович выступал как редактор-составитель. К 1926 г. им были подготовлены

Сам перш, што
до аст. Аўгу. ч
Ш. Квучу і
Квучу чужадыні

Б. д. ч

Александра Потапава
М. М. Потуховіч
Захва

Дык вясны трыма год, які
на пасаджы джана, які
на пасаджы джана, які
на пасаджы джана, які

Тамкі мне вядома ба ўсправа
на пасаджы джана, які
на пасаджы джана, які

Якая чыстэ і аўтаграфу Сцяпура і джана
на пасаджы джана, які
на пасаджы джана, які

8

Сцяпану Потапава прывітанне ад
Потапава

Родзіны я 6/1891 г. 29 дзевяна
Александрас Серафимскі 799
Тамескай уд. Восіме атрад
на пасаджы джана, які
на пасаджы джана, які

на пасаджы джана, які
на пасаджы джана, які

на пасаджы джана, які
на пасаджы джана, які

Ба 49255

М. М. Потуховіч

Францішак Багушэвіч, як ізабрэ бела-
ларускага адраджэння і як мастак

Францішак Багушэвіч у сваёй беларускай літаратуры займае
важнейшае месца. Успрымана яго творчасць у
дзяржавы і ў свеце. У сваёй творчасці Багушэвіч
з'яўляецца адным з найбольш прэжываючых і
нашчадкаў беларускага адраджэння. У яго
творчасці адлюстравана ўся беларуская
жыццёвая і гістарычная рэальнасць. Багушэвіч
з'яўляецца адным з найбольш прэжываючых і
нашчадкаў беларускага адраджэння. У яго
творчасці адлюстравана ўся беларуская
жыццёвая і гістарычная рэальнасць.

Ба 49257

ЗВЫЧАІ І ПЕСЬНІ БЕЛАРУСКАГА
СЕЛЯНІНА У ІХ ГАСПАДАРЧАЙ
АСНОВЕ

Аснова звычаяў і песняў
„Песня“ № 3

Ба 49228

НАРЫСЫ ГІСТОРЫІ
БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

ЧАСТКА ПЕРШАЯ

БЕЛАРУСКАЕ АДВЯЖНАЕ ВНАСЯДЗІТРА
МІНСК — 1998

к печати «Очерки по истории белорусской литературы», состоявшие из четырех частей: белорусская литература эпохи крепостного хозяйства, разложение крепостного хозяйства и народническая идеология в белорусской литературе, революция 1905–1906 гг. («нашенивское» возрождение) и пролетарская революция и новейшие искания в белорусской поэзии. Как очевидно, очерки охватывали почти всю историю новой и новейшей белорусской литературы, оставляя в стороне лишь произведения эпохи Средневековья. В свет они вышли в 1928 г.

Результаты столь интенсивной преподавательской, научной и общественной деятельности М. Н. Пиотуховича нашли достойную оценку. В 1926 г. было возбуждено ходатайство о предоставлении ему вакантной должности профессора по кафедре истории белорусской литературы (подробный отзыв о кандидате написал профессор И. И. Замотин), а 20 мая 1926 г. деканат педагогического факультета, отметив, что «в своей научной работе ученый является первым пионером в области изучения белорусской литературы, а также своей деятельностью в значительной степени содействовал развитию белорусского общества», принял решение просить Правление перевести доцента М. Н. Пиотуховича на должность профессора. Наркомпрос БССР утвердил его в должности профессора 22 октября 1926 г.

В это же время на заседаниях фракции КП(б)Б БГУ обсуждался вопрос о кадровом составе деканатов и Правления БГУ в связи с намечавшимися переизборами. Так, 6 февраля 1926 г. партийным лидером университета Самуилом Захаровичем Слонимом было сделано предложение выдвинуть в деканы педагогического факультета Пиотуховича (вместо Н. М. Никольского), а представитель студенчества С. Гиммельфарб, предлагая в деканы Е. К. Успенского, видел М. Н. Пиотуховича членом деканата. Против кандидатуры Михаила Никола-

евича выступил М. Б. Вейнгер, который заявил, что «последний совсем не годится, так как он совсем вялый человек, не пользуется никаким авторитетом среди научных работников Университета, его даже нельзя сравнить с Никольским, он хуже последнего...». Но в итоге голосования кандидатура М. Н. Пиотуховича на должность декана педагогического факультета была поддержана девятью голосами против трех.

Повторно к этому вопросу партийная фракция вернулась в апреле 1926 г., когда Михаил Николаевич был не только утвержден кандидатом на должность декана педфака, но и рекомендован в члены Правления БГУ с характеристикой «доцент Пиотухович – белорус». Выборы декана педагогического факультета прошли 19 мая 1926 г. на Пленуме предметных комиссий. В результате голосования кандидатура М. Н. Пиотуховича, уже одобренная фракцией КП(б)Б БГУ, получила 65 голосов из 73 присутствовавших. На посту декана он сменил профессора Н. М. Никольского.

Как декан и профессор БГУ М. Н. Пиотухович стал принимать еще более активное участие не только в учебном процессе, но и в общественной и научной жизни университета. Одним из первых выступлений Михаила Николаевича в новой должности стал «общий доклад» на торжественном собрании, посвященном выпуску студентов 4-го курса педфака (12 июля 1926 г.). В январе 1927 г. он наряду с другими видными деятелями белорусской науки и культуры подписал обращение к деятелям науки Запада с ходатайством в связи с репрессиями польского правительства в отношении населения Западной Беларуси. Весной 1927 г. был включен в состав редакционной коллегии по изданию трудов БГУ по социально-историческому и лингвистическому отделениям педфака. В декабре этого же года кандидатура декана была одобрена для включения в состав комиссии по проверке национальной политики

в БГУ (по педфаку в состав комиссии также вошли В. И. Пичета, М. С. Башкевич, Е. К. Успенский и М. Б. Вейнгер). Михаил Николаевич принимал участие и в заседаниях коллегии Наркомпроса БССР при обсуждении вопросов, связанных с делами высшей школы. В конце 1927 г. он вместе с другими крупными писателями и литературоведами стал членом литературной организации «Полымя».

13 октября 1927 г. на объединенном собрании предметных комиссий педагогического факультета состоялись очередные выборы деканата, на которых М. Н. Пиотухович единогласно был переизбран на следующий год руководителем факультета.

В 1927 г. декан-профессор получил командировку на летние месяцы в Ленинград и Одессу «с целью научных занятий». А на заседании деканата 17 ноября 1927 г. была одобрена его зарубежная командировка в Берлин и Прагу (с 1 июля по 15 сентября 1928 г.) для «ознакомления с новейшими методами и исследованиями в области художественного фоль-

клора и для работы по вопросу «Следы аграрной магии в белорусской обрядовой поэзии», для которой необходимо широкое изучение западноевропейской научной литературы по вопросу первобытной магии в целом». В 1928 г. это решение университета поддержал Наркомпрос БССР, который одобрил кандидатуру Михаила Николаевича для научной командировки в Германию и Чехословакию в целях изучения «западноевропейского фольклора и славянского фольклора в связи с белорусским фольклором».

Еще раз вопрос о зарубежной командировке М. Н. Пиотуховича рассматривался на заседании деканата педфака 2 апреля 1929 г. Было решено ходатайствовать перед Наркомпросом о поездке Михаила Николаевича наряду с другими профессорами факультета в Германию сроком на три месяца. Впрочем, документы архивов не дают ответа, состоялась ли эта зарубежная командировка.

В 1928 г. руководство факультетом закончилось. М. Н. Пиотухович стал заведующим кафедрой белорусской литературы. В этот период работы в БГУ он все больше внимания уделял истории белорусского фольклора.

Сходными были интересы ученого и в работе в стенах Инбелкульта, вскоре преобразованного в Белорусскую академию наук. Однако большая нагрузка профессора не прошла мимо внимания контролирующих органов. В докладной записке от 3 апреля 1928 г. старшего инспектора, некоего А. Николаева, о результатах обследования Инбелкульта указано, что «в составе научных работников имеются и такие, которые высокую оплату и нагрузку имеют по университету и другим учебным заведениям и благодаря этому не могут выполнять нагрузку по ИБК. Например, профессор Пиотухович получает по БГУ 484 р. 16 коп...».

Жизнь М. Н. Пиотуховича в эти годы складывалась удачно. С начала работы в БГУ он проживал в Минске по адресу: ул. Александровская, д. 36, кв. 13.

Мемориальная доска членам Инбелкульта на здании, в котором располагался Институт

В 1926 г. он попросил Правление выделить четыре комнаты в университетском флигеле, указывая, что такая договоренность существовала на момент выборов его деканом педагогического факультета. Несмотря на положительное решение Правления, квартиру семья профессора не получила. В 1927 г. он вновь обратился в Правление с просьбой выделить квартиру уже в доме № 33 по улице Советской, который в то время был передан БГУ. Обосновал Михаил Николаевич свою просьбу так: «Сейчас я живу в здании Белпедтехникума в ужасных условиях: с семьей в 6 душ я ючусь в двух маленьких комнатках площадью в 8 кв. саженей с низким потолком; небольшая кухня находится между жилыми комнатами... вход непосредственно с холодного коридора вызывает частые простудные заболевания членов моей семьи (мой маленький сын, напр., все время болен бронхитом); сама по себе ужасная квартира в дополнение не ремонтировалась уже на протяжении нескольких десятилетий и т. д.». Решением Правления в апреле 1927 г. М. Н. Пиотуховичу были предоставлены три комнаты в квартире по ул. Советской, 33. Более того, Правление и местком БГУ обратились в мебельный магазин с просьбой выделить ученому кредит на мебель, взяв на себя ответственность за своевременное внесение взносов по кредиту.

Немногим ранее, в 1925 г., Михаил Николаевич обратился в Правление, чтобы оно испросило в НКВД разрешение на его проживание в дачном поселке Ратомка, располагавшемся тогда в приграничной полосе. Его семья в то время состояла из его жены Александры Алексеевны, сестры Евгении (14 лет) и двухлетнего сына Вадима. О принятом решении нет сведений, но известно, что в начале августа того же года он запрашивал у Правления отпуск для поездки в Одессу на курортно-санаторное лечение, а в 1927 г. – в Крым.

М. Н. Пиотухович во время работы в БГУ, а позднее – в АН БССР позиционировал себя как марксист (хотя и оставался все время беспартийным). В 1923 г. он охарактеризован в письме Правления БГУ в агитационно-пропагандистский отдел КП(б)Б как «лояльный». Профессор не был «своим» для белорусских коммунистов. Весьма любопытную зарисовку в дневниковых записях оставил И. В. Волк-Леванович, передавая рассказанный ему М. Н. Пиотуховичем эпизод. На юбилее Владислава Голубка (в 1927 или 1928 г.) у Михаила Николаевича состоялся эмоциональный разговор с одним из партфункционеров, который обвинил его в игнорировании партийной политики и в том, что в душе он «не наш» и встречается с контрреволюционером, имея в виду самого Иосифа Васильевича:

«Сегодня же М. Н. П-ч кратко сообщил мне, что вчера, т. е. 27 марта он был у Ул. Голубка на банкете, который был устроен по случаю юбилея Голубка (народного артиста БССР, директора странствующего народного белорус. театра). Приглашение он получил от самого артиста. На банкете в числе прочих оказался и Ильюченко (партийный; прежде служил в Белор. госуд. издательстве в качестве зам. Жилуновича, но недавно оттуда был уволен вслед за Жилуновичем). Этот Ильюченко после ужина подсел к П-чу и повел с ним такой разговор (по белоруски).

– Вы свинья!

– Что за тон?

– Никаких дискуссий!.. Тут все ответственные работники... Вы белорус, но вы не наш; будьте с нами и мы вас поддержим, а если нет, то мы вас шибанем! Мы уже хотели вас шибануть, но еще подождем, посмотрим!

– За что же вы меня шибанете?

– Вы ректор... нет, извините, – декан, а не проводите нашей линии.

– Какой линии? Я точно исполняю директивы партии и сов. власти в от-

ношении белорусизации; что же я еще должен делать?

– Э!.. вы это только формально, а в душе вы не наш. Вы вст[речае]тесь и имеете дело с Волк-Левановичем, эти[м]... [контрреволюцио]-нером».

Несмотря на активную работу по популяризации белорусской культуры и литературы и преподавание на белорусском языке, среди представителей белорусской национальной интеллигенции Михаил Николаевич нередко рассматривался как «ставленник Москвы», так как в частых конфликтах между национальными кругами и профессорами из России он обычно принимал сторону последних. Интересную характеристику М. Н. Пиотуховича дал в своих воспоминаниях выпускник педфака Я. Кипель: «В своих политических взглядах профессор Пиотухович ориентировался на Москву, но он видел, что для белорусского народа необходим белорусский язык. Лекции читал по-белорусски и много писал по-белорусски. Несмотря на его москвифильство, он был арестован и выслан». Стоит только отметить, что в данном отрывке автор ошибался – высылки М. Н. Пиотуховича из Беларуси не было.

Когда в 1925/26 учебном году на педфаке встал вопрос о сокращении ряда курсов по белорусоведению, среди противников такого решения был и М. Н. Пиотухович. Это позволило позднее объявить его сторонником «нацдемов». Е. К. Успенский, занимавший должность заместителя декана факультета при Н. М. Никольском и затем М. Н. Пиотуховиче, а позднее декана, в своей записке в Комиссию партконтроля ЦК КП(б)Б (декабрь 1930 г.) вспоминал события лета 1928 г., когда из БГУ были уволены некоторые преподаватели (Красковский, Ясинский и др.), и отмечал, что «в деканате по вопросу о снятии ряда особ декан Пиотухович, ректор Пичета в Правлении БГУ, нарком просвещения Балицкий в коллегии НКП остались при особом мнении... Создался единый

фронт Пиотухович – Пичета – Балицкий против общественных и партийных организаций БГУ, за сохранение ненужных и никчемных дисциплин, сохранение н.дем. работников в БГУ».

Тогда же предметом критики стали публикации М. Н. Пиотуховича. Так, вышедшие в 1928 г. его «Нарысы гісторыі беларускае літаратуры» сподвигли одного из самых в то время авторитетных литературных критиков, исследователя национальной литературы Владислава Викентьевича Дзержинского (Чаржинского) на 30-страничную рецензию в журнале «Узвышша». В числе недостатков работы были указаны не только чисто литературные моменты, но даже «неправильная» периодизация истории белорусской литературы, ошибки в характеристике творчества отдельных писателей и, более того, тот факт, что вся концепция истории белорусской литературы XIX в. у Пиотуховича ошибочна.

Изменение позиции партии в области литературной критики вынуждало и ученого менять свои оценки творчества белорусских писателей. Это особенно заметно, если обратиться к его статьям, посвященным творчеству Максима Богдановича.

Несомненно, некоторые критические замечания о творческом методе М. Н. Пиотуховича справедливы. Он принадлежал к социологическому направлению в белорусском литературоведении, которое в 1920-х гг. подразделялось на ряд течений. Сам Михаил Николаевич был сторонником наиболее упрощенного, вульгаризаторского подхода к изучению литературных процессов. Механизм взаимовлияния базиса и надстройки, экономики и духовной культуры он понимал слишком прямолинейно и считал, что художественное творчество, своеобразие творческой манеры писателя определяются непосредственно уровнем экономики. Даже художественная форма произведения трактовалась им как «производное от социально-экономических факторов».

Памятник К. Вереницыну в Городке

Более того, он был убежден, что творчество писателя предопределяется его классовой идеологией, за рамки которой тот не в состоянии выйти. Расхождения во взглядах на белорусскую литературу, конечно, должны были решаться путем дискуссии среди ученых, а не через карательный аппарат советского государства.

Несмотря на критические замечания о научном методе М. Н. Пиотуховича, он оставался авторитетом в области истории белорусской литературы. Так, в первом томе «Литературной энциклопедии», вышедшем в 1930 г., статья «Белорусская литература» написана им в соавторстве с Д. Ф. Жилуновичем. И в том же году в серии «Творчество народов СССР» вышел составленный им «Сборник белорусской поэзии в переводах русских поэтов».

Приложил свою руку М. Н. Пиотухович и к определению авторства поэмы «Тарас на Парнасе». По воспоминаниям студентов БГУ, профессор носил в своем портфеле тетради с текстами Александра Рыпинского, собирателя белорусского фольклора конца XIX в., и периодически показывал их на занятиях, приводя примеры из «толстых, сшитых томиков на уже пожелтевшей, но прочной бумаге». В них сохранились и переписанные

тексты двух поэм – «Тарас на Парнасе» и «Два дьявола» – с указанием их автора Константина Вереницына. Упоминания об этих тетрадях, так же как и имя автора поэмы, дошли до нас в статье Антона Адамовича, изданной после войны в Мюнхене. Сами же тетради после событий 1930-х гг. пропали.

На основании этих данных белорусскими исследователями в 1970-х гг. были предприняты поиски в архивах, чтобы обнаружить документы, которые могли бы подтвердить сведения А. Рыпинского. И это удалось: в 1986 г. в одном из московских архивов обнаружилась неопубликованная статья М. Н. Пиотуховича, посвященная описанию списков А. Рыпинского. В ней содержался текст поэмы «Два дьявола». Эта статья университетского филолога-литературоведа увидела свет уже в 1990 г. Так благодаря кропотливой научной работе Михаила Николаевича и современных исследователей в историю белорусской литературы вернулось имя одного из самых ее талантливых и самобытных поэтов – Константина Васильевича Вереницына, студента Горецкой академии, а затем чиновника Министерства путей и сообщений, статского советника.

Тучи над М. Н. Пиотуховичем еще больше стали сгущаться в начале 1930-х гг. – возникла угроза репрессий из-за «непролетарского происхождения» и «сочувствия» белорусским национал-демократам. В 1930 г. он проходил как свидетель по делу «Союза освобождения Беларуси» и ему пришлось, чтобы спасти свою жизнь, сравнивать национал-демократическую идеологию чуть ли не с «национал-фашизмом».

К этому времени полемика оппонентов М. Н. Пиотуховича вышла за пределы научной дискуссии и больше походила на политические обвинения. Зимой 1930/31 учебного года партийное руководство вновь обратило внимание на состояние дел с белорусизацией на педагогическом факультете БГУ. На заседании бюро Октябрьского РК КП(б)Б было принято постановление «Итоги обследования состояния белорусизации на Педфаке», где отдельным пунктом стоял вопрос «Белорусский нацдемократизм и его конкретные проявления на Педфаке». В числе других примеров национал-демократизма указывался и конфликт на литературно-лингвистическом отделении, связанный с Я. Ю. Лёсиком и вмешательством партийной ячейки в процесс преподавания. Была дана оценка и позиции М. Н. Пиотуховича: «...а бывший декан, теперь заведующий Лит-линг. отд. проф. Петухович вместо выполнения директив партии их игнорировал, заявляя, что он находится между “молотом и наковальной”, подразумевая под этим, с одной стороны, партию, а с другой стороны нацдемократов, директивы и социальный заказ которых он выполнял».

На одном из совещаний по вопросам развития литературы, проходившем в 1931 г., где М. Н. Пиотухович был избран в состав президиума, выступающий литературный критик Л. А. Бенде обрушился на профессора с обвинением в схематизме, стремлении «подогнать все под сухую схему», в воспевании шляхетской литературы XIX в. Важно отметить, что

перспектив запланированных в то время к созданию «Очерков литературы БССР» не содержал фамилии М. Н. Пиотуховича ни в составе редколлегии (куда как раз входил Бенде), ни в составе авторов (где в числе прочих названы С. М. Некрашевич, Е. И. Боричевский и снова Бенде).

Проблемы у Михаила Николаевича были и в Высшем педагогическом институте, где он преподавал в 1931–1936 гг. после реорганизации БГУ (педфак стал основой института). В докладной записке от 23 марта 1933 г. на имя секретаря ЦК КП(б)Б Н. Ф. Гикало отмечалось, что по пединституту «проработан» ряд научных работников и ставится вопрос об их увольнении, в том числе и профессора Пиотуховича.

До 1936 г. М. Н. Пиотухович работал и в Институте литературы и искусства БАН. В тематическом плане работ Института на 1932 г. он числился соисполнителем четырех тем, в том числе – «Проблема творческого метода пролетарской литературы» и «Буржуазные тенденции в современной литературе». По результатам одного из обследований Института в 1933 г. отмечалось: «Наиболее квалифицированными работниками являются старые специалисты, беспартийные – академик Замотин и профессор Пиотухович, которые в прошлом сотрудничали в Ин-те Белорусской культуры и Академии наук с нацдемами и сами проводили буржуазно-националистические взгляды на литературу. Теперь они перестраиваются в направлении овладения марксистско-ленинской методологией...» Впрочем, это не помешало авторам справки раскритиковать Михаила Николаевича: «...рассматривает фольклор статично, без четкого методологического обобщения и постановки определенных методологических проблем в этой области».

В начале 1934 г. подобные критические выступления поутихли. В январе на заседании квалификационной комиссии БАН под председательством академика В. К. Щербакова М. Н. Пиотуховичу

была присуждена степень доктора литературоведения. Он также был утвержден действительным членом академического Института литературы и искусства. В тематическом плане Института на 1935 г. ведущей названа тема «Написание истории белорусской литературы». Планировалось окончательно подготовить к печати второй том издания, а ответственными за эту работу были назначены И. И. Замотин и М. Н. Пиотухович.

Через полтора года ситуация в БАН резко изменилась. Квалификационная комиссия по вопросу о присуждении Михаилу Николаевичу степени доктора литературоведения без защиты диссертации на заседании 15 октября 1935 г. изменила свое решение: «Принимая во внимание, что среди работ проф. Пиотуховича нет работ глубокого научно-теоретического характера, – в присвоении проф. Пиотуховичу научной степени доктора литературоведения без защиты диссертации – отказать».

Вновь вопрос о профессоре М. Н. Пиотуховиче рассматривался на заседании квалификационной комиссии 16 ноября 1935 г. Было решено: «Просить академиков Коласа, Замотина и т. Красневского дать развернутую характеристику работ проф. Пиотуховича».

Несомненно, эта неоднозначная ситуация повлияла на творчество ученого. В первой половине 1930-х гг. он не издал ни одного крупного труда, ограничиваясь рецензиями и краткими заметками в периодической печати. Более того, за 1931–1933 гг. М. Н. Пиотухович вообще не издал ни одной статьи или заметки и счел за лучшее в 1936 г. (или в самом конце 1935 г.) переехать из Беларуси на Северный Кавказ в г. Орджоникидзе (современный Владикавказ). Там он стал преподавать в Горском педагогическом институте (с 1938 г. – Северо-Осетинский педагогический институт, ныне – Северо-Осетинский государственный университет). В Горском пединституте М. Н. Пиотухович работал профессором

кафедры литературы. Вполне возможно, что и выход в свет в 1936 г. его статьи «Буржуазный национализм в белорусской литературной критике и литературоведении» был вызван именно желанием обезопасить себя от грозящих репрессий.

Однако принятые меры не помогли. М. Н. Пиотухович был арестован 9 января 1937 г. и перевезен в Минск, где провел несколько месяцев в заключении. Его фамилия появлялась в протоколах допросов других арестованных. Так, А. А. Сенкевич перечислял его среди длинного списка национал-фашистов во время допроса 21 февраля 1938 г., когда ученый уже был расстрелян. В справке «О фактах засоренности личного состава и вредительства в Белорусской академии наук», подписанной наркомом внутренних дел БССР Наседкиным 25 июня 1938 г., вновь упоминается фамилия М. Н. Пиотуховича в связи с именами других участников национал-фашистской организации (И. И. Замотин, Я. Ю. Лёсик и др.). Главные обвинения в адрес деятелей литературы и искусства, сформулированные в документах НКВД, звучат следующим образом: «Все линии вредительства в области литературы и искусства были направлены к насаждению в Белоруссии польской буржуазной культуры и противопоставлению Белоруссии Советскому Союзу».

Фамилия М. Н. Пиотуховича включена под номером 64 в расстрельные списки по Белорусской ССР, подписанные 7 декабря 1937 г. Сталиным, Молотовым и Ждановым. После этого состоялся суд, и Военная коллегия Верховного суда СССР 19 декабря 1937 г. приговорила Михаила Николаевича к исключительной мере наказания. Приговор суда был приведен в исполнение на следующий день в Минске.

Реабилитирован М. Н. Пиотухович 27 декабря 1957 г. Военной коллегией Верховного суда СССР.

Олег Иванович Малюгин

Михаил Николаевич Пиотухович

**Выдающийся
россиевед и украинист,
основатель научной школы
изучения восточнославянской
истории XVII–XVIII вв.**

**Профессор БГУ, заведующий
кафедрой истории народов СССР**

**Александр Антонович
САВИЧ**

01.03.1890 – 21.10.1957

***И**мя Александра Антоновича Савича внесено в анналы советской исторической науки, известны важнейшие вехи его творческой биографии: профессор (1926) университетов и педагогических институтов Минска, Перми, Ярославля, Москвы, научный сотрудник Государственного исторического музея и Института истории АН СССР, доктор исторических наук (1935), автор более 120 печатных работ. Его судьба поучительна с точки зрения «вживания» белорусского интеллектуала в новые советские реалии. А. А. Савич – один из ученых-белорусов, заложивших основы Белорусского государственного университета и системного изучения истории России, Украины и Беларуси.*

Александр Антонович первым стал читать в БГУ общие и специальные курсы российской истории XVII–XVIII вв., уделяя внимание и значимым событиям, происходившим на украинских землях. Для начала 1920-х гг., когда приоритеты в преподавании истории в советской высшей школе были смещены в сторону изучения лишь предьистории и истории российских революций, такая позиция была исключительно важным и необходимым элементом всесторонней подготовки специалистов-гуманитариев. А. А. Савич заложил основы исследования церковной истории и истории культуры на украинских и белорусских землях, истории религиозного и светского образования, продолжил традиции в изучении объективных и субъективных факторов в противостоянии в XVII в. России и Речи Посполитой. Огромный педагогический и научный дар историка оценен его коллегами, учениками и историками-россиеведами.

Жизненный путь Александра Антоновича Савича уложился в 67 лет. Он родился 1 (13) марта 1890 г. в с. Переволока Гродненской губернии (правда, сам не раз писал местом своего рождения д. Лапеницу Изабелинской волости Волковысского уезда). Разветвленный род Савичей принадлежал к нетитулованному российскому и малороссийскому дворянству и имел прямое отношение к белорусской шляхте. Известно, что в 1834 и 1853 гг. Литовскую духовную семинарию заканчивали два Антония Савича, оставившие заметный след в истории православной церкви на белорусской земле. Один из них преподавал российскую историю. Юноша по семейной традиции в четырнадцатилетнем возрасте стал воспитанником Литовской духовной семинарии, был увлечен историей.

А. А. Савич не призывался ни в Императорскую, ни в Красную армию, оставался вне партий и с годами обзавелся семьей, в которой родились двое детей. Среднее образование получил в 1910 г. в Вильно – в Литовской духовной семинарии. Будущий «преподаватель русской истории» БГУ упорно поднимался по профессиональной лестнице. Вскоре выпускник отметил изданием очерка о своем наставнике «Памяти дорогого воспитателя Ивана Александровича Нещеретова (Воспоминания бывшего семинариста)», который скончался в 1913 г. В очерке начинающий историк описал не только личность и характер учителя, но и свои впечатления от революционных событий 1905–1907 гг., повседневную жизнь и заботы семинаристов и др.

Высшее образование Александр Антонович получил в Санкт-Петербургской (с 1914 г. – Петроградская) духовной академии, которую окончил в 1914 г. с дипломом первой степени и с правом «соискания степени магистра богословия без нового устного испытания». Среди 65 выпускников этого года уроженцев белорусских губерний Российской империи вместе с А. А. Савичем только двое.

Научные способности начинающего богослова были подкреплены не только премией им. Правдина за «кандидатскую работу» о белорусско-украинских школах в XVII–XVIII вв., но и возможностью остаться на кафедре русской истории для подготовки к магистерскому званию.

Удачно складывавшийся путь в науку прервала Первая мировая война. А. А. Савичу пришлось покинуть академию в неспокойном Петрограде (в 1916 г. она была закрыта) и переехать в Москву. «Вторая» столица империи была в отдалении от фронта, жизнь в ней мало чем отличалась от довоенной. И Александр Антонович решил резко изменить направление своего образования. Он поступил на историко-филологический факультет (на историческое отделение) Императорского Московского университета. Видимо, побудительным мотивом стали семейные увлечения историей и глубокие знания в этой области, полученные в духовной академии. Накануне Октябрьского переворота 1917 г. молодой историк сдал государственные экзамены и был удостоен диплома первой степени. Его не только оставили при университете, но и доверили место преподавателя истории в гимназии.

Вновь окончание очередного высшего учебного заведения совпало с событи-

И. А. Нещеретов

ем «непреодолимой силы»: революции 1917 г. вынудили искать «укромное» место для завершения подготовки к получению магистерского звания. Наиболее приемлемым местом для этого А. А. Савич избрал Саратов, так как там работали крупные специалисты – историки и правоведы. До 1920 г. Александр Антонович готовился к магистерским экзаменам у профессоров Саратовского университета В. И. Веретенникова и С. Н. Чернова, под руководством М. К. Любавского и В. И. Веретенникова работал над магистерской диссертацией «Западнорусские школы в XVI–XVIII вв.» и за май – октябрь 1920 г. успешно сдал необходимые испытания (в том числе по истории Польши и истории Средних веков).

События Гражданской войны на Волге, неустроенность быта и даже голод заставили 30-летнего Александра Антоновича опять искать не только место для реализации профессиональных знаний, но и возможность содержать семью. Его новый маршрут пролегал на родину, в Минск, где активно шли подготовительные работы по открытию Белорусского государственного университета. Кадровые проблемы БГУ и интересы А. А. Савича совпали. На данном этапе становления Белорусского университета «поповское» прошлое историка не особенно беспокоило тех, кто подбирал штат преподавателей первого белорусского университета. Но только на этом этапе...

Ученый-историк был приглашен в Минск, чтобы «занять кафедру» российской истории вместе с такими «мэтрами», как Владимир Иванович Пичета и Дмитрий Алексеевич Жаринов. Александр Антонович как историк-россиевед был крайне важен для БГУ в той общественно-политической ситуации. В Белорусском университете, государственном по принципам формирования и материально-финансового обеспечения, но национальном по духу, по заявленным сущностным параметрам и по предназначению его деятельности, было важно,

чтобы историю России преподавал компетентный белорус.

Документы начала 1920-х гг. называют А. А. Савича профессором, иногда доцентом. Очевидно, что историк в силу значимости своей педагогической и научной специализации, даже определенной ее уникальности, воспринимался именно как профессор. Он читал сложные лекционные курсы и вел занятия по ключевым проблемным эпизодам развития российской государственности в направлении к абсолютизму, империи. Вот неполный перечень его учебных занятий: просеминарии по «Русской правде», истории царствования Петра I, семинарий по изучению летописных сводов, по чтению и анализу наказа Екатерины II. К изучению этих дисциплин студенты педфака допускались только после того, как преподаватель принимал у них коллоквиум по истории России XVI–XVII вв. или зачет по истории Смуты. Важно, что Александру Антоновичу предметная комиссия педагогического факультета, членом и ученым секретарем которой он был, доверила чтение лекций студентам социально-исторического и этнолингвистического отделений по истории русской культуры, истории «культурных движений» в Беларуси в XVI–XVIII вв., истории Древней Руси, истории народного образования в Беларуси до XIX в. Помимо этой значительной и ответственной учебной нагрузки А. А. Савич вел факультативы по источникам и источниковедению России, семинарии по изучению московской политической литературы XVI в. и зарубежных сведений о России XVI–XVII вв., по чтению и комментариям Соборного уложения 1649 г.

Таким образом, с первых дней работы в БГУ Александр Антонович стал ведущим преподавателем российской истории и занял соответствующую кафедру. С его именем связано первоначальное научное и организационное обеспечение преподавания истории России в университете. В это время появились курс

истории классовой борьбы, который в первую очередь основывался на примерах из российской истории, курс истории России в эпоху империалистических войн и пролетарской революции и другие подобные. Так что научная квалификация Александра Антоновича, специалиста по Смуте и «бунташному» XVII веку российской истории, насыщенному сложными социальными противоречиями и противостоянием имущих и неимущих, была кстати. Правда, на короткий период поверхностного восприятия исторического прошлого в русле осуществляемых новой пролетарской властью очередных революционных преобразований. В скором времени резко изменились трактовки «классовых противоречий» прошлого, дабы еще более закономерными выглядели распад старой и рождение новой России. Знания А. А. Савича, а важнее всего – его социальное поведение (для сохранения не только преподавательского статуса, но и жизни) должны были достаточно быстро претерпеть существенную корректировку в связи с оформлением доктрины марксизма-ленинизма в ее сталинском переосмыслении и совершенствовании. Однако этой житейской тактики «выживания» университетский профессор в полной мере так и не освоил, находясь в Минске.

А. А. Савича всецело увлекала преподавательская работа. Благодаря ему и усилиям коллег «первого призыва в БГУ» в университете по крупницам оформлялся цельный, хорошо продуманный учебный процесс. Уже ко второму году работы БГУ его профессора могли утверждать, что «исстрадавшаяся, разоренная, бедная и темная Белоруссия обрела, наконец, то, что является идеалом всего юношества и одновременно символом высшей культуры – свою alma mater – свой Белорусский Государственный Университет».

Переезд Александра Антоновича в Минск в августе 1921 г. прервал сдачу магистерских экзаменов (по политической экономии и Новой истории) в Са-

ратове. Нужно было снова начинать этот путь – уже в качестве преподавателя русской истории БГУ. Александр Антонович представил еще во временное Правление БГУ свои работы: «Русские униатские школы XVII–XVIII вв.» (рукопись текста его магистерской диссертации объемом более чем 1600 с.), 640-страничную работу «Русско-польские отношения в XVII в. (по Деулинскому перемирию)», исследование в 240 с. «Культурные движения в Белоруссии и Украине в XVI–XVII вв.».

Несмотря на очевидные научные заслуги, А. А. Савич не мог органично вписаться в формирующиеся советские реалии. Как отмечалось, университетский профессор старательно пытался обойти вопрос об отце. И кадровые работники почему-то не проявляли настойчивости, хотя всем было известно о «поповской» родословной историка и его богословской образованности. А профессор К. В. Харлампович, рекомендовавший молодого коллегу для работы в БГУ, даже наивно подчеркнул это обстоятельство как одно из высоких достоинств Александра Антоновича, свидетельство его безусловной компетентности, образованности, научности.

Университетское руководство поселило семью Савичей (Александр Антонович был женат на Ксении Николаевне и имел малолетнего сына) в «Доме № 4 БГУ», расположенном на улице Широкой (район современных улиц Коммунистической и Куйбышева). Здесь преподаватели БГУ, как вспоминал впоследствии историк-академик В. Н. Перцев, временно размещались, из-за отсутствия лучших условий, вместе со студентами-рабфаковцами. Ранее этот комплекс зданий принадлежал женскому епархиальному училищу. Условия проживания были спартанскими: и холодно, и тесно, а дряхлые стены и потолки постоянно грозили обрушением. Дом по Широкой красочно описан в одном из архивных листов: «...помещение на Широкой ул., только что отстроенное на месте бывшей

бани, на сточной яме, с прогнившими от сырости стенами, без потолка в одной комнате, с целым рядом других достопримечательностей... это ад пыток, грозящий серьезнейшими заболеваниями». Однако выбирать было не из чего.

Дополнительно Александру Антоновичу разрешили работать в должности члена архивной комиссии в Академическом центре Наркомата просвещения, так как он не только превосходно владел белорусским языком, но и говорил, читал и писал на чешском и польском, а также на древних классических языках. Эта должность давала возможность укрепить семейный бюджет (к тому же пришлось вступить в члены профсоюза работников просвещения Беларуси, а вот путь в партию был для него закрыт). Зарплаты преподавателей не позволяли строить долгосрочные семейные планы, кроме как рассчитывать на выживание. Денежное вознаграждение за нелегкий труд напрямую зависело от количества читаемых курсов: до середины 1920-х гг. существовала почасовая, а не штатная система оплаты труда. Правление БГУ ориентировало преподавателей печатать учебные программы своих курсов и конспекты лекций и распространять их за деньги среди студентов. Вырученные деньги шли как на социальные проекты (например, на помощь голодающим Поволжья), так и на поддержание самих авторов.

Злоключения начались уже во время первого слушания заявления Александра Антоновича о приеме на работу в БГУ: оно состоялось на заседании временного Правления БГУ 4 июня 1921 г., т. е. еще за несколько месяцев до начала регулярных занятий в университете. Без особых дискуссий его кандидатуру было решено представить в Государственный ученый совет (ГУС) в Москву на «замещение кафедры русской истории при БГУ». В докладной записке в Главпрофобразования РСФСР от 8 июня временное Правление, отметив свою работу «по обеспечению

факультета общественных наук кадрам...», указало, что среди прочих ученых Казани, Киева, Харькова, Москвы и Петрограда имеется и «принципиальное согласие» со стороны А. А. Савича работать по «кафедре истории местного края» вместе с Ф. Ф. Туруком и В. И. Пичетой. Уже 16 июня временное Правление вновь вернулось к этому вопросу. Был заслушан отзыв-рекомендация профессора Казанского университета К. В. Харламповича. В нем говорилось: «...специальный интерес к западно-русской истории и школа, пройденная под руководством известных русских историков П. Н. Жуковича и М. К. Любавского, и готовая диссертация, и звание магистранта русской истории, и некоторый преподавательский опыт в высшем учебном заведении, – все это дает достаточное основание рекомендовать А. А. Савича к занятию кафедры русской истории на правах приват-доцента в Белорусском университете».

Новый пакет документов вновь направили в ГУС на утверждение, особо отметив, что А. А. Савич – один из «представителей видных научных сил русских университетов». Наконец, 9 сентября 1921 г. всемогущий орган в системе образования и науки утвердил 12 профессоров и 11 преподавателей факультета общественных наук БГУ. Однако А. А. Савича среди них не было. Хотя впоследствии в отчете ректора В. И. Пичеты за первые месяцы работы БГУ было указано, что вместе с ним по кафедре русской истории в это время работали А. А. Савич и Д. А. Жаринов, а первый, кроме того, заведовал и «научным кабинетом». Только 16 ноября 1921 г. отдел социально-экономического образования Главпрофобра при Наркомпросе РСФСР информировал Правление БГУ, что на заседании «научно-политической секции» ГУС от 18 октября принято решение утвердить А. А. Савича преподавателем БГУ «по русской истории». Так было пересмотрено предыдущее отрицательное решение от 9 сентября и вынесен положительный

вердикт – «допустить» А. А. Савича к преподаванию в БГУ.

К концу сентября 1921 г. Правление БГУ констатировало, что переезд «профессора Савича» в Минск состоялся, о чем свидетельствовало прибытие из Саратова его багажа и принятие на учет Минским военкоматом (до этого он никакого отношения к военному делу не имел). В штат БГУ Александр Антонович был принят именно как преподаватель, но не как профессор, хотя в то революционное время всякая строгость в ученой титулатуре была не только утеряна, но и официально ликвидирована. Коллега А. А. Савича по БГУ Д. П. Кончаловский в своих воспоминаниях писал, как после 1917 г. формировался кадровый потенциал советских университетов. Он не без сарказма заметил, что большинство так называемых профессоров «не имели никаких степеней, но почти все были авторами популярных статей, брошюр и книжек...», хотя были и такие, кто «не имел никаких печатных “трудов” и производил впечатление людей “весьма легковесных в смысле знаний”». И профессором «мог сделаться всякий, хотя и после признания “профессорской коллегией вуза”». Таким образом «профессорами делались» приват-доценты, ассистенты, лаборанты, учителя гимназий и т. д. – лишь бы они были «людьми толковыми и имеющими какие-либо специальные познания».

Для восприятия первыми студентами БГУ своих профессоров важнейшим критерием являлся их научно-педагогический авторитет. А. А. Савич был вне всякой критики со стороны своих учеников. Один из них впоследствии отмечал, что первая профессура воспринималась студентами с чрезвычайным пиететом, а А. А. Савич хоть и назывался «доцентом», но он – «акадэмік», «буйны савецкі гісторык». Сразу стать профессором БГУ ему не позволили. Лишь в документе, выданном А. А. Савичу в марте 1922 г., была внесена запись: «...является профессором

по основной профессии». И затем в прочих служебных документах он указывается как профессор.

Александр Антонович как «лектор по педагогическому отделению» активно участвовал в приеме абитуриентов второго набора в БГУ и был членом двух испытательных комиссий: по математическим и естественным наукам и по гуманитарным наукам. Он принимал экзамены у многих сотен молодых людей, стремившихся стать студентами БГУ. Историк проявил себя и как популяризатор тех знаний, которыми в совершенстве владел. На заседаниях Научного общества БГУ он не раз дискутировал с В. И. Пичетой по различным научным проблемам. Например, в марте 1922 г. развернулись жаркие споры на тему «Культурная борьба в Белоруссии в XVI в.». Его участие в создании первого университетского научного печатного органа – «Трудов БГУ» – вне всякого сомнения, так как он являлся одним из 10 членов «комиссии по предметам историческим», которая 25 ноября 1921 г. принимала подобное решение. А. А. Савич стал одним из авторов в ряду других коллег в первом и втором выпусках «Трудов». С результатами научных изысканий историк не раз выступал на заседаниях Минского общества истории и древностей, которые проходили в «Доме № 1 БГУ» по улице Скобелевской (современная Красноармейская). Только в течение ноября 1921 – февраля 1922 г. он сделал доклады на темы: «Униатские школы в Минском крае в XVII веке», «Школы и женское образование в польско-литовском государстве в XVII–XVIII вв.», «Эдукационная комиссия и униатские школы в польско-литовском государстве (1773–1795)».

Замечен был Александр Антонович и как один из ярких докладчиков на вечере 9 февраля 1923 г. по случаю представления интересующейся публике истории российского флота. Вместе с ним выступали В. И. Пичета и Д. А. Жаринов. Университетский россиевед должен был

откликнуться и на такое важное политическое событие для его родины, как «первое укрупнение БССР» – в марте 1924 г. выступил на чрезвычайном заседании Правления БГУ с приглашением делегатов Чрезвычайного VI Всебелорусского съезда Советов. В первый же раз его участие в общественно важном мероприятии документально зафиксировано 18 марта 1922 г.: А. А. Савич участвовал в заседании Совета БГУ по обсуждению вопроса о возврате Польше культурных ценностей, «вывезенных из ее пределов в XVIII в.», и был включен в комиссию по выработке «взвешенного» решения. Предложение с его участием от имени Совета было найдено: признать правомерность требований польской стороны, но выразить протест «против домогательств» на выдачу тех ценностей, которые являются «достоянием всемирной культуры» или же имеют «ближайшее отношение к истории и культуре белорусского и других народов». Александр Антонович зарабатывал себе репутацию «общественника», когда 30 апреля 1923 г. вместе с В. И. Пичетой, С. Я. Вольфсоном и Ю. И. Марконом выступил на общем собрании преподавателей и студентов БГУ по поводу протеста против «бесчинств польских властей над национальными меньшинствами в области образования в Западной Белоруссии».

Политико-идеологические игры, в которых приходилось участвовать белорусским интеллектуалам, не могли скрыть объективную оценку значимости для БГУ историка-белоруса. Ректор В. И. Пичета не раз давал лестные характеристики своим коллегам, особенно тем, кого он приглашал на работу в БГУ. В статье для республиканского журнала Владимир Иванович отметил, что из-за отсутствия в Беларуси своего «Унівэрсытэту» изучение прошлого Беларуси вели российские историки. И был приведен целый ряд имен, среди которых и имя А. А. Савича. Возможно, такая честь была оказана еще «нетитулованному» историку потому, что он был настоящим не только специали-

стом, но и «белорусистом» и его белорусизация не нуждалась в политических понуканиях времени. Не зря он и через десятилетия назывался белорусом по происхождению и преподавателем именно «гісторыі Беларусі», знатоком белорусской истории. Александр Антонович, по отзывам студентов, наряду с В. И. Пичетой и М. В. Довнар-Запольским оказывал «моцны ўплыў на слухачоў сваёй гістарычнай эрудыцыяй».

А. А. Савич, занимая «кафедру русской истории», не очень стремился обозначить свою гражданскую позицию, был больше увлечен академическими штудиями, чтением лекций, проведением семинариев и просеминариев по его любимой проблематике. Ради науки Александр Антонович был готов преодолеть любые финансовые и административные преграды. Отдушиной для него и большинства университетских ученых стали командировки, которые позволяли внедрять полученные новые научные знания в учебный процесс, в научные публикации, озвучивать идеи через дискуссии на заседаниях Научного общества БГУ или Общества истории и древностей. Так, с первых дней в БГУ А. А. Савич выехал для научной работы по теме «История великой Московской смуты» в Петроградскую госбиблиотеку, в рукописное отделение Академии наук, в московские архивы и в Румянцевскую библиотеку. Даже несмотря на тяжелую болезнь отца (летом 1922 г.). Вторично историк попросил разрешение на командировку в Москву (совместно с Н. Н. Щекотихиным, М. Н. Пиотуховичем и А. Н. Вознесенским) в декабре 1922 г., и ему было выделено 200 млн руб. В мае 1923 г., после длительных проволочек Правление БГУ признало необходимым предоставить профессорам Д. А. Жаринову и А. А. Савичу научные командировки, о которых они просили, в Москву «на время летних каникул», а ректор даже изъявил готовность принять у студентов зачеты вместо Александра Антоновича!

Правда, некоторые обстоятельства одной из командировок в Москву были обращены против ученого. Излишняя доверчивость Александра Антоновича к авантюрам молодого коллеги чуть было не привела к обвинениям по «делу о продуктовых посылках Московского отделения организации Джойнт». Инцидент вовсе не способствовал дальнейшей адаптации А. А. Савича в закипавшей национальными и общесоветскими идеологемами родной Беларуси. Безусловно, эти обстоятельства второй половины 1923 г. стали одной из причин его ухода из БГУ «по болезни» и отъезда в далекую Пермь.

Более серьезными и опасными для властей были «церковные увлечения» Александра Антоновича, точнее – убеждения глубоко верующего человека. В помещении университетского общежития по улице Широкой А. А. Савич был замечен в церковных «сходках», которые устраивались, как отмечалось в оправдательных записках руководства БГУ, «вопреки требованию Устава» и «не спрашивая на это согласия правления». Аура бывшего женского епархиального училища, в котором проживали преподаватели университета, способствовала тому: в здании теперь уже общежития БГУ даже сохранились церковные колокола! Поэтому «тихое вытеснение» Александра Антоновича из Минска было наиболее благоприятным исходом его первого этапа работы в БГУ.

В эти несколько лет А. А. Савич напряженно завершал исследование по истории «московско-польских отношений за Смутный период (1600–1619 гг. включительно)». Для этого профессор произвел основательный обзор архивных фондов и изучил польскую историческую литературу по вопросам Смуты. В Москве некоторый материал удалось извлечь из архива бывшего Министерства юстиции и военного архива. В Петрограде Александр Антонович встречался с профессором С. Ф. Платоновым (надо полагать, по рекомендации В. И. Пичеты), который предоставил для изучения

обширную переписку «польско-литовского короля Сигизмунда III с литовским канцлером Львом Сапегой, начиная с 1598 года», хранившуюся среди рукописей Государственной археографической комиссии. Большое значение имели занятия в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки, где удалось найти любопытные данные относительно московско-польских переговоров под Смоленском около 1615–1616 гг.

К концу пребывания в Минске Александру Антоновичу удалось завершить исследование, которое он собирался представить «для разборки» С. Ф. Платонову и другому крупному специалисту в данной области российской истории – профессору А. Е. Преснякову. Сам автор указывал, что вся проделанная напряженная работа имела значимую цель: защиту рукописи в качестве диссертации или в Петроградском университете, или в Московском исследовательском институте. Нельзя не отметить определенную универсальность знаний А. А. Савича, круг его научных интересов. Он занимался и другой значимой работой – «историей культурных движений в Белоруссии и Украине в XVII–XVIII веках». И к осени 1923 г. завершил ее, передав для оппонирования В. И. Пичете.

Научная увлеченность Александра Антоновича иногда приводила к казусным ситуациям. На нескольких заседаниях Правления БГУ зимой – весной 1923 г. прошли «разборки» поведения университетского историка в связи с поступившей жалобой от заведующего Центральным архивом БССР Д. Ф. Жилуновича (Цішка Гартны), доведенной к тому же и до сведения Президиума ЦИК Советов БССР. В жалобе указывалось, что «преподаватель БГУ А. А. Савич взял из помещения Архива различного рода вещи, книги и рукописи». Разумеется, Правление университета предложило Александру Антоновичу возвратить взятое из архива и представить письменные объяснения, в том числе в ЦИК. Как оказалось, некоторые архивные материалы уже были пере-

даны для изучения коллегам – А. Н. Вознесенскому и Н. М. Гутковскому. Остаётся лишь констатировать: «профессорская забывчивость» – удел увлеченных наукой исследователей.

Как отмечалось, общественная позиция А. А. Савича, не говоря уже о его «родословной», с нарастающей силой беспокоили руководство – университета и всей республики. Еще в начале 1924 г. он активно участвовал в заседаниях исторической предметной комиссии, а 25 февраля вместе с коллегами искал наилучший вариант экспозиции планируемого к открытию первого университетского музея – истории культуры и религии. В начале марта 1924 г. БГУ представил в академический центр Наркомпроса БССР сведения об университете для публикации их в готовящемся сборнике. Было отмечено, что «по национально-культурному направлению» и краеведению работу проводят ряд профессоров, в том числе А. А. Савич – специалист в области «истории образования в Беларуси». Но уже в списках педфака на 1923/24 учебный год его фамилия перечеркнута, а в общих списках профессорско-преподавательского состава и научных работников БГУ на июнь 1924 г. не значилась.

В феврале – марте 1924 г. было найдено взаимоприемлемое решение: «заявление по собственному желанию». Его Александр Антонович написал весной 1924 г., а 8 апреля оно было рассмотрено Правлением БГУ, которое «освободило преподавателя Савича от работы по болезни». Ему была назначена выплата «содержания до 30 сентября 1924 г.», так как он якобы приглашался для «чтения определенного курса с расчетом окончить таковой к концу 1923/24 академ. года». Можно предположить, что коллеги, в первую очередь В. И. Пичета, вошли в положение историка и не только дали ему возможность спокойно уехать в далекую Пермь, но и обеспечили финансовые издержки выплатой жалованья вперед, вплоть до сентября.

Конечно, условия проживания на улице Широкой для 34-летнего мужчины оказались суровыми. Однако Александр Антонович почему-то спешно уехал «лечиться» на совсем не курортный Урал. Через несколько месяцев он не побоялся направить из далекой Перми приветствие по случаю первого выпуска, а руководство БГУ сочло возможным поместить сердечные строки телеграммы в специально выпущенном сборнике: «Приветствую первый выпуск общественников. Владимиру Ивановичу, профессорам, студентам желаю дальнейшей продуктивной работы на благо Белоруссии. Профессор Савич (Пермь)». Все прекрасно осознавали, что в этом эпохальном событии была и частица интеллектуальных усилий белоруса-историка.

Связь с А. А. Савичем после его отъезда в Пермь не прерывалась. Кроме указанного приветствия есть данные, что 18 апреля 1928 г. Правление БГУ передало в деканат педфака ходатайство Александра Антоновича (вероятно, Савич прислал свое обращение на адрес Пичеты) о выделении рецензентов для его диссертации на соискание степени доктора российской истории. К ходатайству «и.о. профессора по кафедре российской истории Пермского государственного университета» были приложены три экземпляра его работы «Соловецкая вотчина XV–XVII вв.».

Прошло короткое время, и историк у вновь пришлось искать безопасное место, а в Минске вспомнили его непролетарское происхождение и заодно якобы контрреволюционную сущность. В центральной белорусской прессе в 1932 и 1934 гг. прозвучали запоздалые обвинения: «Университет видел на своих кафедрах и контрреволюционеров, использовавших свой переезд в Минск только для того, чтобы перебраться в белую эмиграцию – Вейцман, Лепешкин; черносотенцев-великодержавников разных цветов от Савичей до Парменовых». Вряд ли подобные пасквилы доходили до

Урала, однако у Александра Антоновича в это время в Перми складывалась новая, не менее сложная, чем в Минске, ситуация.

После БГУ А. А. Савич оказался на кафедре Пермского государственного университета, которую создал еще в 1916 г. будущий «законодатель мод» советского россиеведения Б. Д. Греков. Белорус был в ее штате с 1924 по 1931 г. и читал уральским студентам лекции по истории России, первым разработал и стал вести на педагогическом факультете курс по истории Урала. Его квалификация и человеческие качества стали основанием для избрания на должность заведующего кафедрой русской истории. В 1931 г. А. А. Савич вынужден был сменить университет на Пермский индустриально-педагогический институт, продолжив там работу в качестве заведующего кафедрой уже истории народов СССР.

Отъезд из Минска на Урал радикально изменил направление творческих устремлений историка: он занялся исследованием российской колонизации европейского Севера, Урала и хозяйственного освоения Прикамья, крестьянского и рабочего движения в этом регионе России, создал научную школу пермских историков-ураловедов. И как ученый, и как педагог Александр Антонович пользовался неизменным успехом и популярностью у студентов. По воспоминаниям, студенты «с большим интересом... слушали лекции по русской истории XVIII века Александра Антоновича Савича. Он не просто пересказывал факты и события, а великолепно передавал колорит эпохи».

Немаловажна и краеведческая деятельность уральского профессора. Он являлся заместителем председателя научного краеведческого общества – Кружка по изучению Северного края при Пермском университете, был одним из членов-учредителей Пермского этнографического общества, членом Пермского общества краеведения, а также членом Общества исторических, философских и социальных наук при ПГУ. Александр

Журнал «Крывич» за 1927 г., в котором была опубликована большая статья А. А. Савича

Антонович выступал с научными сообщениями по истории и культуре Урала, анализируя причины и последствия антикрепостнических выступлений на этой территории России, делал доклады по проблемам историографии. Одним из итогов научной деятельности А. А. Савича станет опубликование в 1929 г. в пермском издательстве крупной работы – монографии «Северно-русский монастырь XIV–XVII в.».

В 1925 г. Александр Антонович издал значимое исследование «Прошлое Урала: Исторические очерки», представлявшее систематизированный курс лекций о крае – от заселения Урала человеком и до конца XIX в. В 1927 г. появилась «Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском Севере в Древней Руси». Новым и политически актуальным стало исследование «Очерки истории крестьянских волнений на Урале XVIII–XX вв.» (М., 1931), в нем историк продолжил тему своей статьи «Пугачевщина на Урале», опубликованной в 1925 г.

Рассматривая, например, научные достоинства такой работы А. А. Савича, как «Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII–XX вв.», можно оценить его определенную смелость. Александр Антонович пытался отойти от умиленных

и восторженных оценок всего, что связано с «борьбой классов». Используя основательную научную базу, исследователь на цифровых выкладках доказывал, что уровень организации рабочих, а тем более крестьян, их устремления и сплоченность для борьбы были вовсе не столь высокие, чтобы напрямую видеть в ту крепостную эпоху предтечу революционных потрясений начала XX в. По-своему А. А. Савич также анализировал события пугачевского движения на Урале и в Прикамье.

Работая в Перми, историк не оставил своих творческих увлечений саратовско-минского периода жизни. Его по-прежнему интересовали проблемы генезиса общественной мысли и образования в России, Украине и Беларуси XVI–XIX вв., истории международных отношений и внешней политики России в XVI–XVII вв. Так, он опубликовал «Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусі в XVI–XVIII вв.» (Киев, 1929), «Деулинское перемирие 1618 г. (Из истории польской интервенции нач. XVII в.)» (УЗ Мордовского государственного пединститута им. К. Либкнехта. Серия историческая. 1939. Т. 4).

В 1932 г. Александр Антонович в очередной раз оказался в поле зрения «компетентных органов». На основании

того, что историк якобы проводил «анти-марксистские установки в своих научных трудах» и не обеспечивал «преподавание своего предмета на основе марксистско-ленинской методологии», он был «отчислен» от занимаемой должности профессора Пермского пединститута. Как и некоторые коллеги, А. А. Савич был в который раз причислен к «старой профессуре», уличен в «крупных теоретических ошибках». И таковым рекомендовалось «сидеть дома, рыться в книгах».

О методах работы в Перми с подобными профессорами, «прикрытыми внешним лоском высокой образованности», можно узнать как из научных работ, так и из художественных произведений. «Старые профессора», в том числе и белорусский историк, теперь уже однозначно воспринимались окрепшей властью как не способные вести борьбу на уничтожение с «растлевающим трупным ядом» буржуазной науки, не способные «гордиться силой и величием русского народа, который в страшных мучениях, в кровавой борьбе выстрадал свое право быть учителем других народов». Приводимые оценки, звучавшие на Урале, безошибочно можно ретранслировать и на все другие высшие учебные заведения СССР тех лет. Повсеместно в вузах СССР, как и в Перми, ситуацию зорко отслеживал карающий орган: «В здании пединститута был отдельный кабинет, в котором постоянно работал майор государственной безопасности, периодически вызывая отдельных студентов и преподавателей для беседы. <...> На кафедрах литературы и истории шли ожесточенные бои против рецидивов домарксистской науки...» Вновь Александру Антоновичу была предоставлена возможность уйти от более «тесного» знакомства с окрепшей репрессивной машиной.

Историк сменил место проживания, но не сферу деятельности: он устроился на преподавательскую работу в Ярославский пединститут. Можно только предполагать, что пришлось пережить в

Обложка работы А. А. Савича «Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII–XX вв.»

тяжелые 1930-е гг. Однако он сумел в условиях кровавых репрессий и защитить докторскую диссертацию, и войти в состав авторского коллектива по написанию первого поколения «сталинских» учебников по истории СССР для вузов. К этой работе Александра Антоновича привлек старый знакомый и коллега по БГУ В. И. Пичета, который сам был «неполитнадежным». А. А. Савич стал автором раздела о борьбе украинского и белорусского народов против «панской Польши» в XVII в. Можно предположить, что столь ответственное задание было ему поручено потому, что он в 1939 г. «чисто-сердечно приветствовал поход Красной Армии в родные края». Однако именно научные работы Александра Антоновича по истории столь любимого им XVII века так и не были опубликованы, потому что он по-прежнему воспринимался властью как «церковный человек».

Война во многом изменила идеологические парадигмы власти. Даже Русская православная церковь перестала считаться заклятым врагом. Были реанимированы и героические сюжеты царского прошлого, воскрешен исторический патриотизм. Стали востребованными и знатоки эпох минувших, потому что в этих эпохах вдруг были «найжены» примеры мужества, сплоченности народов для отпора грозному врагу. Время Богдана Хмельницкого, знатоком которого являлся А. А. Савич, как раз и являло собой такого рода примеры, тем более если его можно было профессиональной рукой историка должным образом «загероизировать», наложить на потребу современным установкам со стороны власти. Вот только как не погрешить научной истиной, не исказить источники: историку почти всегда следовало искать безопасный, но такой узкий проход между этими «Сциллой и Харибдой» – научной компетенцией, собственной совестью и установками «сверху». Как можно судить, Александру Антоновичу это удавалось лишь некоторое время.

Обложка работы А. Савича и О. Ровинского «Разгром польской интервенции в XVII веке»

Так получилось и во втором минском периоде его жизни и научного творчества. Приглашение поработать в БГУ и АН БССР выглядело вполне взвешенным со стороны белорусских властей: все-таки А. А. Савич историк с не запятнанной в годы войны репутацией, соавтор официального университетского учебника. А в Беларуси так долго вынашивалась идея создания «своего» учебника белорусской истории, точнее – истории БССР. Да и кафедру истории народов СССР должен был возглавлять в университете авторитетный ученый. Надо полагать, не без поддержки В. И. Пичеты Александр Антонович вновь оказался в Минске. И активно включился в научную жизнь, но вовсе не общественную. Тем более, что благоразумно не оставил своей московской прописки. О том, что отношения между А. А. Савичем и В. И. Пичетой все годы оставались дружескими, что у них было много общего во взглядах на советскую действительность, не говоря уже о научных принципах, свидетельствует запись, сделанная Владимиром Ивановичем «для себя» уже на склоне лет – 23 февраля 1945 г. Ее смысл иначе раскрылся после основательного знакомства с жизненными пертурбациями Александра Антоновича.

И внешний «негатив» в оценке принципиального академика сменился на полушутливый, но очень точный «позитив». В. И. Пичета записал: «Я добродушно вспоминаю о “гадостях” иезуита-униата Савича». В свою очередь, уже после смерти старшего коллеги Александр Антонович опубликовал статью-воспоминание о нем, в которой тепло и благодарно оценил роль Владимира Ивановича и в науке, и в организации высшей школы Беларуси: «В. И. Пичете пришлось совмещать в себе и организатора научной жизни в новооткрытом университете, и администратора хозяйственника, и профессора».

С переездом БГУ из-под Москвы в Минск (август 1944 г.) кафедре истории народов СССР вменялось в обязанность обеспечить преподавание «самой важной исторической дисциплины» на всех факультетах, хотя профессиональных кадров было недостаточно. Этой миссией она была облачена со второй половины 1930-х гг. – быть первой среди других кафедр истфака, нести в своих курсах главный идеологический заряд. В БГУ после кафедр истории КПСС, марксизма-ленинизма, политической экономии она была следующей, на которую возлагалась столь ответственная функция. На

кафедре постепенно собирался преподавательский коллектив в основном из довоенных выпускников университетского истфака, авторитетных офицеров-фронтовиков: А. И. Сидоренко, П. З. Савочкина, Л. С. Абецедарского и др. Уже с 1944 г. документы заведующим кафедрой называют Александра Антоновича Савича. Он был в полной мере задействован на всех направлениях академической работы: руководил организацией учебного процесса, распределяя нагрузку между преподавателями кафедры, сам имел до 500 учебных часов (получая, как и большинство профессоров БГУ, 6 тыс. руб. оклада), выступал в лектории университета с публичными лекциями (типа «Происхождение русского народа») и т. д.

Но более всего квалификация Александра Антоновича была задействована в написании второго и третьего томов «Истории БССР», которые готовились в стенах АН БССР, но с привлечением историков университета. Нет необходимости излагать многострадальную историю написания этой «истории». Это замечательный и благодатный сюжет для специального монографического исследования. Отметим, что А. А. Савич стал очередным автором – жертвой очередной попытки создать идеологически выверенную, но как бы объективную в научном отношении историю белорусов и их многострадальной земли.

Сотрудники кафедры в условиях послевоенного времени старались не только доказать свою «профпригодность», участвуя в многочисленных идеологических кампаниях, но и по-настоящему заниматься научными исследованиями. Великая Победа на время раскрепостила мышление, позволила помечтать о демократических принципах, в том числе и в науке. Тем более, где наука – там и споры, и дискуссии. И порой весьма нелицеприятные, а уж в условиях того времени в ряде случаев – нацеленные на творческое уничтожение оппонента посредством все тех же идеологических

А. А. Савич (третий слева) и А. П. Пьянков (второй слева) среди коллег и аспирантов кафедры истории народов СССР БГУ. 1946 г.

клише. Этому содействовало вынесение подобных дискуссий на партийные собрания: для безоговорочного вердикта об идеологической качественности «социально значимых» исторических работ.

Подобное партсобрание состоялось в БГУ 17 октября 1946 г. На нем при обсуждении второго и третьего томов «Истории БССР» в текстах А. А. Савича оппоненты вдруг обнаружили, что история народа подменена «описанием жизни королей, а распространение русской культуры автор связывает только с построением церквей и монастырей, не указывается классовая сущность...». Александру Антоновичу ставилось в вину и происхождение. Правда, выступавшие сами оказались под огнем критики: по обыкновению критика должна была опережать позитивные оценки. Товарищи по партии требовали объяснить причины ошибок. Не историки, но люди при партийных должностях довершили погром: в постановлении были названы «принципиальные ошибки» А. А. Савича: «подмена истории белорусского народа историей князей, королей, идеализация роли церкви и духовенства в национальной борьбе и самоопределении белорусского народа».

В стенах университета отголоски этого собрания раздавались еще некоторое время, будоражили жизнь истфака. Наконец, 6 марта 1947 г. на партбюро исторического факультета фронтовик А. И. Сидоренко отметил, что «препрекаательства» отрицательно сказываются на работе аспирантов и что «кафедра отгораживается от тех, кто прикреплен к проф. Савичу». Но все же не мог не сказать, что Александр Антонович интересуется работой своих аспирантов, дает им задания. Постановление обобщило и иные недостатки в работе кафедры, руководимой А. А. Савичем: «...в работе кафедры до сих пор не нашли преломления исторические решения ЦК ВКП(б) о повышении уровня идеологической работы. Организационная работа кафедры недостаточна. Кафедра не существует как сплоченный,

дружный научный коллектив. На кафедре не обсуждается работа ее членов, научные проблемы, методические вопросы и вопросы программного материала; тематика научно-исследовательской работы и аспирантских диссертаций бралась из отдаленного прошлого». И это в то время, когда значимость кафедры в научном и идеологическом обеспечении университетской гуманитарной сферы возросла после ее объединения (в сентябре 1947 г.) с кафедрой истории БССР.

Отчет БГУ за 1946/47 учебный год содержит запись, что работавший в Москве профессор А. А. Савич как заведующий кафедрой истории народов СССР БГУ «отказался от работы в университете». На его место был назначен доцент А. П. Пьянков, которого в скором времени постигнет схожая участь.

В последующие годы Александр Антонович работал в вузах Москвы, в Государственном историческом музее, Институте истории АН СССР, в духовных учреждениях. Последнее место его работы – Московский государственный заочный педагогический институт. Умер историк-белорус 21 октября 1957 г. в Москве, похоронен на Введенском кладбище.

В Беларуси имя Александра Антоновича Савича не забыто. Кафедра истории России БГУ в весенние дни 2010 г. провела чтения «Учитель, перед именем твоим...», где один из основоположников белорусского университетского россиеведения был представлен прежде всего как белорусский историк. «Белорусское время», интернет-газета посольства Республики Беларусь в Российской Федерации, отозвалась на 120-летие со дня рождения А. А. Савича краткими публикациями. Еще предстоит провести глубокое исследование разнообразного научного наследия неординарного ученого, имя которого навечно останется в летописи Белорусского государственного университета.

Олег Антонович Яновский

Александр Антонович Савич

**Один из крупнейших
отечественных этнографов
и фольклористов**

**Основоположник
университетской этнографии**

**Исаак Абрамович
СЕРБОВ**

27.05.1871 – 21.01.1943

Исаак Абрамович Сербов – один из крупнейших отечественных этнографов и фольклористов первой половины XX в. Автор знаковых для белорусской этнологии работ «Вичинские поляне» и «Белорусы-сакуны». К сожалению, некоторые из его трудов были утеряны во время Второй мировой войны, среди них «Историко-этнографический очерк Полесья» (1914) и «Дятловцы-полешуки» (1917).

И. А. Сербов вел активную полевую этнографическую экспедиционную деятельность. Являясь известнейшим этнографом своего времени, он одним из первых широко применял метод фотофиксации полевого этнографического материала и составил два альбома фотографий по этнографии Беларуси (около 1200 фотокарточек) с подробным описанием каждого снимка. Однако судьба части снимков до сих пор неизвестна.

С 1922 г. этнограф стал действительным членом Института белорусской культуры, после создания Белорусской академии наук работал в секторе (затем отделе) этнографии и фольклора Института истории. С 1923 г. уже состоявшийся ученый стал преподавателем, а вскоре доцентом по кафедре этнографии Белорусского государственного университета. В 1934 г. ему была присуждена степень кандидата исторических наук. В июне 1941 г. ученому удалось эвакуироваться в Тамбов, однако в 1943 г. он скоропостижно умер от простуды в возрасте 71 года.

Исаак Абрамович Сербов родился 27 мая 1871 г. в д. Кульшичи Пропойской волости Быховского уезда Могилевской губернии (теперь Славгородский район Могилевской области). Редкое для крестьянской среды имя получил в честь святого Исаакия Далматского, в день которого (30 мая 1871 г.) был крещен. На становление будущего ученого как этнографа повлияла окружающая природа и культура местного населения. Впоследствии даже в делопроизводственных документах он живописно описывал свою родину: «...провел свое детство среди полей и дремучих лесов, на берегах заболоченной реки Ухлясти, разительной этнографической границы между радимичами и дреговичами».

С 1879 по 1881 г. деревенский мальчик учился в Пропойском народном училище, через два года – в Баханском училище (д. Бахань Быховского уезда Могилевской губернии, теперь Славгородский район Могилевской области), где закончил курс начальной школы. Затем работал учителем школы грамоты в соседней деревне Жеролы (Баханская волость Быховского уезда). Через два года выдержал испытание в Быхове за курс уездного училища, к которому, как позже писал, «готовился самостоятельно... сделавшись, таким образом, первым грамотным человеком во всей своей крестьянской округе».

С 1888 по 1892 г. молодой человек продолжил учебу в Полоцкой учительской семинарии. После ее окончания, с 1 сентября 1892 г., И. А. Сербов стал учительствовать в Хотимском народном училище Климовичского уезда Могилевской губернии (теперь г. п. Хотимск Могилевской области). В 1923 г. в автобиографии для БГУ он не без некоторого самолюбования подробно описал свои обязанности учителя: «Здесь (в Хотимске. – *Авт.*) хорошо наладил дело Народного Образования как школьного, так и внешкольного: удовлетворительно справлялся с массой до 200 учащихся детей, составил народный хор и драматический

кружок, создал крупную библиотеку, организовал кружок самообразования молодежи и общество народных чтений, за что и был выслан под надзор полиции в село Корму Гомельского уезда (теперь д. Корма Добрушского района Гомельской области. – *Авт.*), откуда через два года возвращен обратно в Хотимск для организации 2-х классного народного училища...»

Именно в Хотимске, примерно в 1895–1903 гг., И. А. Сербов увлекся этнографией, которая впоследствии и определила всю его творческую жизнь: «Здесь впервые (в Хотимске после высылки. – *Авт.*) начал свои работы по этнографии: принимал участие в снаряжении Этнографического Отдела при Румянцевском музее, записывал предметы народного фольклора и пр.».

В 1903 г. Исаак Абрамович переехал на работу в Гомель, где, как он вспоминал, «организовал школу с 6-ти летним курсом и при нем ремесленное отделение, которое оборудовал всеми техническими приспособлениями». В 1909 г. И. А. Сербов стал учителем городского четырехклассного училища в Столбцах, но вскоре с семьей перебрался в Минск. Здесь в течение трех лет уже опытный педагог учительствовал во 2-й мужской четырехклассной гимназии. Еще в 1908 г. он приобрел к работе Минского церковного историко-археологического комитета, став его членом. Молодой ученый в рамках деятельности этого комитета совместно с А. К. Снитко, А. П. Смородским, А. Пановым участвовал в создании Минского церковно-археологического музея.

В соответствии с уставом Минского церковного историко-археологического комитета его члены должны были изучать церковную и гражданскую историю и сохранять культурное наследие. В круг их научных интересов входили сбор примеров народных обычаев и фольклора, описание, сохранение и экспонирование предметов народной культуры. В связи с

этим зимой 1911 г. И. А. Сербов совершил по заданию и на средства комитета экспедицию по Минской губернии в целях «сбора этнографических коллекций».

В целом в дореволюционный минский период жизни Исаак Абрамович активно занимался научно-исследовательской работой. Помимо организации церковно-археологического музея на основании самостоятельно собранных этнографических материалов он печатался в журналах, в иллюстрированных приложениях к «Минскому слову», в ежегодных отчетах Императорского Русского географического общества. Были опубликованы историко-этнографические очерки «Белорусская народная песня», «Признаки родового быта на Полесье», «В странах Погорьнских», «По родному краю», «Путешествие по Полесью», «Особенности Телеханского наречия», «Село Великое», «Повесть из народного быта». Часть этих работ вышла под псевдонимом Бусел. Позже, в 1923 г., в автобиографии, написанной при приеме на работу в БГУ, этнограф указал, что располагает ранее собранным анкетным материалом по истории, археологии и этнографии для составления карты Минщины.

Кроме занятий этнографией И. А. Сербов в те годы также производил археологические раскопки (в д. Дашки, в Изяславле (современный г. Заславль Минской области) – возле могилы княгини Рогнеды, на княжьей могиле возле Уречья и в Новогрудке). Как он вспоминал, в этот период «обследовал и описал памятники древностей Великого княжества Слуцкого, княжества Гродненского, Туровщины, стран Погорьнских и Пинщины. Розыскал на Великой Гати остатки Обров и описал их быт и пр.».

В 1910–1914 гг. после возобновления деятельности Северо-Западного отдела Русского географического общества (РГО) И. А. Сербов принял активное участие в работе археолого-этнографической секции – в качестве организатора и исполнителя этнографических экспедиций

по Беларуси. В 1911 г. Северо-Западный отдел РГО утвердил «Инструкцию для лиц, которые желают заниматься фотографированием в научных целях (этнография и антропология)». Белорусский исследователь стал первым, кто предложил Северо-Западному отделу РГО организовать этнографическую экспедицию с фотофиксацией полевого материала. В марте 1911 г. его заявка получила одобрение: «Признать фотографическую экскурсию как наиболее отвечающую состоянию кассы Северо-Западного отдела РГО и его требованиям, для чего отпустить из средств Отдела 60 рублей в распоряжение учителя 2-го городского училища И. А. Сербова, который имеет намерение отправиться в наиболее интересные в этнографическом смысле местности минской губернии...»

По заданию Северо-Западного отдела РГО Исаак Абрамович выезжал в экспедиции летом 1911 г. (Игуменский и Бобруйский поветы Минской губернии, Могилевский и Чаусский поветы Могилевской губернии), летом 1912 г. (Бобруйский, Игуменский, Мозырский и Слуцкий поветы Минской губернии) и летом 1913 г. (Мозырский и Пинский поветы Минской губернии, Кобринский, Пружанский и Слонимский поветы Гродненской губернии). По результатам первых двух экспедиций им были подготовлены отчеты «По Дреговичской области летом 1911 г.» и «По Дреговичской области летом 1912 г.», опубликованные в «Записках Северо-Западного отдела РГО», и вышедшие отдельной брошюрой «Поездки по Полесью в 1911 и 1912 гг.».

В начале 1912 г. по распоряжению Виленского учебного округа этнограф был переведен в Вильно и назначен преподавателем русского языка и словесности, истории и географии Виленского среднего химико-технического училища. Исаак Абрамович проработал там до 1914 г. Виленский период жизни был крайне насыщен научной работой.

В экспедициях И. А. Сербов стремился решить максимальные задачи. Так, в 1912 г., за два месяца (с 8 июня по 12 августа) он проехал около 1800 верст (более 1000 – на подводе, около 800 – на поезде и пароходе, а частично – на велосипеде). Это в среднем около 30 километров в день. Учитывая необходимость опрашивать респондентов и фиксировать полевой материал, а также делать фотографии, он успевал наблюдать за окружающей культурой и проникал в ее смыслы. Такая напряженная и активная работа впечатляет и ставит исследователя в один ряд с крупными этнографами-полевиками Европы начала XX в.

В своих научных путешествиях «с кодаком и записной книжкой» или «на велосипеде с кодаком» Исаак Абрамович использовал фотоаппарат, изобретенный еще в конце XIX в. англичанином Джорджем Истманом, но со стеклянными пластинами. Недостаток данного способа фотографирования – в хрупкости пластин, что порой приводило к печальным последствиям. Так, в 1911 г. на железнодорожной станции Смоленск местный кондуктор вместе с жандармом станции заставили И. А. Сербова сдать фотоаппарат с пластинами в багаж. На станции Орша ему их вручили в полностью разбитом состоянии. В отчете для Северо-Западного отдела РГО этнограф оценил ущерб в 260 руб. История имела общественный резонанс в Вильно, поэтому на общем собрании Северо-Западного отдела РГО было решено оказать исследователю материальную помощь в размере 75 руб. и вернуть 60 руб. аванса, которые Исаак Абрамович ранее, ввиду отсутствия результатов экспедиции, благодушно вернул в кассу.

Нередко во время полевых исследований И. А. Сербов, всегда стремившийся запечатлеть на фото традиционную культуру, попадал в сложные жизненные ситуации. Часто местные власти подозревали его в шпионаже. Так, в Петрикове, на «Ильинском кирмаше» его арестовал

местный урядник и отправил под конвоем к приставу. В другой раз в д. Грицевичи (теперь Клецкий район Минской области) «подозрительного» исследователя задержали, и лишь заступничество местного священника помогло избежать ареста.

При таких условиях И. А. Сербову удалось собрать немало фотоснимков народной культуры Беларуси, часть из которых он сумел опубликовать в своих работах, часть – представить общественности. Например, 23 марта 1913 г., во время годового собрания членов Северо-Западного отдела РГО, которое проводилось в актовом зале Виленской мужской гимназии, Исаак Абрамович демонстрировал собранные этнографические артефакты.

Специалисты расходятся в количественных оценках фотографического наследия усердного собирателя белорусской старины. Одни предполагают, что И. А. Сербов сделал не менее двух тысяч снимков, другие – около пяти тысяч. Этнограф в автобиографии при поступлении на работу в БГУ писал: «...составил два альбома фотографических снимков по этнографии Белоруссии, всего до 1200 карточек, с подробным описанием каждого снимка. Альбомы сданы Д. И. Довгялло в Виленский Центральный музей...»

Свой метод фотофиксации этнографического материала И. А. Сербов называл «мгновенным фотографированием», с помощью которого он запечатлевал сцены из традиционной жизни белорусов. Тем не менее стоит признать, что значительная часть его фотоснимков была постановочной, что сегодня не только не умаляет их значимость, но и придает «картинкам прошедшей жизни» особый колорит.

В виленский период Исаак Абрамович продолжал публиковать свои работы, прежде всего в «Записках Северо-Западного отдела РГО». Также он подготовил и сдал редактору «Записок...» Д. И. Довгялло крупную и богато иллюстрированную работу «Историко-этнографический очерк Полесья». По мнению автора,

Кранвід Вічынскіх палёў летам 1912 г.
Хлапчаты пасуць коні ў паўднёную адмынку і шліцуюць лапці-пасталы

Кранвід паміж в. в. Цноў і Д.
Канюшаты ў жаркі поўдзень пад чаргавым і
пасталы і вярэнькі.

СБОРНИКЪ
ОТДЕЛЕНИЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,
Томъ XXIV, № 1.

И. А. Сербовъ,

БѢЛОРУССЫ-САКУНЫ

Краткія этнографічныя очеркі.

ИЗДАТЕЛЬ,
ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,
№ 10, 12, 14, 16, 18, 20,
1916.

І. А. Сербав.

Вічынскія паліне.

Этнографічны нарыс на матэрыяльнай культуры беларускага Палесся *).

I.

Геаграфічнае палажэнне.

Вічынскія паліне з'яўляюць шырокую прасторную раўніну па ніжнім берагу рэчкі Цноў (левая прытока Прыпяці). Сярод балотнага дэкага Палесся гэтая раўніна прасяляецца агулам да 120 кв. вёрст, мае характар вількай паліны, крыху паднятай над узроўнем мора, у сярэднім, на 68 сажняў і абваколенай з усіх бакоў тонкімі балотамі і густым зараснікам дробнага раітніку і адшынку. Навякол адчмыняешча тыповы палескі лядшэфт, які надзвычайна ўтамляе вока сваёй аднастайнасцю і дэкарацыяна захаваны ў дзёку сінь лесу. Утомлэнню зірку тут зусім нельга на чым небудзь спыніцца і адчмыняеш. Тут ня відаць ані зялёных гаёў, ані цёмных бароў ні рэзка выяўленых узгоркаў. Ня відаць звычайных лядавіковых каменьяў на мясцовых палёх нідзе прыкмеціць нельга; іх тут няма. Аднастайная раўніна толькі падчас парушаешча хвалявымі выдмамі песчавіку і купкі старых дрэў, якія да гэтых часоў яшчэ дзе-ні-дзе захаваліся на магільніках і царкоўных пагостах, а таксама калі паселішчаў на засценках і на самых вуліцах. Падчас на палёх трапляюцца невялічкія важэры і тарфяныя балоты, і бярозкамі.

Вошь які, прыблізна, агульны характар Вічынскіх палёў у нашыя часы, аднак, старыя тубільцы яшчэ добра памятаюць, калі тут стаяў непраходны лес, у якім раслі дрэвы розных парод нашага кліматычнага поясу, пачынаючы з елкі і хвой і канчаючы ільям і грабам.

Усю Вічынскую паліну ў паўднёва-ўсходнім напрамку

*). Артыкул гэты з'яўляецца першай часткай працы аб Вічынскіх палінах. Другая частка будзе апублікавана ў адным з наступных зборнікаў.

«печатание очерка началось только летом 1915 г., и дальнейшая судьба этой научной работы неизвестна». Этнограф продолжал интересоваться и археологией, участвовал в раскопках в Вилейке, Крево, Лиде, Сморгони и Троках.

Скорее всего, именно активная научная и экспедиционная деятельность И. А. Сербова привела его к мысли о недостаточности образования. В связи с этим в 1914 г. он принял решение поступать в Витебский филиал Московского археологического института на этнографическое отделение. В отечественной историографии считается, что этнограф закончил Московский археологический институт после Полоцкой учительской гимназии. Однако из его автобиографии, написанной в 1923 г. для отдела кадров БГУ, можно узнать, что он «зачислился в Московский историко-археологический институт на этнографическое отделение» в 1914 г., а «в 1918 г. защитил диссертацию в Московском историко-археологическом институте на тему “Белорусы-сакуны”...». Таким образом, между окончанием учительской гимназии и института прошло более 20 лет.

Летом 1914 г. И. А. Сербов был переведен из Вильно в Троки на должность инспектора высшего начального училища. Во время наступления немецких войск в августе 1915 г. он был вынужден эвакуироваться, после чего «скитался по миру, и, наконец, попал на Украину в Ромны, откуда в ноябре вызван в Могилев и прикомандирован к Управлению ВУОкруга, где пробыл около двух лет...». В этот период Исаак Абрамович подготовил крупный этнографический очерк «Дятловцы-полешуки», в котором описана жизнь Полесья по верховью р. Цны, и передал его для публикации академику А. А. Шахматову в конце 1917 г. Судьба этого сборника неизвестна до сих пор. Также был составлен «Сборник народных песен радимичей», рукопись которого, как в 1923 г. отмечал автор, была в его распоряжении. Тогда же он составил

крупный этнографический очерк «Вичинцы – полевые люди», характеризовавший жизнь Полесья по нижнему течению р. Цны. Этот сборник И. А. Сербову удалось опубликовать только в 1928 г. Этнограф не переставал заниматься археологией, проводил раскопки по р. Ухлясти, где по берегам были «густо расположены славянские селища, городища и могильники...».

В начале 1917 г. Сербова перевели в г. Сольцы (теперь – Новгородская область России) для организации средних школ. Там этнограф встретил и поддержал Февральскую, а затем и Октябрьскую революции. Он активно включился в процессы создания Советского государства: стал членом местного Совета депутатов и его исполкома, был назначен заведующим отделом народного образования г. Сольцы.

В 1918 г. Исаак Абрамович защитил в Московском археологическом институте дипломную работу на тему «Белорусы-сакуны» – на основании своей одноименной опубликованной в 1915 г. книги. А в начале 1919 г. семья Сербовых «вследствие тяжелой нужды и голода» вынуждена была оставить Сольцы и перебраться в более «хлебный» Могилев. Там дипломированный специалист стал работать в губернском отделе народного образования (ГубОНО) – заведующим подотделом охраны памятников искусства и старины, затем – членом коллегии Губнаробраза и заместителем заведующего. В Могилеве он участвовал в организации Центрального музея на базе объединения Губернского и Церковно-археологического музеев.

Летом 1919 г. состоялось новое перемещение семьи Сербовых – в Гомель. Там Исаак Абрамович продолжил работать в сфере народного образования. Он собрал богатую коллекцию старинной бронзы и литья, тканей и шитья, фарфора и стекла, но главное – книг, рукописей, картин и гравюр (в том числе по нумизматике и геральдике). Часть этой коллекции «весом

в 600 пудов при эвакуации Гомеля вывез в Москву...».

В 1920 г. И. А. Сербов был назначен на должность председателя Гомельского губернского комитета по ликвидации безграмотности. Исаак Абрамович отмечал, что он «довольно успешно провел две кампании», а затем «в начале 1921 г., под влиянием поднятой жевли, ушел в Агрослужбазу западных железных дорог». В мае 1922 г. этнограф перешел на должность инструктора-организатора в Губернский союз сельскохозяйственных и кустарно-промышленных кооперативов.

1923 год для исследователя, сменившего ряд служб в качестве советского чиновника, стал знаковым: И. А. Сербов был принят на работу в Белорусский государственный университет в качестве преподавателя по кафедре этнографии. Известно, что 12 мая 1923 г. он написал заявление в канцелярию педагогического факультета БГУ:

«Ученого этнографа
И. А. Сербова

Заявление.

Согласно отношения от 26 апреля сего года, за № 101, представляю при сем свое краткое *curriculum vitae* и копию диплома Московского археологического института.

Представить печатные труды пока не могу, так как в данный момент не имею их на руках, но их можно будет получить оттуда, где они печатались.

Подпись: ученый археолог-этнограф И. Сербов».

Из текста можно узнать адрес проживания семьи Сербовых в Гомеле: ул. Ленина, 17. Заявление 21 сентября 1923 г. поддержала предметная историческая комиссия педагогического факультета во главе с Н. М. Никольским и секретарем А. А. Савичем. Но только 28 ноября 1923 г. за подписью заместителя ректора БГУ С. З. Каценбогена в Главпрофобр была отправлена записка: «...препровождая при сем копии выписок из протоко-

лов заседаний: предметной исторической комиссии от 21 сентября 1923 г., деканата Педфака БГУ от 16 октября 1923 г., своего заседания от 2 ноября 1923 г. и циркуляром вите Исаакя Абрамовича Сербова, Правление БГУ, на основании 35 ст. Пол. о ВУЗах, просит утвердить его в должности преподавателя этнографии России и Белоруссии Педфака БГУ».

С преподаванием этнографии БГУ испытывал определенные трудности (впрочем, это было характерно для многих дисциплин молодого университета). Первоначально планировалось, что кафедре этнографии займет известный российский этнограф с белорусскими корнями Н. А. Янчук. Он активно участвовал в организации университета на подготовительном этапе, по решению Совета БГУ получил должность профессора. Однако в 1921 г. внезапная смерть ученого нарушила планы. Место, предназначавшееся для Янчука, предлагали известному белорусскому этнографу Е. Р. Романову, но тот отказался, сославшись на болезнь и необходимость закончить рукопись «Белорусского сборника».

Исаак Абрамович фактически стал работать в БГУ с мая 1923 г. Из штатного расписания и списков сотрудников БГУ за 1922–1924 гг. можно узнать, что преподаватель И. А. Сербов читал лекционный курс «Этнография России и Белоруссии» (2 часа в неделю) и вел семинарские занятия по этой учебной дисциплине (2 часа в неделю) на историко-экономическом отделении педагогического факультета. По штатному расписанию педфак располагал кафедрой этнографии со ставкой одного профессора. На факультете общественных наук (ФОН) и рабфаке этнография не преподавалась (так, на ФОНе было шесть кафедр по направлению «история и социология», но кафедры этнографии не было).

Кафедра этнографии (как, впрочем, и иные) в первые годы деятельности советской высшей школы несравнима со структурой и кадровым состоянием

современных университетских кафедр. Тогда кафедра обеспечивала преподавание одной, реже – нескольких учебных дисциплин, желательнее профессором, но часто это делал просто компетентный преподаватель. Со временем помимо профессора просеминарии стали вести преподаватель, ассистент и/или научный сотрудник. Последний имел статус современного аспиранта и готовился стать преподавателем университета. В реальности штатное расписание было сложнее и запутаннее, поэтому современные оценки деятельности И. А. Сербова в качестве заведующего или руководителя кафедры этнографии не в полной мере соответствуют нашим представлениям.

В БГУ к концу 1920-х гг. с преподаванием этнографии Беларуси, белорусской культуры стали возникать проблемы. Делались попытки сократить или вовсе запретить дисциплины «белорусоведческого» цикла. Так, 11 июня 1928 г. В. И. Пичета в письме в Наркомпрос БССР сообщил, что проект учебных планов по педагогическому факультету фактически отменяет изучение истории Беларуси и ее культуры: «Удивительным представляется отмена семинарских занятий по этнографии Беларуси, той самой этнографии, которую раньше всего должен знать студент педфака, который работает в деревне. Только тогда, когда он на семинарских занятиях овладеет этими методами сбора и обучения этнографического материала, он сможет стать серьезным работником и краеведом...» В этом же письме ректор БГУ напомнил, что за три года до этого попытки отменить изучение этнографии Беларуси уже делались.

После переезда в Минск И. А. Сербов с семьей проживал на первом этаже двухэтажного дома на перекрестке улиц Подгорной и Красноармейской. Соседями Сербовых была семья кавалеристского командира Рыдецкого (его женой являлась сестра жены А. Г. Червякова). На втором этаже жила семья Всеволода Макаровича Игнатовского и смотритель-

ница Исторического музея, который размещался на территории бывшего Архирейского подворья.

Важное место в научной деятельности И. А. Сербова в 1920-е гг. занимал Институт белорусской культуры (ИБК). Уже 4 июня 1924 г. на одном из заседаний ИБК было принято решение о создании отдельной от природно-географической секции – этнографической – во главе с Исааком Абрамовичем. На этом заседании ему было поручено разработать план и методику сбора этнографического материала. Впоследствии секцию присоединили к историко-археологической комиссии. Однако 30 марта 1925 г. был утвержден новый устав Инбелкульта, в соответствии с которым вновь формировалась отдельная этнографическая секция. В ней Исаак Абрамович уже был не председателем, а секретарем. На общем собрании ИБК 3 июня 1925 г., посвященном открытию этнографической секции, он предложил для обсуждения план работы на год. Общее собрание Института белорусской культуры поручило этнографу разработку годового бюджета секции. В ноябре 1925 г. в этнографической секции вновь произошли перестановки – вместо С. З. Каценбогена председателем был избран С. Л. Гельтман – ректор Коммунистического университета, а его заместителем – М. В. Довнар-Запольский. Секретарем секции остался И. А. Сербов.

В 1926 г. этнографическую секцию Инбелкульта вновь объединили с историко-археологической в общую – социально-историческую, а в 1927 г. выделили в самостоятельную кафедру этнографии во главе с В. Ю. Ластовским. Кафедра включала в себя две комиссии – по изучению быта и по изучению фольклора. И. А. Сербов возглавил первую из них. Такое деление сохранилось и в первый период существования Белорусской академии наук.

Одной из важнейших этнографических задач в структуре деятельности Института белорусской культуры был

сбор полевого материала и предметов для музейных коллекций и выставок. И. А. Сербов активно включился в этот процесс. Одновременно Исаак Абрамович в Инбелкульте занимался также организаторской работой в качестве секретаря, был членом историко-археологической секции, членом ее библиографической комиссии, библиотечной и библиографической комиссии всего Института, научным секретарем комиссии по охране памятников старины, природы и искусства, членом Центрального краеведческого бюро. Параллельно выезжал в археологические и этнографические экспедиции, рецензировал статьи журнала «Наш край», преподавал в БГУ.

Много времени и усилий занимали публичные лекции. Так, из заметки известного краеведа Н. И. Касперовича в газете «Советская Беларусь» можно узнать, что 18 декабря 1923 г. на 23-м очередном заседании Минского общества истории и древностей было запланировано 15 января 1924 г. выступление И. А. Сербова на тему его исследований радимичей. В № 6–7 за 1927 г. журнала «Наш край» из отчетов о работе краеведческих организаций можно узнать, что в краеведческом кружке при Белпедтехникуме «особенно часто заслушивались доклады этнографа Сербова». Можно только представлять, в каком темпе и напряжении работал этот человек. Фактически Исаак Абрамович остался одним из немногих представителей «зрелой волны», или «второго поколения» отечественных этнографов, которые в 1920-е гг. должны были стать лидерами этой науки.

В 1929 г. И. А. Сербов стал научным секретарем кафедры этнографии и фольклора Института истории БАН. В 1934 г. за научные заслуги ему была присуждена степень кандидата исторических наук. Отметим, что в тот же год степень кандидата исторических наук получил и С. А. Токарев, впоследствии известный советский этнограф.

Поражает интенсивность научной деятельности, широта интересов и кругозора И. А. Сербова. В 1933 г. в секции этнографии Института истории БАН он выполнял тему «Обычное право в Белоруссии». В мае того же года им был сделан доклад «Пережитки обычного права в Белоруссии». А в апреле в рамках культурно-массовой работы для рабочих и колхозников этнограф прочитал лекцию «О происхождении мира и человека». С 15 мая по 15 июля 1933 г. он участвовал в комплексной академической экспедиции по этнографическому исследованию Придвинья. В 1936 г. в Институте истории АН БССР Исаак Абрамович занимался плановой темой «Талака в сельскохозяйственном производстве в до-революционное время», а также готовил коллективный труд «Очерки по истории белорусского фольклора» (совместно с Н. М. Никольским, М. Я. Гринблатом и А. Л. Слободецким). В 1937 г. с Н. М. Никольским и М. Я. Гринблатом разрабатывал научные темы: «Сборник белорусских народных песен с мелодиями» и «Крепостничество в фольклоре – сборник материалов (песни, сказки, рассказы)». В 1940 г. И. А. Сербов участвовал в выполнении коллективной темы «Историко-этнографическое изучение современного и прошлого быта, творчества и языка белорусского народа по районам» совместно с академиком Н. М. Никольским и младшими научными работниками Калечиц и Э. В. Голубком. В рамках этого исследования весной 1940 г. была запланирована экспедиция в Туровский и Давид-Городокский районы.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в БССР прошла волна репрессий по обвинениям в «нацдемовщине». Не избежала жертв и белорусская этнография. Были арестованы, а затем и расстреляны Н. И. Касперович, В. Ю. Ластовский, М. В. Мелешко, А. О. Шлюбский. В 1930-е гг. социально-политическая обстановка в БССР стала еще напряженной.

По Дреговичской области лѣтомъ 1912 г.

М. А. Сербова.

I.

Лѣтомъ 1912 г. по порученію Сѣверо-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества я для собиранія матеріаловъ по этнографіи объѣхалъ почти все Полѣсье. Экскурсія моя продолжалась 2 мѣсяца, именно съ 8-го іюня по 12-е августа. Весь путь этой поѣздки въ общемъ составляетъ приблизительно 1800 верстъ, изъ коихъ свыше 1000 сдѣлано на телегѣ и до 800 по желѣзной дорогѣ, на пароходѣ и автомобилѣ. При этомъ записано до 300 словесныхъ народныхъ произведеній: пѣсенъ, сказокъ, загадокъ, поговорокъ, заговоровъ, преданій и легендъ; положено на ноты съ голоса болѣе 80 народныхъ мелодій и наконецъ сдѣлано до 600 фотографическихъ снимковъ.

Я составилъ для своей экскурсіи приблизительно такой маршрутъ: проѣхать по верховьямъ Нѣмана; обогнуть Поля съ сѣвера, востока и юга, черезъ Узду—Грѣскъ—Слуцкъ—Семежево и Ляховичи; продвигаться потомъ на югъ по болотамъ вдоль границы Гродненской губерніи до Загородья и спуститься оттуда на Нижнее Полѣсье, которое можно было бы прорѣзать во всю его длину съ запада на востокъ, придерживаясь этнографической границы Далѣе предполагалъ, если позволить время, обследовать уголъ между Двѣпромъ и Березиной.

Маршрутъ.

II.

Отъ Минска до Чурилова.
окончатся пригоро

Минска по-стакъ, какъ только
шичныя селенія

ЗБОРНІК АРТКУЛАУ

ЭТНОГРАФІЯ, АНТРОПОЛІГІЯ, ПСИХОЛІГІЯ,
ПСИХОЛІНГІКА І НАРАДОВАЯ ОР-
ГАНІЗАЦІЯ ПРАШНА-ГІСТО-
РЫК МАСТАЎТА

ВЫДААННЕ ІНСТЫТУТУ БЕЛАРУСКАЕ КУЛЬТУРЫ
МЕНСК — 1928

Это чувствовалось и в академической, и в преподавательской среде.

В 1930 г. в Минск приехал молодой марксистски настроенный этнограф М. Я. Гринблат, ставший вместо И. А. Сербова научным секретарем кафедры этнографии и фольклора Института истории БАН. В том же году в БССР была опубликована специфическая заполитизированная книга «Наука на службе нацдемовской контрреволюции», в которой критика положения дел в белорусской этнографии прозвучала в отдельной главе. Одним из авторов этого раздела стал М. Я. Гринблат, студент Исаака Абрамовича в БГУ. Абстракции подверглись многие этнографы, в том числе и Исаак Абрамович. По-видимому, из-за критики и подозрений в «нацдемовщине» И. А. Сербов 21 февраля 1933 г. был уволен из Института истории БАН. В протоколе заседания Президиума академии в тот день было рассмотрено множество личных дел ученых. По обвинениям в троцкизме или «недостаточном марксизме» многие были уволены, некоторым объявлены выговоры. В 1935 г. Исаак Абрамович вернулся в Институт истории, в секцию этнографии.

Понять атмосферу, которая господствовала в академической среде, помогает документ без названия из фондов Института истории АН БССР за 1936 г. В нем даны политические характеристики всем сотрудникам этого Института. Об И. А. Сербове написано: «Специалист по этнографии с большим стажем. Некоторое время работал в институте экономики. В его работе в институте пока еще не чувствуется особая плодотворность. По общественной линии нагрузку, которая дается, выполняет. В политических отношениях необходима проверка. Его научная продукция, по причине отсутствия подготовки в области марксистско-ленинской методологии, является низко-качественной, хотя знания в своей области имеет большие...» Для сравнения, М. Я. Гринблат получил абсолютно

иную характеристику: «Является ценным и серьезным работником в области этнографии. Им закончено составление сборника по советскому фольклору. В настоящее время работает над темой “Очерки истории белорусского фольклора”. В общественно-культурной жизни проявляет активность. В смысле политической благонадежности т. Гринблат не вызывает сомнений».

Тем не менее можно предположить, что между И. А. Сербовым и М. Я. Гринблатом присутствовали товарищеские отношения. Вероятно, это связано с жизненным опытом мудрого человека. Или же Исаак Абрамович понимал, что критика в 1930-е гг. не всегда была вызвана реальными недостатками. Сохранение выдержки даже в самой непростой ситуации – стратегия выживания для некоторых. Ученик и учитель вместе работали в секции этнографии АН БССР.

В эвакуации И. А. Сербов переписывался с М. Я. Гринблатом, а уже после войны, в годовщину 15-летия со дня смерти этнографа, в 1958 г., именно Моисей Яковлевич написал статью о коллеге, пронизанную позитивными коннотациями.

В личном фонде М. Я. Гринבלата сохранилось несколько писем И. А. Сербова из эвакуации (из Тамбова). Они четко передают последние годы жизни этнографа. Первое письмо было отправлено 18 июня 1942 г.:

«Дорогой Михаил Яковлевич!

Вот уже кончается год, как мы с Вами вынуждены были пуститься в бродяги. Не знаю как Вы сумели выбраться из Минска в момент его разрушения, но мне со своей больной старухой пришлось перенести много тяжелых испытаний. 25 июня, когда мы находились на Комаровке в здании Академии наук, привокзальный квартал сгорел от зажигательных бомб немецких фашистов – гордых варваров XX ст. В этом пожаре сгорела и наша квартира положительно со всем нашим домашним имуществом, а главное

со всеми моими материалами научно-исследовательского назначения. Таким образом, по воле озверелых фашистов мы, т. е. я и жена, имея на своем горбу 70 лет, в одно мгновение потеряли все и попали в волну беженцев или просто-напросто бродяг и нищих. Я 25 июня последним покинул Академию, простился с ней, закрыл дверь со стороны убежища и вместе со своей большой старухой потянулся по шоссе на магистралу Минск – Москва, влившись в поток людей, обратившихся в стадное состояние. Так мы пешком кое-как пробрались в Колодищи, затем на Смолевичи и наконец в Борисов под усиленной немецкой бомбежкой. В дальнейшем пути с эшелонам беженцев мы через Оршу и Смоленск пробрались в Рославль, где думали найти временное пристанище у своих родственников. Но здесь тоже не удалось нам задержаться: уполномоченный Западного фронта приказал эвакуировать город. Поэтому нас 15 июля эшелонам направили дальше... и затем выгрузили в Тамбовской области. Отсюда меня 28 июля перебросили в Тамбов, где я после некоторых затруднений подыскал себе работу в музее. Причем я работал бесплатно, исключительно за право покупать кусок хлеба в местном музее.

С 1 сентября я устроился преподавателем пединститута и учительского института, где получил в общежитии комнату с небольшой обстановкой и двумя кроватями, разумеется, за плату наравне с другими преподавателями.

В первой половине учебного года я имел небольшую нагрузку – исключительно по русскому фольклору, а потом добавили мне древнюю литературу и литературу XVIII в., что составило для меня полную нагрузку.

Кроме того, я взял на себя разработку темы “Героика Великой Отечественной войны” 1941–1942 гг., по материалам народного творчества.

Каким-то чудом я перенес холодную осень и лютую зиму при 40 градусных мо-

розах без теплой одежды и т. д., притом здания у нас почти не отапливались, так как местный гортоп не имел возможности справиться со своими задачами. Не знаю, как мне удастся подготовиться к следующей зиме – где и как достать какое-либо теплое пальтишко или кожаную – просто не придумую.

Недавно по вызову был в Москве, но виделся там лишь с академиком Лубяко В. Н. и новым секретарем Академии наук Щемпелем В. И., от которых не получил никаких определенных указаний или распоряжений.

У меня к Вам просьба: узнайте, пожалуйста, как мне получить новые книжки в нашей государственной сберкассе на мои вклады, которые у меня имелись в Минской сберкассе № 6 – книжка осталась в Минске, в академии наук в моем столе. Напишите мне о своих перспективах по адресу: Тамбов, Ленинградская, № 1, комната 8. С приветом, Ваш И. Сербов. Михаил Яковлевич, не поленились написать мне».

Второе письмо датировано 30 июля 1942 г.:

«Дорогой Михаил Яковлевич!

Нечто просто роковое тяготеет над нашей перепиской. С получением Вашей первой весточки 16 июня ко мне я немедленно ответил Вам заказным письмом и, не дождавшись ответа, повторил простым закрытым письмом. Вчера получил от Вас вторую открытку, из которой видно, что Вы до сих пор почему-то не получили моих посланий. Я сверил Ваш адрес, данный мне т. Щемпелем, причем оказалось, что № дома у Щемпеля записан 48, а в действительности этот дом имеет № 38. Но ведь в распоряжении почты имеется адресный стол, притом Спартаковская улица показана верно. Значит письма должны были попасть Вам, особенно заказные. Михаил Яковлевич, разыщите как-нибудь мои письма Вам и напишите мне о своем житье-бытье. Ваш И. Сербов».

Третье письмо имело дату 10 августа 1942 г.:

«Дорогой Михаил Яковлевич!

Вчера получил Ваше ко мне послание, которое с величайшим вниманием прочел несколько раз от начала до конца. Значит нам уже пришлось перенести много тяжелых испытаний, но что еще готовит нам день грядущий – мы пока не знаем. Озверелые проклятые фашисты не унимаются и продолжают совершать свои чудовищные злодеяния, в общей сложности бесподобные в истории человечества.

Вы покинули Минск сравнительно рано и вероятно не видели ужасной потрясающей картины гибели его 24–25 июня, когда большой столичный город под немецкой фашистской бомбежкой с треском разрушался, горел и представлял собой море огня при довольно сильном ветре. Пробраться из Академии наук по Пушкинской и Советской улице, т. е. с левой на правую сторону реки, уже невозможно было. Поэтому я в компании с Поликарповичем и другими товарищами ночью с 24 на 25 июня пробрался из Академии кружным путем на Сторожевку и по Старовиленской ул. на Нижний рынок, где простился с товарищами навсегда и пошел в одиночку бродить по городу среди развалин, пожарниц, общих смятений, проклятий, горя и слез несчастных людей. Каждый стремился как-либо выбраться из этого ада. Толпы народа тянулись из пылающего города по различным направлениям.

Я поднялся на площадь Свободы, прошел по разрушенным улицам и думал заглянуть к себе на квартиру возле вокзальной площади. Но здесь меня остановили патрульные сторожа, проверили документы и направили по Свердловскому проспекту в обратный путь. Я вышел на Володарскую и по трамвайной линии спустился на историческую Немигу посмотреть на ее памятники X–XI столетий. Отсюда я снова пробрался на Сторожевку и перед рассветом возвра-

тился на усадьбу Академии наук. Здесь на дворе я видел большую толпу наших работников, которые покинули убежище и втихомолку выходили на шоссе Минск – Москва, чтобы до полного рассвета пробраться в лес и скрываться там от немецко-фашистских налетов. Кто-то из толпы уходящих крикнул мне, что Академия наук закрыта на замок за исключением убежища, где осталась только моя старуха в ожидании меня. Действительно, в убежище я кое-как в темноте разыскал свою больную старуху и вывел ее во двор, на свежий воздух. Я смертельно устал, но все же отдыхать было нельзя, так как в воздухе загудели немецко-фашистские бомбардировщики. Мы заперли дверь убежища, простились с Академией наук и помаленьку прошли в Ботанический сад Академии, где над выжившими деревьями на лоне природы чувствовалось как-то свободнее. Так мы с передышками потянулись бродягами на северо-восток, о чем я уже писал Вам в первом письме.

Теперь вкратце сообщу Вам, что я видел в Минске в ночь с 24 на 25 июня. Немцы сознательно и систематически уничтожали нашу столицу Минск, имея под руками общедоступный план города, с обозначением его улиц, площадей, парков и садов, отдельных кварталов, зданий для жилищных и культурных назначений и тому подобных сооружений. Поэтому немецкие каннибалы XX ст., вооруженные истребительной техникой новейшего типа, громили открытый мирный Минск на выбор по кварталам, наиболее ценным в историческом или культурном отношении. Так, например, они разбомбили почти все наши культурные учреждения: театры, клубы, библиотеки, школы, научно-исследовательские институты, лаборатории, музеи, поликлиники, гостиницы и т. д. Ярким зловещим пламенем горели кварталы на Троицкой горе и Сторожевке, на Золотой горке и Новом рынке / Советская, Долгобродская, Госпитальная,

Красноармейская, Кировская и др. улицы. Горели также улицы Комсомольская, Интернациональная, Революционная, Немиговская и др. Трудно представить отдельные здания, разрушенные и погибшие в огне. На улицах валялось много трупов погибших людей, мужчин, женщин и детей, а что было под развалинами горевших зданий – неизвестно. Вот в каком тяжелом настроении я покинул г. Минск и пошел на старости своих лет полунищим бродягой искать себе приют в далеких краях, имея на руках беспомощную жену-старуху, перенесшую кровоизлияние в мозг.

Кто из наших академических работников остался в Минске – пока не знаю. Голубок (младший научный сотрудник секции этнографии и фольклора Института истории. – Авт.) был в толпе уходящих из академического убежища перед рассветом 25 июня, но куда он направился – не знаю. Федосеева с матерью я видел среди беженцев, которые направились на Могилев и далее на восток. В г. Рославле я случайно встретился с Никифоровым, который говорил, что будто бы он 27 июня проходил через Минск, где вместе с женщиной Блюдоху проник в здание Академии, вскрыл шкафы в бухгалтерии и забрал там все, что можно было спасти. Якуба видел под Смоленском в эшелоне беженцев. По слухам в Минске почему-то задержался Никольский и Махнач, хотя этим слухам я не верю. Никольский мог выбраться из Минска вместе со своим старым другом и соседом по квартире Перцевым, а Махнач был далеко на фронте и не мог пробраться в Минск, чтобы там задержаться до прихода немцев.

Намерение развернуть работу Академии наук на пустом месте и с пустыми руками – едва ли возможно выполнить. Трудно даже подыскать город, который согласился бы разместить у себя временно громоздкое учреждение, Ака-

демия наук. Если бы сформировался деловой Президиум Академии наук, тогда можно было бы выдвигать и выполнять некоторые темы оборонного назначения. Вот Вы сами видите, как трудно разрабатывать фольклорную тему без соответствующих искомым материалов на белорусском языке в Татарию. Помоему, лучше сейчас же выпускать просто монографии о Белоруссии на русском и английском языках, т. к. этим сильно интересуются наши союзники. Между прочим, в газетах промелькнули заметки, что немецкие фальсификаторы выдвигают чисто нацидемовские теории о том, будто бы белоруссы не имеют этнических связей с русскими. Следовало бы сейчас же бить по морде этих фальсификаторов историко-этнографическими материалами...

Гос. сберкаска БССР не в Москве, а в Казани, узнайте там и напишите мне. Сердечный привет всем Вам».

Последнее письмо пришло М. Я. Гринблату в конце января или позднее:

«Простите, уважаемый товарищ Гринблат.

Забыла Ваше имя отчество. Очень прошу Вас возможно скорее сообщить мне точный адрес АН БССР. Я в настоящее время живу в Тамбове одна: муж мой И. А. после тяжелой болезни умер 21 января 1943 г., и я осталась без всяких средств, хочу написать в АН БССР. Простите за беспокойство.

С приветом А. П. Сербова».

Исаак Абрамович Сербов – крупнейший белорусский этнограф первой половины XX в. Без осмысления его творчества и жизнедеятельности невозможно полное понимание развития отечественной этнографии. Его работы и научная деятельность значительно повлияли на развитие не только этнографии, но и всей гуманитарной науки Беларуси.

Степан Артурович Захаркевич

**Основатель в Беларуси
научной школы педагогики
и психологии**

Профессор БГУ

**Иван Михайлович
СОЛОВЬЁВ**

23.06.1878 – ???.1954

***И**ван Михайлович Соловьёв – русский и советский педагог. Разрабатывал проблемы истории педагогики и народного образования, экспериментальной педагогики, организации школьного дела. Участвовал в работе исследовательских коллективов русских педагогов, которые занимались всесторонним изучением ребенка.*

Получил историко-филологическое образование в Московском государственном университете. Богатый опыт преподавания и исследовательской работы И. М. Соловьёв приобрел еще в дореволюционный период, а с победой революции 1917 г. включился в процесс создания советской системы образования и педагогической науки. Он принимал активное участие в организации Центрального педологического института в Москве, где занимал должность постоянного научного сотрудника. С 1921/22 по 1923/24 учебный год И. М. Соловьёв работал в Белорусском государственном университете в должности профессора кафедры теории и истории педагогики и первым начал преподавать дисциплины психолого-педагогического цикла.

Доктор педагогических наук, профессор И. М. Соловьёв стоял у истоков формирования белорусской педагогики высшей школы. Его научные исследования в области детского литературного творчества актуальны и в начале XXI в.

Иван Михайлович Соловьёв родился 23 июня 1878 г. в семье судебного следователя г. Костромы. В 1897 г. он окончил с золотой медалью полный курс Костромской мужской гимназии. В том же году юноша поступил на историко-филологический факультет Императорского Московского университета. Сферой его интересов являлась всеобщая и новая русская литература, а тема кандидатского сочинения была посвящена Н. В. Гоголю – «Гоголь в критике Белинского». В студенческие годы И. М. Соловьёв увлекся изучением психологии, передовыми педагогическими идеями. На его взгляды и дальнейший выбор профессиональной деятельности огромное влияние оказал профессор Николай Яковлевич Грот – известный российский психолог, один из основателей экспериментальной психологии, редактор журнала «Вопросы философии и психологии».

Наиболее характерной чертой развития образования в конце XIX – начале XX в. было использование концепций и обобщений психологии. В данный исторический период зарождалась экспериментальная педагогика, представлявшая собой альтернативу господствовавшей в то время традиционной модели образовательного процесса. Для педагогических концепций воспитания и обучения в рамках традиционной модели были характерны жесткое управление педагогическим процессом, первостепенная роль учителя, чрезмерный интеллектуализм образования, лишение учащихся самостоятельности. Сторонников экспериментальной педагогики, напротив, отличали бережное отношение к ребенку, его интересам, потребностям; ориентация на особенности восприятия, памяти, психофизиологические возможности детей разного возраста; стремление сделать предметом внимания и раскрыть индивидуальные, творческие и коммуникативные способности ребенка. Представители экспериментальной педагогики считали, что для построения образова-

Кострома. Классическая гимназия.
Начало XX в.

тельного процесса необходимо накопить и осмыслить знания о человеке и природе, позволяющие установить принципы и условия эффективного воспитания.

Горячим сторонником и последователем этих идей стал выпускник Московского университета И. М. Соловьёв, принявший решение посвятить их реализации свою жизнь. После окончания университета он в 1902–1905 гг. преподавал в средних учебных заведениях Екатеринославля (он не раз мог общаться с В. И. Пичетой, который также после окончания Московского университета там работал). Свой интерес к экспериментальной психологии и педагогике

Московский университет.
Первая половина XX в.

Иван Михайлович Соловьёв

Иван Михайлович реализовывал в местном научном обществе по экспериментальной педагогике. В 1904 г. он опубликовал доклады «Применение методов экспериментальной психологии к вопросам школьного обучения», «О врожденных реакциях у детей», «Ст. Холл и его научно-педагогическая деятельность».

В 1905 г. И. М. Соловьёв переехал в Москву, где начал преподавать педагогику и психологию в женских гимназиях и Николаевском сиротском институте. В 1906–1917 гг. он активно участвовал в российском общественно-педагогическом движении, присутствовал на всех всероссийских съездах по вопросам педагогической психологии (1906–1909) и экспериментальной педагогики (1910–1916). На общественных началах состоял членом организаций: Педагогического общества при Московском университете, педагогической секции Технического общества, Общества экспериментальной психологии, Союза деятелей средней школы.

Педагогическое общество было образовано в 1897 г. в целях научной разработки вопросов педагогики и дидактики, а также подготовки профессиональных педагогов в России. В его задачи входили как вопросы, связанные со школьной ре-

формой, так и проблемы педагогической теории. Помимо исследовательской деятельности и дискуссий члены общества устраивали образовательные экскурсии для московских и иногородних учителей, консультировали и подбирали литературу для их самообразования. Большую работу вела комиссия по устройству лекций для школьников – по русской и всеобщей истории, литературе, живописи, музыке, физике, химии, естествознанию. Сотрудники отделения по семейному воспитанию организовывали детские праздники, экскурсии, чтения для детей, рецензировали детскую литературу, а также наладили систематическую пропаганду педагогических знаний среди родителей. В целом деятельность общества оказала знаковое влияние на распространение прогрессивных взглядов среди учителей и родителей, на включение в университетские программы обязательного цикла психолого-педагогических дисциплин. В 1908–1912 гг. Иван Михайлович принимал участие в работе психологической лаборатории Московского педагогического собрания в качестве научного сотрудника под руководством профессора А. Н. Бернштейна – одного из организаторов российского психоаналитического движения.

После переезда в Москву И. М. Соловьёв опубликовал ряд статей в журнале «Вестник воспитания», часть которых отражала результаты его экспериментальных исследований (например, «Об изучении литературного творчества у детей» (1911), «Школьные сочинения с точки зрения самих учащихся» (1913) и др.). В сферу интересов исследователя и практика-педагога входило и изучение истории русских университетов. В 1913 г. он написал статьи «Университетский вопрос в России», «Итоги общественной мысли в разрешении университетского вопроса», «Наш первый университет (памяти М. В. Ломоносова)». В 1914 г. в серии «Культурно-историческая библиотека» под редакцией исторической комиссии

Николаевский сиротский институт, в котором преподавал И. М. Соловьёв. Начало XX в.

учебного отдела Общества распространения технических знаний вышел первый выпуск серии «Российские университеты в их уставах и воспоминаниях современников». Его составителем был И. М. Соловьёв. Для сборника он написал очерк «Судьбы русских университетов (1755–1855)».

Как филолог И. М. Соловьёв понимал мощное воздействие художественной литературы на развитие ребенка, его нравственное воспитание, поэтому много внимания уделял изучению педагогических взглядов русских писателей: Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др. Он пропагандировал свои новаторские идеи среди слушателей Высших женских педагогических курсов, где читал лекции по педагогике и детской литературе, а также в Московском народном университете им. А. Л. Шанявского, в котором читал лекции по вопросам организации школьного дела.

И. М. Соловьёв интересовался историей зарубежной и русской педагогики, историей развития образования. Он был постоянным автором Энциклопедического словаря братьев Гранат, для которого написал статьи о выдающихся педагогах Н. А. Корфе, Н. И. Пирогове, К. Д. Ушинском, М. Монтессори и др. Иван Михайлович владел немецким, французским и английским языками, поэтому изучал труды передовых зарубежных психологов и педагогов в оригинале. Он принимал участие в издании и переводе на русский язык книги французского психолога Ф. Кейра «Детские игры. Исследование о творческом воображении у детей» (1908) и швейцарского педагога М. Монтессори «Метод научной педагогики в домах ребенка» (1912).

Как и многие интеллигенты «старого толка», И. М. Соловьёв положительно воспринял Октябрьскую революцию и стал сотрудничать с новой властью, предоставившей ему возможность реализоваться в науке. В 1921 г. в Москве открылся Центральный педологический

Обложка Энциклопедического словаря братьев Гранат, постоянным автором которого являлся И. М. Соловьёв

институт, задачей которого выступало систематическое изучение ребенка с позиций психологии, антропологии, медицины и педагогики в целях правильного влияния на его развитие и воспитание. Опытный педагог и ученый принимал активное участие в организации института, стал его постоянным научным сотрудником и возглавил работу одной из двух секций этого учреждения – педагогической. Институт разместился в двух зданиях – на Большой Бронной (дом № 8) и Остоженке (дом № 53). При нем 23 августа 1921 г. открылись Первые педологические курсы, поставившие своей задачей подготовку педологов-исследователей и психологов-консультантов. На курсах работали известные в России специалисты в области психологии и педагогики, поэтому неудивительно, что желавших заниматься было в три раза больше, чем мог принять преподавательский состав. Иван Михайлович преподавал там основы социальной педагогики.

Будучи руководителем педагогической секции института, И. М. Соловьёв координировал работу пяти комиссий. Комиссия по вопросам социального воспитания и самоуправления разраба-

тивала теорию и практику социальной психологии и педагогики, методологию изучения социальной жизни, изучала историю идей социального воспитания. Комиссия по учету школьной работы вырабатывала методы учета с точки зрения успехов ученика и продуктивности всего школьного коллектива. Комиссия по обследованию современного учителя начала собирать сведения о жизни и работе учителей в провинции. Комиссия по педагогическому обследованию учебного плана развернула деятельность по пересмотру учебных планов с точки зрения новейших достижений педологии. Целью комиссии по дошкольному воспитанию являлась научная разработка вопросов воспитания детей дошкольного возраста. Чтобы заинтересовать своей деятельностью учителей, научные сотрудники педагогической секции организовывали публичные конференции. Как и сотрудники психологической секции, они консультировали работников в области педологии и педагогики, приезжавших в Москву, в Центральный педологический институт, за помощью и указаниями.

Одновременно И. М. Соловьёв преподавал педагогику в 1-м Московском педагогическом техникуме. В этот пери-

од он уделял много внимания изучению проблем детского творчества. В ряде сборников педагогических трудов были опубликованы его статьи: «Детское творчество в истолковании художественного слова» (сборник «Детское творчество», 1924); «О методе систематических групповых показаний в изучении проблем детского чтения», «Читательский опыт одаренных детей» (сборник «Книга и ребенок», 1924); «Программы по сборанию и изучению продуктов детского словесного творчества» (книги «Как собирать продукты детского творчества» и «Пути изучения детского творчества», 1924); «Чехов как педагог» (сборник в честь 40-летия научной деятельности профессора Г. И. Россолимо, 1925).

Став приверженцем экспериментальной психологии и педагогики, И. М. Соловьёв проявил себя как талантливый педагог-практик и исследователь истории педагогических идей с широким диапазоном научных интересов. Не случайно в 1919 г. ему поступило предложение влиться в состав формировавшегося преподавательского коллектива БГУ. Сыграло свою роль и то, что будущий первый ректор БГУ В. И. Пичета знал Ивана Михайловича со времен совместной учебы на историко-филологическом факультете МГУ. После окончания университета оба преподавали в учебных заведениях Екатеринославля, не прерывали дружбы и после переезда в 1905 г. в Москву. Оба входили в авторский коллектив энциклопедии братьев Гранат. Владимир Иванович, который стремился обеспечить университет научными кадрами, хорошо знал и разделял передовые педагогические взгляды коллеги, поэтому и пригласил его на работу в БГУ. Иван Михайлович в числе первых ученых откликнулся на это приглашение.

Рекомендацию для работы в университете И. М. Соловьёву дал известный советский педагог П. П. Блонский. В ней он писал, что статьи Соловьёва на психолого-педагогические темы, выступления

Улица Б. Бронная в Москве, на которой размещался Центральный педологический институт

на всероссийских съездах по экспериментальной психологии и педагогике свидетельствуют о его серьезном знании психолого-педагогических дисциплин, а преподавательская деятельность на Высших женских педагогических курсах – о таланте преподавателя. Рассмотрев рекомендацию, жюри по замещению кафедр факультета общественных наук при БГУ 22 мая 1919 г. приняло решение считать И. М. Соловьёва возможным кандидатом на кафедру психологии и совместителем по кафедре педагогики.

В августе 1921 г. И. М. Соловьёва в числе первых профессоров БГУ утвердили в должности профессора по кафедре теории и истории педагогики университета. В первом учебном 1921/22 году ему предложили читать лекции по психологии – в качестве преподавателя-совместителя – на 1-м курсе социально-исторического и этнолого-лингвистического отделений факультета общественных наук. Кроме того, Иван Михайлович проводил семинарий по изучению памяти, на котором занималось 32 человека, и просеминарий по психологии – для 103 студентов.

И. М. Соловьёв сразу же включился в деятельность Научного общества при БГУ. В его составе в 1920-е гг. действовали семь секций, в том числе и педагогическая. Правление общества обращало особое внимание на популяризацию не только научной мысли, но и вопросов, связанных с новациями в методике преподавания. Так, совместно с работниками образования республики проводились обсуждения «дальтоновских методов» в проведении занятий с учениками и студентами. И. М. Соловьёв представил на заседаниях общества доклады по истории педагогики («Достоевский как педолог», «Белинский как воспитатель поколений», «Художественные принципы в творчестве Достоевского») и по экспериментальной педагогике («К психологии современного школьника», «О роли учителя в школе в связи с Дальтон-планом», «Учет успеш-

ности в школе»). На открытом заседании педагогической секции 25 февраля 1923 г. он выступил с докладом о психоневрологическом съезде в Москве.

Не оставался И. М. Соловьёв в стороне и от строительства советской общеобразовательной школы. В 1922–1924 гг. он опубликовал ряд статей в журналах «Вестник Народного Комиссариата просвещения С.С.Р.Б.» и «Асьвета» о работе учителя в единой трудовой школе. Учитель, по его мнению, должен не транслировать знания, а организовывать учебную и общественную жизнь детей, видеть в ученике личность, способную к самостоятельной творческой деятельности. В статьях разъяснялась сущность нового для учителей комплексного метода обучения, задачами которого выступали интеграция знаний, развитие мышления учащихся, включение их в практическую деятельность. Новые методы обучения требовали и новых методов учета школьной работы. Иван Михайлович рассматривал их не с формальных позиций (выставление определенного количества баллов в классный журнал), а как способ самоконтроля ученика, учителя и педагогического коллектива, осуществляемого в определенных формах. Педагогические взгляды автора созвучны таким современным гуманистическим теориям, как педагогика сотрудничества, личностно ориентированное обучение.

Предметом научных исследований И. М. Соловьёва были и проблемы советской единой трудовой школы. В «Трудах БГУ» в 1922–1923 гг. напечатали статьи Ивана Михайловича «Школоведение как предмет науки» и «Школа и задачи научной педагогики». Рецензент статьи «Школа и задачи научной педагогики» Н. А. Байков отмечал, что она «ценна как изложение тех выводов об основах, методах и задачах научной педагогики, к которым пришла педагогическая мысль по пути своего развития. Автор признает главным фундаментом педагогики педологию – науку о ребенке, собственно

педагогическим методом – метод биогенетический, центральными педагогическими проблемами – проблеме личности и проблеме одаренности».

Согласившись на профессорскую должность в БГУ, И. М. Соловьёв бывал в Минске наездами, продолжая работать в Центральном педологическом институте в Москве. Как правило, московские профессора выезжали в Минск в субботу и возвращались обратно в среду, т. е. преподавали в БГУ по 10 дней в месяц. Недельная лекционная нагрузка приезжавшего профессора составляла 8 часов. Когда Ивана Михайловича не было в Минске, его заменяли коллеги. Например, в сентябре 1922 г. зачеты по психологии вместо профессора принимали ассистент Р. А. Розеноер-Вольфсон и научный сотрудник кафедры В. В. Перебилло. В свою очередь, профессор поддерживал молодых коллег. Весной 1923 г. он инструктировал В. В. Перебилло, отправлявшегося летом в Москву для изучения работы опытно-показательных школ, и Р. А. Розеноер-Вольфсон, уезжавшую в летнюю командировку для изучения опыта организации показательных детских садов.

Находясь в Минске, И. М. Соловьёв взял на себя выполнение крайне важной внеаудиторной работы: во-первых, он участвовал в составлении учебных планов университета; во-вторых, работал в составе философской предметной комиссии, а позже – педагогическо-методической предметной комиссии БГУ. В 1920-е гг. сердцем университета являлись не кафедры (они как организационная структура были утверждены позднее), а предметные комиссии. По поручению философской предметной комиссии в ноябре 1921 г. Иван Михайлович вступил в переписку с российскими университетами, учеными обществами, научными институтами и частными лицами по вопросу пополнения университетской библиотеки литературой. В 1921 г. кабинеты философии и психологии из-за отсутствия книг находились в катастро-

фическом положении. Университетская библиотека не могла спасти ситуацию, поскольку библиотечная комиссия БГУ приняла решение о преимущественных закупках книг по истории и литературе – в ущерб философскому отделу с психологией и педагогикой.

В марте 1923 г. философская предметная комиссия поручила профессору И. М. Соловьёву подготовить докладную записку и ходатайствовать перед минскими органами управления образованием о признании одной из школ и одного из дошкольных учреждений города показательными учреждениями при кафедре педагогики БГУ.

По поручению университетского руководства профессор курировал создание предметных кабинетов. В ноябре 1921 г. он вплотную занялся организацией кабинета по экспериментальной психологии и педагогике: пытался заказать приборы за границей, а также закупить их в мастерской Московского психологического института, однако денег не хватало. На заседании деканата факультета общественных наук в июне 1922 г. Иван Михайлович предложил преподавателям платно читать публичные лекции, сбор от которых должен был поступать на оборудование кабинета. Деканат постановил «признать организацию чтения лекций очень желательной и приступить к организации в начале 1922/23 академического года». В мае 1923 г. Иван Михайлович просил профессора-медика М. Б. Кроля, отправлявшегося в заграничную командировку, сделать заодно закупки для кабинета психологии и педагогики. В сентябре для приобретения приборов и пособий для кабинета он отправил ассистента кафедры Р. А. Розеноер-Вольфсон в Москву.

И. М. Соловьёв в БГУ занимался и общественной работой. Так, в октябре 1921 г. он вошел в состав комиссии, устраивавшей собрания с чтением докладов, приуроченные к юбилеям Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, А. Данте. Важно

Департамент Педагогического факультета
Белорусского Государственного Универс
ситета

20/10/24
19/10/24

Заблуждение профессора педагогика Ивана Михайловича Соловьева.

Получив 19 октября 1924 г. выписку из протокола заседания деканата от 15 октября о недостоверности шкела профессора Иванова, спекулирующего деканатом, что в представлении академической комиссии о возможности этой работы, так как для научной работы по историческому развитию образования и в частности его состоянию в России и за границей не содержится.

В завед. Прел. 524 от 14 окт. 1924,

Постановили:

10) Списать проф. педагогика И. М. Иванова в подполномоченный по научной части без содержания.

Верно:

Зел. об. *Соловьев*

УДОСТОВЕРЕНИЕ. *Копия*

3160
19/10/24

Прямо на Белорусского Государственного Университета удостоверяет, что профессор Бел. Гос. Ун-та по кафедре Теории и Истории Педагогика, Иван Михайлович СОЛОВЬЕВ, был утвержден Государственным Ученым Советом Профессором Бел. Гос. Университета в Августе 1921 года, что подлинным и приложением печати удостоверяется. -

И. П. ДЕКАН БГУ, профессор

/ В. Мещеряков /

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ

/ Серко /

ДЕЛОПРОВОДИТЕЛЬ

Щиба

было предложить коллегам выступать на подобных собраниях с научными докладами. Первые годы деятельности БГУ как раз и отмечены проведением подобных торжественных научно-юбилейных собраний, которые имели большое значение для приобщения не только студентов, но и минчан в целом к культуре. В феврале 1924 г. Иван Михайлович вместе с ректором В. И. Пичетой и заместителем декана педфака профессором Н. М. Никольским вошел в состав комиссии при Народном комиссариате просвещения, выработавшей проект реформы педагогических факультетов вузов. В БГУ, на педфаке, Ивана Михайловича включили в комиссию, организованную из профессоров и студентов для подготовки материалов по предстоявшей реформе.

Со временем выросла и учебная нагрузка профессора. В 1922/23 учебном году он читал уже четыре дисциплины: «Педагогическую психологию с основами педагогики» на 2–3-м курсах, «Историю педагогики» на 1–2-м курсах, «Педагогическую психологию» на 2–3-м курсах, «Историю образования в России» на 3-м курсе социально-исторического и этнолого-лингвистического отделений. В следующем учебном году Иван Михайлович читал лекции на педагогическом факультете по истории педагогики – на 1–2-м курсах, по педагогической психологии – на 2-м курсе, по педагогической психологии с основами дидактики – на 3-м курсе, а также по истории образования в России. Как и другие преподаватели БГУ, И. М. Соловьёв должен был составлять учебные программы по читаемым дисциплинам. Еще в ноябре 1921 г. философская предметная комиссия утвердила его авторскую программу по психологии. В Национальном архиве Республики Беларусь сохранились тексты программ, написанные рукой Ивана Михайловича, по таким курсам, как «Педагогическая психология с общей педагогикой» и «История народного образования в России».

В 1922 г. администрация БГУ попыталась убедить И. М. Соловьёва переехать на постоянное место жительства в Минск. В июле 1924 г. с аналогичной просьбой к руководству университета обратился деканат педагогического факультета. Соответствующую рекомендацию Правлению БГУ дало Главное управление профессионального образования Наркомпроса ССРБ. В результате члены Правления приняли постановление о необходимости перехода Ивана Михайловича до начала 1924/25 учебного года на постоянное место работы в университет. 15 сентября 1924 г. профессор сообщил, что не сможет этого сделать по причине необходимости регулярной исследовательской работы в московских архивах, библиотеках и в лаборатории по экспериментальной педагогике (в Минске таких условий не было). Однако он выражал надежду, что ему все же предоставят возможность сотрудничать с БГУ и читать какой-нибудь специальный курс по организации школьного дела. Правление БГУ приняло компромиссное решение – предоставить профессору годичный отпуск для научной работы без содержания.

Так как по истечении года согласие на переезд из Москвы в Минск И. М. Соловьёв не дал, его сотрудничество с БГУ прекратилось. В 1924/25 учебном году В. И. Пичета пригласил в Минск в качестве профессора психологии и педагогики С. М. Василейского – ученого-психолога, внесшего значительный вклад в советское психотехническое движение.

И. М. Соловьёв продолжил свою деятельность в педагогических научно-исследовательских учреждениях Москвы. Исходя из целей построения новой школы, советская педагогика провозгласила следующие принципы организации учебно-воспитательного процесса: связь с жизнью, практикой социалистического строительства, творческий характер учебного процесса, развитие самостоятельности учащихся в процессе обучения. В 1923 г. в практику школы были

введены комплексные программы Главного ученого совета, призванные устранить один из самых существенных недостатков старой школы – отрыв обучения от жизни, изолированность учебных предметов друг от друга. Программы предусматривали введение вместо учебных дисциплин комплексов по трем направлениям: природа, труд, общество. Они требовали новой системы обучения, при которой несколько элементарных предметов преподавались связно, а весь учебный материал собирался вокруг одной темы и служил решению единой задачи. Комплексная система преподавания являлась прямой противоположностью предметной системы. При комплексной системе расположения материала основу обучения составляло изучение тех или иных предметов, объектов, явлений и вопросов реальной жизни, рассматриваемых одновременно с различных сторон. Весь учебный материал группировался вокруг комплексов «Человек», «Природа», «Общество». В процессе изучения любого вопроса привлекались материалы из тех дисциплин, которые подходили по содержанию. Материал распределялся по небольшому числу тем, которые занимались из бытовой или профессиональной области интересов ученика. В центре педагогического процесса стояла трудовая деятельность, которую авторы программ рассматривали как взаимодействие человека с природой. «Система знаний, а не система предметов» – так звучал главный принцип новых программ.

Данные программы вызвали широкую дискуссию в печати – и среди теоретиков, и среди практиков образования. Советские педагоги 1920-х гг. приняли важнейшие теоретические положения о всестороннем развитии личности, о связи обучения с трудом, школы – с жизнью, о соотношении науки и учебного предмета. Однако попытки наполнить эти положения конкретным педагогическим содержанием и отразить их в учебных планах,

программах и учебниках не всегда имели удачные результаты. Большинство учителей не владели методами и формами комплексных занятий. Из-за «кризиса комплексного метода» к 1927/28 учебному году программы были усовершенствованы.

Проблема освоения учителями комплексных программ обучения волновала и И. М. Соловьёва. Введение нового содержания школьного образования потребовало разработки проблемы методов обучения. Еще в 1924 г. Центральный педологический институт вошел в состав Научно-педагогического института методов школьной работы, который организовал ряд комиссий – по детскому чтению, естественному эксперименту, по раннему детству, дошкольному детству, дошкольному возрасту и др. В работе этих комиссий принимали участие ведущие педагоги, психологи и педологи того времени.

Не составил исключения и Иван Михайлович, который продолжил работу в Институте методов школьной работы вместе со своим бывшим руководителем Н. А. Рыбниковым. С этого времени Соловьёв навсегда связал свою судьбу с Москвой, где обосновался по адресу:

Улица Вавилова в Москве, в районе которой проживал И. М. Соловьёв

Иван Михайлович Соловьёв

ул. Валовая, пер. Славуценокский, д. 9, кв. 2. Будучи сторонником экспериментальной педагогики, Иван Михайлович изучал передовые идеи педагогов США и Западной Европы, преломля полученные знания сквозь призму методов обучения в советской школе. Его публикации 1926–1929 гг. о методах и приемах работы с учебной книгой и наглядными пособиями («Оценка и приемы проработки школьными коллективами учебной книги», «Учебные пособия в школе», «Наглядные пособия к комплексной системе» и др.) использовались учителями в педагогической практике. В 1930 г., когда в СССР было введено всеобщее обязательное начальное обучение, И. М. Соловьёв опубликовал монографию «Всеобщее обязательное обучение за границей. Эволюция и современное состояние его в Германии, Англии и Соединенных штатах Америки».

В тесной связи с проблемой методов разрабатывался и вопрос о новых организационных формах обучения. Внимание советских педагогов 1920-х гг. привлек прежде всего американский педагогический опыт, который содержал новые идеи, отвечавшие задачам воспитания активной личности: укрепление связи школы с жизнью и производством; развитие индивидуальных способностей и склонностей учащихся и др. Американская система обучения строилась на творческой работе детей в лабораториях. Данная система распространилась в опытных школах Наркомпроса, школах крупных городов и школах-коммунах. На основе американских технологий советские педагоги разработали такие методы, как лабораторно-бригадный метод, коллективное преподавание. Особый интерес вызывали американские педагогические технологии, основанные на прагматической педагогической концепции: Дальтон-план, Плэтун-план, метод проектов.

И. М. Соловьёв посвятил проблеме изучения американской прагматической

педагогики почти 30 научных работ. Он исследовал основные звенья американской системы образования 1930-х гг.: дошкольное воспитание, систему общего среднего и высшего образования. В 16 работах, посвященных американской средней школе, Иван Михайлович рассмотрел вопросы содержания, организации и методов обучения, внеурочной работы с детьми. Статьи ученого печатались в научно-педагогических и методических журналах «Работник просвещения», «Народный учитель», «На путях к новой школе», «Русский язык и литература в средней школе», «Начальная школа», «Средняя школа», что создавало возможность популяризации, распространения и внедрения педагогического опыта. Начальной школе в США профессор-педагог посвятил монографию «Элементарная школа в Соединенных штатах Америки», вышедшую в 1936 г. Кроме того, он исследовал проблемы подготовки педагогических кадров и технических специалистов в системе высшего образования США, организации работы библиотек в американских учебных заведениях. Имея дипломы классической гимназии и университета, Иван Михайлович прекрасно понимал огромное значение книги в образовании.

Научные исследования в области истории педагогики и дидактики принесли заслуженное признание ученому, внесшему вклад в развитие русской и советской педагогики. В годы Великой Отечественной войны Иван Михайлович принял непосредственное участие в создании нового центра научно-педагогической мысли – Академии педагогических наук РСФСР, объединившей выдающихся ученых в области педагогических наук. Решение о ее открытии (на базе ряда научно-исследовательских институтов Наркомпроса РСФСР, имевших опыт, научные традиции и работоспособные научные коллективы) было принято осенью 1943 г. СНК РСФСР запланировал открыть Академию в составе

четырёх НИИ, музея и Государственной библиотеки по народному образованию. Научная деятельность профессора И. М. Соловьёва оказалась связана с Институтом педагогического образования, организованным в апреле 1945 г. на базе кабинета педагогического образования Института теории и истории педагогики. К сожалению, подбор научных кадров для Института, особенно для разработки педагогики высшей школы, закончился неудачно – специалисты уровня Соловьёва были наперечет. Это обстоятельство и отсутствие материальных условий для работы привели к закрытию данного Института в 1948 г. Его функции передали НИИ теории и истории педагогики.

В начале XXI в. мы вспоминаем Ивана Михайловича Соловьёва как представителя новаторских педагогических

идей, одного из создателей советской системы образования, научного сотрудника Академии педагогических наук РСФСР, одного из первых преподавателей педагогики БГУ.

По-прежнему актуальны слова талантливого педагога, написанные им 105 лет назад в очерке «Судьбы русских университетов (1755–1855)»: «...бросается в глаза то общее, главное, что объединяет авторов, принадлежащих к разным поколениям и сословным группам. Это – чувство искренней любви и уважения к своей alma mater. Подводя итоги своей жизни, они невольно останавливаются на студенческой поре, как на чем-то светлом, в высшей степени благотворном, оставившем след на всю жизнь...»

Ольга Игоревна Ершова

Основоположник новых направлений белорусской гуманитаристики – искусствоведения и истории культуры

**Профессор БГУ,
активный деятель Инбелкульта**

**Николай Николаевич
ЩЕКОТИХИН**

01.10.1896 – 01.04.1940

Николай Николаевич Щекотихин преподавал и занимался научными исследованиями в Белорусском государственном университете с 1922 г. Он первым разработал и читал в БГУ оригинальный учебный курс по истории и теории белорусского искусства. Является основателем научного искусствоведения в Беларуси. Он сочетал в себе талант историка, теоретика и критика. Родившись в Москве, Н. Н. Щекотихин после переезда в Беларусь настолько увлекся белорусской культурой и искусством, что к 1925 г. выучил белорусский язык и на нем преподавал. Занимался разработкой истории изобразительного искусства и архитектуры Беларуси, демонстрируя невероятную ширину исследовательского поля и научную глубину.

Николай Николаевич обладал поразительной трудоспособностью, сумел за восемь лет работы в Беларуси охватить в своем творчестве такие важнейшие темы, как культовая архитектура, монументальная живопись XI–XIX вв., иконопись XVII–XVIII вв., оборонительные сооружения XIII–XVI вв., средневековые белорусские гравюры, искусство книг Франциска Скорины, творчество художников В. Ващенко, М. Филипповича, В. Волкова, А. Грубе, И. Охремчика, В. Кудревича и др. Университетский профессор впервые в искусствоведении разработал научную концепцию белорусского искусства, выделил и охарактеризовал основные направления его развития, создал и обосновал периодизацию. Он автор статьи о белорусском искусстве в первом издании Большой советской энциклопедии. Активно выступал за развитие национальной традиции живописи в Беларуси, организатор мероприятий в сфере искусства в БССР.

Николай Николаевич Щекотихин родился 1 (13) октября 1896 г. в семье московского инженера и преподавательницы иностранных языков одной из гимназий. Он рос в обстановке широкого интереса и уважения к культуре и искусству. В воспитании мальчика принимала участие сестра матери, в семье которой искусство было чуть ли не культом. Из этой семьи вышел первый советский директор Московской консерватории Александр Гольденвейзер. В доме, где рос Николай, бывали известные деятели русской культуры, например Федор Шаляпин и Сергей Рахманинов. Мальчик воспитывался в уникальной творческой атмосфере.

Н. Н. Щекотихин получил блестящее образование: в 1914 г. с золотой медалью окончил московскую гимназию А. Е. Флерова, получил в ней прекрасные знания по языкам – древнегреческому, латыни, французскому и немецкому. В 1914–1918 гг. учился в Императорском Московском университете на историко-филологическом факультете, отделение теории и истории искусства. В студенческие годы Николай Николаевич (видимо, недовольный качеством образования) после 1-го курса перевелся на природо-ведческое отделение физико-математического факультета (возможно, на решение молодого интеллектуала повлияло то, что в 1911 г. в знак протеста университет покинуло более 130 профессоров и преподавателей). Однако впоследствии он вернулся на историко-филологический, так как по складу ума был прирожденным гуманитарием.

Период после окончания университета в 1918 г. и до стабильной работы в Минске с 1922 г. был для Н. Н. Щекотихина своеобразным испытанием на прочность. Крайне тяжелая московская жизнь в первые послереволюционные годы вынудила молодого специалиста искать работу за пределами столицы советской России. Вначале он выехал на родину матери – в Орловщину. Затем

переехал в Харьков, оттуда в Одессу. За неполных пять лет пришлось довольно резко менять как места жительства, так и работу: был инструктором отдела по делам музеев и охране памятников искусства и прошлого в Наркомате просвещения в Москве, потом сотрудником музейного отдела Орловского губнаробраза, инструктором и лектором клуба при политотделе Орловского военного округа, научным сотрудником музея, лектором районных рабочих занятий при отделе искусств Харьковского губнаробраза, заведующим переводческой коллегией, сотрудником «Комитета театрального отдела» Наркомата просвещения УССР, членом репертуарной комиссии при научно-теоретическом подотделе Наркомата просвещения УССР, заведующим литературной секцией Центрального показательного красноармейского и трудового клуба «Будущее» при Политуправлении Харьковского военного округа, членом Всеукраинского союза писателей и его правления, инструктором Наркомата просвещения и Всеукраинского союза писателей по организации научно-исследовательской работы в профильных организациях Одессы.

После таких изломов судьбы Николай Николаевич в декабре 1921 г. переехал в Минск. Учеба у известных московских специалистов-искусствоведов во многом определила его творческую судьбу. Один из них, знаток современного искусства доцент А. А. Сидоров, дал рекомендательное письмо для зачисления в штат преподавателей БГУ. Оно было направлено лично ректору БГУ В. И. Пичете – коллеге по работе в Московском университете.

Создание первого в Беларуси университета в начале 1920-х гг. требовало решения ряда сложных задач, одной из которых был кадровый голод на квалифицированных специалистов в самых различных областях знаний. Эта проблема решалась за счет привлечения ученых из научных центров советских России

и Украины. В БГУ приглашались крупные и известные ученые, которые были призваны поднять статус университета, способные создать и развивать научные направления и школы.

Правление БГУ активно привлекало молодых исследователей, чья энергичность и инициативность должны были стать эффективным инструментом создания новых научных направлений и актуальных учебных дисциплин. Одним из таких молодых и амбициозных преподавателей стал московский искусствовед Николай Николаевич Щекотихин.

С января 1922 г. Николай Николаевич был зачислен ассистентом по кафедре истории искусств Белорусского государственного университета под руководством профессора М. Г. Сыркина. Параллельно он подрабатывал инструктором литературного кружка на 21-х кавалерийских курсах (до конца 1922 г.). Несмотря на вышеуказанные обстоятельства, все же до конца не ясна причина переезда Н. Н. Щекотихина в Минск (архивные документы не дают ответа на этот вопрос). Есть версия, что его отец имел могилевские корни. Эта гипотеза подтверждается тем, что неожиданно Н. Н. Щекотихин занялся изучением именно могилевской граверной школы, о которой в то время было известно крайне мало.

Первоначально в обязанности ассистента входило проведение семинарских занятий по предмету «общее введение в искусствоведение». К этому времени Николай Николаевич уже имел устойчивый интерес к изучению европейского образительного искусства, прежде всего графики. В 1918 г. на основе его выпускной работы в Московском университете при поддержке научного руководителя А. А. Сидорова вышла небольшая книга «Феликс Валлоттон», в ней анализировалось творчество известного швейцарского художника и графика, жившего на рубеже XIX–XX вв.

Н. Н. Щекотихин был полон энергии и стремления к активной деятельности и

не собирался ограничивать себя в преподавании. К началу нового учебного года он разработал курс по теории и истории белорусского искусства, а в октябре 1922 г. успешно публично защитил на Совете БГУ работу на тему «Иллюстрации Даниэля Ходовецкого к “Буре” Шекспира», посвященную книжным иллюстрациям известного немецкого художника, директора Берлинской художественной академии. Это публичное выступление дало возможность начать самостоятельное преподавание авторских учебных курсов. Сама работа впоследствии была опубликована в «Трацах БДУ» в № 4–5 за 1923 г. и в № 12 за 1926 г.

Молодой интеллигентный москвич кроме работы нашел в Минске и свое семейное счастье. Зимой 1923 г. он вступил в брак с Анной Матвеевной Романовой. Семья Щекотихиных была крепкой, счастливой и многодетной. Николай Николаевич и Анна Матвеевна воспитали троих детей: Владимира, Александра и Елену. Семья впоследствии не оставила мужа и отца в ссылке, разделив с ним все тяготы и горести. В Минске Щекотихины проживали на углу улиц Володарского и Университетской, в знаменитом кирпичном доме, в котором до революции находилось управление Либаво-Роменской железной дороги. В квартире было несколько комнат, в том числе кабинет Николая Николаевича.

Н. Н. Щекотихин представлял собою многогранную и сложную личность с глубоким внутренним миром. Вот как о нем вспоминала в своем дневнике его супруга Анна Матвеевна: «Был он культурным человеком в прямом смысле этого слова. Досконально владел французским, немецким, греческим и латинским языками. Учил английский. Во время ссылки в Башкирию пробовал изучить 12 близких тюркских языков (чувацкий, татарский, башкирский и др.). Н. Н. был библиофилом – большим любителем и собирателем книг. Он приобретал в букинистических магазинах ценные уникальные издания.

Бережно брал их в руки, с глубоким почтением перелистывал страницы, будто чувствовал в них дыхание прошлого. Особенно любил фолиант в переплете из слоновой кости – Литовскую Метрику XIV в. Был Н. Н. эстетом в науке и жизни. Любил красивые вещи и оборудовал ими свой кабинет. Собирал картины, монеты, оттиски печатей на бумаге, древние гербы на камнях. Писал научные работы по нумизматике. По детски радовался, если знакомые приходили посмотреть кабинет и называли его “музей в миниатюре”. Пунктуальный и педантично аккуратный, Н. Н. был строгим, серьезным и вместе с тем жизнерадостным, товарищеским, остроумным, любил танцевать, особенно мазурку, ценил серьезную музыку и пел русские, белорусские народные песни, аккомпанируя сам себе, немного рисовал и писал стихи, хорошо фотографировал. Всегда элегантно одетый, он вызывал к себе привязанность. Роста был выше среднего, худощавый, большие серые глаза, он носил очки, волосы каштановые, всегда ходил с палочкой...»

Н. Н. Щекотихин обладал ярко выраженными лингвистическими способностями. Спустя менее года пребывания в Беларуси он подготовил и прочитал собственный авторский курс лекций по теории и истории белорусского искусства на белорусском языке, а с 1925 г. полностью перешел на белорусский язык в преподавании. Языковую одаренность молодого искусствоведа, выросшего в русскоязычной среде, подтверждает тот факт, что спустя три года после переезда в Минск он не только стал читать лекции на белорусском, но и выполнял серьезную стилистическую работу в центральном научном учреждении республики – в Инбелкульте, где все издания выходили исключительно на белорусском языке.

В 1924 г. Николай Николаевич представил в предметную комиссию БГУ первый том «Очерков из истории белорусского искусства» (еще на русском языке), за что ему было присвоено звание

доцента по кафедре истории искусств. Это позволило получать стабильный материальный доход и сосредоточиться на научных исследованиях белорусского искусства и на преподавании. В это же время в БГУ Николай Николаевич начал читать лекции по истории польского и украинского искусства.

Несколько лет Н. Н. Щекотихин активно занимался доработкой и переводом на белорусский язык первого тома «Очерков из истории белорусского искусства», которые вышли из печати в 1928 г.

Параллельно с работой в Белорусском государственном университете Николай Николаевич активно привлекался к академической научной деятельности. В 1920–30-е гг. это было распространенной практикой. Историки Н. М. Никольский и В. И. Пичета, этнограф И. А. Сербов, географ и краевед Н. В. Азбукин и многие другие также совмещали работу в университете с научной деятельностью в Институте белорусской культуры, а впоследствии в БАН и АН БССР. С одной стороны, такое совмещение, безусловно, распыляло силы исследователей, заставляя их буквально разрываться между двумя учреждениями, а с другой – активная научная деятельность лишь повышала авторитет преподавателей и делала их учебные дисциплины актуальнее, глубже в научном смысле и более значимыми для студентов.

Невероятная работоспособность и авторитет внимательного и вдумчивого искусствоведа позволяли выполнять множество научных и административных функций. В феврале 1925 г. Николай Николаевич был приглашен на должность научного секретаря секции искусства при Инбелкульте, с 1926 г. стал сотрудником комиссии по истории искусства и одновременно стиль-редактором издательского отдела Инбелкульту. Н. Н. Щекотихин был приглашен в Комиссию по охране памятников искусства и старины при Наркомате просвещения БССР, являлся консультантом Белорусского государ-

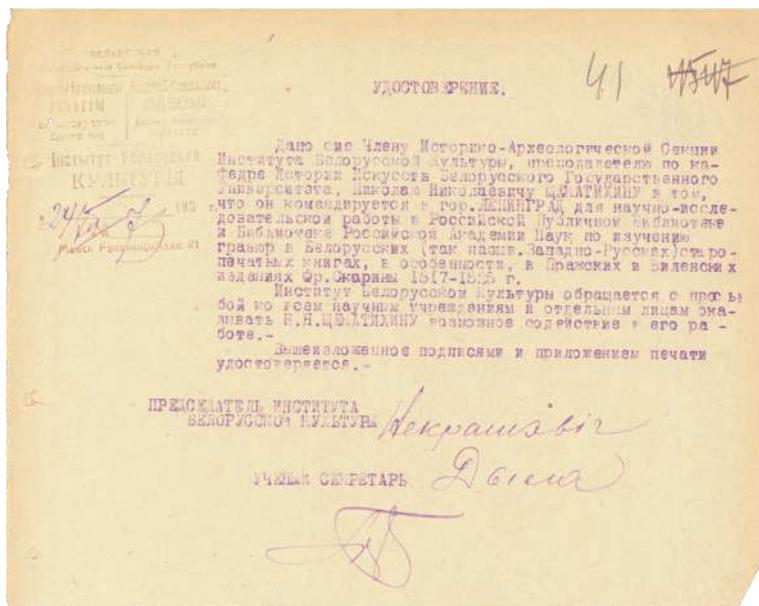
ственного музея. В 1927 г. его назначили научным секретарем комиссии по изучению искусства Беларуси, а в 1928 г. – руководителем комиссии истории искусств Инбелкульта. После реорганизации в 1929 г. Инбелкульт в Белорусскую академию наук признанный ученый стал председателем академической комиссии истории искусств по кафедре истории Беларуси.

Параллельно с преподавательской и кабинетной теоретической работой Н. Н. Щекотихин активно проводил научные экспедиции по изучению архитектурных памятников Беларуси, чтобы самому получить впечатления об их актуальном состоянии, сделать замеры. Так, летом 1925 г. он выезжал на Полотчину изучать древние фресковые росписи, которые уже тогда находились под угрозой уничтожения. Посетил Борисоглебский монастырь в Бельчицах, Полоцкий собор и Спасо-Евфросиниевскую церковь. Успел наведаться в Витебск в местный музей, где имелось богатое собрание древних белорусских икон. Николай

Николаевич отобрал 22 самые ценные, на его взгляд, иконы, которые подробно изучил и проанализировал их художественную и историческую значимость. Результатом стала большая статья «Матэрыялы да гісторыі беларускага малярства XVIII ст.» (Віцебшчына. 1925. Т. 1–2). Летом 1925 г. Н. Н. Щекотихин выезжал в экспедицию по Могилевщине. В той командировке он исследовал и описал Рогачевский замок и затем опубликовал в журнале «Наш край» (1926. № 10–11) статью.

В статье «Спосабы збірання матэрыялаў з беларускага мастацтва» (напечатана в журнале «Наш край») Николай Николаевич большое внимание уделил особенностям фотофиксации памятников архитектуры, которые позволяют сделать вывод о собственном опыте такой работы: предложил развернутую методику осмотра, изучения и фотографирования памятников белорусской культовой архитектуры и гражданских зданий.

Н. Н. Щекотихин впервые в истории белорусского искусствоведения начал

Командировочное удостоверение, выданное Инбелкультом Н. Н. Щекотихину для поездки в Ленинград в целях изучения гравюр в старобелорусских изданиях

Юбилейная почтовая марка в честь
Н. Н. Щекотихина. 1996 г.

разрабатывать теорию и методику его изучения. Так, в журнале «Наш край» в статье «Мотивы краеведения в нашем современном искусстве» он попытался дать научную классификацию образов искусства, представленных в предметах на выставке, посвященной 100-летию белорусского краеведения. Ученый выявил разницу между иконописной традицией Беларуси и земель, не входивших в состав ВКЛ. По его мнению, разница заключалась в том, что белорусские иконописцы использовали книжные гравюры (в том числе из книг Ф. Скорины) как рисовальные образцы – «кужбушки», а иконописцы других земель этого региона – прорисы. Также Николай Николаевич впервые применил систематизацию памятников по топографии и стилистике, что позволило выявить несколько локальных белорусских школ: витебскую, могилевскую, слуцко-полесскую и др.

Отдельным направлением работы выдающегося ученого можно считать исследование белорусских старопечатных книг, в первую очередь – белорусских кириллических изданий XVI–XVIII вв. В результате этой деятельности появилась серия публикаций: «Васіль Вашчанка – магілёўскі гравёр канца XVII – пачатку XVIII стст.» (1925), «Дрэварыты і арнамент Скарыны», «Гравюры і аздобы ў выданнях Францыска Скарыны» (1926), «Да пытання аб храналогіі “Малай падарожнай кніжыцы”» (1928). В своих

работах Н. Н. Щекотихин впервые в отечественном искусствоведении ввел в научный оборот понятие «могилевская школа гравюры», имея в виду прежде всего творчество художников Максима и Василия Ващенко.

В 1929 г. вышла еще одна важная работа Николая Николаевича – «Современное белорусское искусство». По инициативе Белорусского государственного музея уже известный белорусский искусствовед должен был отразить достижения современного молодого белорусского искусства. Эта работа представляла собой специфический каталог и включала 53 произведения и короткие биографические аннотации-статьи к ним и об их авторах. Н. Н. Щекотихин сделал попытку дать периодизацию современного (для него) белорусского искусства, выделив три этапа – начало 1920-х гг. – 1925 г., 1925–1927 гг., 1927–1929 гг.

Университетский и академический ученый отличался активной публикаторской деятельностью. В Беларуси за восемь лет он написал и издал 37 работ, среди которых одна монография, еще 11 работ остались в рукописях в разной степени завершенности (большинство не сохранилось). Тематический охват трудов поражает шириной – представлены практически все виды искусства Беларуси. Работы Н. Н. Щекотихина были опубликованы во всех крупнейших белорусских журналах и научных сборниках: «Працы БДУ», «Асьвета», «Наш край», «Савецкая Беларусь», «Трыбуна мастацтва», «Польмя», «Запіскі аддзелу гуманітарных навук» и др.

Н. Н. Щекотихин не только талантливый исследователь, но и прекрасный организатор деятельности в сфере искусства. Так, в 1925–1926 гг. он активно участвовал в подготовке Первой Всебелорусской выставки искусства, в которой участвовали 85 белорусских художников, скульпторов, графиков и резчиков. Ученый стал автором-обработчиком экспонатов отделов современного искусства

и составителем «Каталога отдела древнего искусства». На выставке экспонировались как произведения с выставки 1918 г., так и новые, выявленные и атрибутированные лично Николаем Николаевичем. Во введении к каталогу выставки Н. Н. Щекотихин подчеркнул, что искусство Беларуси является неотъемлемой частью общеевропейского. Также он отмечал важность искусства Беларуси для Московского государства, в которое белорусские мастера привнесли барочные традиции. Николай Николаевич призывал белорусских мастеров черпать вдохновение из эстетических идеалов белорусского народа, его искусства, окружающей природы и сложной истории страны.

В 1928 г. Н. Н. Щекотихин начал трудоемкий процесс обработки материалов из фондов Государственного художественного музея, в результате был подготовлен Реестр экспонатов отдела современного белорусского художественного искусства и резьбы. Были намечены новые планы. Однако 21 июля 1930 г. искусствовед был арестован по надуманным обвинениям и впоследствии сослан в Башкирскую ССР в г. Белебей. Работал статистиком, счетоводом и плановиком в системе райпотребсоюза, затем устроился учителем немецкого языка в шко-

лу № 1 г. Белебей. Несколько раз снова арестовывался, но не утратил прежних самоотдачи, работоспособности и преданности научной деятельности.

Даже в тяжелых условиях оторванности от научных центров, без связи с коллегами Н. Н. Щекотихин продолжал упорно работать. В ссылке начал писать «Историю литовской монеты XVI–XVII вв.» и, уже будучи тяжелобольным, закончил рукопись ее первой части. Была написана статья «Топография кладов с литовскими монетами на территории древнего Литовского государства». Эта рукопись получила положительные отзывы ученых-нумизматов из Эрмитажа.

В 1936 г. Н. Н. Щекотихин подготовил рукопись «Некоторые варианты литовских монет». Эти три работы вместе с собственной нумизматической коллекцией отослал в Эрмитаж, где они хранятся по настоящее время. Судьба четвертой его рукописи «Водяные знаки Литовской метрики», которая содержит 38 таблиц с рисунками, неизвестна. Аресты, нервное напряжение и стрессы, а также климат привели к заболеванию туберкулезом. 5 апреля 1940 г. Николай Николаевич Щекотихин скончался. 30 января 1956 г. был посмертно реабилитирован.

Степан Артурович Захаревич

**Выдающийся
историк-медиевист и славист,
исследователь
белорусской истории**

**Профессор БГУ,
действительный член БАН**

**Антон Никитич
ЯСИНСКИЙ**

22.09.1864 – 13.11.1933

***И**сторик, специалист по средневековой истории Чехии, до революции – профессор Юрьевского университета, профессор и ректор Педагогического института им. П. Г. Шеллапутина. Известный ученый-историк европейского уровня задолго до революционного 1917 г.: с 1902 г. – член-корреспондент Королевского общества в Праге, с 1906 г. – член Чешской академии императора Франца Иосифа.*

В 1922–1928 гг. Антон Никитич работал профессором по кафедре истории Средних веков БГУ. В Беларуси в 1927 г. его избрали действительным членом Института белорусской культуры, а с началом деятельности Белорусской академии наук (1928) – одним из ее первых академиков.

Университетский профессор сыграл видную роль в становлении исторической науки в Беларуси, подготовке национальных научных кадров. Научные труды А. Н. Ясинского посвящены главным образом средневековой истории Чехии, а также России. Историк изучал формирование крупного землевладения Беларуси в XV в., проблему происхождения белорусского народа. Первым высказал предположение о местонахождении древнего Минска на берегах р. Менки.

Антон Никитич Ясинский родился 22 сентября 1864 г. в семье русского по национальности «купца Херсонской губернии» в с. Межирич Каневского уезда Киевской губернии. Существует версия, что датой его рождения следует считать 17 октября 1864 г., а родное село будущего историка находилось в Черкасском уезде Киевской губернии. В конце 1920-х гг. купеческое происхождение стало «неудобным», и в характеристике А. Н. Ясинского 1928 г. при выборах академиков Белорусской академии наук (БАН) указано: «...сын безземельного крестьянина».

Старший брат Михаил также стал крупным ученым, специалистом по истории права. С 1910 г. он был деканом юридического факультета Киевского университета Святого Владимира, а после революции 1917 г., находясь в эмиграции, – профессором юридического факультета университета в г. Любляна (Словения).

В 1884 г. Антон Ясинский окончил 1-ю киевскую гимназию, поступил учиться в Киевский университет Святого Владимира на историко-филологический факультет. Интерес к истории, как он сам вспоминал, пробудили известные ученые, среди которых наибольшее влияние оказал Ф. Я. Фортинский. Историк-славист называл его «дорогим учителем» и посвятил ему статью, которая была напечатана в 1903 г. в научном сборнике киевского «Исторического общества Нестора-летописца». Студентом А. Н. Ясинский получал стипендию, что предполагало «за каждый год пользования стипендией прослужить полтора года по назначению Министерства Народного Просвещения в одном из подведомственных ему средних учебных заведений г. Киева». Университет окончил 20 декабря 1888 г. со степенью кандидата, что позволило готовиться к профессорскому званию.

Однако вначале пришлось «отработать» диплом: в 1889–1896 гг. университетский выпускник преподавал в

различных учебных заведениях Киева (женская гимназия Ващенко-Захарченко, Кадетский корпус, 1-я гимназия и др.), но преподавание совмещал с работой над магистерской диссертацией.

Степень магистра Антон Никитич получил за диссертацию «Падение земского строя в чешском государстве». В скором времени он защитил и докторскую диссертацию по всеобщей истории на тему «Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века» (1901). Обе работы были удостоены премий Академии наук – им. А. А. Котляревского и М. В. Ломоносова соответственно.

Научные заслуги молодого историка оценили и за рубежом – в 1902 г. А. Н. Ясинского избрали членом-корреспондентом Королевского общества наук в Праге, а в 1906 г. – членом историко-философского и юридического отделения Чешской академии императора Франца-Иосифа. Даты его избрания (8 января 1902 г. и 27 октября 1906 г.) содержатся в документах Чешской академии наук, однако они отличаются от дат, которые традиционно приводятся в научных публикациях (1901 г. и 1907 г. соответственно).

Национальный музей в Праге, ок. 1900 г., где в начале XX в. располагалась Академия наук, словесности и искусств

Преподавательская карьера в высшей школе началась в 1896 г., когда А. Н. Ясинский занял должность экстраординарного профессора Юрьевского университета по кафедре истории, а с 1901 г., после защиты докторской диссертации в Киевском университете, стал ординарным профессором по той же кафедре. В этой должности он проработал 11 лет, читая разнообразные курсы: по средневековой истории (основная специальность ученого), русской истории, русской историографии, истории церкви в первые века ее существования, по методологии истории.

В 1904–1911 гг. А. Н. Ясинский занимал и должность председателя педагогического совета женской гимназии им. А. С. Пушкина в г. Юрьеве, а в 1911 г. был назначен заведующим одногодичными курсами для подготовки преподавателей. В эти годы он напечатал ряд статей по вопросам педагогики. Но более всего Антон Никитич в Киеве и в Юрьеве тогда публиковал свои принципиально важные в научном отношении труды по истории Чехии («Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века», «Основные черты развития права в Чехии XIII–XV вв.», «Введение немецкого права в селах Чехии XIV века»), по европейской средневековой истории («Лекции по истории

средних веков», «Раннее средневековье») и по ряду проблем российской истории («Сочинения князя Курбского как исторический материал», «Об охране и заселении степной окраины Московского государства в конце XVI и начале XVII веков»).

В конце 1911 г. в служебной и творческой жизни А. Н. Ясинского состоялся резкий поворот. Он переехал в Москву, где был назначен директором и преподавателем Педагогического института им. П. Г. Шеллапутина. Здесь пришлось не только заниматься преподаванием педагогики, теории и истории образования, но и много времени уделять организации занятий в институте. Работа Антона Никитича в институте продолжалась до 15 марта 1919 г.

С 1912 г. А. Н. Ясинский начал преподавать и в Московском университете в качестве приват-доцента по кафедре всеобщей истории (читал курс по истории Средних веков). После революции, когда были отменены научные звания, историк почти год числился профессором МГУ. Эти суровые времена вынуждали «старую профессуру» искать себе дополнительные места приложения знаний, чтобы выжить материально. И А. Н. Ясинский несколько лет проработал во Всероссийской научно-педагогической ассоциации (с 1919 по лето 1922 г.), являясь ее председателем. В 1920–1922 гг. был профессором Московского археологического института, преподавая историю Византии и историю славян. Тогда (как и позднее на протяжении 1920-х гг.) Антон Никитич подрабатывал и в ряде провинциальных вузов (прежде всего в Смоленске и Воронеже), где преподавал широкий круг дисциплин – как по истории, так и по теории и истории образования.

К 1922 г. А. Н. Ясинский как специалист по славянской истории, автор более чем 50 публикаций, в том числе нескольких монографий, стал широко известен в России и в Европе. Его избрали академиком, действительным членом Московско-

Юрьевский университет. Начало XX в.

го общества истории и древностей и его исследовательского института по секции истории. Ясинский обладал широкими познаниями в области истории, читал на древнегреческом и латыни, немецком, французском, английском, итальянском, польском, чешском, сербском и болгарском языках. Такие обширные языковые познания в 1920 г. позволили крупнейшему российскому и советскому лингвисту академику Алексею Ивановичу Соболевскому предлагать среди прочих претендентов кандидатуру Ясинского для избрания в академики Российской академии наук по отделению русского языка и словесности.

В первые послереволюционные годы столь крупный ученый стал проявлять интерес и к истории Беларуси. Так, он был учредителем и членом Белорусского научно-культурного общества, а летом 1918 г. прочитал слушателям Белорусского народного университета курс лекций по истории образования в Беларуси. Занятия народного университета проходили в помещении Педагогического института им. П. Г. Шеллапутина в Москве, директором которого был А. Н. Ясинский.

Важно отметить, что А. Н. Ясинский был назван профессором М. В. Довнар-Запольским в мае 1918 г. среди тех 36 известных ученых, что согласились занять профессорские должности в Белорусском университете в Минске. Именно Антону Никитичу нарком просвещения ССРБ В. М. Игнатовский (который считал себя учеником профессора) предложил чтение лекций в молодом университете. И маститый ученый дал согласие. Его трудовой стаж в БГУ начал отсчет с 1 сентября 1922 г. Одно из первых упоминаний об этом содержится в документах Правления БГУ – в протоколе заседания от 27 октября 1922 г., когда Н. М. Никольский ходатайствовал об оплате профессору за 6 лекционных часов в неделю с 1 сентября.

Так начался последний этап в жизни ученого, который иногда называют

Пединститут им. П. Г. Шеллапутина.
Ок. 1912 г.

московско-минским, – один из самых тяжелых и малоизученных периодов его жизни. Первый читавшийся профессором курс назывался «История средних веков и эпоха крестовых походов». В 1923/24 учебном году нагрузка А. Н. Ясинского осталась такой же – курс по истории Средних веков и семинарий по средневековой истории. Одним из главных недостатков студентов БГУ в те годы профессора отмечали незнание ими классических языков, но это не мешало Ясинскому требовать от студентов работы с источниками на языке оригинала. К преподаванию средневековой истории Антон Никитич подходил основательно: заказывал перепечатку латинских текстов для проведения семинариев, после чего ходатайствовал перед Правлением университета о выплате денег за эту работу.

В 1924/25 учебном году, как и ранее, недельная нагрузка А. Н. Ясинского составляла шесть часов. Он читал курс истории средневекового хозяйства (четыре часа в неделю) и проводил со студентами практические занятия по изучению Салической правды (два часа в неделю). За год им были прочитаны три научных доклада: один в Научном обществе при БГУ на тему «О поземельной описи Градищенского монастыря» и два – в Московском исследовательском институте истории (также о поземельной описи Градищенского монастыря и

Императорский университет
Святого Владимира. Киев, начало XX в.

о происхождении чешских поземельных единиц). Важный момент научной деятельности – Антон Никитич заинтересовался белорусской историей, «имея в виду выяснить природу и происхождение так называемой службы».

В план занятий студентов 2-го курса общественно-исторического цикла на 1926/27 учебный год были внесены лекции А. Н. Ясинского по истории Средних веков и семинарий по средневековой истории, который заменил планировавшийся ранее семинарий по изучению средневековых источников. В этом учебном году Антон Никитич имел общую нагрузку 10 недельных часов и вел ряд курсов по истории Средних веков и истории западных славян, два семинария по Средневековью (на 2-м курсе занимался со студентами по источникам по истории раннего Средневековья – древние германцы, социальные отношения в варварских государствах и возникновение крупного землевладения, а на 4-м курсе – источниками по цеховому производству в средневековом Париже).

Если судить по ведомости на оплату зачетов, то курсы А. Н. Ясинского прослушали в тот учебный год 160 студентов. В своем отчете он упоминал и три

прочитанных доклада: один в Московском исследовательском институте по секции истории, два на заседаниях Научного общества при БГУ («Эмфитевсис и перемер полей в Чехии» и «Чешские лены, их географическое распределение и природа»). Тексты двух последних докладов были сданы в печать как научные статьи.

Профессор наряду с другими своими коллегами из БГУ был избран представителем от университета на Всебелорусскую конференцию преподавателей обществоведения.

Летом 1927 г. коллегия Наркомпроса БССР утвердила изменения в учебных планах педагогического факультета. На социально-историческом отделении планировалось снятие лекций, которые читал А. Н. Ясинский: на 2-м курсе – «История западных славян», а на 4-м – «История экономического быта средних веков». Тем не менее в 1927/28 учебном году эти изменения не вступили в силу. Нагрузка историка даже увеличилась на полчаса за счет приема зачетов. Он читал лекционные курсы «Эпоха феодализма и торгового капитала», «История западных славян» и «История экономического быта средних веков», вел два семинара. Это был последний учебный год, на протяжении которого А. Н. Ясинский читал полный набор привычных для него курсов.

Историк продолжал постоянно жить в Москве, приезжая в Минск для чтения лекций, проведения семинаров и принятия зачетов у студентов. Значительная часть документов в его личном деле, хранящемся в Национальном архиве Республики Беларусь, касается именно просьб оформить ему командировку для работы в библиотеках и архивах Москвы после выполнения нагрузки в БГУ. Во время своих приездов в Минск А. Н. Ясинский жил либо в комнатах разных «Домов БГУ», либо в гостиничных номерах, счета за которые оплачивал университет. Семья Антона Никитича (супруга Виктория Эразмовна и дочь Виктория Антоновна) все эти годы продолжала жить в Москве.

В документах университета зафиксированы случаи, когда А. Н. Ясинский доверял получить причитающееся ему жалование кому-то из профессоров, постоянно живущих в Минске (чаще всего – Н. М. Никольскому).

В 1924 г. Правление БГУ в связи с достижением А. Н. Ясинским 60-летнего возраста и плохим состоянием здоровья обратилось с ходатайством в Наркомпрос ССРБ о назначении ему персональной пенсии. Документы, проливающие дальнейший свет на судьбу этого ходатайства, не сохранились, но, судя по всему, положительное решение принято не было. Однако известно, что 27 ноября 1924 г. Главпрофобр предложил зачислить А. Н. Ясинского на должность профессора, с чем спустя два дня согласилось и Правление БГУ.

По всей видимости, Антон Никитич ходатайствовал о назначении пенсии не только перед руководством БГУ, но и в Москве. Сведения об этом сохранились в одном из его писем за 1925 г.: «Не имея... никакого социального положения, я подал прошение о пенсии... Вот как идут дела старых ученых, когда на них гnevаются боги Олимпа и планеты». Добился А. Н. Ясинский лишь выплаты академического обеспечения по 4-й категории, что составило 60 руб. в месяц. Более того, жилищное товарищество потребовало от профессора освободить одну из комнат в его московской квартире (в духе тогдашней кампании по «уплотнению»).

О том, что пенсию в 1924 г. А. Н. Ясинский так и не получил, можно судить и по тому факту, что 20 января 1930 г. вопрос о его пенсии был поднят уже на заседании фракции КП(б)Б Центрального бюро секции научных работников, на котором было решено поддержать ходатайство БАН.

Во второй половине 1920-х гг. в жизни А. Н. Ясинского возникли сложности: ухудшилось его здоровье, а супругу парализовало. При этих обстоятельствах жизнь в постоянных разъездах в весьма

почтенном возрасте была нелегка, а потому Антон Никитич несколько раз предпринимал попытку перебраться в Минск и связать свою дальнейшую жизнь с Беларусью. Так, 16 мая 1927 г. он подал в Правление БГУ прошение, в котором писал: «Предполагая с осени этого года переселиться на постоянное жительство в г. Минск вместе со своей семьей, прошу Правление назначить мне пособие на переезд и перевозку моего имущества из Москвы в г. Минск». Профессор ходатайствовал и о предоставлении квартиры с учетом состава семьи (три человека), указывая следующее: «...переезд мой с семьей может состояться только с того времени, когда мне будет отведена квартира и мною будет устроена вся обстановка, так как на моем попечении находится больная жена, разбитая параличом». Понимая возможные последствия тяжелого состояния супруги, он даже предложил Правлению в случае смерти жены использовать часть квартиры, которую ему предоставит университет, для поселения там приезжающих из Москвы профессоров. Правда, квартира так и не была выделена.

Квартирный вопрос был вновь поднят президентом БАН В. М. Игнатовским уже в марте 1929 г. Он ходатайствовал перед Правлением БГУ о предоставлении комнаты А. Н. Ясинскому в доме университета. Правление на заседании 10 апреля 1929 г. решило выделить комнату в квартире Н. И. Красковского в «Доме № 11 БГУ» по улице Советской. Впрочем, из документов вновь непонятно, была ли эта жилплощадь выделена на самом деле или все ограничилось записью в протоколе.

Какими бы сложными ни были условия работы в Минске, выдающийся специалист-историк делал все возможное для реализации своих знаний в университетских аудиториях. И руководство Беларуси ценило это. Хотя профессор был «старый». В 1923 г. А. Н. Ясинский был кратко охарактеризован в письме,

адресованном АПО ЦК: «...приезжает из Москвы, лоялен». А в июне 1926 г. фракция КП(б)Б БГУ при обсуждении вопроса о пересмотре состава преподавателей педагогического факультета напротив фамилии А. Н. Ясинского указала: «Оставить и считать его пребывание в Университете постоянным...»

Но прошло еще три года, и характеристика историка в своеобразной «объективке», более похожей на донос, стала, во-первых, более пространной, а во-вторых – гораздо менее позитивной: «Имеет большую эрудицию в области средневековой истории Запада. Методология чисто буржуазная. Часто разрабатывает темы, которые для пролетарской культуры большого значения не имеют. Политически неразвитый. Отношения к марксистской методологии совсем отрицательные. Отношение к советской власти не совсем лояльное».

В ход шли и обвинения в «неправильном» происхождении. Так, в статье «Правый оппортунизм и вопрос о кадрах – на кого делал ставку Наркомпрос БССР», опубликованной в «Сельскохозяйственной газете» от 27 сентября 1929 г., А. Н. Ясинский был назван в одном ряду со Смоличем, Ластовским, Лёсиком и Горещиком с характеристикой «бывший помещик».

При подготовке к 1928/29 учебному году со стороны партийного руководства БГУ во главе с проректором С. З. Слонимом была сделана попытка сократить ряд читаемых курсов в рамках борьбы с «многопредметностью», что вызвало резкую реакцию ректора В. И. Пичеты. В том числе вновь планировалось сократить курсы, которые читал Антон Никитич, – «История западных славян» и «История экономического быта средних веков». В своем письме в Наркомпрос БССР ректор писал: «Также могу удивиться предложению т. Слонима относительно освобождения от преподавания в Университете проф. Ясинского, полномочного члена Института Белорусской

культуры и полномочного члена Чешской академии наук. Говорить о научных заслугах Ясинского не нужно. Каждый научный работник их хорошо знает. Проф. Игнатовский и проф. Друшчиц, которые были непосредственными учениками Ясинского, также об этом хорошо знают. Вполне понятно, что б. нарком просвещения, т. Игнатовский, предложил проф. Ясинскому работать в Белорусском государственном университете. Его работа как выдающегося специалиста не только полезна для студентов, но также и специалистов, которые должны прислушиваться к его мнению и замечаниям. Освобождение проф. Ясинского от чтения лекций – это большая ошибка, недоразумение, которое создаст нехорошее впечатление на всех преподавателей. Необходимо заботиться о научных сотрудниках, особенно если они работают и очень хорошо работают на пользу рабочих масс. В 1919 году, во время большого голода Чешская академия наук просила проф. Ясинского переехать в Прагу, и он отказался от этого предложения, так как отъезд из России не отвечал его взглядам. Т. Игнатовский может подтвердить, как проф. Ясинский интересовался общественно-политическим движением, как он относился в университете в Юрьеве к студентам-белорусам. Значимость преподавателя в Университете зависит не от количества часов, а от того научного и морального влияния, которое он оказывает на студентов и своих товарищей. Для Ун-та проф. Ясинский представляет не только крупную научную величину, но и моральную, и его авторитет, его голос имеют большое значение для всех его товарищей по кафедре, которые уважают его и относятся к нему с большим уважением».

Несмотря на все усилия ректора и руководства педагогического факультета, А. Н. Ясинский был уволен из БГУ с 1 сентября 1928 г., проработав в нем шесть лет. В решении Правления в качестве причины увольнения было названо

отсутствие нагрузки (не только для профессора, но и еще для двух историков-преподавателей – Н. И. Красковского и Д. И. Довгялло).

По прошествии нескольких лет увольнение А. Н. Ясинского в документах стало подаваться совсем под другим углом. В заявлении университетского физика и одного из руководителей БГУ Е. К. Успенского в Комиссию партконтроля ЦК КП(б)Б от 31 декабря 1930 г. о национал-демократическом движении сказано: «Только к 1929 году после упорной борьбы партийным организациям Университета удалось снять Довгялло, Красковского, Цветкова, Дурново, Ясинского...» Скорее всего, фамилия Ясинского попала в этот перечень из-за факта приглашения профессора в Минск именно В. М. Игнатовским, который рассматривался как одна из ключевых фигур в «нацдемовском» движении.

Авторитет А. Н. Ясинского в белорусских научных кругах (а не среди партийных функционеров), несмотря на увольнение из БГУ, оставался высоким. Еще в ноябре 1927 г. он был утвержден решением СНК БССР в соответствии с новым академическим уставом действительным членом Института белорусской культуры, вошел в состав Совета отдела гуманитарных наук и там же стал заведовать кафедрой всеобщей истории. Вот только других сотрудников, кроме заведующего, на кафедре не было.

Спустя пару месяцев после увольнения А. Н. Ясинского из БГУ на закрытом заседании Бюро ЦК КП(б)Б 14 декабря 1928 г. была одобрена его кандидатура в состав первых академиков Белорусской академии наук. Данное решение оформлено постановлением СНК БССР 26 декабря 1928 г.

К сожалению, восстановить деятельность А. Н. Ясинского в БАН крайне сложно. Достаточно сказать, что в Архиве академии не сохранилось личного дела Антона Никитича, мало и документов, с ним связанных. Сохранившиеся доку-

менты свидетельствуют, что его судьба в стенах БАН была полна серьезных перемен. Так, в 1929 г. предпринималось ходатайство о присвоении ему звания «Герой труда», а уже на следующий год, летом, он был лишен платы за академическое звание. Более того, в октябре 1930 г. Антон Никитич был уволен из Института истории с формулировкой: «...непосредственно не участвует в работе института и по своим идеологически-методологическим установкам не соответствует задачам современной работы института истории». Впрочем, в 1932 г. он вновь был принят на работу в Институт истории, а его исследовательский план включили в общий план работы Института.

Уже будучи академиком БАН, Антон Никитич имел шанс стать и членом-корреспондентом АН СССР. Его кандидатура была выдвинута по отделению общественных наук. Авторы представления на избрание – знаменитые историки Д. М. Петрушевский и В. П. Бузескул – чрезвычайно высоко оценили вклад ученого в развитие мировой медиевистики. Тем не менее на заседании отделения 30 января 1930 г. при баллотировке А. Н. Ясинский получил 10 голосов «за» и 8 голосов «против» и не попал в список для голосования на общем собрании БАН.

В 1929 г. скончалась супруга Антона Никитича. Жившая с ним младшая дочь также была нездоровой. Академик практически перестал приезжать в Минск. Совсем плохо со здоровьем стало осенью 1933 г. О последних днях жизни Ясинского мы можем узнать из писем белорусского историка В. Д. Друщица, который долгие годы дружил с ним: «Заехал прямо к Ясинскому... Положение очень тяжелое, как сказал врач». 13 ноября 1933 г. А. Н. Ясинский скончался дома в Москве. Поскольку он находился на пенсии и не работал, деньги на похороны дала БАН. Видимо, известие о смерти академика пришло в Минск с запозданием, так как представитель БАН Н. М. Никольский на

погребение не успел. Место захоронения Антона Никитича неизвестно.

Насколько в последние годы жизни А. Н. Ясинский оказался забыт научной общественностью, очевидно из документа, сохранившегося в Архиве Чешской академии наук. Это письмо в чешское посольство в Москве от 14 февраля 1935 г. с просьбой сообщить дату смерти академика Ясинского. Но академическое сообщество вынуждено было констатировать, что посольство официально ответило, что «к большому сожалению, эту дату ему не удалось выяснить».

В библиотеке Академии наук БССР после смерти А. Н. Ясинского осталась его книжная коллекция из 300 томов книг и более чем 350 брошюр. Однако она полностью погибла в годы войны.

А. Н. Ясинский – яркий представитель российской либеральной исторической науки XIX – первой трети XX в., а его труды по социально-экономической истории Чехии в Средние века по своей значимости стоят в одном ряду с работами П. Г. Виноградова по истории Англии и Н. И. Кареева по истории Франции. На роль А. Н. Ясинского в изучении чешской истории указал еще в 1941 г. В. И. Пичета, когда писал, что без его трудов не может обойтись ни один специалист по истории средневековой Чехии.

Антон Никитич был прежде всего историком западноевропейского Средневековья, а уж затем исследователем средневековой Чехии, что в существенной мере определяло и успех его чешских штудий. Хотя свои основные труды он создал еще до революции, его статьи, написанные во время работы в Минске и по тематике связанные с «Очерками и исследованиями по социальной и экономической истории Чехии в средние века», внесли важный вклад в мировое славяноведение.

Важное место занимают и работы А. Н. Ясинского по истории Беларуси, хотя они гораздо менее известны, чем исследования по чешской истории. Ин-

терес к белорусской истории окончательно сформировался у ученого в середине 1920-х гг., и он уделял внимание различным аспектам белорусской истории вплоть до своей смерти. Одним из наиболее активных в этом отношении был 1928/29 академический год, о чем ярко свидетельствуют архивные документы. На общих собраниях исторического отделения А. Н. Ясинский сделал пять докладов (как и В. И. Пичета), в том числе о средневековых земельных наделах в Чехии, о происхождении и смысле термина «Белая Русь» и о проблемах издания Литовской метрики. Часть из них позднее была опубликована.

В статье «Два слова о велетах. К проблеме первоначального населения Беларуси» профессор коснулся вопроса об этногенезе белорусского народа, основное внимание уделив критике взглядов П. Шафарика на происхождение племен велетов.

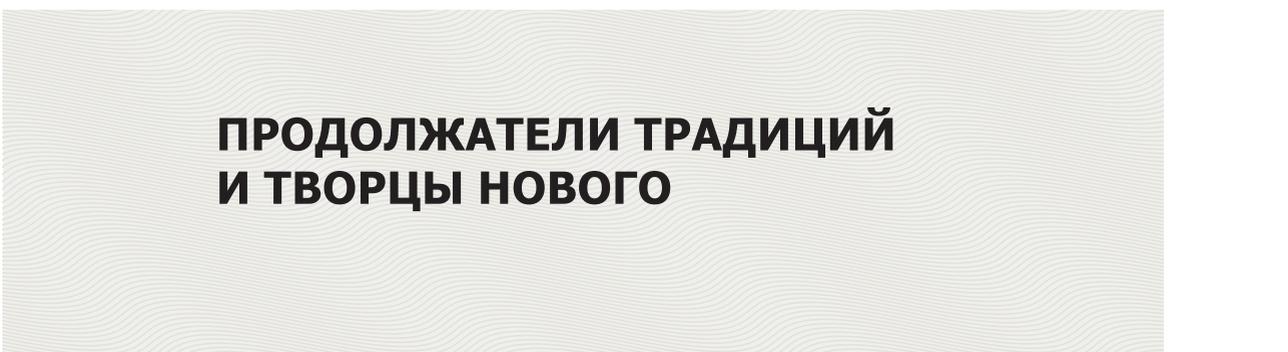
А. Н. Ясинский также предложил свое толкование термина «Белая Русь». В одном из неопубликованных докладов (по свидетельству В. И. Пичеты) он отметил, что «этот термин возник сначала в одном из районов Великодержавии, в районе г. Вельска, где встречается много топонимических наименований с суффиксом “беле”. Впоследствии этот локальный термин стал общераспространенным и применялся для обозначения Западной Руси».

В какой-то мере неожиданным выглядит тот факт, что специалист по чешскому Средневековью первым в начале 1930-х гг. на основе изучения летописных текстов и актов более позднего времени (XVI в.) высказал предположение о том, что летописный Минск располагался вовсе не на месте впадения Немиги в Свислочь, а за пределами современного города, на берегах р. Менки близ д. Городище. Этой гипотезы придерживаются и современные археологи.

Олег Иванович Малюгин

Антон Никитич Ясинский

**ПРОДОЛЖАТЕЛИ ТРАДИЦИЙ
И ТВОРЦЫ НОВОГО**

**Один из основоположников
химической науки Беларуси**

**Доктор химических наук,
профессор БГУ, академик АН БССР,
заслуженный деятель науки БССР**

Николай Федорович ЕРМОЛЕНКО

29.01.1900 – 09.06.1972

Николай Федорович Ермоленко – выдающийся ученый, патриарх белорусской химической науки. Окончил химический факультет 2-го Московского государственного университета в 1924 г. В 1924–1938 гг. – преподаватель, заведующий кафедрой неорганической химии БГУ, где продолжил работать и после Великой Отечественной войны, участвуя в восстановлении университета.

В 1928–1930 гг. стажировался в Лейпциге и Москве. В 1932 г. открыл и возглавил лабораторию коллоидной химии в БАН. В 1931 г. Н. Ф. Ермоленко было присвоено ученое звание профессора, а в 1935 г. присуждена ученая степень доктора химических наук.

Одновременно с работой в БГУ ученый в 1932–1938 гг. и с 1944 г. заведовал лабораторией Института химии АН БССР, в 1959–1972 гг. – лабораторией академического Института общей и неорганической химии. В 1946–1956 гг. Николай Федорович был академиком-секретарем Отделения физико-математических и технических наук, в 1956–1969 гг. – академиком-секретарем Отделения физико-математических, химических и геологических наук АН БССР.

Имя профессора Н. Ф. Ермоленко благодаря его работам по исследованию закономерностей адсорбции, синтеза и направленных изменений структуры, физико-химических свойств сорбентов и катализаторов было известно не только в СССР, но и за рубежом. Ученый создал теорию образования периодических отложений при испарении растворителя, теорию ламинарной коагуляции, на основе которой разработан метод пенной хроматографии. Он обнаружил механизм седиментационной тиксотропии суспензионных систем, исследовал процессы набухания высокополимеров в смешанных жидких средах.

Разработки выдающегося химика нашли широкое применение в отечественной промышленности. Н. Ф. Ермоленко – автор более 300 научных работ, в том числе трех монографий. Он награжден орденами Ленина (1959, 1961), Трудового Красного Знамени (1944, 1954), медалями.

Николай Федорович Ермоленко родился 29 января 1900 г. в д. Клюковке (ныне Оршанский район Витебской области) в крестьянской семье Федора Степановича и Евдокии Федосовны.

После окончания средней школы способный юноша поступил в Московский институт инженеров путей сообщения, но вскоре (в 1920 г.) перевелся на основное отделение химико-фармацевтического факультета 2-го Московского государственного университета, где занимался в лаборатории технической химии фармацевтических препаратов. Там под руководством профессора А. М. Беркенгейма он выполнил дипломную работу на тему «Исследование русского осинового дегтя» и успешно защитил ее в 1924 г.

Перед молодым человеком встал вопрос о выборе дальнейшего жизненного пути, и он вернулся на родину. В том же 1924 г. Николай Федорович был зачислен на должность ассистента по кафедре неорганической, аналитической и физической химии БГУ. Следует уточнить, что в БГУ отдельного химического факультета в то время еще не было (его

открыли только в октябре 1931 г.). Почти все химические дисциплины читались на педагогическом и медицинском факультетах, а с 1927 г. – и на химико-технологическом. Основателями всех направлений в преподавании химии, в том числе неорганической и органической, с первых дней деятельности университета были профессор Б. М. Беркенгейм и Н. А. Прилежаев.

Последующая трудовая биография Н. Ф. Ермоленко связана с двумя крупнейшими научными и образовательными центрами республики: БГУ и Белорусской академией наук (с середины 1930-х гг. – Академия наук БССР), где он проводил большую и плодотворную научно-исследовательскую и педагогическую деятельность.

В 1925 г. молодой ученый посетил Всесоюзный Менделеевский съезд химиков в Москве, а в 1926 г. консультировался по научным вопросам в Москве и в Киеве у ведущих специалистов, в том числе у профессора И. В. Тананаева. В 1928 г. Н. Ф. Ермоленко поступил в аспирантуру БГУ и для прохождения теоретического и практического курса обучения был командирован Наркомпросом БССР в Германию – в Институт физической химии при Лейпцигском университете. Здесь его учителями были профессор В. Оствальд и К. Друкер и другие известные химики, под руководством которых выполнялись практические работы по коллоидной и физической химии. Н. Ф. Ермоленко проводил исследования по коллоидной растворимости и седиментации, прослушал несколько курсов лекций по важнейшим направлениям химических знаний. Им была изучена работа химических лабораторий университетов Берлина, Дрездена, Йены.

В 1929–1930 гг. свою научную и практическую деятельность ученый продолжил в Ленинграде, в Технологическом институте им. Ленсовета. Его стажировкой руководил профессор В. Я. Курбатов. За время стажировки было изучено

Студенты педагогического факультета БГУ, профессор Б. М. Беркенгейм и ассистент Н. Ф. Ермоленко (в центре) в лаборатории количественного анализа. 1927 г.

Студенты педагогического факультета БГУ на практических занятиях по аналитической химии. У доски стоят профессор Э. В. Змачинский и ассистент Н. Ф. Ермоленко. Ок. 1927 г.

влияние закаливания жидким воздухом на структуру никель-железных и других сплавов, осуществлены опыты по синтезированию средних триполифосфатов никеля, хрома, алюминия, талия. Кроме того, ученый установил образование компонентов цинка, кадмия, марганца и других металлов в водных растворах.

Стажировки в Лейпциге и Ленинграде позволили Николаю Федоровичу подготовить и опубликовать в советских и зарубежных журналах пять научных работ. В 1930 г. за эти работы на всесоюзном конкурсе ему была присуждена премия Комитета по химизации СНК СССР.

В 1930 г. после окончания аспирантуры Н. Ф. Ермоленко вернулся в Минск, где продолжил преподавание на кафедре общей и неорганической химии университета уже в должности доцента и получил ученую степень кандидата химических наук. В этом же году он стал первым заведующим кафедрой общей химии нового медицинского института, который в результате «разукрупнения» был создан на основе медицинского факультета. А уже через год Николай Федорович был удостоен ученого звания профессора. В 1935 г. за совокупность

научных работ без защиты диссертации ему была присуждена ученая степень доктора химических наук.

В 1933 и 1934 гг. химический факультет БГУ пополнился двумя новыми кафедрами – физической и аналитической химии. Заведующим кафедрой физической химии назначили профессора В. К. Никифорова, известного своими оригинальными исследованиями периодических реакций в растворах и гелях. Кафедру аналитической химии возглавил Н. Ф. Ермоленко. В то время должность декана химического факультета занимал Э. В. Змачинский – выдающийся ученый и организатор химического производства. Коллектив университетского химфака был нацелен на проведение научных исследований, которые позволили бы максимально использовать в народном хозяйстве республики ее природные ресурсы, обеспечить эффективную работу химических производств.

Педагогический талант ученого не раз отмечался в ряде довоенных публикаций в печатном органе профкома и парткома БГУ «За ленинские кадры»: «Студенты внимательно слушают и каждый ощущает: как близок лектору этот

мир мельчайших частиц!» В публикациях той же газеты декан химфака профессор В. К. Никифоров подчеркивал, что среди всех научных студенческих кружков факультета наилучшие показатели у кружка при кафедре аналитической химии, ставя это обстоятельство в заслугу ее руководителю Н. Ф. Ермоленко. И в целом руководство факультета часто называло имя ученого в числе передовиков университетской науки и педагогики. По прошествии многих лет один из учеников Николая Федоровича, профессор-химик Г. Г. Старобинец, вспоминая годы учебы, в 1996 г. с теплотой писал, что Н. Ф. Ермоленко – тридцатилетнего, одного из трех профессоров довоенного химфака – студенты воспринимали «як свайго», а тот, будучи специалистом по коллоидной химии, «прывучаў да яе» своих учеников.

Являясь одним из ведущих ученых-химиков Беларуси, Николай Федорович совмещал преподавание и организаторскую работу в университете с плодотворной научной деятельностью в БАН. В 1932 г. он организовал и возглавил в академии лабораторию коллоидной химии, которой руководил до последних дней своей жизни. В 1936 г. профессор БГУ был избран членом-корреспондентом АН БССР.

Сотрудниками лаборатории коллоидной химии выполнялся ряд теоретических и научно-прикладных работ. Так, проводилось изучение коллоидных систем, адсорбации и поверхностных явлений. Сам Николай Федорович осуществил серию работ по установлению коллоидохимического состояния и изменения физико-химических свойств систем в зависимости от полярных факторов среды. Из научно-прикладных вопросов большую ценность представляли работы по изучению растительных белков (люпина). Профессор разработал метод получения фанерных клеев, искусственного волокна и пластмасс из люпинового белка. Природные сорбенты также привлекали внимание ученого. В 1935–1938 гг. им было про-

ведено исследование физико-химических свойств природных глин.

Профессор БГУ принимал активное участие в общественной жизни республики: выступал с беседами перед разными аудиториями слушателей, печатал статьи в газетах, в последующие годы подготовил ряд тем для общества «Знание», опубликовал брошюры на научно-популярные темы, работал в бюро химической секции Республиканского общества по распространению политических и научных знаний. По-своему знаковым эпизодом в жизни Николая Федоровича стало его участие в качестве делегата в работе Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, проходившего в конце 1936 г. в Москве. На нем была утверждена новая («Сталинская») Конституция СССР. Своими впечатлениями участник этого значимого события делился официально (например, среди работников подшефного БГУ колхоза «Октябрьская революция») и в кругу коллег. Так, университетская газета в первом январском номере за 1937 г. напечатала большую статью с коллективной фотографией университетских преподавателей, в которой пафосно описала, что на квартире «свайго старэйшага таварыша – прафесара Владзіміра Кандрацэвіча Дыдырка» собралась «професары Пятосін і Снеткоў, дацэнты Пелеп, Шыдлоўскі, Гельфанд і іншыя». Собрались, чтобы послушать делегата Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов. И Николай Федорович рассказал не только о своих впечатлениях о съезде и о встрече со Сталиным, но и о том, что это событие нацелило его на быстрее завершение новаторских исследований по проблеме «бракетывання адсарбентаў (прэсавання паглынальнікаў), якая распрацоўваецца ў хімічнай навуцы ўпершыню».

В начале 1937 г. Николая Федоровича назначили ректором БГУ. Это было вполне характерно для того времени, так как в условиях второй половины 1930-х гг. никого нельзя было удивить тем, как

быстро менялись в кресле руководителя ведущего учебного заведения самые разные по личным и научным качествам люди. Лишь менее года смог удержаться на ректорском поприще А. С. Кучинский, и за ним 7 февраля 1937 г. пришли... А на его место чуть ли не сразу назначили Н. Ф. Ермоленко – как-никак делегата эпохального всесоюзного съезда. Уже через несколько дней, 23 февраля 1937 г., новый руководитель по случаю окончания сессии опубликовал в университетской многотиражке фактически программную статью, хотя и подал свое видение перспектив БГУ под нейтральным названием «Вынікі першага паўгоддзя». В объемном тексте он затронул (правда, в тогдашней пафосно-критической тональности) важнейшие аспекты деятельности университета. Человек науки, волей судьбы ставший знаковой фигурой в общественно-политической системе советской Беларуси, Н. Ф. Ермоленко писал:

«Беларускі Дзяржаўны Універсітэт падвёў вынікі работы першай паловы 1936/37 навучальнага года. Работа ў першым паўгоддзі праходзіла ў асаблівых умовах – ва ўмовах усенароднага абмеркавання гістарычнай Сталінскай Канстытуцыі...

<...> Барацьба за якасць выкладання, за якасць вучобы была пакладзена ў аснову ўсёй работы. Мы строга нарміравалі рабочую шасцідзёнку. Для старэйшых курсаў быў уведзен свабодны дзень для самастойнай работы. Асноўным метадам выкладання былі лекцыі і практычныя заняткі. Бягучы ўлік, які толькі перашкаджаў студэнту глыбока вывучаць прадмет, а таксама семінарскую “прапрацоўку” прадмета асістэнтамі, якая па сутнасці з’яўлялася непатрэбным паўтарэннем лекцый, у гэтым годзе зусім адмянілі...

<...> Вучэбны план выканан універсітэтам за першае паўгоддзе на

Первый выпуск химического факультета БГУ (1930–1933).
Профессор Н. Ф. Ермоленко – четвертый справа в верхнем ряду

С П Р А В К А
Из протокола заседания 10 декабря Научно-исследовательского института
Химической промышленности, Секретаря А.А. КОЗЛОВИЧА.
СЛУШАЛИ: Полагавшие:
С. Протазин, авторское удостоверение: С. Александров, Экспертный институт
Химической промышленности от 1951-54 г.
С выданным адресом:
Днепропетровск *4008*

6
С П Р А В К А.
Профессор ИВАНОВИЧ Николай Федо-
рович, действительно избран членом-корре-
спондентом Академии наук БССР на сессии
16 октября 1956 г.
Дана временно до выдачи удостоверения
И. П. НЕПРЕРЫВНЫЙ СЕКРЕТАРЬ - ШЕЛЮЖКО
З. В. СЕКРЕТАРИАТ - ДУБИКА
Составлен верно:
Секретарь *Шелюжко* / КОЗЛОВИЧ

ДИПЛОМ ДОКТОРА НАУК
ДТ в СССР, Москва 25.10.56
Героинею Научно-исследовательской Комиссии Народной
от 10 декабря 1956 г. гражданке ИВАНОВИЧЕ С. Ф.
за вклад в развитие химической науки
И. П. НЕПРЕРЫВНЫЙ СЕКРЕТАРЬ / КОЗЛОВИЧ
З. В. СЕКРЕТАРИАТ / ДУБИКА
6. Александров И. В.
Иванович С.
Роздольская

7
ВЕРИМКА КЪ ПРОТОКОЛА 3 I
Собрание работ химической науки и членов-корре-
спондентов Академии наук Белорусской ССР
от 1956 года.
С. Р. Я. С. К.
1. Доклад вице-президента, главного
ученого секретаря Президиума
Академии Наук Белорусской ССР.
И. П. НЕПРЕРЫВНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
З. В. СЕКРЕТАРИАТ
Составлен верно:
Секретарь *Козлович* / КОЗЛОВИЧ

Белорусская
Социалистическая
Республика
Ученая Комиссия
Прессовых
дел
8 сентября 1957 года
М. Минск, дом Промышленности
У А О С Т О В Е Р Е Н И Е.
Народный Комиссар Прессовых
дел БССР вынужден удостоверить, что согласно
подписанному Государственной Коммуна-
ционной Комиссией При Народном Комиссариате
Прессовых дел БССР от 29 декабря 1955 го-
да, утвержденному Народным Комиссаром
Прессовых дел БССР, профессору ЕРШАНИЧЕ
Николае Федоровичу присвоена ученая сте-
пень доктора химических наук.
И. П. НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ПРЕССОВЫХ ДЕЛ БССР (ДВУМЯ)
З. В. СЕКРЕТАРИАТ
ПРИ НАИ БССР (ДВУМЯ)
124 Брест-Литовская ул.
Минский Экспериментальный
Институт Химии
Секретарь *Козлович*
16.5.
Составлен верно:
Секретарь *Козлович* / КОЗЛОВИЧ

8
ВЕРИМКА КЪ ПРОТОКОЛА 3 I
Собрание работ химической науки и членов-корре-
спондентов Академии наук Белорусской ССР
от 1956 года.
С. Р. Я. С. К.
1. Доклад вице-президента, главного
ученого секретаря Президиума
Академии Наук Белорусской ССР.
И. П. НЕПРЕРЫВНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
З. В. СЕКРЕТАРИАТ
Составлен верно:
Секретарь *Козлович* / КОЗЛОВИЧ

95,52 проц. Недавыкананая частка плана падае на новыя – гістарычны і геалагічны – факультэты, на якіх у пачатку года асноўныя дысцыпліны не былі забяспечаны выкладчыкамі...

<...> Да канца года праграма будзе выканана поўнасьцю. Парукай гэтаму з'яўляецца добрасумленна і ўпорная работа выкладчыцкага персанала і студэнцтва, наяўнасць у БДУ высокакваліфікаваных кадраў (акадэмікі Бурстын, Нікольскі, Афанасьёў, Панкевіч, члены-карэспандэнты Кайгародаў, Годнеў, Жэрмунскі, прафесары Нікіфараў, Казлоў, Ветохін, Выдра, Перцаў і многа іншых прафесараў, дацэнтаў і асістэнтаў)...

<...> Цяпер універсітэт рыхтуе 23 аспіранты па матэматыцы, фізіцы, хіміі, біялогіі і гісторыі. У першым паўгоддзі дацэнты Шапіра і Мельнік і асістэнт Лукомская абаранілі дысертацыі на вучоную ступень кандыдатаў матэматычных і фізічных навук. У гэтым месяцы т. Будкевіч абараніў дысертацыю на вучоную ступень кандыдата хімічных навук... Да канца вучэбнага года рыхтуецца да абароны яшчэ 6 кандыдацкіх і 2–3 доктарскіх дысертацыі... БДУ паставіў у гэтым годзе навукова-даследчую работу ў аснову свайго рабочага плана. Упершыню за ўсю гісторыю універсітэта гэтаму пытанню ўдзелена належная ўвага. 50 планавых тэм, над якімі працуюць навуковыя работнікі універсітэта, забяспечаны Наркамасветы БССР неабходнымі сродкамі...»

Ректорство (точнее – исполнение обязанностей ректора) Н. Ф. Ермоленко продолжило недолго. Уже весной Наркомат просвещения стал рассматривать новую кандидатуру – агронома Н. М. Бладыко. Однако в начале июля 1937 г. университет получил другого руководителя – обществоведа И. С. Чимбурга.

В конце 1930-х гг. Николай Федорович по совету врачей по состоянию здо-

ровья переехал в Днепропетровск, где в 1938–1939 гг. заведовал кафедрой общей химии в мединституте. После переезда в Киев Н. Ф. Ермоленко возглавлял кафедру неорганической и общей химии Технологического института пищевой промышленности им. Микояна (1939–1941) и одновременно работал в качестве заместителя председателя Отделения физико-математических и химических наук АН УССР и заведующим лабораторией коллоидной химии в Институте химии АН УССР (1940–1941). В предвоенное время важным направлением научной деятельности Н. Ф. Ермоленко было изучение закономерностей адсорбции, физико-химических свойств сорбентов и катализаторов.

С началом Великой Отечественной войны ученый был эвакуирован в Сталинград, где в 1941–1942 гг. возглавлял кафедру общей химии медицинского института. С приближением линии фронта в августе 1942 г. переехал в Ташкент. Там в 1942–1943 гг. Николай Федорович работал профессором кафедры общей химии Ташкентского текстильного института. В то время в Ташкенте в эвакуации находилась АН БССР, что позволило продолжить академические исследования. Ученый начал трудиться над вопросами снижения уровня серы в бензине, который получали из нефти, добывавшейся в Средней Азии. Также стояла проблема дезмульгации нефти Бугурусланского месторождения. За эти и другие разработки он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В 1943 г. Н. Ф. Ермоленко возглавил кафедру неорганической химии БГУ, который возобновил работу на ст. Сходня под Москвой. В 1944 г. по возвращении в Минск профессор принял активное участие в восстановлении работы университета и Академии наук. В послевоенный период он до 1965 г. продолжал заведовать кафедрой общей химии БГУ.

Николай Федорович был первоклассным педагогом. На протяжении ряда лет на химфаке существовала традиция: Н. Ф. Ермоленко посвящал первокурсников в химики – он читал первую лекцию и принимал первый экзамен. На экзамене создавалась исключительно спокойная, но деловая обстановка. С особым чутьем и тактом, не копаясь в мелочах, Николай Федорович всегда мог объективно оценить знания студента. Профессор обладал исключительным даром первоклассного лектора. Лекции его были очень интересны и содержательны, излагались доступным языком, сопровождалась показом опытов и пользовались большой популярностью у студентов.

Одновременно с работой в университете Н. Ф. Ермоленко продолжал заведовать лабораторией коллоидной химии АН БССР, где были сконцентрированы его основные исследовательские интересы. В 1947 г. его избрали действительным членом АН БССР. В 1946–1956 гг. Николай Федорович – академик-секретарь Отделения физико-математических и технических наук, а в 1956–1969 гг. – академик-секретарь Отделения физико-математических, химических и геологических наук АН БССР. С 1953 по 1956 г. его избирали членом Президиума АН БССР. Продолжилась и общественно-политическая деятельность Н. Ф. Ермоленко – на протяжении 1950–1961 гг. его избирали депутатом областного Совета депутатов трудящихся III–V созывов.

Таким образом, большую научную и педагогическую работу Н. Ф. Ермоленко на протяжении многих лет сочетал с общественной и научно-организационной, направляя все усилия на укрепление и дальнейшее развитие институтов химического профиля, способствуя развитию ряда отраслей химической промышленности БССР. В этом отношении принесла свои положительные результаты научная командировка в ГДР, где ученый в 1958 г. детально ознакомился с опытом немец-

ких коллег по вопросам обогащения и переработки калийных солей.

Основная область научных интересов Н. Ф. Ермоленко – коллоидная и физическая химия, физикохимия высокополимеров, химия цеолитов. Им были разработаны теория образования периодических отложений при испарении растворителя и теория седиментационной тиксотропии суспензионных систем. Изучая влияние растворов протеинов на стабильность суспензий гидроксидов металлов в процессе пенообразования, Н. Ф. Ермоленко открыл новое явление в коллоидной химии, которое получило название «ламинарная коагуляция», принятое в коллоидно-химической литературе. На этой основе были разработаны методы пенной хроматографии и пенной флотации коллоидных систем.

Обширный цикл исследований Н. Ф. Ермоленко посвящен изучению адсорбции из смешанных сред. Им было установлено влияние полярности сред на течение адсорбции из растворов на угольных, минеральных и смешанных адсорбентах. Одновременно выявлена общая зависимость между растворимостью и адсорбцией веществ, выяснено влияние структуры, характера и положения заместителей на адсорбируемость веществ из однородных и смешанных сред. В частности, показано, что уменьшение электроотрицательности замещающих групп в молекулах ароматических кислот способствует возрастанию адсорбции. Ученый установил связь между степенью адсорбции, дипольными моментами замещающих групп и константами диссоциации кислот.

Одними из первых были работы по изучению возможности получения активированного угля из нового вида сырья – торфа и лигнина, влияния условий активирования на их адсорбционные свойства. В послевоенные годы сотрудниками Минского завода медицинских препаратов под руководством Николая

Федоровича был разработан и внедрен сокращенный метод адсорбционной очистки антибиотиков.

Исследуя набухание высокополимеров в смешанных средах, Н. Ф. Ермоленко с сотрудниками выявил зависимость набухания от полярности сред, обнаружил явление температурного гистерезиса набухания, изучил влияние добавок полярных компонентов на возникновение экстремумов на изотермах набухания и предложил оригинальное уравнение, описывающее кинетику набухания.

Серия работ белорусского академика посвящена исследованию механизма действия ингибиторов на процессы окисления каучуков, действия полимеров на растворимость металлов и окисляемость целлюлозы галогенами, влияния растворителей на состояние эфиров целлюлозы в растворах. В частности, им было показано, что при переходах золя в гель и обратно оптические свойства коллоидных систем изменяются непрерывно.

Н. Ф. Ермоленко со своими сотрудниками провел детальные физико-химические исследования систем из триполифосфата натрия, широко применяемого в современной технике. Ими был установлен и подтвержден ряд ранее неизвестных молекулярных соединений в солевых растворах и показана целесообразность использования для определения их наличия и состава наряду с другими физико-химическими методами простого, удобного и достаточно точного рефрактометрического метода.

В последние годы жизни направленные научные исследования Николая Федоровича сконцентрировалось главным образом на вопросах, касающихся закономерностей адсорбции, а также синтеза, изучения и применения адсорбентов. Особое место среди работ этого направления занимают вопросы, связанные с регулированием пористой структуры оксидных и гидроксидных адсорбентов и катализаторов.

В целях разработки методов получения механически прочных адсорбентов с заданными адсорбционными свойствами Н. Ф. Ермоленко и его коллеги провели цикл исследований по синтезу и изучению адсорбционных и каталитических свойств $\gamma\text{-Al}_2\text{O}_3$ и смешанных оксидов из оксихлоридов, в результате которых была показана целесообразность использования оксихлоридов алюминия в качестве исходного сырья для более рационального промышленного получения адсорбентов и катализаторов. В содружестве с Пикалевским глиноземным комбинатом (Ленинградская область) разработаны методы регулирования пористой структуры шариковой активной окиси алюминия и получены новые ее сорта в рамках одной технологической схемы.

Н. Ф. Ермоленко с возглавляемым им научным коллективом был выполнен большой объем работ по синтезу и изучению структуры, сорбционной и каталитической активности синтетических цеолитов. К этой проблеме Николай Федорович подключился по инициативе проблемного совета АН БССР по синтезу, получению и применению адсорбентов, создание которого было продиктовано необходимостью быстрой разработки способов получения и методов регулирования пористой структуры отечественных адсорбентов, в том числе цеолитов.

Под руководством ученого были также разработаны оригинальные способы синтеза цеолитов новых типов с изоморфнозамещенным хромом в кристаллической решетке, например способ непосредственного гидротермального синтеза цеолитов типа А, X, P, S, которые содержат неионообменный хром, а также установлен их состав и изучены каталитические свойства этой новой формы цеолита. Разработан способ получения железозамещенных форм цеолита типа А, X без разрушения их кристаллической структуры.

Совместно с сотрудниками Белорусского технологического института

им. С. М. Кирова ученый разработал ряд методов синтеза модифицированных форм цеолитов, которые могут быть использованы для поглощения сероводорода в процессе производства эбонита и сероуглерода при производстве корда, а также синтезировал высокоактивный адсорбент для извлечения селена, летучих соединений теллура и мышьяка из обжиговых газов серноокислотного производства.

Исследования, начатые Николаем Федоровичем еще до войны, в 1950–60-е гг. нашли продолжение и получили широкое развитие в работах химика В. С. Комарова по изучению коллоидно-химических и ионообменных свойств глинистых веществ и получению на их основе новых видов адсорбентов. Было показано, что на территории БССР есть особые залежи глины, богатые монтмориллонитовой фракцией, обладающие высокой сорбционной и обменной емкостью, перспективные в промышленном отношении.

Н. Ф. Ермоленко обладал многогранным талантом, широкой эрудицией, оригинальностью и глубиной мышления, а круг его научных интересов был необычайно широк и разнообразен. Самим исследователем и под его руководством выполнено и опубликовано более 300 научных работ, получено 14 авторских свидетельств, написано 3 монографии: «Микроэлементы и коллоиды почв» (1966), «Триполифосфаты и их применение» (в соавторстве, 1969), «Регулирование пористой структуры окисных адсорбентов и катализаторов» (в соавторстве, 1971). Эти научные труды в области коллоидной и физической химии, физикохимии высокополимеров, неорганической и прикладной химии имеют большое научное теоретическое и практическое народнохозяйственное значение. Они принесли известность ученому не только на родине, но и за рубежом.

Академик Н. Ф. Ермоленко эффективно выполнял и научно-администраторские функции. На протяжении многих лет

руководил Минским отделением Менделеевского общества, возглавлял Научный совет АН БССР по коллоидной химии, адсорбции и ионному обмену, являлся членом бюро Научного совета АН БССР по синтезу, изучению и применению адсорбентов, был в 1965–1972 гг. главным редактором журнала «Известия Академии наук БССР, серия химических наук», членом редколлегии журнала «Доклады АН БССР» и Белорусской советской энциклопедии. Ученый осуществлял большую работу по координации научной деятельности восьми институтов АН БССР.

Неоценимый вклад внес Николай Федорович в дело подготовки высококвалифицированных специалистов: им подготовлено 29 кандидатов и 2 доктора наук, многие из которых являются гордостью химической науки республики и успешно развивают ее в НАН Беларуси, БГУ и в других научно-исследовательских учреждениях и вузах республики.

Многолетняя плодотворная научно-исследовательская, педагогическая и общественная деятельность Николая Федоровича получила достойную оценку: он был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалями и двумя почетными грамотами Верховного Совета БССР. В 1949 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки БССР».

Н. Ф. Ермоленко был счастлив в личной жизни: жена Анна Семеновна подарила в 1932 г. сына Игоря, а в 1938 г. – дочь Елену. По воспоминаниям родных и знакомых, Николай Федорович был очень интересным и внимательным собеседником, живо увлекался новинками театра, кино, художественной литературой, музыкой, изобразительным искусством. Он был неутомимым участником многочисленных экскурсий, откуда всегда возвращался с множеством интереснейших фотографий, так как фотография была любимым хобби.

Николай Федорович Ермоленко

Родившись в крестьянской семье, Николай Федорович остался привязан на всю жизнь к земле-кормилице. Он очень любил работать в саду, на огороде, находил особое удовлетворение от прогулок в поле, по лесу. Академик отличался тонким чувством юмора, умением поднять настроение окружающим.

Крупный ученый-химик, внесший весомый вклад в науку о коллоидах и адсорбции, замечательный педагог, талантливый организатор и общественный деятель также обладал исключительным обаянием, трудолюбием и трудоспособностью. Он увлекался разрабатываемыми научными проблемами и умел увлечь ими своих многочисленных учеников, щедро даря им идеи и помогая претворять их в жизнь. Его всегда окружал большой коллектив сотрудников и аспирантов.

Принципиальный, честный, требовательный к себе и к другим и вместе с тем отзывчивый и внимательный к товарищам, понимающий нужды коллектива ученый заслуженно пользовался большим уважением, авторитетом и доверием.

Н. Ф. Ермоленко скончался 10 июня 1972 г. в Минске. Похоронен на кладбище «Чижовка». Постановлением Совмина БССР от 13 января 1976 г. «Об увековечении памяти академиков АН БССР Н. Ф. Ермоленко и М. М. Павлюченко» было принято предложение Президиума Академии наук БССР об установлении мемориальной доски на здании Института общей и неорганической химии Академии наук БССР.

**Андрей Анатольевич
Торканевский**

**Ученый, разработавший
и внедривший в производство
способы и технологии
использования природного сырья**

**Профессор, первый декан
химического факультета БГУ,
один из основателей химической
промышленности Беларуси**

Эмиль Викентьевич ЗМАЧИНСКИЙ

02.03.1889 – 15.03.1945

Эмиль Викентьевич Зmachинский – один из первых белорусов, получивших высшее химическое образование. Он успешно окончил химическое отделение физико-математического факультета Юрьевского университета, что позволило приобрести опыт по организации промышленного производства в Москве, Саратове, Перми. В 1917–1918 гг. Э. В. Зmachинский был артиллерийским приемщиком и консультантом Главного артиллерийского управления, занимался проектированием и постройкой завода цианистого калия в Саратове. Затем короткое время заведовал химическим отделом губернского совета народного хозяйства (ГСНХ), участвовал в строительстве спиртоперегонных отделений на саратовских дрожжевых заводах. В 1917 г. Эмиль Викентьевич разработал получение бромистого циана и бром- и подорганических соединений. Он являлся создателем и первым заведующим кафедрой фармпрепаратов, руководил кафедрой органической химии Пермского университета (1925–1928).

Э. В. Зmachинский – организатор и первый декан химического факультета БГУ (1931; 1934–1936). Во многом благодаря ему развернулось широкое исследование белорусских торфов. Ученый разработал способ комбинированной переработки торфа и фосфорита для получения фосфорных удобрений, спирта, дрожжей. Большой вклад он внес в создание технологии получения ихтиола из горючих сланцев. Его организаторский талант позволил в 1934 г. сформировать и возглавить лабораторию торфа, преобразованную в лабораторию по изучению химического сырья БССР. Э. В. Зmachинский – автор ряда проектов опытно-промышленных производств, теоретических работ по проблемам промышленного использования природного сырья.

Одна из научных заслуг белорусского химика – предложенный им новый вариант периодической системы элементов.

Эмиль Викентьевич Змачинский родился 2 (14) марта 1889 г. в с. Подзерное Минского уезда Минской губернии. Змачинские принадлежали к старому шляхетскому роду. Кроме Эмиля в семье было еще трое детей, младший из которых, Александр, впоследствии возглавил организацию химической отрасли в Польше.

В 1899–1907 гг. Э. В. Змачинский учился в Минской гимназии и сразу после ее окончания поступил в Юрьевский университет, который имел богатую историю и славился высокой естественно-научной школой ученых и преподавателей. Будущий химик изначально поступил на медицинский факультет, но через семестр принял решение перевестись на химическое отделение физико-математического факультета. Он учился под началом выдающейся плеяды ученых: К. Д. Покровского (член первого научного астрономического общества в России, первый ректор Пермского университета, член-корреспондент АН СССР), Л. В. Писаржевского (предложил теорию равновесных электродных процессов, а также выполнил ряд работ, положивших начало электронной теории гетерогенного ката-

Викентий Викентьевич Змачинский

лиза) и др. В Юрьевском университете Эмиль Викентьевич завязал зарубежные научные контакты, в том числе с немецкими учеными. Исследования в области химии, а в особенности организация химической промышленности в Германии, в то время находились на очень высоком научно-технологическом уровне. Приобретенный за время общения с германскими коллегами опыт Э. В. Змачинский впоследствии обобщил в статье «Об условиях развития и организации химических предприятий в Германии и России».

В 1914 г. после окончания университета с самым высоким баллом молодой химик приступил к написанию диссертации на тему «О линейной скорости кристаллизации эфиров бензол-орто-карбоновой кислоты», которую успешно защитил в 1915 г. с присуждением степени кандидата химика. Работа над диссертацией обнаружила незаурядные способности химика-экспериментатора. Впоследствии в практической деятельности Эмиля Викентьевича большое значение имел опыт работы «микроскопических наблюдений, приобретенный им на санитарно-бактериологических курсах» при бактериологической кафедре медицинского факультета Юрьевского университета. В одной из автобиографий Э. В. Змачинский написал: «...я упражнялся в микроскопической технике и производстве всех главных санитарно-бактериологических исследований». Ученым-химиком наблюдалось «превращение (перекристаллизация) твердой неустойчивой модификации этилового эфира в устойчивую, т. е. рост единого кристалла за счет другого».

Одновременно Эмиль Викентьевич приобрел педагогические навыки, окончив в 1915 г. Высшие педагогические курсы по отделению физики, математики и космографии в Юрьевском университете под руководством одного из выдающихся педагогов России – профессора физики А. И. Садовского. Э. В. Змачинский в совершенстве знал несколько иностранных языков (немецкий, английский,

польский), вел на них научную переписку с иностранными коллегами, в частности с президентом Польши И. Мосьцицким – видным химиком-технологом того времени. Творческие интересы связывали белоруса также с крупным физиком и химиком К. Фаянсом и др. Эмиль Викентьевич был весьма разносторонней личностью: профессионально музицировал на фортепиано и скрипке, блестяще играл в шахматы.

В годы Первой мировой и Гражданской войн (1915–1922) Э. В. Змачинский активно участвовал в организации работы химической заводской отрасли России. В 1915 г. он был приглашен в химическую секцию Московского военно-промышленного комплекса. По поручению секции ученый исследовал сланцевую смолу и выделил из нее ихтиол, хотя прежние попытки химико-технической лаборатории Российского фармацевтического общества не дали положительных результатов. Препарат был испытан в лаборатории профессора Л. А. Тарасевича и по своим свойствам превзошел зарубежный препарат сульфацилтоловокислого аммония.

В сентябре 1915 г. по окончании исследования смолы битуминозных сланцев в лаборатории Императорского технического училища (после революции – Высшее техническое училище) Э. В. Змачинский был рекомендован профессором А. Е. Чичибабиным в качестве ассистента в Саратовский сельхозинститут на кафедре аналитической химии. Там ученый-белорус задержался на десять лет, хотя в 1916–1917 гг. работал в Петербурге.

В условиях Первой мировой войны развитие химической отрасли было чрезвычайно необходимо. В 1916–1917 гг. Эмиля Викентьевича привлекли к организации хлорцианового отделения на опытном заводе Химического комитета Главного артиллерийского управления (в дальнейшем – Военно-химический комитет) в Петербурге. Работа ученого заключалась в проектировании и стро-

Э. В. Змачинский в годы обучения в гимназии

Семья Змачинских, слева направо: Эмилия Ивановна (Куликовская), Леонард (на руках у матери), Агнесса (стоит), Эмиль (стоит), Викентий Викентьевич, Александр (на руках у отца)

ительстве опытной установки для выделения хлорциана, который удалось получить в октябре 1916 г. (хлорциан среди прочего производился в качестве боевого отравляющего вещества общедовитого действия и впервые был применен войсками Антанты в июле 1916 г.). Работа хлорцианового отделения продолжилась до февраля 1917 г.

Значительные достижения в научной и практической областях Э. В. Змачинского сделали его востребованным в организации химического производства. В апреле 1917 г. он был командирован Химическим комитетом Главного артиллерийского управления в качестве артиллерийского приемщика и консультанта в Саратов на химический завод А. Озолина. Возвращение в город на Волге позволило возобновить преподавательскую деятельность в местном сельхозинституте. На заводе химик занимался конструированием отдельных частей установки для получения цианистого калия. Эмиль Викентьевич обладал даром увлекать идеями и приобщать к сотрудничеству своих коллег. В частности, профессор Саратовского сельскохозяйственного института Я. Я. Додонов оказал помощь в налаживании работы лаборатории завода в проведении опытов по получению едкого натрия.

В результате перерыва производственной работы вследствие революционных событий 1917 г. в России Э. В. Змачинский активно занялся лабораторными исследованиями, которые привели его к научным открытиям. Был найден способ получения бромистого циана, бром- и подорганических соединений. Неорганические цианистые соединения применялись в металлургии, производстве резины и пластмасс. Бромистый циан и хлористый циан используются в органическом синтезе. Циан применяется также в качестве фунгицида и горючего газа для сварки и резки термопластичных металлов. Эти открытия значительно обогатили хи-

мическую науку и расширили возможности производства.

До начала форсированной индустриализации СССР значительно отставал от США и стран Западной Европы в химической промышленности. И поэтому советское правительство, понимая важность решения проблемы, активизировало строительство предприятий данной отрасли, установило жесткое государственное управление в целях концентрации научно-технических и людских ресурсов. Достижения Эмиля Викентьевича не остались без внимания руководства молодого Советского государства.

С 1918 по 1925 г. ученый занимал ответственные должности по организации химической промышленности. В 1918–1919 гг. он участвовал в строительстве спиртоперегонных отделений на саратовских дрожжевых заводах, в организации свеклосахарной промышленности, а также заведовал химическим отделом Саратовского губернского совета народного хозяйства (ГСНХ). За время работы в отделе Э. В. Змачинский детально изучил промышленность и природное богатство Нижневолжского района, что позволило выступить с предложением, направленным в Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), о строительстве суперфосфатного завода при фосфатных разработках. Несмотря на тяжелые и крайне неблагоприятные условия работы, продиктованные социально-политическими условиями, не было закрыто ни одно подведомственное отделу предприятие. В 1921 г. условия пребывания в Саратове были осложнены голодом и разразившейся эпидемией холеры, которая еще с XIX в. стала страшным бедствием для жителей Саратовской губернии. Эмиль Викентьевич активно искал способы предотвращения распространения эпидемии путем дезинфекции. По поручению и на средства Губздрава он организовал производство антисептиков – ихтиола и креолина.

В течение двух лет (1920–1922) Э. В. Змачинский был членом производственно-технической комиссии при Саратовском ГСНХ и одновременно возглавлял редакцию журнала «Народное хозяйство Нижнего Поволжья», заведовал Губхимпромом ГСНХ, занимал должность директора-распорядителя основанного им треста «Объединение химзаводов», занимался восстановлением бездействующих химзаводов, строительством сланцеперегонного завода и производством ихтиола в Саратове. В 1923–1924 гг. он руководил промышленной секцией Саратовской губернской плановой комиссии. Осенью 1923 г. ученый был командирован в Минск, где ознакомился не только с заводскими способами консервирования дерева (что являлось основной целью его поездки), но и в целом с научно-практическими направлениями, которые развивались в БССР. Все это свидетельствует о том, что Эмиль Викентьевич высоко ценился как практик в сфере организации промышленности.

В 1925 г. Э. В. Змачинский был приглашен в Пермский государственный университет (ПГУ), где стал читать курс органической химии на всех факультетах. За время работы в университете ученый-практик создал и возглавил кафедру технологии фармпрепаратов, занимался строительством и оборудованием химико-фармацевтического завода в Алафузовском корпусе при Пермском университете. Согласно отчету химико-фармацевтического отделения Пермского университета в 1926 г. Э. В. Змачинский совершил заграничную командировку в Германию, заключил соглашения «с различными машиностроительными фирмами о доставлении образцового оборудования, отвечающего последнему слову техники». Эмиль Викентьевич осуществлял руководство научно-исследовательской лабораторией «Технология фармацевтических препаратов». Результаты его работы были опубликованы в ряде статей, среди которых «Состояние

и перспективы развития химико-фармацевтической промышленности на Урале» (Хозяйство Урала. 1926. № 13–14), «Пути развития и задачи технологии фармацевтических препаратов» (Вестник фармации. 1926. № 2) и др. Такие видные ученые, как профессора Пермского государственного университета Д. В. Алексеев, Н. И. Кромер, А. Г. Генкель, одним из главных достоинств научных разработок Э. В. Змачинского отмечали их непосредственную связь с производственной деятельностью.

После обретения политико-правового статуса Беларусь столкнулась с серьезной проблемой нехватки квалифицированных кадров. В 1921 г. было принято постановление СНК РСФСР «Об откомандировании», которое гласило «обязать Наркомтруда и Наркомпрос РСФСР» откомандировать в распоряжение белорусского Наркомпроса всех работников просвещения, родившихся в Беларуси (как работавших в органах российского Наркомпроса, так и подлежавших возвращению к работе по своей специальности). Эмилю Викентьевичу как уроженцу Минской губернии и высококлассному специалисту было предложено вернуться в Беларусь.

В личном архиве семьи Змачинских сохранилась выписка из протокола заседания Правления ПГУ от 19 сентября 1928 г.: «...принимая во внимание исключительно большую работу, которая проводилась проф. Змачинским и которая лежит на нем в данный момент по развертыванию научно-исследовательской работы лаборатории, считать, что Правление Университета не может дать свое согласие на немедленный перевод Змачинского за отсутствием соответствующего заместителя, а потому обратиться к Наркомпросу БССР не настаивать на немедленном переезде в г. Минск». Однако в конце октября 1928 г. ученый перевелся на работу в Беларусь. На заседании Правления БГУ 25 августа 1928 г. были рассмотрены «жизнеописание» и заявле-

ние профессора Э. В. Змачинского. В итоге последний возглавил кафедру общей и неорганической химии. Эти направления в изучении и преподавании еще в 1921 г. развернул в университете профессор Б. М. Беркенгейм, который был одним из первых организаторов учебного процесса и научных исследований в области химии в Беларуси.

Преподавание химии в БГУ с момента открытия университета в 1921 г. было организовано по наиболее важным направлениям на медицинском и педагогическом факультетах. Время приезда Э. В. Змачинского совпало с расширением материально-технической базы университета и строительством университетского городка. В 1928–1930 гг. Эмиль Викентьевич занимался оснащением нового химического корпуса: в 40 лабораториях, кабинетах и аудиториях, как

Э. В. Змачинский. Начало 1930-х гг.

свидетельствуют документы, были хорошо оборудованы «...лабораторные столы, снабженные газовыми горелками высокого качества, вытяжные шкафы с хорошо работающей тягой... приборами, а также стеклянной посудой и стеклянной аппаратурой. Имелись большие запасы химических реактивов широкой номенклатуры и высокого качества (главным образом фирмы “Кальбаум”»).

В 1931 г. была продолжена реорганизация БГУ. В сентябре химическое отделение педагогического факультета преобразовали в химический факультет университета (а сам факультет – в отдельный институт). С 1929 г. в БГУ действовал отдельный химико-технологический факультет, и поэтому подготовка химиков именно в этом университете предполагала не только педагогический уклон, но более всего производственный. Первым деканом нового факультета назначили Э. В. Змачинского, ученого, преподавателя с богатейшим опытом и производственника. Работу декана он совмещал с заведованием кафедрой неорганической химии. Постепенно кафедра, возглавляемая Эмилем Викентьевичем, реорганизовалась. На ее основе были созданы кафедры физической (1933) и аналитической (1934) химии, что обуславливалось научно-практической необходимостью. У истоков факультета наряду с деканом стояли такие выдающиеся ученые-химики, как профессора Н. А. Прилежаев, Ф. Г. Осипенко и др.

На посту декана Э. В. Змачинского вскоре сменил Н. А. Прилежаев – крупнейший специалист с мировым именем в области классической органической химии. Однако в 1934 г. деканом химического факультета вновь стал Э. В. Змачинский, руководивший факультетом до 1936 г. Возглавив факультет во второй раз, Эмиль Викентьевич активно занялся популяризацией новых открытий в области химии, организовав выпуск специальной научной газеты.

Второй выпуск химического факультета БГУ (1931–1935).
Групповое фото с преподавателями. В центре Э. В. Змачинский

В первые годы на факультете необходимо было организовать системный учебный процесс, обновить и создать новые учебные планы, нацелить преподавателей на совершенствование лекционных курсов и лабораторных практикумов. Важнейшей задачей была проблема кадров. По воспоминаниям члена-корреспондента АН БССР Г. Л. Старобинца (студент БГУ в 1930-е гг.), профессор Э. В. Змачинский был «высокий, стройный, элегантно одетый, обладал приятными манерами и хорошо поставленным голосом». Студент отмечал выдающиеся лекторские способности своего учителя: «Чтение сопровождалось демонстрацией экспериментов, которые с большим искусством выполняла лекционный ассистент (была такая должность) Л. И. Малишевская. Вдвоем они составляли уди-

вительно слаженный тандем, который буквально завораживал аудиторию». Ученый-химик также проводил большую общественную работу, часто выступая с докладами перед населением. Г. Л. Старобинец вспоминал, что «экспериментальные дэманстрацыі на яго занятках часта прыводзілі да таго, што ў аўдыторыю прыходзілі людзі з вуліцы, якія не мелі ніякіх адносінаў да навучання, нагэтулькі цікава ўсё ў яго было».

В области научных предпочтений Э. В. Змачинский высоко ценил исследования Д. И. Менделеева. Белорусский ученый большое внимание уделял переосмыслению научного наследия своего кумира. Одним из результатов исследовательской работы в этом направлении стало оформление знаменитой таблицы Менделеева. Как личное научно-методическое

ОБЛИГАЦИЯ
ВЕСОМОГО ЗАИМА
ПРОДАЖИ
НАУКИ И ТЕХНИКИ
ЧЕТВЕРТОГО ЗАВЕРШЕНОГО ГОДА РАБОТЫ

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЧС СМД Александр В. Киселев
на Отв. Советник ЧС СМД Павел Ф. Павлов
Разработчик сметы и техникоэконом. ЧС СМД Павел А. Абрамович

ЧАСОВ 30 ЧАСОВ

Земельный
Лесной

МЕСТО ВЫДАЧИ
ПРИЕМНЫЙ БИЛЕТ

ВЕРИТЕЛИ И ПОДАТЧИКИ

2 ЧАСА ЧАСА ЧАСА ЧАСА
2 ЧАСА ЧАСА ЧАСА ЧАСА
2 ЧАСА ЧАСА ЧАСА ЧАСА
2 ЧАСА ЧАСА ЧАСА ЧАСА

Над чем работает кафедра общей и неорганической химии БГУ

Профессор Э. В. ЗМАЧИНСКИЙ

В специально оборудованной лаборатории органической химии кафедры органической химии БГУ в настоящее время ведутся работы по исследованию процессов окисления органических соединений при участии кислорода воздуха. Эти исследования являются частью программы работ по изучению механизмов окисления органических соединений, проводимой кафедрой органической химии БГУ.

Существенным направлением работы кафедры является изучение процессов окисления органических соединений при участии кислорода воздуха. Эти исследования являются частью программы работ по изучению механизмов окисления органических соединений, проводимой кафедрой органической химии БГУ.

Правление Рабочего Университета в связи с отъездом проф. Эмilia Викентьевича ЗМАЧИНСКОГО постановило отметить его полезную деятельность по укреплению Рабочего Университета, где он был автором проекта создания химического цеха и участником организации такового, а так же исполнил поручения по преподаванию курсов органической химии и органического производства, точность и горючие

СССР
Вашей Жен. Работы Трудом
Н. Т. О.
**ОПЫТНЫЙ ЗАВОД
РОССИЙСКОГО
ИНСТИТУТА ПРИНДАННОЙ
ХИМИИ**
КАМЕННЫЙ ОСТРОВ
ТЕЛЕФОН 20 54-00
ТЕКУЩИЕ СЧЕТА
в Ленинград № 1888
в Ленинград № 3028
ПО ВОПРОСУ.

И. М. Мухоморов 1926 г. № 102
Ленинградский Государственный Университет
Химико-Технический факультет
Проф. Э. В. ЗМАЧИНСКИЙ
№ 21/16 (Холл. № 1)
Дорогой Эмелия Викентьевич,

В будущем постараюсь держать Вас в курсе наших литературных вех. Очень прошу Вас отнестись отклик мой статьи в журнал «Химическая промышленность», где Вы найдете кое-что интересное для себя. Очень надеюсь, что не за пределами ваших же намерений Вы устроите работу у нас, во всяком случае, я буду рад видеть Вас на нашем предприятии. Мне, конечно, очень хотелось бы, чтобы Вы работали на нашем предприятии, но если вы не сможете, то я буду рад видеть Вас на нашем предприятии. Очень надеюсь, что не за пределами ваших же намерений Вы устроите работу у нас, во всяком случае, я буду рад видеть Вас на нашем предприятии.

Вашу Веру
А. Киселев

Артиллерийский приемщик
ПРИ
II отдела по заготовлению и
изысканию У. С.
ХИМИЧЕСКОГО КОМИТЕТА
Главного Артиллерийского
УПРАВЛЕНИЯ
КАНДИДАТ ХИМИИ
Э. В. ЗМАЧИНСКИЙ.

УЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ХИМИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ.

развития химической промышленности в Германии. Это превосходство германской химической индустрии, ее красочная деятельность и всеобщие успехи, как поставлены развитой хим. промышленности. Начало германской хим. промышленности берет начало с работ проф. Фридриха Вёгнера, химика из Кюльма, который открыл способ получения синтетического аммиака. Этот способ стал основой для производства азотных удобрений и взрывчатых веществ. В России же химическая промышленность была в значительной степени отстала от германской. Это было связано с тем, что в России не было развитой химической индустрии, а также с тем, что в России не было развитой химической индустрии.

конкуренцию в области новых рынков. Это германские фабрики и заводы, производящие различные химические продукты. В России же химическая промышленность была в значительной степени отстала от германской. Это было связано с тем, что в России не было развитой химической индустрии, а также с тем, что в России не было развитой химической индустрии.

химических предприятий в Германии. Это было связано с тем, что в Германии была развитая химическая индустрия, а также с тем, что в Германии была развитая химическая индустрия. В России же химическая промышленность была в значительной степени отстала от германской. Это было связано с тем, что в России не было развитой химической индустрии, а также с тем, что в России не было развитой химической индустрии.

основания германских химических фабрик и заводов. Это было связано с тем, что в Германии была развитая химическая индустрия, а также с тем, что в Германии была развитая химическая индустрия. В России же химическая промышленность была в значительной степени отстала от германской. Это было связано с тем, что в России не было развитой химической индустрии, а также с тем, что в России не было развитой химической индустрии.

основания химического завода. Это было связано с тем, что в Германии была развитая химическая индустрия, а также с тем, что в Германии была развитая химическая индустрия. В России же химическая промышленность была в значительной степени отстала от германской. Это было связано с тем, что в России не было развитой химической индустрии, а также с тем, что в России не было развитой химической индустрии.

ХИМИКО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Почт. отделение в Ленинград
Временный адрес: Ленинград
115 - 125 Т.

1853
ХИМИКО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Земельный Лесной

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
ПРИВОЛЖСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

К о п и я

25 мая 1957 года

№ 271

Г. Куйбышев (обл.)

С П Р А В К А

Дело по обвинению ЗМАЧИНСКОГО Эмиля Викентьевича, 1889 года рождения, арестованного 8-го апреля 1938 года, пересмотрено Военным трибуналом Приволжского военного округа 24 мая 1957 года.

Постановление особого совещания при НКВД СССР от 17 сентября 1939 года в отношении ЗМАЧИНСКОГО Э.В. отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

До ареста ЗМАЧИНСКИЙ Э.В. работал преподавателем Саратовского педагогического института.

Змачинский Э.В. реабилитирован посмертно.

П.п.Зам. Председателя Военного трибунала
Приволжского Военного округа
полковник юстиции

/ИММАКОВ/

ПОДПИСЬ

Место печати

П А С П О Р Т
 Выдан в г. Ленинград 4 Января 1941 г.
 1. Имя, отчество, фамилия: **Земачинский Эмиль Викентьевич**
 2. Возраст и место рождения: **1889 г. Ядерная б. Мичуринской ул.**
 3. Национальность: **белорус**
 4. Социальное положение: **случайный студент**
 5. Поступление в учебное заведение: **б**
 6. Отношение к военной службе: **Военно-обязан**
 7. Собственноручный или машинный эквивалент подписи: *Змачинский*
 ФВ № 087162

Настоящее удостоверение является пропуском во все советские, общественные учреждения и предприятия города Перми.

Удостоверение № 85

Предъявитель сего, тов. **Эмиль Викентьевич Земачинский**, является членом Пермского Городского Совета Р.К.К.Д. 9-го созыва.

Пермский Городской Совет
 Председатель: *[подпись]*
 Секретарь: *[подпись]*

Личность и подпись тов. **Земачинского Э.В.** удостоверяется: *[подпись]*

192

Приволжский военный округ, командующий

ПЕРМСКИЙ
Городской Совет
 Раб., Крест. и Колхозник. Депутатов.

Ногова, Викентьевна,
 Сообщила Вам что 15-го марта
 сего года была арестована болезнью
 в больнице фелер Зинаида Викентьевна.
 О получении сего письма прошу сообщить
 Вам же адресом Зинаиде Викентьевне
 Отца. С уважением Викентьевна
 31.10.45г.

В кабинете. 1936 г.

кредо Эмиль Викентьевич исповедовал, что «развернутая поверхность конуса – наиболее подходящая форма, соответствующая требованиям диалектики: самый малый период занимает наименьшую поверхность, примыкающую к вершине конуса, по мере увеличения числа элементов в периоде соответствующая ему поверхность возрастает». Этот методологический постулат ученый активно продвигал в своей лекционно-практической деятельности.

Жена Ирина Станиславовна Змачинская с сыном Александром. 1947 г.

В период работы в БГУ Э. В. Змачинский занимался получением ихтиола из горючих сланцев, осуществлял проекты ряда опытно-промышленных производств. В довоенный период научные исследования в области химии были нацелены главным образом на изучение возможностей промышленного использования природных ресурсов республики. Эмилю Викентьевичу принадлежит организация широкого исследования белорусских торфов. В 1934 г. ученый создал научно-исследовательскую лабораторию по химии торфа при БГУ, которую он же и возглавил. В 1936 г. научно-исследовательский диапазон этой лаборатории был значительно расширен – ее преобразовали в лабораторию по изучению химического сырья БССР.

Университетский интеллектual разработал новый способ комбинированной переработки торфа и фосфорита для получения фосфорных удобрений, спирта, дрожжей. В одной из научных статей Э. В. Змачинского описывается, что при переработке торфяного очеса в качестве побочного продукта получился раствор сахара: «...способ комбинированной переработки торфяного очеса и фосфорита дает, наряду с ценным фосфорным удобрением, в качестве побочного продукта раствор сахара. Этот торфяной сахар изучался со стороны его сбраживаемости. Работа показала, что торфяной сахар после получения фосфорного удобрения (преципитата) можно использовать как для винокурения, получая из тонны сухого очеса 70 литров спирта, так и для дрожжевого производства, получая до 200 кг дрожжей из того же количества очеса. Дрожжи, впервые полученные из торфяного сахара, при выпечке оказались обладающими подъемной силой, не уступающей силе дрожжей из мелясы. Они стойки при хранении и вместе с тем богаты содержанием азота, что увеличивает их питательную ценность. Все эти факты имеют громадное народно хозяйственное значение». Ученый также предложил но-

вый способ бромирования и йодирования органических соединений, провел ряд исследований, относящихся к катализу и электрохимии.

В научном багаже Э. В. Змачинского достаточно большое количество опубликованных работ, среди которых «Химизация народного хозяйства БССР» (1930), «Научно-исследовательская работа по прикладной химии в Польше» (1930), «Химия высоких давлений и температур» (1932), «К вопросу о практических методах коксования торфа» (1932), «Комбинированная переработка торфа и фосфорита на спирт, дрожжи преципитат» (1936) и др.

В условиях общего смятения и повальных арестов авторитетный руководитель и ученый не боялся отстаивать интересы своего дела, своего факультета, требовавшего значительных финансовых затрат, и вошел в противоречия с постоянно менявшимся составом ректората. Разногласия с университетским руководством (на посту ректора находился А. С. Кучинский) привели к тому, что 31 августа 1936 г. Эмиль Викентьевич был снят с должности декана химического факультета БГУ.

После этого Э. В. Змачинский переехал в Саратов, однако условий для спокойной жизни и работы там найти не удалось. Его коснулись всеобщее ужесточение социально-политической обстановки, новый виток «борьбы с вредительством и саботажем». Змачинский был арестован 8 апреля 1938 г. УНКВД по Саратовской области. После долгих месяцев заключения 17 сентября 1939 г. выдающегося ученого обвинили «в шпионско-диверсионной деятельности» и осудили на пять лет лишения свободы. Умер Эмиль Викентьевич 15 марта

Из личного дела Э. В. Змачинского в КГБ Саратовской области. 1938 г.

1945 г. после тяжелой болезни в больнице лагеря. Реабилитирован 24 мая 1957 г.

По прошествии лет несложно оценить сделанное нашими предшественниками. Результаты их интеллектуального труда, усилия, направленные на практическое претворение научных находок, бесценная педагогическая деятельность – это и многое другое позволило сформировать в Беларуси образовательную и научную сферы. Эмиль Викентьевич Змачинский внес значительный вклад в развитие белорусской химической науки, в организацию преподавания химии в БГУ. Вся его деятельность как ученого и организатора была направлена на практическую реализацию академических результатов труда – подготовку специалистов-практиков, воплощение химических исследований в народном хозяйстве.

Эмма Леонидовна Малиновская

**Один из крупнейших
белорусских литературоведов**

**Профессор, заведующий кафедрой,
декан филологического
факультета БГУ**

**Михаил Григорьевич
ЛАРЧЕНКО**

01.11.1907 – 31.07.1981

Михаил Григорьевич Ларченко – белорусский литературовед и критик, доктор филологических наук (1956), профессор (1957), заслуженный деятель науки Беларуси (1971). Один из основоположников белорусской советской литературной науки, наставник нескольких поколений белорусских критиков и литературоведов. Ученого интересовали вопросы древней белорусской литературы и фольклора, традиций и новаторства. Он автор пособий для студентов вузов «Нарысы па гісторыі беларускай літаратуры», «Беларуская вусна-паэтычная творчасць», «Старажытная беларуская літаратура», «Беларуская народна-паэтычная творчасць». Перу М. Г. Ларченко принадлежат монографии «На шляхах да рэалізму» (1958), «Сувязі беларускай літаратуры з літаратурамі суседніх славянскіх народаў у другой палове XIX ст.» (1958), «Жывая спадчына» (1977) и др., посвященные проблемам становления и развития реализма в белорусской литературе XIX – начала XX в.

Главная заслуга М. Г. Ларченко – ученого и педагога – формирование национальной школы литературоведов, которая, опираясь на заложенный предшественниками фундамент, получила дальнейшее развитие в трудах учеников и последователей. Ветеран Великой Отечественной войны, тяжело раненный на фронте, М. Г. Ларченко был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями. За свой вклад в научную и педагогическую деятельность он по праву был удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки БССР.

Михаил Григорьевич Ларченко родился 1 ноября 1907 г., как писал сам, «у глухім лясістым кутку» на Могилевщине. Благодаря недюжинным способностям, упорной работе по овладению знаниями и университетским педагогам (профессора И. И. Замотин, Е. И. Боричевский, М. Н. Пиотухович и др.) М. Г. Ларченко стал известным ученым, литературоведом-критиком, организатором подготовки кадров филологов в БГУ. За глубокие литературоведческие работы Михаила Григорьевича, в 1936 г. успешно защитившего под руководством академика И. И. Замотина кандидатскую диссертацию «Лірыка Якуба Коласа», в 1939 г. принята в Союз советских писателей БССР.

Как отмечает один из многочисленных учеников М. Г. Ларченко, выпускник филфака 1963 г., профессор В. П. Рагойша, для тысяч сегодняшних исследователей-филологов, преподавателей средних специальных и высших учебных заведений не нужно объяснять, кто такой Ларченко; они и сегодня хорошо помнят этого выдающегося педагога и ученого. Память о нем хранится не только в опубликованных трудах ученого, архивных документах и материалах, но и в воспоминаниях (изданных и неизданных) его учеников и коллег.

В насчитывающем несколько сотен дел личном архивном фонде ученого, хранящемся в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства, встречается немало документов, свидетельствующих о формировании научных интересов, литературных пристрастий и увлечений Михаила Григорьевича. Среди них сохранились и заметки о наставниках в науке и жизни, друзьях, коллегах, учениках. Написанные на заключительном этапе жизненного пути и потому свободные от конъюнктурного влияния, они позволяют составить представление об этом неординарном человеке, ученом и педагоге, который, по словам одного

из его учеников, «за сваё жыццё перанёс немала “разносаў”».

В интервью газете «Магілёўская праўда», данном М. Г. Ларченко незадолго до смерти, он с большой теплотой и благодарностью вспоминал об истоке своих познаний – Княжицкой школе крестьянской молодежи, в которой учился в 1925–1928 гг.: «Княжицкая ШКМ в моей жизни сыграла большую роль. Если бы не она, думаю иногда, возможно, я не был бы тем, кем являюсь в настоящее время. Большое спасибо организаторам и бывшим преподавателям Княжицкой ШКМ».

В написанных автобиографических заметках «Пра сябе» автор выступает как бы в двух ипостасях: склонного к саморефлексии исследователя и писателя, демонстрирующего присущий ему литературный стиль. Приведем фрагмент из этого документа, выгодным образом отличающийся от сухого перечисления событий, дат, занимаемых должностей, наград и других сведений, характерных для автобиографий, встречающихся в личных делах.

Начинает Михаил Григорьевич с саморефлексии: «Калі паэт мае пэўную рацыю пісаць, што яго аўтабіяграфія ў яго вершах, то крытык-літаратуразнаўца не можа сказаць, што яго жыццёпіс знаходзіцца ў яго работах. Тут ёсць, як кажуць, свая спецыфіка, свае цяжасці. Перамагчы іх, расказаць пра сябе і час яму трудней, чым, напрыклад, паэту-лірыку. Але паспрабуем».

А далее идет обрамленное лирико-романтическими элементами описание детства: «1907 год, 14 лістапада [по старому стилю] у сям’і селяніна Рыгора Дземідавіча і Наталлі Анісімаўны Ларчанкаў, жыхароў вёскі Хварасцяны, што на Магілёўшчыне, у кіламетрах ад Чавус і Слаўгарада, нарадзіўся другі сын. Гэта быў я. Вёска стаяла далёка ад чыгункі, у глухім лясістым кутку, каля яе працякала ціхая невялічкая рачулка пад назвай Субота. Тут я рос і выхоўваўся ў многадзетнай сям’і ў Азарычаскай пачат-

ковай школе, памагаў бацькам у іх сельскагаспадарчай працы – пасвіў статак, хадзіў за плугам і бараною, расціў хлеб і бульбу, касіў, вадзіў каней у начное, лавіў рыбу. Разам з тым вучыўся, прагна чытаў усё, што трапляла пад рукі».

От овеянного романтическим флером детства автор переходит к юности, годам учебы в Могилевском педтехникуме (1928–1929), затем в БГУ и Высшем педагогическом институте (1929–1932). Рассказывает о занятиях в аспирантуре при АН БССР (1932–1935), упоминает о своих первых литературных опытах: «У 1929 г. мара мая здзейснілася. З другога курсу я пакінуў Магілёўскі Белпедтэхнікум, вытрымаў паложаныя экзамены (іх было многа, уключаючы алгебру, геаметрыю, трыганаметрыю, элементы вышэйшай матэматыкі, хімію, фізіку, педагогіку і інш.) на літаратурна-лінгвістычным аддзяленні і быў прыняты ў лік студэнтаў БДУ».

Особое внимание М. Г. Ларченко уделяет наставникам, оказавшим существенное влияние на его формирование как исследователя-литературоведа и педагога: «Асабліва добрае і плённае ўражанне зрабілі на мяне сваімі лекцыямі такія прафесары, як І. І. Замоцін, Я. І. Барычэўскі, С. Я. Вальфон, М. М. Пятуховіч і дацэнт В. Саўсун. У іх можна было вучыцца лектарскаму майстэрству, якім яны валодалі ў дасканаласці». Описывая события, связанные с учебной аспирантурой, Михаил Григорьевич вновь и вновь возвращается к своим учителям: «На педфаку БДУ я праймаўся каля трох год, затым педфак быў пераўтвораны ў Вышэйшы педагогічны інстытут, які я закончыў датэрмінова і ў кастрычніку 1932 г. паступіў у аспирантуру АН БССР на аддзяленне беларускай літаратуры. Вучоба мая ў аспирантуры праходзіла пад кіраўніцтвам акадэміка І. І. Замоціна. Добра было з ім працаваць. Ад яго я многаму навучыўся, перш за ўсё – методыцы навуковага даследвання літаратурных фактаў. Ён быў кіраўніком маёй канды-

дацкай дысертацыі “Лірыка Якуба Коласа”, якую я абараніў у 1936 г.».

О своем дебюте в качестве литератора автор пишет: «Першы мой артыкул пра Віцебскую філію “Маладняка” быў надрукаваны ў газеце “Витебский рабочий” у 1932 г., калі я праходзіў там творчую практыку як студэнт крытычна-творчай секцыі літфака Вышэйшага педагогічнага інстытута».

И наконец, осмысливая путь своего становления как литературного критика, литературоведа, М. Г. Ларченко отмечал: «Варта сказаць, што нялёгка быў для мяне, сялянскага хлопца, шлях да вяршыні культуры і навукі. Патрэбна было многа працаваць над сабой, чытаць, авалодваць ведамі. Але тая вялікая мэта, якую я паставіў перад сабою, узбудзіла ва мне вялікую энергію, што памагла перамагчы ўсе цяжкасці, перашкоды і стаць савецкім літаратуразнаўцай-крытыкам, вучоным-філолагам. З сакавіка 1941 г. я член КПСС».

Свое участие в войне, тяжелое ранение, работу в БГУ в военные и послевоенные годы Михаил Григорьевич описывает сжато, поэтому обратимся к другим источникам. Одна из учениц Ларченко, зачисленная в 1951 г. преподавателем возглавляемой им кафедры белорусского языка и литературы и ставшая вскоре доцентом, дочь партизанского генерала, Героя Советского Союза В. И. Козлова О. В. Козлова вспоминала: «У суровую зіму часу Вялікай Айчыннай вайны, у 1943 годзе, калі нямецка-фашысцкія армеды яшчэ тапталі эрзацамі зямлю савецкай дзяржавы, я разам са сваімі сяброўкамі – дочкамі партызанаў Беларусі Яўгеніяй Васілеўскай (будучым дацэнтам БДУ) і Нінай Ржэўскай (будучым аўтарам шматлікіх падручнікаў сярэдняй школы) прыехалі на падмаскоўную станцыю Сходня, дзе аднавіў сваю работу Белдзяржуніверсітэт. У прамерзлым драўляным будынку нас сустрэў Міхась Рыгоравіч Ларчанка – дэкан філфака, які быў апрануты ў падшыты ветрам

шынялёк, пашкоджаныя ў франтавых акопах боты, вайсковую гімнасцёрку і нагадваў службоўца мясцовага ваенкамата. Кінулася ў вочы яго прыгожая кучаравая чупрына, жвавыя вочы, цёплая ветлівая ўсмешка. З гадамі знешні партрэт Міхася Рыгоравіча не мяняўся, мяняўся апраткавы выгляд, ён набыў цывільную далікатнасць, інтэлігенцкую імпазантнасць, з’явіліся дэталі нацыянальнага адзення – гальштукі з каларытнымі ўзорамі слугцкіх паясоў.

У аудыторыю Міхась Рыгоравіч заўсёды заходзіў ў добрым настроі і лекцыю пачынаў паэтычнай размінкай, прывязваў яе да тэмы лекцыі і, паступова набіраючы пафасную планку матэрыялу, заваражваў студэнтаў. Маё пакаленне з удзячнасцю захаплялася яго лекцыямі па старажытнай літаратуры і асабліва курсам вуснай народнай творчасці. Тэхнічныя сродкі не існавалі ў тую пару. Прафесар уголас дэманстраваў прыклады амаль усіх мелодый і стыляў фальклору. Міхась Рыгоравіч Ларчанка заняў сталае месца дэкана філалагічнага факультэта ў 1943 г. і на працягу 12 год з дапамогай сваіх намеснікаў, спакойна, не тузаючы, без пугі і тумакі кіраваў амаль што жаночым калектывам выкладчыкаў і студэнтаў філфака. Ён стварыў маналітную кафедру гісторыі беларускай літаратуры і ўмацаваў яе маладымі навукоўцамі, што выгадоўваў у аспірантуры пад сваім наглядом. Кожны з яго хрэснікаў у меру сваіх здольнасцяў стараўся сваёй навуковаю працаю пашырыць гарызонт беларускага літаратуразнаўства, фалькларыстыкі, метадыкі працы вышэйшай школы».

Это свидетельство педагогического и организаторского мастерства своего учителя, данное студенткой военных лет, подтверждает и вышеупомянутый выпускник филфака 1963 г., которого особенно поразили вступительные лекции, читавшиеся Михаилом Григорьевичем для первокурсников: «Уступныя лекцыі перад першакурснікамі [М. Г. Ларченко]

Декан филологического факультета БГУ М. Г. Ларченко. Ст. Сходня. 1943—1944 гг.

заўсёды пачынаў вершамі. Амаль кожны раз – вершам Я. Еўтушэнкі:

Как ни крутите, ни вертите –
Существовала Нефертити.
Она когда-то в мире оном
Жила с каким-то фараоном.
Но если даже с ним лежала,
Она векам принадлежала...

Мы, пераважна вясковыя хлапчукі і дзяўчаты, сядзелі ашаламленыя пачутым».

Жизнь не баловала фронтовика, инвалида Великой Отечественной войны. Сессия ВАСХНИЛ 1948 г., борьба с космополитизмом, развернувшаяся в конце 1940-х гг. в СССР, и другие политические и идеологические кампании не обошли стороной БГУ. Они затронули и М. Г. Ларченко. В то время, как некоторые студенты и преподаватели университета с «горячим одобрением» встретили постановление ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» Ваню Мурадели и об «формалистических искажениях» в музыкальном искусстве, он не только не участвовал в подобного рода кампаниях, но еще задолго до оттепели ставил вопросы о необходимости разработки новых подходов к изучению белорусской литературы дореволюционного периода.

Михаил Григорьевич Ларченко

В печати того времени это квалифицировалось как «националистические ошибки в работах по белорусской литературе доц. Ларченко».

Ходатайство руководства университета перед Высшей аттестационной комиссией Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР о присвоении Михаилу Григорьевичу ученого звания профессора без защиты докторской диссертации («за успешную многолетнюю педагогическую и научно-исследовательскую работу») не было удовлетворено. И причиной тому могли стать независимые суждения, не вписывавшиеся в существовавшие тогда в литературе, науке и искусстве «правила поведения», которым следовали многие коллеги ученого.

Не получив звания профессора, М. Г. Ларченко не опустил руки. Он вновь стал учащимся – на этот раз в качестве докторанта Института мировой литературы им. М. Горького, куда в декабре 1952 г. направился на двухлетнюю учебу. Научным консультантом по докторской диссертации был назначен известный украинский литературовед, член-корреспондент АН СССР А. И. Белецкий. В 1955 г. М. Г. Ларченко успешно защитил диссертацию на тему «Становление и развитие реализма в белорусской литературе XIX века» и стал первым в Беларуси доктором филологических наук послевоенного времени.

В условиях наступившего после смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС политического и идеологического потепления М. Г. Ларченко вновь поставил вопрос о необходимости пересмотра оценок творчества некоторых белорусских писателей, а также газеты «Наша Ніва». Сделал он это в форме дискуссионной статьи «Некаторыя пытанні беларускай літаратуры», опубликованной 17 ноября 1956 г. в еженедельнике «Літаратура і мастацтва» (при этом понимая, что статья может вызвать раздражение со стороны не только партийного

руководства республики, но и университетских коллег-историков, не разделявших его позицию в части оценок газеты «Наша Ніва»). И действительно, статья, равно как и вышедший незадолго до нее роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» (в БГУ намечалось его обсуждение, которое под нажимом руководства партийной организации университета было отменено), 17 декабря 1956 г. стали предметом обсуждения на общем собрании коммунистов университета. На нем с докладом «О некоторых вопросах идеологической работы и задачах партийной организации университета по воспитанию студентов» выступил секретарь ЦК КПБ по пропаганде Т. С. Горбунов. О значении, которое секретарь ЦК придавал докладу, свидетельствует тот факт, что, не удовлетворившись его протокольной записью, Горбунов прислал в партком полный текст доклада, потребовав приобщить его к протоколу общего собрания парторганизации университета.

Партийный секретарь отметил, что в статье Ларченко вместе с некоторыми правильными вопросами «содержится ряд ошибочных трактовок». Речь шла о предложении Михаила Григорьевича пересмотреть оценки творчества К. Каванца, А. Гаруна, Ядвига Ш., выброшенных из истории белорусской дореволюционной литературы за свои политические убеждения, а также газеты «Наша Ніва», квалифицировавшейся авторами изданного в 1954 г. первого тома «Истории Белоруссии» (его редакторами были коллеги Ларченко по университету академик В. Н. Перцев и кандидаты исторических наук Л. С. Абецдарский и К. И. Шабуня) как «фактический орган белорусских буржуазных националистов».

Прикрываясь авторитетом Якуба Коласа, просматривавшего, по словам секретаря ЦК КПБ, первый том «Истории Белоруссии» и полностью согласившегося с изложенной в нем оценкой «Нашай Нівы», Тихон Горбунов фактически

обвинил М. Г. Ларченко в «буржуазном национализме», утверждая, что тот через 50 лет решил обелить группу «белорусских буржуазных националистов» – Ластовского, братьев Луцкевичей, графа Ельского и др. Горбунов заявлял: «Тов. Ларченко публикует свою статью в порядке дискуссии. Интересно знать, с кем тов. Ларченко желает вести дискуссию по этому ясному вопросу? Графа Ельского и батрака Янку Купалу он хочет подать вкуче и влюбе. Приходится весьма сожалеть, что эта статья была опубликована газетой “Литература и мастацтва”...»

Секретарь ЦК КПБ обрушился с резкой критикой на профессора БГУ, посмеявшегося вернуть в историю белорусской литературы дооктябрьского периода Каганца, Ядвига Ш., Гаруна, не понявших существа событий 1917 г. и совершивших, по словам автора статьи в «ЛіМе», «крупные политические ошибки». «Он тужится реабилитировать тех, – безапелляционно и безосновательно заявлял Горбунов, – кто сотрудничал с белопольскими оккупантами, кто с оружием в руках боролся против советской власти, кто пролил кровь белорусского народа».

Позицию секретаря ЦК поддержал Л. С. Абецедарский, выступавший в прениях по докладу одним из первых и обративший внимание на имевшее место недоразумение в оценках «Нашей Нивы», которую историки считали контрреволюционной газетой, а литераторы – прогрессивной.

Вслед за Абецедарским слово взял Михаил Григорьевич, начавший с упреков в адрес отдела пропаганды и агитации ЦК КПБ и его руководителя Горбунова, запустивших, по его мнению, идеологическую работу среди интеллигенции. Теперь же, когда он, Ларченко, сделал попытку поставить некоторые вопросы истории белорусской литературы, опубликовав в порядке обсуждения статью в «ЛіМе», Горбунов называет его белорусским буржуазным национали-

стом. «Я, – страстно заявлял литературовед, – категорически протестую против приклеивания мне такого страшного ярлыка... Имел ли тов. Горбунов хоть какое-нибудь основание называть меня буржуазным националистом, тем самым шельмовать меня как коммуниста, доктора наук, декана факультета? Нет, для такого шельмования меня тов. Горбунов никаких оснований не имел...»

Припомнив Горбунову его редактирование второй части изданной в 1951 г. книги «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков» (ее автором значился арестованный в 1953 г. бывший министр госбезопасности БССР Л. Цанава), в которой «Наша Нива» однозначно квалифицировалась как реакционная и контрреволюционная газета, и приведя оценку газеты как «союзницы большевистской печати в то время», данную коллегой-литератором Ю. С. Пширковым, М. Г. Ларченко предложил воздерживаться от таких крайностей.

«В оценке роли газеты в истории развития культуры, – подчеркивал Ларченко, – необходимо подходить не односторонне, упрощенно, а всесторонне, учитывая всю тогдашнюю конкретно-историческую обстановку в Белоруссии. “Наша Нива”, на мой взгляд, в тех сложных условиях периода начавшегося спада буржуазно-демократической революции могла быть и была по своей политической направленности буржуазно-демократической, либерально-реформистской, в идейном отношении очень противоречивой газетой, страницы которой отражали сложную борьбу двух идейно-классовых направлений – буржуазно-националистического, реакционного и революционно-демократического – прогрессивного. Вот почему на одних и тех же страницах газеты, с одной стороны, выступали, задавая основной тон, белорусские буржуазные националисты, которые проповедовали реакционные идеи бесклассовости белорусской нации, идеи “золотого века”, идеи сотрудничества с самодержавием,

поддержки столыпинщины, проповедовали идеалистическую теорию “Искусства для искусства”, а с другой – на этих же страницах “Нашай Нівы” активно, почти в каждом номере выступали представители белорусской революционной демократии (Янка Купала, Якуб Колас, Тетка, Ц. Гартный и также прогрессивные писатели-патриоты – демократы М. Богданович, З. Бядуля, К. Буйло, А. Гурло, Я. Журба и ряд других). Эта большая группа революционно-демократических и прогрессивных писателей и поэтов, отражавших в своих произведениях чаяния угнетенных масс белорусского народа, делала “Нашу Ніву” прогрессивной, нужной и полезной газетой, делала ее популярной среди народа, ставила важные вопросы о развитии белорусской национальной культуры и литературы, белорусского языка, искусства, просвещения трудящихся, свободы и независимости нашей Родины».

В этот раз руководство университета и подавляющее большинство участников знаменательного партийного собрания выступили в защиту М. Г. Ларченко. Наиболее впечатляющим было выступление проректора Ф. П. Шмыгова, по своим масштабам и затронутым проблемам скорее напоминавшее содоклад. Полностью поддерживая позицию Ларченко, призывавшего публикацией своей статьи «к внимательному изучению идейного наследия белорусского народа», Фрол Шмыгов однозначно отметал брошенные в адрес Михаила Григорьевича обвинения в национализме. «Действительно ли тов. Ларченко “буржуазный националист”? Нет, конечно. Мы знаем Ларченко давно. Многие еще помнят, как он в лаптях пришел из вёски в Минск и постучался в университет. И вот из этого вескового хлопчука вырос доктор филологических наук, зав. кафедрой, декан факультета, член Союза советских писателей. Каким образом могло случиться, что из пастуха вырос доктор наук? В этом, как и во всем том хорошем, величественном и светлом

нашей социалистической действительности, видная воля коммунистической партии. Ей обязан Ларченко своими успехами. Ей обязаны и все мы».

Далее, перечислив работы Михаила Григорьевича «М. Горький и белорусская литература», «Гоголевские традиции в белорусской литературе», «Некрасовские мотивы в поэзии Купалы и Коласа» и оценив их как свидетельство интернационалистических взглядов их автора, Ф. П. Шмыгов задал вопрос: «Как же можно после этого объявлять его “буржуазным националистом”?» Он подчеркивал, что Ларченко идет в области белорусского литературоведения по непроторенным дорогам и не все, вышедшее из-под его пера, является безупречным: «У него могут быть и есть ошибки. Но было бы неправильно объявлять Ларченко за эти ошибки “буржуазным националистом”».

Схожую позицию в отношении Ларченко занимали и другие выступавшие на собрании. В частности, философ И. Н. Луцицкий заявил, что нет оснований обвинять коллегу в буржуазном национализме.

Выступая с заключительным словом, Т. С. Горбунов отметил, что не считает Ларченко националистом, но вместе с тем полагает, что тот допустил ошибку, опубликовав статью в еженедельнике без предварительной ее апробации в Институте литературы или ЦК КПБ.

В личном архивном фонде М. Г. Ларченко сохранилась авторизованная машинопись его заявления от 2 марта 1957 г., с которым он обратился на имя секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. Связывая причины публикации своей дискуссионной статьи «Некаторыя пытанні беларускай літаратуры» с тем, что «разработка важных вопросов культурного наследия у нас в Белоруссии находится в запущенном состоянии», и излагая свою позицию в части оценки газеты «Наша Ніва», отличающуюся от той, что присутствовала в вышедшем в 1954 г. первом томе «Исто-

рии БССР», Михаил Григорьевич просил поддержки у первого лица страны в «деле создания нормальных условий для творческой научной дискуссии по затронутым в моей статье вопросам».

Время подтвердило верность позиции университетского профессора в части оценок, касавшихся как «Нашай Нівы», так и творчества ряда белорусских писателей и поэтов. Как справедливо отмечал профессор БГУ В. П. Рагойша в опубликованной в 2007 г. статье под характерным для данного контекста названием «Даследчык і прапагандыст славянскай супольнасці (Да 100-годдзя з дня нараджэння М. Р. Ларчанкі)», Михаил Григорьевич, в отличие от прошлых славянофилов и их современных последователей, никогда не скатывался в болото российского великодержавного шовинизма, как не попадал он и в сети национализма.

«Шчыры беларус, адданы патрыёт сваёй Бацькаўшчыны, – пісал Вячаслав Петровіч, – ён жыў беларускай ідэяй, верна служыў роднай літаратуры, мове, культуры, навуцы, асвеце. Разам з тым з якой цеплынёй і якім глыбокім веданнем пісаў ён пра літаратуры рускую, украінскую, польскую, іншых славянскіх народаў, пра дабратворны ўплыў гэтых літаратур на беларускае пісьменства і бе-

ларускую культуру навогул! Вучоны і сам быў удзячны асобным славянскім народам. Так, у Маскве ў Інстытуце сусветнай літаратуры імя М. Горкага ён падрыхтаваў і абараніў сваю доктарскую дысертацыю, а адным з навуковых кансультантаў у яго быў вядомы ўкраінскі літаратуразнавец акадэмік А. Бялецкі (які, дарэчы ў той самы час вучыў у Кіеўскім універсітэце маладога Уладзіміра Караткевіча)». Было подчеркнута, что М. Г. Ларченко первым в советском предвоенном и послевоенном литературоведении заступился за некоторые произведения и отдельных писателей, которых вульгарная критика и партийная пресса незаслуженно охаивали. Еще в 1939 г. Ларченко однозначно высоко оценил «Новую зямлю» Якуба Коласа, назвав ее произведением большой художественной силы, в отличие от критиков типа Бенде и Кучера, увидевших в поэме только призыв к созданию крупных кулацких хозяйств.

Как инициативный и находившийся в постоянном поиске ученый, педагог и администратор, М. Г. Ларченко порой шел на конфликт с руководством университета, особенно когда дело касалось принципиальных вопросов. Тем не менее накануне 40-летия БГУ, в сентябре 1961 г., его наряду с коллегами – доцентом истфака Л. С. Абецедарским (заведующий кафедрой истории БССР) и П. З. Савочкиным (декан, заведующий кафедрой истории СССР) – наградили медалью «За трудовую доблесть». Полтора годами ранее его вместе с Л. С. Абецедарским пригласили в Варшавский университет для чтения лекций на отделении белорусской филологии. Позже он читал лекции по истории белорусско-славянских связей в Софийском университете. Любопытные записки, хранящиеся в личном архивном фонде, оставил Михаил Григорьевич под впечатлением своего туристического круиза вокруг Европы летом 1960 г.

Очередные неприятности, стоившие М. Г. Ларченко должности декана, начались в 1960-е гг., когда, по словам

М. Г. Ларченко на о. Кипр во время круиза вокруг Европы. Лето 1960 г.

одного из его учеников, «ён падтрымаў нацыянальна свядомых студэнтаў, што былі незадаволены партыйнай палітыкай фарсіравання “зліцця нацый”». Речь шла об очередном волонтеристском лозунге Н. С. Хрущева, который он провозгласил во время своего пребывания в Минске на праздновании 40-летия образования БССР (знаменательно, что озвучил его партийно-государственный лидер, выступая на ступеньках главного корпуса БГУ): «Чем быстрее все мы будем разговаривать на русском языке, тем быстрее построим коммунизм».

Поддержка студентов белорусского отделения, требовавших читать им обязательные тогда для всех курсы истории КПСС, политэкономии на белорусском языке, стоила Михаилу Григорьевичу должности заведующего кафедрой белорусской литературы, которая была его

любимым детищем и которой он особенно гордился. Здесь в 1960–70-е гг. работали профессора С. Х. Александрович, О. А. Лойко, Н. С. Гилевич, И. Я. Науменко и др. Благодаря Ларченко она стала одной из лучших в республике среди филологических кафедр. И тем обиднее для профессора было отстранение его от руководства кафедрой, обусловленное (несмотря на попытки университетского ректората завуалировать истинные причины) прежде всего идеологическими обстоятельствами.

Вот некоторые факты. На заседании Совета БГУ 30 июня 1971 г. в числе прочих был рассмотрен и вопрос о переизбрании по конкурсу на должность заведующего кафедрой белорусской литературы профессора М. Г. Ларченко. Выступавший первым ректор университета А. Н. Севченко дал достаточно негатив-

Выпуск белорусского отделения филологического факультета БГУ 1963 г.

Михаил Григорьевич Ларченко

ную характеристику коллеге-профессору, подчеркнув, что тот мало внимания уделяет кафедре и воспитательной работе среди студентов. Антон Никифорович предложил освободить Михаила Григорьевича от заведования кафедрой, чтобы тот «поработал простым профессором под руководством молодого энергичного человека».

Прежде чем поставить вопрос на голосование членов Совета, слово дали М. Г. Ларченко, который попытался донести до коллег суть предъявленных ему ректором претензий: «В отношении случая, который был три года назад. Наши юнцы на 3-м курсе действительно ввели в заблуждение не только меня... проводили такую подписку [о чтении лекций на белорусском языке] под видом того, что им сказал секретарь ЦК. На творческом вечере молодых писателей они сказали, что хотели бы слушать на белорусском языке политэкономии и философию. Им сказали, что поставьте этот вопрос на факультете, в партийной организации. А они пошли другим, обходным путем. Они без разрешения, без договоренности, когда я читал лекцию, а я прочел один час и потом ушел на перерыв, в этот период они начали это свое комсомольское дело обдeldывать. После этого выяснилось, что это нехорошее дело. Мы с зам. декана провели собрание, обсудили это дело, партком вызывал нас, разобрался в этом деле. Нам сделали внушение, что вы допустили просчет, что тогда же, на месте не реагировали на это. Но в такой обстановке сразу сориентироваться трудно было, а потом обсудили на кафедре и на Ученом совете. Если здесь и был мой просчет, то просто так получилось. Возможно, это моя недоработка, мой просчет. Я это признал и нам сделали внушение».

«Почему я ушел с деканства? – продолжал, обращаясь к ректору, Михаил Григорьевич. – У нас с Вами был разговор. Вы говорили: “Михась, для чего тебе белорусское отделение? Мы не можем

готовить, школ нет...” Меня это оскорбило, и начались с этого споры».

В результате голосования за избрание М. Г. Ларченко проголосовали 26 членов Совета, против – столько же при четырех недействительных бюллетенях. Совет принял решение «считать непереизбранным на новый срок работы на должность заведующего кафедрой белорусской литературы доктора филологических наук Ларченко Михаила Григорьевича».

Министерство высшего и среднего специального образования БССР 24 августа 1971 г. направило в адрес ректора БГУ письмо (в копии оно было послано и Ларченко) с предложением провести повторное голосование. Однако Михаил Григорьевич ответил отказом, обосновав его причины в заявлении на имя ректора. В нем он писал: «Вы поторопились издать приказ об освобождении меня от занимаемой должности заведующего кафедрой белорусской литературы в связи с неизбранием меня по конкурсу. Пусть будет так. Сообщаю, что я отказываюсь от повторного голосования и, думаю, что имею право остаться в своем родном университете профессором кафедры белорусской литературы. Прошу удовлетворить мое желание».

С этого времени начался заключительный этап в научной и педагогической деятельности М. Г. Ларченко, продолжавшийся ровно десять лет. Несмотря на ухудшение здоровья, во многом связанное с тяжелым ранением на фронте, он вел в это время активную научную и педагогическую деятельность. В 1974 г. в издательстве «Вышэйшая школа» вышла его монография «Яднанне братніх літаратур». В 1977 г. издательство «Мастацкая літаратура» опубликовала монографию «Жывая спадчына», а «Вышэйшая школа» – 2-е издание хрестоматии «Беларускі фальклор», редактором которой являлся Михаил Григорьевич. По приглашению редколлегии авторитетного всесоюзного журнала «Вопросы литературы» профессор БГУ принял уча-

стие в работе научного круглого стола по проблемам преподавания литературы народов СССР в высшей школе. Его выступление под названием «Начинать с хорошей программы» было напечатано в десятом номере журнала за 1977 г.

Вместе с бригадой фольклористов АН БССР М. Г. Ларченко готовил учебник по белорусскому устно-поэтическому творчеству для вузов республики. Как член ученых советов по защите докторских и кандидатских диссертаций в БГУ и академическом Институте литературы им. Янки Купалы он принимал активное участие в их заседаниях, не раз выступая в качестве оппонента.

В конце 1978 г. 71-летний профессор отправился на трехмесячную стажировку в МГУ им. М. В. Ломоносова. В отзыве о его работе во время стажировки, утвержденном на заседании кафедры истории русской литературы филфака МГУ, отмечалось, что он добросовестно относился к своим обязанностям стажера, изучал необходимые новейшие работы по вопросам реализма и романтизма, а также по проблеме взаимосвязей национальных литератур.

В составленном профессором отчете об учебной, учебно-методической, научно-исследовательской, воспитательной и общественной работе за 1973–1978 гг., подписанном 26 декабря 1978 г., говорилось: «Прошу Конкурсную комиссию и Ученый совет БГУ им. В. И. Ленина предоставить мне возможность работать на кафедре белорусской литературы сле-

дующее пятилетие». Однако Михаилу Григорьевичу не суждено было отработать полный конкурсный срок.

В скромном газетном некрологе за подписью «Группа товарищей» говорилось: «31 июля 1981 г. умер писатель, доктор филологических наук, профессор Михаил Григорьевич Ларченко. В его лице белорусская филология потеряла видного исследователя и педагога. Он вырастил большую плеяду белорусских ученых-филологов. М. Г. Ларченко – видный белорусский критик и литературовед. Его перу принадлежат монографии, посвященные важным проблемам развития белорусской литературы, ее связям с литературами славянских народов. За заслуги перед Родиной М. Г. Ларченко награжден орденом Отечественной войны II ст. и медалями. Он был удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки БССР.

Светлый образ М. Г. Ларченко, видного ученого-филолога, воспитателя молодежи навсегда останется в памяти всех, кто его знал и работал рядом с ним».

Эти суховатые строки некролога дополняют эмоционально окрашенные слова ученицы М. Г. Ларченко, по праву считавшейся любимицей и часто выступавшей в качестве заступницы учителя, О. В. Козловой: «Міхась Рыгоравіч Ларчанка, гуманіст-вучоны, Богам быў прызначаны для мірнай працы. Карэньчык магілёўскай зямлі, коласаўскае зярнятка...»

Михаил Федорович Шумейко

**Один из основоположников
белорусской археологии**

**Кандидат исторических наук,
доцент БГУ**

**Александр Николаевич
ЛЯВДАНСКИЙ**

29.08.1893 – 27.08.1937

Александр Николаевич Лявданский – белорусский советский историк и археолог, член историко-археологической комиссии Института белорусской культуры (с 1927 г.), заведующий отделом археологии Белорусского государственного музея, кандидат исторических наук (1934). Этот активный и востребованный историк одним из первых стал читать в БГУ курсы, которые вводили будущих специалистов-гуманитариев в глубины белорусской истории. С начала 1930-х гг. А. Н. Лявданский – ученый секретарь и заведующий секцией археологии Института истории Белорусской академии наук, а также доцент кафедры общей истории Белорусского государственного университета. Организовал планомерные и систематические археологические исследования на территории БССР: исследовал Заславль, Витебск, Оршу, Смоленск, Полоцк, Борисов и другие белорусские города и регионы. Ученый дал первую и наиболее полную историческую топографию древнего Полоцка. В начале 1930-х гг. вплотную подошел к выделению основных археологических культур железного века на территории Беларуси и Смоленщины, что позволило российским коллегам в 1940–1941 гг. составить общую карту локальных групп городищ лесной полосы Восточной Европы.

Педагогическую деятельность в БГУ Александр Николаевич вел с 1934 г. и до последних дней своей жизни. Он пользовался большим авторитетом среди студентов и преподавателей: был хорошим лектором, умел увлечь молодежь своим предметом, стремился, проявляя глубокие знания и эрудицию, пробудить в них творческую инициативу.

Александр Николаевич Лявданский родился 29 августа (10 сентября) 1893 г. в д. Юрово Смоленичской волости Борисовского уезда. Завершив учебу в народном училище, работал в почтовом ведомстве, в годы Первой мировой войны служил в действующей армии. В 1922 г. после демобилизации окончил Смоленское отделение Московского археологического института, а в 1925 г. – словесно-историческое отделение педагогического факультета Смоленского государственного университета. В том же году Александр Николаевич был принят на должность ассистента археологического кабинета, а вскоре переведен на должность доцента, являлся научным сотрудником Смоленского государственного музея.

В качестве слушателя Смоленского отделения Московского археологического института вместе со слушательницей того же отделения – своей супругой Прасковьей Петровной – А. Н. Лявданский приступил к полевым археологическим исследованиям. В начале 1920-х гг. он под руководством российского археолога, краеведа, музейного деятеля Е. Н. Клетновой принимал участие в раскопках древнего варяжского поселения Гнездово около Смоленска. На протяжении 1923–1927 гг. изучал памятники всех эпох на территории Смоленщины как самостоятельно, так и с В. Р. Тарасенко, И. Х. Юценко и другими исследователями. Лично А. Н. Лявданский открыл Лестровское и Рачевское городища, находившиеся на территории Смоленска, изучил Ковшаровское городище, стоянки каменного века около д. Немыкари, Гамково, Дерябуж, Гнездово и др. Материалы о выявленных в ходе изучения данных объектов регулярно публиковались молодым ученым в российских и белорусских научных периодических изданиях, таких как «Научные известия Смоленского государственного университета», «Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры», «Гістарычна-археалёгічны зборнік», «Працы сэкцыі

археалёгіі» и др. Первоначально статьи А. Н. Лявданского отражали процесс накопления им нового археологического материала, но с опытом работы ученого приобрели аналитический, обобщающий характер, причем отличались значительным хронологическим охватом – начиная с каменного века и заканчивая Средневековьем. В результате длительных полевых исследований Александр Николаевич составил и опубликовал полную археологическую карту Смоленской губернии, в которую были включены сотни памятников – от эпохи неолита до эпохи Средневековья. Большинство памятников, отмеченных на карте, он осмотрел лично, путешествуя по смоленским дорогам пешком и на велосипеде.

Работая в Смоленске, А. Н. Лявданский поддерживал тесную связь с Институтом белорусской культуры в Минске. В первой половине 1920-х гг. в соответствии с планом Института он провел обследования и раскопки на территории Могилевского и Борисовского округов, в Заславле и около Логойска. Результат этих работ – открытие многочисленных памятников эпохи каменного и железного веков, а также первых на территории Беларуси городищ культуры штрихованной керамики. Открытия А. Н. Лявданского, который с 1925 г. стал членом историко-археологической комиссии Инбелкультта, обсуждались на страницах научной периодики, а также на Первом съезде исследователей белорусской археологии и археографии, который состоялся в Минске в 1926 г. Член-корреспондент Академии наук СССР советский археолог А. А. Спицын, выступая на съезде, отметил большую работу, проведенную исследователем, и охарактеризовал его следующим образом: «Знакомясь с разведками и исследованиями т. Лявданского в продолжение трех последних лет, убеждаемся в том, что т. Лявданского можно считать археологом первого разряда».

В 1927 г. А. Н. Лявданский по приглашению Инбелкульта переехал в Минск, где занял должность заведующего отделом археологии Белорусского государственного музея. Это был период наивысшего подъема в деятельности главного музейного учреждения БССР. Его структурными частями стали отделения в Витебске, Могилеве и Гомеле. Новая построенная экспозиция отражала культуру и быт этносов, населявших республику, наладилась культурно-образовательная работа, сформировалось ценное фондовое собрание. Одна из составных частей собрания – обширная археологическая коллекция, куда А. Н. Лявданский регулярно передавал интересные находки, обнаруженные на Смоленщине в середине 1920-х гг.

Прибытие ученого-археолога в столицу БССР по времени совпало с появлением в музее нового директора – общественного деятеля, писателя, историка В. Ю. Ластовского, переехавшего в Минск из Ковно по приглашению руководства республики. В это время внимание посетителей привлекал спроектированный А. Н. Лявданским раздел экспозиции, посвященный археологии. Все артефакты в ней демонстрировались в соответствии с материалом, из которого они были изготовлены – камня, бронзы либо железа.

Одновременно с музейной работой А. Н. Лявданский продолжал свои исследования в Инбелкульте. Вскоре после приезда ученого в Минск в связи с расширением археологических работ в республике на базе историко-археологической комиссии была создана и самостоятельная археологическая комиссия. Ее ученым секретарем стал А. Н. Лявданский, членами – К. М. Поликарпович и С. А. Дубинский. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. ученый провел обширные разведки и раскопки городищ железного века в Белорусском Подвинье, Верхнем Поднепровье и в бассейне р. Припять, которые позволили ему выделить три

локальные группы укрепленных поселений: городища с лепной гладкостенной керамикой Подвинья и Верхнего Поднепровья, городища со штрихованной керамикой Центральной Беларуси, городища с керамикой южного типа. Вслед за А. А. Спицыным А. Н. Лявданский высказал предположение о принадлежности их создателей к балтским племенам. Таким образом, в начале 1930-х гг. он вплотную подошел к выделению основных археологических культур железного века на территории Беларуси. А это, в свою очередь, позволило советскому археологу-слависту П. Н. Третьякову в 1940–1941 гг. составить общую карту локальных групп городищ лесной полосы Восточной Европы.

Археолог первым приступил к систематическому изучению Полоцка, Витебска, Орши, Заславля, Борисова. Исследуя курганы в Заславле, А. Н. Лявданский впервые применил методику раскопок курганов на снос, а также убедительно доказал, что эти курганы были оставлены смешанным дреговичско-кривичским населением. Всего им было изучено свыше 300 курганных насыпей в Подвинье, Верхнем Поднепровье и Полесье.

Анализируя материалы раскопанных Бельчицких курганов в Полоцке, А. Н. Лявданский проследил эволюционную цепочку погребального обряда местных кривичей: от трупосожжения X в. до ингумации в ямах конца XI – начала XII в. Ему принадлежит предположение о том, что первоначальный детинец Полоцка размещался на городище у р. Полота, а позднее был перенесен на территорию Верхнего замка.

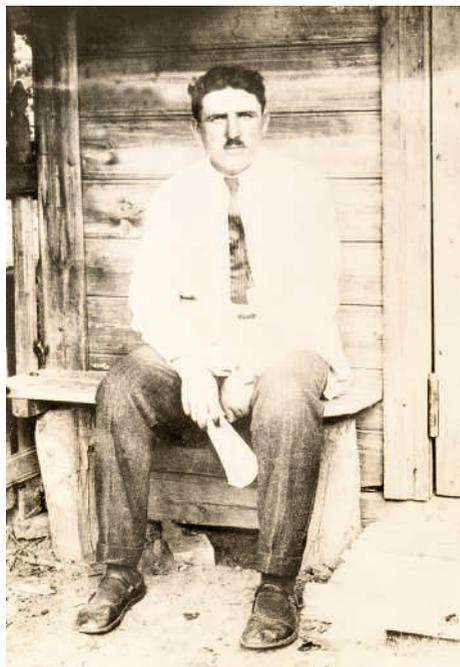
Летом 1931 г. под руководством А. Н. Лявданского Белорусской академией наук была организована комплексная экспедиция в целях изучения р. Березины от Лепеля до Бобруйска. В ней приняли участие не только археологи, но и этнографы И. А. Сербов и М. Я. Гринблат, а также языковед-фольклорист В. И. Барковский. Березина привлекала Алексан-

дра Николаевича как часть древнего водного пути IX–XI вв. С историко-археологической стороны бассейн этой реки был изучен слабо, что открывало перед ученым новые перспективы. Историки и этнографы экспедиции запланировали изучение традиционных занятий жителей региона, филологи – диалектных языковых особенностей. Основным транспортным средством были лодки, которые выделяла лепельская сплавная контора. По мере продвижения по маршруту ученые делали остановки, во время которых проводился сбор материала. Например, во время остановки в Лепеле была изучена местность в радиусе 15–20 км от города. Обнаруженные памятники заносились на карту, производились обмеры, фотографирование, зарисовки, а в некоторых случаях – раскопки. Особенно заинтересовали участников экспедиции курганы XII–XIV вв., обложенные камнями. В соответствии с требованием времени в ходе экспедиции ее участниками проводилась культурно-массовая работа: в различных населенных пунктах читались лекции «Классовая борьба в литературе», «Национальный демократизм и очередные задачи языкознания», «Классовая сущность религии» и др.

В 1931–1937 гг. А. Н. Лявданский – сотрудник, ученый секретарь, заведующий секцией археологии Института истории Белорусской академии наук – выступал инициатором и организатором первых научных археологических экспедиций по широкому, планомерному и всестороннему изучению территории БССР. За короткий период ученому удалось создать творческий коллектив археологов-единомышленников. Кроме упоминавшихся выше К. М. Поликарповича, С. А. Дубинского и И. А. Сербова в него вошли А. Д. Коваленя, В. Р. Тарасенко, С. С. Шутов и др. Александр Николаевич установил тесные связи с российскими учеными, которые изучали памятники разных эпох на территории БССР, – Б. А. Рыбаковым, С. Н. Замятиным,

В. И. Громовым и др. С их помощью к середине 1930-х гг. исследователь составил подробную археологическую карту БССР (к сожалению, она была утрачена в годы войны).

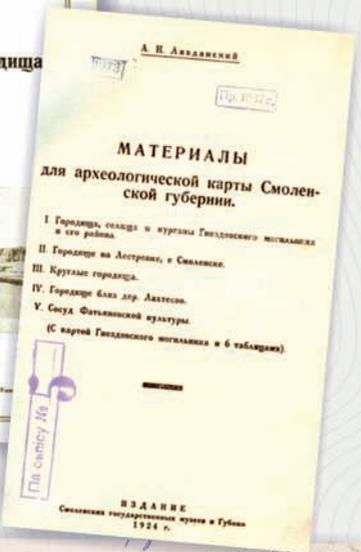
Главное научное направление Александра Николаевича – древняя история Беларуси. В 1928 г. он принял участие в раскопках Бердыжской стоянки эпохи палеолита под руководством К. М. Поликарповича, однако приоритет отдавал исследованию памятников железного века и эпохи Средневековья. Археолог разработал классификацию городищ железного века на белорусских землях, определил их культурно-хронологическую принадлежность и ареалы распространения археологических культур, выявил основные черты патриархально-родового строя, материальной культуры, хозяйства племен. А. Н. Лявданский считал славян поздними пришельцами на территорию Беларуси, категорично выступал против взгляда на Полесье как на прародину славян.

А. Н. Лявданский во время полевых исследований. Середина 1930-х гг.

Александр Николаевич Лявданский

НАСМАЛОВАСЬ
Дентау 11ст-сана 5, 7 гр. 1" на рт
часовая граница за первый смеостр.

АДЗИНЫ *Великий Поля*

ВИГУЛЬНИК *Велла*

БРАДАНСКИ *Великий Поля*

ВОИДАРАУ *Великий Поля*

ВАЛНОВСКИ *Великий Поля*

ВЕРАМ"ИК *Великий Поля*

ГАДЬШЕГРИНА *Великий Поля*

ГЕРАСИМАУ *Великий Поля*

ДЕККЕР *Великий Поля*

ДЯНГЕЛЬ *Великий Поля*

КОМЛИК *Великий Поля*

КЕЦКО *Великий Поля*

КАЛДИАН *Великий Поля*

КУЧУК *Великий Поля*

КУКСО *Великий Поля*

ЛАПУНОВ *Великий Поля*

ЛЫЧКОВ *Великий Поля*

ЛАДУЦКА *Великий Поля*

МЕЛЬНИК *Великий Поля*

21. МАЛЮКОВИЧ *Великий Поля*

22. МАЛКАВА *Великий Поля*

23. ОЗЕР *Великий Поля*

24. ПЕРАЛЬСКИ *Великий Поля*

25. ПРАНОВИЧ *Великий Поля*

26. РЮТЛАН *Великий Поля*

27. СТРЯЧЬСКИ *Великий Поля*

28. БУЖОНЫ *Велла*

29. ФИШАНОВИЧ *Великий Поля*

30. ШАУЦОВИЧ *Великий Поля*

31. ШАУЦОВ С. *Велла*

32. ВОУНАУ *Велла*

АГЕНТ *А. Андрианов* / АНДРИАНОВИЧ

Дело № 11

Совета совес. истории

Одобрения

[Историко-этнографический музей]

Международного

археологического

Смоленского

Университета

[Историко-этнографический музей, Смоленск]

Смоленск - 26 декабря 1922 г.

Смоленск - 26 декабря 1923 года

На 70 листах

Все это нашло отражение в его многочисленных публикациях того периода.

Археологическая наука Беларуси в 1920-е гг. переживала период организационного строительства, находилась в стадии накопления фактов, а также формирования отдельными учеными научных концепций. В это время была создана периодизация первобытной истории Беларуси, изучены время и направления заселения территории республики, хозяйственная деятельность, особенности материальной культуры, направления социальной эволюции племен железного века. В Инбелкульте, а затем в Белорусской академии наук сформировался национальный археологический центр, что позволило организовать систематическое планомерное изучение древностей Беларуси, создало условия для возникновения белорусской археологической школы. Среди наиболее важных социально-культурных явлений, которые способствовали становлению белорусской археологической науки, равно как музейного дела и системы охраны памятников, особое место занимало краеведение. Вопросы учета, охраны и изучения археологического наследия Беларуси поднимались на всех краеведческих съездах и конференциях, обсуждались на заседаниях низовых организаций, а также в публикациях журнала «Наш край».

А. Н. Лявданский считал, что деятельность краеведов имела определяющее значение не только для учета, но также для охраны объектов археологического наследия. Именно краеведы обеспечивали на практике выполнение первого белорусского памятникоохранного законодательства, а в некоторых случаях предлагали собственные законодательные инициативы в этой сфере. Их научно-исследовательская работа в области археологии была ограничена монопольным правом на проведение раскопок в БССР археологической комиссии Инбелкульта. Краеведы имели дело преимущественно с разведкой и обследованием стоянок, го-

родищ, курганов, а также со случайными находками, которые они атрибутировали, информировали Инбелкульт о найденных предметах и передавали их на хранение в государственные и общественные краеведческие музеи.

Конечно, эта схема срабатывала не всегда. Александр Николаевич был осведомлен о случаях самостоятельного (без разрешения из Минска) проведения дилетантских раскопок, в результате которых терялась ценная информация. Из его публикаций мы узнаем, например, об отказе лепельских краеведов передать археологической комиссии для изучения редкий бронзовый топор (кельт). Не всегда краеведы информировали Инбелкульт о случайных палеонтологических находках.

А. Н. Лявданский высоко оценивал деятельность студентов БГУ – краеведов Н. Улащика, А. Ковалени и С. Шутова, которые в течение 1923–1928 гг. самостоятельно исследовали ряд стоянок, городищ и селищ в разных регионах республики. В 1926 г. Н. Улащик и С. Шутов устроили первую экспедицию крае-

Обложка книги «Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии»

Александр Николаевич Лявданский

ведческой организации БГУ по р. Свислочь, в ходе которой были выявлены и обследованы дославянские и славянские городища и курганы. В следующем году еще больший объем работы был осуществлен А. Коваленей и С. Шутовым во время второй экспедиции БГУ в Мозырский район. В 1928 г. третью и четвертую краеведческие экспедиции БГУ в Ушачский и Дубровенский районы возглавил ведущий специалист кафедры этнографии университета И. А. Сербов (руководство четвертой экспедицией он осуществлял совместно с С. К. Журавской). Их участники обследовали городища, раскапывали курганы X–XI вв., а С. Шутов открыл неолитическую стоянку возле д. Горяны.

В 1929 г. А. Н. Лявданский в своей программной статье «Археологические памятники Беларуси» поставил перед белорусскими краеведами масштабные задачи выявления, описания, фотофиксации всех археологических памятников БССР, составления их карточного каталога и археологической карты БССР на его основе. Речь шла о более чем 200 палеолитических и неолитических стоянок, 1000 дославянских и славянских городищ, десятках тысяч курганов, а также большом количестве селищ, каменных крестов и др. Эта масштабная работа, по замыслу Александра Николаевича, должна была быть закончена до начала I Всесоюзного археологического съезда, запланированного на декабрь 1929 г. Следует отметить, что, даже принимая во внимание массовость краеведческого движения 1920-х гг., а также энтузиазм членов местных организаций, задачи, поставленные перед ними А. Н. Лявданским на летний сезон 1929 г., были трудновыполнимыми. Тем не менее многие краеведы приступили к их решению.

С конца 1920-х гг. усилилось стремление высших партийных органов к гипертрофированному восприятию работы ученых-гуманитариев и краеведов с точки зрения ее содержания и возможности влияния на массы. В особенности такой

подход становился акцентированным в образовательной сфере. Это проявлялось и в выступлениях на научных и краеведческих конференциях государственных и политических деятелей, публикациях в периодической печати, организационно-методической деятельности Академии наук и Центрального бюро краеведения. Разворачивалась кампания за «новый этап» в развитии науки и краеведения с тем, чтобы тесно связать их с целями социалистического строительства. Главными задачами ученых и краеведов ставились изучение планов первой пятилетки и практическая помощь в их исполнении. В 1931 г. А. Н. Лявданский вместе с другими белорусскими учеными был вынужден поставить свою подпись под заказным памфлетом, в котором громилась «нацдемы, ступившие на путь контрреволюции» в области этнографии и музейного дела. Год спустя вместе с этнографом и фольклористом М. Я. Гринблатом он подготовил брошюру «Краеведческие музеи и весенняя посевная кампания», которая рассылалась в сопровождении соответствующего диафильма. А. Н. Лявданскому, как и многим, приходилось подстраиваться под политический, властный диктат.

Важным в жизни ученого был 1934 год, когда ему без защиты диссертации, по совокупности изданных работ присудили ученую степень кандидата исторических наук. Тогда же, вскоре после образования исторического факультета БГУ, он стал его доцентом. Выбор руководства университета был неслучаен. Первое выступление А. Н. Лявданского в университете весной 1928 г. на организованных студенческим краеведческим обществом шестинедельных «курсах-студии» по краеведению обратило на себя внимание специалистов. В рамках курсов, на которые было привлечено более 300 слушателей, ученый прочитал лекцию на тему «Изучение археологии края».

Александр Николаевич считал, что, в отличие от исторических дисциплин, изучающих в основном социальные отношения, события и экономические изменения, археология призвана сформировать у студентов представление об историческом процессе как развитии культуры в двух ее аспектах – материальном и духовном. Он рассматривал археологию не как узкую специальную дисциплину в системе подготовки историка или как вспомогательную историческую науку, а значительно шире – в качестве одной из основных учебных дисциплин в системе высшего гуманитарного образования, которая занимает место между антропологией и этнологией: на базе первой как науки о человеке вообще она возникает; для основы второй как науки о творениях живущих поколений служит естественным фундаментом. Исследователь активно участвовал в создании новой, марксистской археологии, преподавание которой опиралось на методологию исторического материализма, стремился использовать археологический материал для изложения студентам социально-экономических и общеисторических проблем. А. Н. Лявданский принадлежал к числу тех преподавателей, которые идейно приняли смысл революции, искренне стремились осознать значение произошедших исторических перемен в государстве и приступили к овладению марксизмом.

Талант А. Н. Лявданского ярко проявился в педагогической деятельности, которую он вел с 1934 г. и до последних дней своей творческой жизни. Ученый пользовался среди студентов и коллег большим авторитетом: был хорошим лектором, умел увлечь обучающихся своим предметом, стремился пробудить в них творческую инициативу, проявляя при этом глубокие знания и эрудицию. Свой лекционный курс «История доклассового общества» объемом в 40 часов он иллюстрировал ценными полевыми материалами, был инициатором их регулярного

А. Н. Лявданский и С. А. Дубинский
за разбором материалов
полевых исследований.
Середина 1930-х гг.

обновления, включения новых тем. В те годы чтение курса «История доклассового общества» означало, в сущности, создание новой учебной дисциплины. В соответствии с программой, разработанной лектором, на занятиях рассматривалось семь тем: «Источники для изучения доклассового общества»; «Периодизация истории доклассового общества»; «Состояние изучения истории доклассового общества до Октябрьской революции и после»; «Проблемы происхождения человека»; «Первобытное стадо»; «Первобытная коммунистическая орда»; «Родовое общество». Весной 1935 г. две группы первокурсников сдавали экзамен по этой дисциплине, причем 55 человек из 60 студентов получили оценку «очень хорошо» (аналог сегодняшнего «отлично»). И лишь пяти студентам доцент Лявданский поставил оценку «хорошо».

В 1935/36 учебном году А. Н. Лявданский стал профессором кафедры общей истории БГУ, которую возглавлял декан академик В. К. Щербаков. Как и в предыдущем году, он преподавал дисциплину «История доклассового общества», однако к студенческим знаниям отнесся более строго. Так, на экзамене только 8

из 42 сдававших получили оценку «очень хорошо», 3 – «посредственно» (удовлетворительно), остальные – «хорошо». Кроме аудиторных занятий профессор проводил профориентационную работу. Вместе с другими преподавателями университета он выезжал в районы в целях популяризации БГУ среди выпускников средних школ, рабфаков и техникумов. В 1936/37 учебном году А. Н. Лявданский продолжил читать свой курс в БГУ. В апреле он принял экзамен у первокурсников, а 9 мая 1937 г. был арестован по ложному обвинению. 27 августа того же года А. Н. Лявданского расстреляли в Минске вместе с коллегами С. А. Дубинским и А. Д. Коваленей. Ученый был реабилитирован во время оттепели в 1958 г.

Сегодня общепризнано, что с именем выдающегося ученого и педагога связаны наиболее значительные достижения белорусской археологической науки в 1920–30-е гг. Впервые вместо эпизоди-

ческих, не связанных одним планом раскопок, которые проводились археологами в дореволюционное время от случая к случаю, под руководством А. Н. Лявданского было организовано планомерное и систематическое археологическое изучение территории БССР. Многие материалы, полученные им в результате полевых исследований, были опубликованы. Ученый являлся не только организатором и исследователем, но и неустанным пропагандистом археологических знаний. С кафедры БГУ, трибун краеведческих конференций и съездов, страниц периодической печати, на встречах с широкой аудиторией он неустанно говорил о большом культурном и научном значении археологических памятников, выступал против их бездумного и дилетантского разрушения.

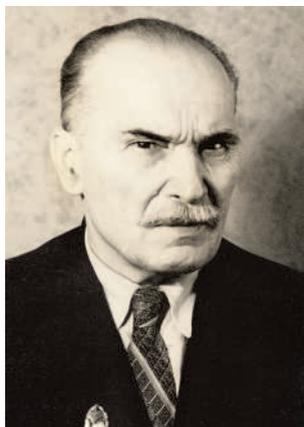
**Александр Александрович
Гужаловский**

**Основатель научной школы
белорусской ихтиологии**

**Доктор биологических наук,
профессор, проректор
по учебной и научной работе БГУ**

**Маркел Емельянович
МАКУШОК**

14.01.1881 – 31.01.1952

Прошедший путь от студента Киевского университета до академика Академии наук Белорусской ССР, зоолог Маркел Емельянович Макушок – общепризнанный основатель научной школы белорусских ихтиологов. Профессиональное становление ученика известного ученого А. Н. Северцова прошло в крупнейших российских университетских центрах – Москве и Казани, где он занимал ряд научных и административных должностей. В 1930-е гг. академический и педагогический опыт М. Е. Макушка расширился благодаря проведению прикладных исследований в системе Государственного академического института. Научный авторитет, которым Маркел Емельянович уже обладал к 1937 г., определил решение руководства БГУ о его приглашении в Минск, где ученый и педагог возглавил кафедры зоологии позвоночных и ихтиологии.

Основные области научных исследований ученого – ихтиология и сравнительная анатомия. Изучал происхождение легких и плавательного пузыря, развитие головы позвоночных животных, систематику губок Байкала и Баренцева моря. Установил таксономическую и экологическую самостоятельность мурманской сельди, что привело к ряду практических выводов относительно сырьевой базы ее промысла.

В первое послевоенное пятилетие М. Е. Макушку принадлежала главная заслуга в восстановлении в БГУ в полном объеме учебного процесса в преподавании биологии, подготовке высококвалифицированных научно-педагогических кадров. Он являлся проректором, в сферу его обязанностей входили вопросы организации и научной, и учебной работы.

Маркел Емельянович Макушок родился 14 января 1881 г. в бедной крестьянской семье в с. Верхнячка Уманского уезда Киевской губернии. Трудовая жизнь его началась очень рано. После окончания начальной сельской школы работал поденщиком на сельскохозяйственных работах у помещика, подмастерьем в механической мастерской сахарного завода. В 1896 г. по совету своего учителя переехал в Киев, окончил двухгодичную церковно-учительскую школу при Михайловском монастыре. Во время учебы зарабатывал на жизнь пением в церковном хоре. К тому времени в музыке подросток был уже не новичок: в раннем детстве, очарованный народными мотивами, мальчик самостоятельно смастерил скрипку и выучился играть на ней.

Церковно-учительская школа давала право преподавания в начальных классах, чем и воспользовался 17-летний Маркел. Последующие восемь лет он учил грамоте, арифметике и основам природоведения крестьянских детей в Уманском уезде Киевской губернии. Знаний, полученных в учительской школе, хватало не всегда, поэтому молодой учитель активно занимался самообразованием. Еще больших знаний потребовала работа в городской начальной школе города Умань, куда он вскоре перевелся. Школьный педагог совершенствовал немецкий язык, осваивал английский и французский. Самостоятельно приобретенных учителем знаний хватило для сдачи экстерном экзаменов, что дало право поступления в университет.

Осенью 1906 г. М. Е. Макушок был зачислен на естественное отделение физико-математического факультета Императорского университета им. Святого Владимира в Киеве (ныне Киевский национальный институт им. Т. Шевченко). Во время прохождения университетского курса пришлось обеспечивать себя за счет частных уроков, а плату за обучение погашал участием в университетском хоре. На старших курсах, как сын несостоятельных родителей, полу-

чил небольшую земскую стипендию, что позволило оставить частные уроки и сосредоточиться на учебе. В 1910 г. получил диплом первой степени по специальности «зоология». Способного и увлеченного наукой выпускника оставили при университетской кафедре зоологии позвоночных для подготовки к профессорскому званию. Научные взгляды Маркела Емельяновича сформировались под влиянием концепции «филэмбриогенеза» (эволюционное изменение хода индивидуального развития организмов) академика А. Н. Северцова, который в то время работал в Киевском университете.

Через год А. Н. Северцов принял решение о переезде в Москву и предложил талантливому ученику ехать с ним. В 1911 г. М. Е. Макушок получил должность лаборанта в Императорском Московском университете и начал подготовку к сдаче магистерских экзаменов по специальности «сравнительная анатомия и зоология позвоночных». Для сбора научного материала и знакомства с разнообразием животных молодой ученый выезжал на Волгу, в район Керченского пролива и за границу – на остров Ява. После успешной сдачи магистерских экзаменов получил предложение занять должность приват-доцента в Московском университете.

В Москве Маркел Емельянович окунулся в атмосферу новой научной школы, новых гипотез и экспериментов. Для него 1910-е гг. были чрезвычайно важными для профессионального роста, становления как педагога. Он вел большой практикум по сравнительной анатомии, впервые в Московском университете стал читать курс ихтиологии, проведя большую работу по составлению ихтиологических коллекций и постановке теоретического курса. В 1918 г. согласно декрету СНК РСФСР (как приват-доцент, имеющий трехлетний стаж работы) М. Е. Макушок был переведен на должность профессора кафедры зоологии, сравнительной анатомии и физиологии физико-мате-

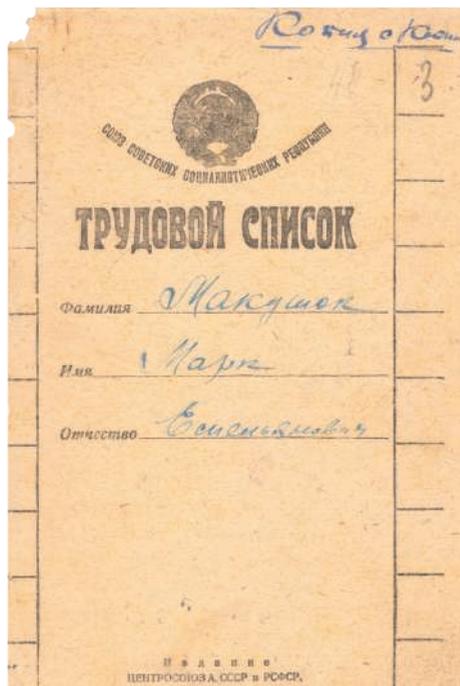
матического факультета. Одновременно занимался активной исследовательской работой в должности сотрудника кабинета сравнительной анатомии Московского университета. Основные направления исследований М. Е. Макушка в это время – сравнительная анатомия и морфология, эмбриология позвоночных животных, а объект исследования – земноводные. Для этого он периодически выезжал на Мурман, а также в долину р. При в Мещерской низменности. В 1926 г. Маркел Емельянович опубликовал ставшее вскоре классическим исследование амфибий – монографию «Лягушка».

Следующий период жизни ученого связан с Казанским университетом, одним из старейших и наиболее авторитетных центров биологического образования в России. В 1927–1931 гг. М. Е. Макушок в университете заведовал одновременно кафедрой зоологии позвоночных и Зоологическим музеем. В этот период он получил звание профессора (1928). Тогда же возглавил фаунистический отряд комплексной экспедиции по изучению Татарстана. В мае 1930 г. участвовал во Всесоюзном съезде зоологов, анатомов и гистологов в Киеве, сыгравшем важную роль в становлении экологических подходов к окружающей среде. Таким образом, преподавательская деятельность и теоретические исследования Маркела Емельяновича на кафедре были дополнены прикладной проблематикой.

В 1931 г. начался новый важный этап жизни М. Е. Макушка, наполненный прикладными научными исследованиями в системе Государственного океанографического института (с 1933 г. – Всесоюзный НИИ рыбного хозяйства и океанографии, ВНИРО), преимущественно в его Северном краевом отделении в Мурманске. Основные результаты деятельности ученого в середине 1930-х гг. – изучение таксономического статуса сельдевых арктических морей, разработка методов оценки рыбных запасов и совершенствования технологии рыболовства, что

привело к практическим выводам относительно сырьевой базы рыбного промысла. В это время Маркел Емельянович совершал частые научные поездки на р. Волгу, Каму, Вятку, а также в район Белого моря.

С 1937 г. и до конца жизни научная и педагогическая деятельность профессора М. Е. Макушка тесно связана с Белорусским государственным университетом. Прибывший по приглашению руководства университета новоиспеченный (без защиты диссертации) доктор биологических наук возглавил кафедру зоологии позвоночных (в 1948–1950 гг. называлась кафедрой зоологии, в 1950–1952 гг. – кафедрой зоологии позвоночных, дарвинизма и генетики). Сфера его научных интересов на протяжении последних, наиболее плодотворных в научном и педагогическом отношении, 11 лет жизни в Минске в основном была сфокусирована на прикладных вопросах ихтиологии.

Копия обложки «Трудового списка»
М. Е. Макушка. 1937 г.

Маркел Емельянович Макушок

Ученый изучал биологию и экологию промысловых видов рыб, производил оценку рыбных запасов, предлагал модели оптимизации прудового рыбоводства, рыболовства в естественных водоемах, интродукции новых и перспективных для аквакультуры видов рыб, исследовал озера Езерище, Лукомль, Червоное и др. Этому в значительной степени способствовала работа в качестве старшего научного сотрудника в Институте биологии АН БССР.

Ученый поддерживал связь с Московским государственным университетом. В мае 1940 г. белорусский профессор возглавил делегацию БГУ, прибывшую в Москву поздравить главный университет страны с 185-летием. В июне 1941 г. он вновь в командировке в столице страны – в этот раз с научными целями – в Институте эволюционной морфологии.

Плодотворную работу М. Е. Макушка прервала Великая Отечественная война. Как ценного для науки и народного хозяйства специалиста его вместе с женой Полиной Васильевной и двумя сыновьями эвакуировали в тыл. Громадный собранный ученым за неполные пять лет в Беларуси научный материал погиб во время пожара в конце июня 1941 г.

В годы войны биолог работал в Саратове по своей специальности: научным сотрудником, затем директором местной рыбохозяйственной станции ВНИРО. Патриотизм семьи Макушковых тех лет характеризует следующий факт: вскоре после начала войны Маркел Емельянович и его жена Полина Васильевна передали в фонд обороны все свои ювелирные изделия.

В конце июля 1943 г. Маркела Емельяновича вызвали в БГУ, который в военное время возобновил свою работу под Москвой, на ст. Сходня. Официально занятия в университете начались 11 октября 1943 г. На восстановленных шести факультетах (филологическом, историческом, биологическом, географическом, химическом, физико-математическом) училось около 300 студентов. Ко времени прибытия М. Е. Макушка на Сходню в БГУ уже работало около 90 преподавателей. В трудное военное время государство смогло выделить небольшое количество денег на восстановление университета. Этого хватило только на создание самых необходимых условий для начала занятий, организации обязательного трехразового питания для студентов в университетской столовой. И профессора, и преподаватели, и студенты выполняли работы, связанные с обустройством жилья, заготовкой топлива, ремонтом, транспортом, работали в канцеляриях и библиотеках. Днем в аудиториях шли занятия, вечером они превращались в читальные залы, ночью студенты тут же и спали, потому что летние дачные домики не были приспособлены к зиме. 25–26 декабря 1943 г. в зале Московской консерватории состоялось торжественное заседание Ученого совета БГУ, посвященное 25-летию БССР. На нем был заслушан ряд научных докладов, в том числе профессора М. Е. Макушка – «О 25-летию биологической науки в Беларуси».

Сразу после освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков, в

На Нарочанской биологической станции БГУ. 1950–1951 гг.

июле 1944 г. ученый вернулся в Минск. В разоренном войной городе ему в должности проректора по научной и учебной работе предстояла непростая работа по восстановлению университета. Об условиях, в которых приходилось заниматься восстановительными работами, свидетельствует записка заместителя наркома просвещения БССР С. А. Умрейко к заведующему Минским областным отделом торговли. В ней выражена просьба обеспечить питанием проректора БГУ М. Е. Макушка по нормам научных работников, так как «он лично сам по этому вопросу не обращался, но мне известно, что он ощущает в этом вопросе трудности, на него возложена вся работа по созданию университета».

Условия 1944/45, последнего учебного года военной поры, были чрезвычайно сложными. Не хватало учебных помещений. Занятия на филфаке и истфаке вечером проходили в школе № 2. Химики и биологи занимались в здании техникума по ул. Витебской, д. 9. Хуже всего было зимой – в холодных помещениях даже чернила замерзали, а студенты иногда были вынуждены тайком ломать столы, чтобы ими отапливать учебные помещения.

Несмотря на трудности, университет работал. И даже совершенствовал структуру. Так, в сентябре 1944 г. вместо Коммунистического института журналистики в университете был создан факультет журналистики. По данным на 23 ноября 1944 г., на семи факультетах занималось более 700 студентов. По словам ректора университета В. А. Томашевича, именно М. Е. Макушку принадлежала главная заслуга восстановления в полном объеме учебного процесса, обеспечения его высококвалифицированными научно-педагогическими кадрами. Под его непосредственным руководством в первые послевоенные годы в БГУ была организована подготовка геологов, почвоведов, преподавателей философии. Появлялись новые специальности, новые факультеты,

формировались новые научные школы в области естественных и гуманитарных наук. Например, 1947 год можно считать годом основания научной школы в области продукционной гидробиологии под руководством члена-корреспондента АН СССР Г. Г. Винберга. Важной вехой в развитии БГУ, как признание его заслуг на ниве просвещения и науки, является то, что в ознаменование 30-летия БССР в январе 1949 г. ему было присвоено имя Ленина. Довоенная учебно-научная и производственная база университета была восстановлена к 1950 г.

Организаторская работа отнимала много времени, для научных занятий и преподавательской деятельности приходилось выкраивать чуть ли не минуты. Тем не менее Маркел Емельянович продолжал читать лекции по зоологии позвоночных, занимательные и глубокие по содержанию. Огромный интерес у студентов вызвал авторский курс «Дарвинизм и генетика». Несмотря на обширные знания и преподавательский опыт, профессор не давал себе поблажки и серьезно готовился к каждой встрече со студентами. А они это видели и ценили, специализироваться под его руководством стремились лучшие из лучших. Студентов притягивали и высокие человеческие качества маститого профессора, его готовность всегда прийти на помощь молодежи. По инициативе М. Е. Макушка в университете проводились научные семинары, дискуссии, экспедиции и другие важные мероприятия. Одновременно ученый руководил подготовкой аспирантов – не только в БГУ, но и в других высших учебных заведениях республики, а также в АН БССР.

Столь активная деятельность проходила в условиях кризиса в советской биологии, наступившего после печально известной августовской (1948) сессии ВАСХНИЛ, организованной Т. Д. Лысенко. В БССР этот кризис наиболее ярко проявился после изгнания из Академии наук ее президента, биолога А. Р. Же-

Приглашение на торжественное заседание в Большом театре оперы и балета (30 октября 1951 г.), посвященное 30-летию БГУ

брака. В условиях гонений на генетиков на биологических факультетах Московского и Ленинградского университетов, свертывания всех генетических исследований в СССР в Белорусском государственном университете в названии кафедры, возглавляемой Маркелом Емельяновичем в 1950 г., все же появилось слово «генетика».

В первые послевоенные годы под руководством М. Е. Макушка было развернуто описание промысловой ихтиофауны БССР, дана рыбохозяйственная оценка и проведена типизация рыбопромысловых озер, разработаны мероприятия по улучшению состава ихтиофауны и увеличению уловов. С сентября 1946 г. он дал согласие выполнять по совместительству обязанности заместителя директора по научной части Научно-исследовательской станции прудового и озерно-речного рыбного хозяйства Главрыбпрома при Совете Министров БССР. Комплекс исследований по совершенствованию методов зимовки рыбопосадочного материала, по интенсификации выращивания карпа, гидрохимическому режиму, кормовой базе и мелиоративному состоянию прудовых хозяйств, по профилактике и борьбе с болезнями рыб, проведенный под руководством ученого, позволил

добиться увеличения продуктивности в ряде рыбхозов республики. М. Е. Макушок в Беларуси вырос в крупного ученого-зоолога, завоевавшего своими работами общесоюзную известность. Как ученого его высоко ценил президент АН БССР академик А. Р. Жебрак.

В 1948 г., написав заявление об уходе с должности проректора, Маркел Емельянович сконцентрировался на педагогической деятельности, на развитии созданного в 1946 г. НИИ биологии БГУ, деятельность которого подготовила базу для организации в 1958 г. Белорусского НИИ рыбного хозяйства (ныне Институт рыбного хозяйства НАН Беларуси). Но уже в 1950 г. научная и педагогическая работа профессора М. Е. Макушка вновь дополнилась административными обязанностями. Он был повторно назначен проректором по научной работе Белорусского государственного университета.

Ни высокая должность, ни огромный круг задач, которые приходилось решать, не могли отвлечь настоящего ученого от продолжения исследований. Его работы этого времени посвящены проблеме филогенетического развития органов дыхания наземных животных, легких и головы позвоночных животных. В ихтиологических трудах большое внимание он

по-прежнему уделял сельдям северных морей и технике их промысла. Исследовал вопросы происхождения легких и плавательного пузыря, развития головы позвоночных животных, систематики губок озера Байкал и Баренцева моря, ихтиофауны озер и рек Беларуси.

Многогранная деятельность профессора М. Е. Макушка получила высокую оценку. В 1944 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Белорусской ССР», дважды (в 1944 и 1949 гг.) он был награжден Орденом Трудового Красного Знамени. В 1946 г. ученый стал отличником народного образования, в 1947 г. его избрали членом-корреспондентом, а в 1950 г. – действительным членом Академии наук БССР по отделению биологических, сельскохозяйственных и медицинских наук.

Маркел Емельянович Макушок – общепризнанный основатель научной

школы белорусских ихтиологов. Университетский профессор – автор многих научных и научно-практических работ по сравнительной анатомии животных, ихтиологии и герпетологии. Он написал ряд учебных пособий. Его последней, изданной в 1951 г., работой стала монография «Карликовый сомик, его хозяйственное значение и биологические особенности». Окончить ценный фундаментальный труд «Рыбы Белоруссии» помешала преждевременная смерть ученого.

В 1951 г. Маркел Емельянович Макушок тяжело заболел, а 31 января 1952 г. его не стало. Дело отца продолжил старший сын Виктор – прошедший войну ученый-полярник, оставивший заметный след в российской морской ихтиологии.

**Александр Александрович
Гужаловский**

Один из плеяды ведущих специалистов Беларуси в области органической химии

Профессор БГУ

**Фома Георгиевич
ОСИПЕНКО**

05.10.1894 – 10.07.1970

Фома Георгиевич Осипенко – известный ученый-химик, значительную часть жизни отдал работе на химическом факультете Белорусского государственного университета. Выходец из крестьянской семьи прошел сложный, но выдающийся творческий путь. Октябрьская революция 1917 г. открыла перед ним широкие перспективы. Многие годы Фома Георгиевич проработал заведующим хозяйством в железнодорожной больнице, но после получения высшего образования в Киевском политехническом институте занялся проблемами, связанными с кожевенным производством, исследованиями в области органической химии. Уже во время работы в НИИ кожевенной промышленности в Киеве Ф. Г. Осипенко познакомился с обязанностями преподавателя.

Когда исследователь-практик в 1932 г. был приглашен своим бывшим университетским руководителем в Минск, то уже обладал опытом административной, научной, преподавательской работы. Вся последующая деятельность ученого связана с Белорусским государственным университетом. Многие годы он возглавлял кафедру органической химии, руководил НИИ химии БГУ, некоторое время был проректором университета.

Научные исследования Ф. Г. Осипенко были связаны с приоритетными направлениями развития советской науки, призванными обеспечить развитие народного хозяйства СССР. Ученый работал над синтетическими дубителями, методами определения каучука в растениях-каучконосах, изучением состава гуминовых кислот и другими проблемами, которые имели прикладной характер. Данные разработки находили применение в кожевенном производстве, автомобильной промышленности и сельском хозяйстве (животноводстве).

Фома Георгиевич Осипенко родился 5 октября 1894 г. в крестьянской семье с. Пинчуки Васильковского уезда Киевской губернии (позднее – Белоцерковский район Киевской области). В своей биографии он указывал, что его семья жила в крайней бедности. Из имущества родителям принадлежали только крестьянский двор и 1¼ десятины земли, которые не могли в полной мере материально обеспечить семью. Кроме родителей – крестьян Георгия Семеновича и Евдокии Федоровны, в позднейших анкетах и автобиографиях ученый других родственников не указывал.

До 1905 г. Ф. Г. Осипенко учился в приходском училище, затем на некоторое время его систематическое образование было прервано. Для продолжения учебы нужны были средства, которых у его семьи не было. Вероятно, в последующие годы молодой человек помогал в хозяйстве своим родителям. Но в дореволюционной России знание грамоты уже открывало некоторые возможности для государственной службы. С 1913 г. отсчитывается трудовой стаж Фомы Георгиевича: год и семь месяцев он проработал в земской управе Киевской и Подольской губерний.

Все это время молодой человек занимался самообразованием, что позволило ему сдать экстерном экзамены за курс гимназии. Позднее в статье университетской газеты «За ленинские кадры» (май 1939 г.) приводились подробности этого события из жизни будущего ученого: будто бы даже «бездушные экзаменаторы» были удивлены глубиной его знаний. Как бы то ни было, в своей автобиографии и в служебных анкетах факт получения полного среднего образования Фома Георгиевич не указывал.

Начало Первой мировой войны нарушило размеренную гражданскую службу. Ф. Г. Осипенко был призван в российскую императорскую армию, в которой числился с октября 1915 по февраль 1916 г. (был рядовым 21-го пехотного за-

пасного батальона). После комиссования не вернулся на прежнюю службу. В том же феврале 1916 г. Фома Георгиевич приступил к работе – первоначально в качестве лаборанта – в Жмеринской железнодорожной больнице при медицинско-санитарном управлении Юго-Западными железными дорогами. Вероятно, на этой работе молодой человек хорошо себя зарекомендовал, что позволило ему уже в 1917 г. занять должность заведующего хозяйством. Для человека без высшего и даже полного среднего образования это было очень серьезным продвижением по службе.

Без понимания общей ситуации, сложившейся в Украине в 1917 и последующие годы, невозможно объяснить судьбы отдельных людей, перед которыми в водовороте бурных революционных событий открывались неожиданные перспективы, невозможные в полусословном обществе дореволюционной России.

Революция открыла широкие возможности для выходца из простых крестьян и в направлении повышения уровня образования, и в служебной карьере, и на научном поприще. Фома Георгиевич безусловно принял советскую власть и выбрал сторону большевиков. В Жмеринке – крупном железнодорожном центре – среди рабочих преобладали

Железнодорожный вокзал г. Жмеринка.
Начало XX в.

Фома Георгиевич Осипенко

пробольшевистские настроения, из-за чего рано (уже 3 (16) ноября 1917 г.) под руководством большевиков установилась советская власть. В период первого установления в Жмеринке советской власти (январь – февраль 1918 г.) Ф. Г. Осипенко – член 1-го Совета рабочих депутатов, тогда же вошел в городское бюро советских профсоюзов. Однако власть большевиков в Жмеринке продержалась недолго: украинская Центральная Рада предприняла значительные усилия, чтобы взять под контроль важный транспортный узел.

До июня 1920 г. власть в Жмеринке сменялась неоднократно – город и железнодорожный узел брали под свой контроль национальные украинские силы, белые (деникенцы), большевики, польские власти, австро-венгерские войска, армии Антанты и анархисты. Еще в мае 1918 г. в городе была создана подпольная организация большевиков. Принадлежал ли к ней Ф. Г. Осипенко, неизвестно. Но определенно в железнодорожной больнице у него хватало работы. В Жмеринку с различных направлений и от разных противостоящих сторон по железной дороге свозили раненых – жертв Гражданской войны. Более того, осенью 1919 г. в Жмеринке вспыхнула эпидемия

страшной, неизлечимой в то время болезни – тифа. В этих условиях заведовавшему хозяйством железнодорожной больницы Ф. Г. Осипенко приходилось крайне сложно: организовывать материальное обеспечение подведомственного учреждения он должен был в ситуации нарушенных хозяйственных связей, остановившегося производства и частой смены власти. Обстоятельства окончательного установления советской власти в Жмеринке 23 июня 1920 г. принадлежат к числу ключевых событий Гражданской войны в Украине. Оккупировавшие Жмеринку и Винницу войска возрожденной Польши (30 апреля 1920 г.) были сметены кавалерийской бригадой под командованием Григория Котовского.

В период работы в Жмеринской железнодорожной больнице Ф. Г. Осипенко повстречал будущую супругу – Ксению Феодоровну Ковальчук, которая до 1921 г. работала здесь сиделкой. Возможно, в это время Фома Георгиевич с молодой супругой был переведен управлением Юго-Западных железных дорог на работу в Киев, о чем имеется упоминание в заполненной позднее (в марте 1934 г.) его рукой анкете.

Не прерывая работы в управлении железных дорог, Фома Георгиевич продолжил образование. Три года, с 1918

Здание Киевского политехнического института. Начало XX в.

по 1921 г., он учился на естественном факультете Киевского университета. В позднейших биографических данных ученого не указывается форма обучения, но учитывая, что он продолжал работать по прежнему месту (причем на руководящей должности) и вел активную общественную деятельность, вероятно, речь идет о заочном образовании. Учебу в Киевском университете Ф. Г. Осипенко не завершил. Вскоре (в 1923 г.) он поступил на химический факультет Киевского политехнического института. Киевский политех был относительно молодым высшим учебным заведением: его открытие состоялось в 1898 г., но ко времени революции 1917 г. он превосходно себя зарекомендовал. К числу выпускников института принадлежали: конструктор самолетов и вертолетов И. И. Сикорский, выдающийся ученый в области металлургии и технологии металлов Б. Е. Патон и инженер-конструктор, основоположник практической космонавтики С. П. Королев.

В период учебы Ф. Г. Осипенко в Киевском политехе существовало пять факультетов (механический, химический, инженерный, сельскохозяйственный и электротехнический) и восемь научно-исследовательских кафедр. Еще до революции в институте сформировались научные школы – в области прочности и сопротивления материалов, гидравлики, мостостроения, металлургии, физики, химии и др. Научный потенциал и материальная база института не были утрачены в годы Гражданской войны, сохранился и кадровый состав. С начала 1920-х гг. на базе кафедр общей и физической химии института происходило становление киевской физико-химической школы, во главе которой стоял известный ученый-химик академик Л. В. Писаржевский. Лев Владимирович, продолжатель школы Д. И. Менделеева в Украине, стал известным ученым еще до революции.

Таким образом, в годы учебы Фомы Георгиевича Осипенко в Киевском по-

Документ, подтверждающий, что Ф. Г. Осипенко – доцент Киевского института кожевенной промышленности

литехе существовали все условия для получения высокой квалификации в области химии – как теоретической, так и прикладной. Образование Ф. Г. Осипенко завершил в 1926 г. по специальности «органическая технология (технология крашения)». Молодой инженер-технолог выбрал направление практической и исследовательской деятельности в сфере кожевенного производства.

В марте 1926 г. Ф. Г. Осипенко был направлен на работу в Центральную лабораторию Нижкожтреста г. Богородска Нижегородской губернии. Здесь молодой специалист работал в должностях старшего химика, помощника заведующего лабораторией. Приобретая ценный опыт работы в области кожевенного производства, в августе 1928 г. Фома Георгиевич вернулся в Киев, где продолжил работать по специальности в Центральной лаборатории Веркожтреста в должности заместителя заведующего. В сентябре 1930 г. по рекомендации руководства треста Ф. Г. Осипенко был назначен заместителем директора-распорядителя Научно-ис-

Н. А. Прилежаев

следовательского института кожевенной промышленности в Киеве. Вскоре стал заведующим технологическим сектором этого научно-исследовательского учреждения. Научную работу Фома Георгиевич стал совмещать с преподавательской: с 1930 г. он доцент кафедры химии кожи Всесоюзного института кожевенной промышленности в Киеве. 1932 год – рубежный в карьере молодого ученого, преподавателя и руководителя. По рекомендации профессора БГУ Н. А. Прилежаева он был приглашен на административную и педагогическую работу в Минск.

Таким образом, до переезда в Беларусь Ф. Г. Осипенко получил достаточную подготовку по выбранной им специальности, приобрел значительный опыт административной работы. В «добелорусский» период жизни Фома Георгиевич приступил и к собственным научным изысканиям. В протоколе заседания квалификационной комиссии при Наркомате местной промышленности БССР, рассматривавшей вопрос о научной состоятельности работников НИИ промышленности БССР, отмечалось, что к 1932 г. у Ф. Г. Осипенко имелось 15 научных работ, 13 из которых опубликованы, а 2 находились в печати.

По прибытии в Минск Ф. Г. Осипенко занял должность заведующего кожевенно-обувной секцией НИИ промышлен-

ности БССР, затем заместителя директора того же института. Одновременно по совместительству Фома Георгиевич приступил к работе в должности доцента кафедры органической химии в Белорусском государственном университете и на профессорской должности в Белорусском политехническом институте (1932–1938).

Большее влияние на дальнейшую судьбу Ф. Г. Осипенко вновь оказал Николай Александрович Прилежаев – выдающийся ученый-химик. В 1924 г. ученый переехал в Минск, где стал одним из организаторов химического образования и химического факультета Белорусского государственного университета, а также химического факультета Белорусского политехнического института (фактически сформированного на основе специальностей БГУ).

Фома Георгиевич первые два года учебы в Киевском политехе (1923–1924) находился в постоянном контакте с Н. А. Прилежаевым, который, несомненно, обратил внимание на талантливого ученика. В начале 1930-х гг. в Белорусском государственном университете происходили существенные организационные и структурные изменения. Решением СНК БССР в 1931 г. в БГУ на базе физико-технического и природоведческого отделений педфака планировалось создать новые факультеты: физико-математический, биологический, химический и географический. Но к началу осеннего набора удалось создать только физико-математический и химический факультеты. Важнейшим препятствием на пути организационного переустройства университета был недостаток профессорско-преподавательских кадров.

Н. А. Прилежаев стал вторым деканом недавно созданного химического факультета (правда, занимал эту должность непродолжительное время в 1931 г.). Безусловно, к числу наиболее насущных проблем, которые необходимо было оперативно решать деканам, относился кадровый вопрос. В такой ситуа-

ции Н. А. Прилежаев обратился к своему бывшему студенту, запомнившемуся ему со времен учебы в Киевском политехническом институте.

Народное хозяйство молодой белорусской республики остро нуждалось в специалистах различного профиля. Советское руководство значительное внимание уделяло развитию промышленности, после разгрома времен Гражданской войны и иностранной интервенции быстрыми темпами шло восстановление старых предприятий, строились новые заводы и фабрики. Акцент на преимущественное индустриальное развитие страны был четко обозначен в решениях XIV съезда ВКП(б) и III Всесоюзного съезда Советов в 1925 г. Учитывая международную изоляцию, решать проблему недостатка специалистов в СССР приходилось собственными силами. В подготовке квалифицированных кадров власти воспользовались дореволюционными профессорско-преподавательскими кадрами, но вскоре развернулась борьба с «эксплуататорскими классами», а затем и с «попутчиками». Специалистов катастрофически не хватало, об этом свидетельствует уже то обстоятельство, что и Н. А. Прилежаеву, и приглашенному им Ф. Г. Осипенко приходилось работать в нескольких местах, совмещая административную, преподавательскую и исследовательскую деятельность.

В 1932 г. в Белорусском государственном университете произошли важные перемены в характере, содержании и формах преподавания. Применявшиеся ранее методы и формы (например, бригадно-лабораторный метод) показали свою несостоятельность. Снижилось качество подготовки студентов, уменьшилось количество подготовленных университетом молодых специалистов. Перемены в высшей школе означали возвращение к сложившимся в дореволюционный период традиционным формам и методам преподавания. В сентябре 1932 г. постановление ЦИК СССР «Об учебных

программах и режиме в высшей школе и техникумах» среди прочего осудило бригадно-лабораторный метод преподавания. В исполнение постановления в 1932/33 учебном году БГУ перешел на унифицированный учебный год, были определены время зачетных сессий, продолжительность семестров, каникул, защиты дипломных работ. С 1 октября 1932 г. вводились шестидневная рабочая неделя, твердое расписание занятий. Был значительно увеличен прием студентов. Это обстоятельство еще более остро поставило вопрос о преподавателях. По предложению ректора БГУ И. Ф. Ермакова (занимал должность с 1 декабря 1931 по сентябрь 1933 г.) в университете было создано несколько новых кафедр. Среди прочих в 1933/34 учебном году планировалось открыть кафедру физической и коллоидной химии.

Социальное происхождение Ф. Г. Осипенко, значительный трудовой стаж, отсутствие сведений о связях с противниками большевиков, принадлежность к новой советской интеллигенции, воспитанной советской высшей школой, – все это позволяло рассматривать кандидатуру Фомы Георгиевича как наиболее подходящего специалиста для преподавания в Белорусском государственном университете. В условиях недостатка квалифицированных кадров облегчалась процедура получения ученых степеней и званий. Уже в 1935 г. он стал кандидатом химических наук, в 1937 г. – еще и технических наук, а в 1938 г. получил ученое звание профессора.

В том же 1938 г. профессор Ф. Г. Осипенко возглавил кафедру органической химии на химическом факультете БГУ. В университете Фома Георгиевич преподавал органическую химию и химическую технологию. Преподавание велось на высоком уровне. Так, в характеристике 1933 г., написанной секретарем партийной ячейки химического факультета БГУ (подписанной также деканом факультета), отмечалось, что чтение химии препо-

даватель увязывал с новыми достижениями науки. Правда, указывалось то обстоятельство, что примеры он брал больше из достижений капиталистических стран (Германия и др.) и очень мало говорил о достижениях СССР. В публикациях университетской газеты «За сталинские кадры» (за 1939 г.) неоднократно отмечалось ответственное отношение Фомы Георгиевича к чтению лекций и проведению консультаций. В заслугу профессору ставились успехи студентов в изучении органической химии, оборудование лабораторий химфака и в целом повышение уровня знаний студентов.

Научные исследования Ф. Г. Осипенко носили исключительно прикладной характер, внедрялись в производство. Так, ученый и педагог с коллегами проводил исследования, связанные с получением синтетических дубителей на основе фенолов и альдегидов, с разработкой методов определения каучука в некоторых растениях-каучуконосах – прежде всего в корнях кок-сагыза. Растение-каучуконос кок-сагыз (с казахского букв. ‘зеленая жвачка’) стали широко культивировать в СССР с начала 1930-х гг. в связи с потребностями автомобильной промышленности (для получения материала, который использовался в производстве

шин и покрышек). Сталин лично дал указание найти свой каучуконос, чтобы не зависеть от бразильской гевеи. Наиболее подходящим оказался «горный одуванчик» из Казахстана – кок-сагыз. В сухом весе корень этого растения накапливает до 14 % каучука. Возделывался кок-сагыз и на территории Белорусской ССР. Но в 1950-е гг. в связи с широким производством изопренового синтетического каучука о кок-сагызе забыли. Тем не менее именно Ф. Г. Осипенко принадлежит заслуга в разработке метода быстрого определения каучука в растениях-каучуконосах.

В довоенный период Фома Георгиевич совместно с Н. А. Прилежаевым также работал над изучением состава гуминовых кислот. Гуминовые кислоты выделяют главным образом из торфа, которым богата белорусская земля. Препараты, изготовленные на основе гуминовых кислот, содержат множество полезных веществ: аминокислоты, полисахариды, моносахариды, углеводы, витамины, макро- и микроэлементы, гормоноподобные вещества. Тем самым они служат прекрасной добавкой для корма сельскохозяйственных животных и подкормки растений. Известно, что в довоенный период Фома Георгиевич готовил большую научно-исследовательскую работу «Конденсация альдегидов и кетонов».

Ф. Г. Осипенко продолжил работу и в области своей узкой специализации: получении синтетических дубителей кожи и красителей кожи. Тем самым исследования Фомы Георгиевича во время его работы в Белорусском государственном университете были связаны с приоритетными направлениями научных изысканий в СССР. Как их общее направление, так и конкретное содержание было обусловлено потребностями народного хозяйства. Таким образом, ученые Беларуси, среди которых достойное место занимали химики БГУ, внесли существенный вклад в укрепление аграрного и промышленного секторов экономики СССР.

Здание университетского городка, в котором находился химический факультет БГУ (до настоящего времени не сохранилось)

В 1932–1934 гг. Ф. Г. Осипенко – член Научно-технического совета кожевенной промышленности БССР, в 1940 г. – член Технического совета при Наркомате легкой промышленности БССР, член правления Белорусского отделения Всесоюзного химического общества им. Д. И. Менделеева.

В годы Великой Отечественной войны Ф. Г. Осипенко оказался в оккупированном Минске. Педагогическая и исследовательская работа в таких условиях была прервана. Университетское имущество не было эвакуировано, и в войне «флагман высшей школы БССР» понес огромные потери. Материальная база была практически уничтожена, в руинах стояли учебные корпуса. Не успели уехать и многие сотрудники университета. Некоторых представителей профессорско-преподавательского состава уже в условиях оккупации с помощью партизан перевели на «большую землю». Так, из оккупированного Минска партизаны тайно вывезли и переправили в Москву учителя Ф. Г. Осипенко профессора Н. А. Прилежаева. Несмотря на преклонный возраст, в Москве Н. А. Прилежаев был включен в работу по восстановле-

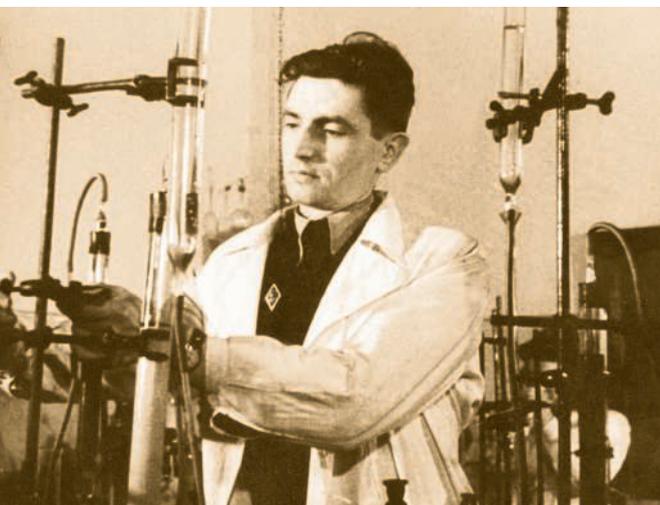
нию Академии наук БССР и химического факультета БГУ, но совсем немного не дожид до освобождения Минска.

Ф. Г. Осипенко, находясь в оккупированном Минске, сумел сохранить от уничтожения часть университетского оборудования. Профессор был связан с подпольной организацией «Особая московская группа».

После освобождения Минска Фома Георгиевич принял активное участие в восстановлении химического факультета БГУ. Факультет возобновил свою работу и принял на учебу студентов еще в октябре 1943 г. на ст. Сходня под Москвой. С октября 1944 г. продолжилась работа химфака БГУ в родных стенах. Налаживать привычный уклад жизни приходилось в чрезвычайно тяжелых условиях: ощутимой была нехватка преподавателей, не хватало помещений для занятий (так, на химфаке была только одна аудитория для чтения лекций, в основном же лекционные занятия проходили в лабораториях), студенты много времени проводили на хозяйственных работах, отвлекаясь от учебы.

С 1947 по 1951 г. профессор Ф. Г. Осипенко снова возглавлял кафедру органической химии. Но в 1951 г. эта кафедра была объединена с кафедрой катализа. Объединенной кафедрой стал руководить профессор Б. В. Ерофеев. В 1953 г. кафедра органической химии была восстановлена, на некоторое время ее заведующим стал доцент В. Ф. Беляев, затем в 1957 г. руководство кафедрой вновь было возложено на профессора Ф. Г. Осипенко.

В 1950-е гг. в БССР происходило активное расширение химического комплекса страны, позднее возникли новые отрасли производства (например, с середины 1960-х гг. – нефтехимическая промышленность). В связи с этим значительно повысился спрос на специалистов в области химии. Химический факультет чутко реагировал на требования времени как в подготовке квалифицированных специалистов, так и в области осуществ-

В. Ф. Беляев в учебной лаборатории химического факультета БГУ. 1950-е гг.

вления научных исследований, ориентированных на их народно-хозяйственное использование. На кафедре органической химии под руководством Ф. Г. Осипенко было продолжено изучение инулин-содержащего сырья, предприняты исследования по жидкофазному окислению алкилциклопентенов, терпенов, непредельных карбонильных и ацетиленовых соединений молекулярным кислородом.

В 1947–1950 гг. Фома Георгиевич по совместительству работал директором Научно-исследовательского института химии БГУ. Основной научной тематикой института в это время была химическая переработка кок-сагыза. К сфере научных интересов ученого после войны относилась проблема взаимодействия альдегидов и кетонов с разнообразными фенолами. Кроме работы над методом быстрого определения каучука он исследовал состав смол и углеводного комплекса. Совместно с В. Ф. Беляевым Осипенко разработал новый способ получения фруктозы. Общим итогом на-

учно-исследовательской деятельности Фомы Георгиевича стала публикация около 30 научных работ по химии кожи и синтетических дубителей, битумов, сапропелей, взаимодействию фенолов с карбонильными соединениями, исследованию пластмасс. Во время работы в Белорусском государственном университете ученый руководил выполнением двух кандидатских диссертаций. Некоторое время работал проректором по научной и учебной работе БГУ.

Заслуги Фомы Георгиевича в подготовке специалистов и научной работе были отмечены рядом наград: грамотами ректората БГУ (1955, 1957, 1962) и грамотой Верховного Совета БССР (1956).

Последние годы жизни Ф. Г. Осипенко работал профессором-консультантом в Белорусском технологическом институте. В возрасте 76 лет он скончался 10 июля 1970 г., находясь на лечении в так называемой лечкомиссии – Республиканской больнице.

Степан Николаевич Темушев

**Основоположник
национальной школы
физической химии**

**Профессор БГУ,
академик АН БССР**

**Михаил Михайлович
ПАВЛЮЧЕНКО**

17.03.1909 – 24.03.1975

Уроженец глухого полесского села, выпускник первого в Советском Союзе химического факультета – химфака МГУ – Михаил Михайлович Павлюченко – выдающийся ученый-химик. Он проводил передовые исследования в области гетерогенных реакций и стоял у истоков современной физической химии в Беларуси. С 1937 г. и до самой смерти в 1975 г. работал на кафедре физической химии БГУ. В 1937–1966 гг. ученый возглавлял кафедру, инициировал преподавание физической химии в БГУ и Беларуси как особой дисциплины, проводил научные разработки в этой области. В годы войны (на ст. Сходня) и послевоенного восстановления именно М. М. Павлюченко возглавлял химический факультет БГУ и способствовал сохранению научного потенциала Беларуси.

Итогами многолетнего плодотворного труда Михаила Михайловича в стенах БГУ стали перспективные научные разработки (спектральный анализ гетерогенных химических реакций, кинетики этих реакций, флотация калийных солей органическими соединениями и др.), выдающийся вклад в успехи отечественной химической промышленности, возобновление работы Института химии АН БССР и создание в 1959 г. Института общей и неорганической химии АН БССР, формирование в Беларуси мощной школы физической химии. Среди многих ученых – учеников М. М. Павлюченко выдающиеся химики: Е. А. Продан, В. В. Свиридов, Н. Ф. Капуцкий, В. С. Комаров, Ф. Ф. Можейко и др.

Весомым вкладом в мировую науку стало открытие Михаилом Михайловичем факта, что нарастание скорости гетерогенных реакций (малоизученных в середине XX в.) не зависит от хода этих реакций, как полагали предшественники и современники белорусского химика. Без преувеличения можно сказать: разработки М. М. Павлюченко и его коллег позволили создать калийную промышленность Беларуси, сегодня лидирующую в мире. Во многом усилиями ученого в химической науке в БГУ и Беларуси были достигнуты успехи, которые относят ее к числу передовых мировых явлений.

Большой вклад в развитие и науки, и экономики Беларуси в XX в. внесли химики Белорусского государственного университета. Обращаясь к прошлому, можно сказать, что со времен выдающегося химика XVIII в. Антуана Лавуазье химическая наука во многом привела Европу и весь мир к техногенной цивилизации.

Михаил Михайлович Павлюченко родился 17 (30) марта 1909 г. в крестьянской семье в с. Глуховичи Речицкого уезда Минской губернии. Сейчас Глуховичи – зона отселения после аварии на ЧАЭС 1986 г. в Брагинском районе Гомельской области. В начале же XX в. это был крупный населенный пункт, в котором проживало свыше 500 жителей, имелись церковь, народное училище (начальная школа) и небольшой спиртовой завод. В родном селе мальчик закончил четырехлетнюю начальную школу и, отличаясь тягой к знаниям и упорством, пожелал продолжить образование. Сказывалось то (как потом отмечали его коллеги по БГУ), что «его родители, отдавшие всю жизнь работе на земле, с детства привили ему любовь к упорному труду, которую он пронес через всю жизнь».

Михаил закончил Бабчинскую среднюю школу с педагогическим уклоном: деревня Бабчин находилась неподалеку от Глухович в Речицком округе БССР. Народное образование тогда испытывало серьезный дефицит в учителях, тем не менее одним из важнейших революционных достижений советской Беларуси было быстрое преодоление неграмотности. По окончании средней школы в Бабчине в 1927–1928 гг. Михаил Павлюченко работал учителем химии в начальной сельской школе в д. Александровке Червенского района Минской области, затем в 1928–1929 гг. – учителем средних школ в селах рядом с Бобруйском. Стремление получить более глубокие знания в области естественных наук и расширить педагогическую деятельность привело М. М. Павлюченко к мысли о высшем об-

Деревенская улица (из окрестностей малой родины М. М. Павлюченко).
Начало XX в.

разовании. 1 октября 1929 г. он поступил на химический факультет Московского государственного университета.

Химический факультет МГУ берет свое начало с 1758 г. – от кафедры химии медицинского факультета Императорского Московского университета. В последней трети XIX – начале XX в. здесь работали выдающиеся российские химики-органики В. В. Марковников и Н. Д. Зелинский. И только после революции 1917 г. в МГУ было основано химическое отделение (1921), на базе которого

Деревня Бабчин сегодня

Михаил Михайлович Павлюченко

Корпус химического факультета МГУ,
где учился М. М. Павлюченко

в числе первых в Советском Союзе создан химический факультет.

Для сравнения: лекции по кафедрам неорганической и аналитической химии в составе педагогического факультета, а также по кафедрам органической и биологической химии в составе медицинского факультета в БГУ стали читать профессора Б. М. Беркенгейм и Н. А. Прилежаев – чуть ли не с начала работы БГУ. Во всяком случае, сохранились точные сведения о постоянном преподавании химии в БГУ с весны 1922 г. В 1927 г. в Белорусском университете был основан химико-технологический факультет, а отдельный химический факультет – в октябре 1931 г.

Первые наборы на химфак БГУ в 1930-е гг. были невелики и составляли 30–40 человек. Научный и педагогический потенциал также только выстраивался. Видимо, поэтому М. М. Павлюченко устремился в Москву, где существовала солидная научная база и школы химиков. Большое влияние на его становление как ученого имели Иван Алексеевич Каблуков и Адам Владиславович Раковский – основатели физической химии в России и Советском Союзе. Так, И. А. Каблуков в 1889 г. проходил стажировку в лаборатории величайшего шведского химика Сванте Августа Аррениуса, который от-

крыл явление электролитической диссоциации и основал физико-химию и химическую кинетику (1887). Это стало настоящим прорывом в становлении химической науки XX в. В последующем И. А. Каблуков занялся термическим анализом реакций солей, основал в МГУ лабораторию неорганической и физической химии. А. В. Раковский преподавал физическую и неорганическую химию, создал и возглавил в МГУ кафедру физической химии. Как видим, Михаил Михайлович Павлюченко был учеником пионеров в области физической химии в СССР и стал в последующем пионером физической химии в Беларуси.

Перед молодым и увлеченным химиком, уроженцем белорусского Полесья, в Москве открывались прекрасные научные перспективы. Известно, что М. М. Павлюченко в МГУ обучался по специальности «неорганическая химия» и подготовил дипломную работу «Изучение растворимости газов», которую успешно защитил 15 декабря 1933 г. По окончании университета получил квалификацию научного работника II разряда. Он приехал в Минск с большим желанием развивать белорусскую химическую науку. В столице советской Беларуси Михаил Михайлович поступил в аспирантуру открытого в том же 1934 г. Института химии Академии наук БССР. Осенью 1935 г. он как совместитель поступил на работу в БГУ в качестве ассистента по кафедре физической химии химического факультета. В 1936 г. окончил аспирантуру и с 1937 г. получил должность исполняющего обязанности доцента этой кафедры, будучи совместителем с окладом в 600 руб.

С начала 1930-х гг. БГУ испытывал острую нехватку научных и педагогических кадров, что негативно сказывалось на организации учебного процесса, чтении учебных курсов, научной работе. Например, в отчетах о работе химического факультета за 1939–1941 гг. декана И. П. Марковко отмечалось, что «науч-

но-исследовательская работа факультета развернута слабо», что во многом объяснялось условиями ее проведения: «...холодно во всех аудиториях и лабораториях химкорпуса. На 3-м этаже температура в лабораториях 4–5 °С. Немного выше и на остальных этажах», «недостаток реактивов», «недостаток площадей и условий содержания реактивов на складе», «недостаток посуды и стекла», «частое отсутствие воды и электричества», «аудиторий недостаточно», «недостаток учебных пособий», «значительная учебная нагрузка научных работников и студентов», «ненормально высокий и ненужный контроль» (со стороны чиновников различных ведомств).

Несколько сглаживал ситуацию приход на кафедры молодых ученых, выпускников БГУ 1920-х и начала 1930-х гг. Так, к первой волне принадлежали: ученица профессора Н. А. Прилежаева, доцент органической химии, кандидат химических наук и выпускница БГУ 1926 г. Надежда Афанасьевна Пракопчук; ученица профессора Б. М. Беркенгейма, также выпускница БГУ 1926 г. и в дальнейшем ассистент по кафедре неорганической химии Лидия Ивановна Малишевская; выпускники химфака БГУ 1933 г. кандидат химической наук и доцент кафедры аналитической химии Александр Федорович Будкевич; доцент по кафедре физической химии Михаил Николаевич Дудинский; доцент по кафедре неорганической химии Иван Петрович Марковко; ассистент по кафедре аналитической химии Феликс Михайлович Лагуто (выпускник БГУ 1930 г.); ассистент по кафедре физической химии Надежда Ивановна Карпович (выпускница 1932 г.); ассистент по кафедре органической химии Лев Ефимович Олифсон (выпускник 1935 г.).

Благодаря усилиям профессоров Эмиля Викентьевича Змачинского и Николая Александровича Прилежаева, которые работали в БГУ с 1920-х гг., удалось привлечь на химический факультет профессора Николая Федоровича Ермо-

ленко (уроженец Беларуси и выпускник МГУ 1926 г.), а также профессора Фому Григорьевича Осипенко (выпускник Киевского политехнического института 1921 г. и ученик профессора Н. А. Прилежаева). Н. Ф. Ермоленко сменил уехавшего из БГУ в Москву профессора Б. М. Беркенгейма и вел курсы по неорганической химии. Вместо Н. А. Прилежаева курсы по органической химии довелось вести доценту Н. А. Прокопчук и профессору Ф. Г. Осипенко, а также совместителю – профессору Николаю Семеновичу Козлову, выпускнику Тверского пединститута и аспирантуры МГУ (был направлен в БГУ в 1933 г.).

Кафедру органической химии, в ту пору лидировавшую на химфаке в области научных разработок, возглавил с 1938 г. Ф. Г. Осипенко. Органическая химия находилась в авангарде науки и промышленности. Так, в 1931 г. в Советском Союзе началось производство синтетического каучука, что помогло обеспечить промышленность и транспорт резиной. Не меньшее значение для всего мира имело производство полимеров и изделий из них. Именно на эту кафедру в 1937–1938 гг. приходили молодые силы: выпускник химфака (1931) и аспирантуры БГУ (1940), ученик Н. А. Прилежаева и сын белорусского классика Якуба Коласа Даниил Константинович Мицкевич; выпускник Белорусской сельскохозяйственной академии (1929) и ректор БГУ в 1938 г. Владимир Степанович Бобровницкий; выпускник химфака (1938) и известный в будущем белорусский химик Иван Григорьевич Тищенко. В 1940, а затем на ст. Сходня в 1943–1944 гг. на кафедре работала дочь и ученица профессора Н. А. Прилежаева, выпускница химфака МГУ и аспирантуры БГУ (1940) Елена Николаевна Прилежаева – известный в будущем советский химик-органик.

Благодаря усилиям Э. В. Змачинского, Н. Ф. Ермоленко и Л. И. Малишевской сохраняла и пополняла потенциал кафедра неорганической химии. Так, в 1937 г.

на кафедру пришел ученик Ермоленко и выпускник химфака (1930) и аспирантуры (1938) Абрам Самуилович Баркан. Кафедру аналитической химии представлял ее заведующий (с 1937 г.) А. А. Будкевич. Эта кафедра пополнилась молодыми учеными и после войны.

Подобным образом обстояли дела с кадрами на кафедре физической химии. В 30-е гг. XX в. физическая химия стала передовым направлением научной мысли в мире, делала первые успехи и в СССР, и в БССР. Кафедра была основана в БГУ, по архивным источникам, в 1933/34 учебном году. Возглавлял ее профессор Василий Кузьмич Никифоров. Выпускник МГУ в 1933 г. вместе с Н. С. Козловым приехал на работу в Минск. Ученый проводил опыты в области физической и коллоидной химии. К сожалению, в 1938 г. был репрессирован. Несколько лет кафедра физической химии оставалась вакантной. В 1940 г. рассматривался вопрос о привлечении в качестве заведующего профессора Сергея Михайловича Липатова – вице-президента АН БССР и пионера в области физико-химии коллоидов, основателя первой в СССР лаборатории искусственного волокна (1929), а затем и лаборатории высокомолекулярных соединений АН БССР (1940). С. М. Липатов привлекался к преподаванию в БГУ во время работы университета на ст. Сходня и тогда же был заведующим кафедрой физической химии.

Архивные документы свидетельствуют, что с сентября 1940 г. на химическом факультете БГУ действовала кафедра физической и коллоидной химии, которую возглавил именно М. М. Павлюченко.

В 1935–1937 гг. Михаил Михайлович находился в научной командировке в Ленинграде в Государственном оптическом институте. Этот институт получил в начале 1920-х гг. лучшее по тем временам исследовательское оборудование, закупленное за рубежом, и числился в ряду передовых НИИ. Среди прочих известных ученых оптического института в нем

работал Александр Николаевич Теренин, разработки которого лежат у истоков ядерной спектрографии. Он занимался и спектрально-оптическими исследованиями состояния молекул солей под воздействием катализаторов на твердых поверхностях. Именно А. Н. Теренин стал научным руководителем М. М. Павлюченко, и, по словам профессора Н. Ф. Ермоленко, под руководством Теренина Павлюченко «оформился в качестве самостоятельного исследователя в области физико-химии, в частности, в области ее раздела кинетики фотохимических реакций».

В 1937–1941 гг. Михаил Михайлович занимался спектрально-химическими и кинетическими исследованиями окисления смоляных кислот в кристаллическом и рентген-аморфном состоянии. Смоляные кислоты – природные карбоновые кислоты, они составляют до 50–70 % основной смолы-живицы. При охлаждении способны пребывать как в твердом кристаллическом, так и в аморфном состоянии. Они нерастворимы в воде, но зато активно окисляются и взаимодействуют с органическими веществами (фенол, ацетон и др.). В Беларуси еще с XVI в. была развита смолокурная промышленность, что подтолкнуло М. М. Павлюченко к исследованию солей смоляных кислот и самих этих кислот в практических целях. Но интересовали они ученого по причине малоизученности. Особый интерес имели опыты с данными веществами в твердом состоянии (топохимические реакции). Они позволили Михаилу Михайловичу выявить ускорение реакции в ее ходе и связать это с кристаллической структурой испытуемых веществ. По всей видимости, М. М. Павлюченко провел немало опытов с топохимическими реакциями (связаны с деформацией кристаллической структуры вещества), что позволило ему накопить большой опыт и подготовить к публикации в 1941 г. работу «Классификация устойчивости неорганических соединений».

После ареста Н. С. Козлова и В. К. Никифорова, с 1937 г., Михаил Михайлович читал лекции по физической химии и занял штатную должность доцента кафедры физической химии БГУ. В 1937–1939 гг. работал по совместительству младшим научным сотрудником Института химии АН БССР. В 1937/38 учебном году на факультете действовала лаборатория физической химии, где работали лаборант А. Е. Величков и препаратор А. Ф. Чаша. Однако вплоть до войны оборудованием и реактивами лаборатория была обеспечена плохо. Но и в этих условиях М. М. Павлюченко отлично справлялся со своими обязанностями. Так, в отчете по химфаку за 1939/40 учебный год сказано: «Хорошо прошла подготовка к экзаменам по физической химии доц. Павлюченко, как с организационной точки зрения, так и в смысле дачи консультаций. Консультации давались регулярно, каждый четвертый день в течении семестра». Химик активно участвовал в научной жизни, выступал с докладами и лекциями вне БГУ, внедрял в учебно-научный процесс новые направления – коллоидную и физическую химию.

В 1931/32 учебном году дисциплина «Физическая и коллоидная химия» читалась в объеме 216 часов для студен-

тов 3-го курса. В 1932/33 учебном году курс «Коллоидная химия» профессор Н. Ф. Ермоленко читал в объеме 162 часов. Но в следующем учебном году курс сократили до 70 часов лекций и 60 часов семинарских занятий для весеннего набора и 70 часов и 40 часов соответственно – для осеннего набора студентов 3-го курса. В должной мере обеспечить преподавание данного предмета, как и физической химии, не удавалось. Так, известно, что в 1939–1941 гг. коллоидная химия читалась в объеме 42 часов лекций на 4-м курсе. Курс же физической химии в 1932–1934 гг. в учебных планах химического факультета не найден. Сведения о преподавании физической химии В. К. Никифоровым находим только в планах 1935–1937 гг., а М. М. Павлюченко – с 1937 г.

В итоге в 1939/40 учебном году физическая химия стала читаться в объеме 92 часов лекций на 3-м курсе, 43 часов на 4-м курсе (также было отведено 252 часа для практических занятий). А на 5-м курсе было 40 часов лекций по физико-химическому анализу и 140 часов практических занятий. Такой поворот к физической химии на факультете был обеспечен усилиями Михаила Михайловича. Это тем более важно, что в то время декан И. П. Марковко отмечал острый дефицит кадров и ресурсов для организации работы химического факультета. Показательно и то, что даже по состоянию на 1939–1941 гг. набор на факультет оставался небольшим и составлял 35–40 человек, не изменился с 1920-х гг. Несмотря на все это, во время работы университета на ст. Сходня под Москвой именно химический факультет имел по БГУ наилучшую успеваемость студентов, что свидетельствует о высоких критериях и самоотдаче сотрудников химфака.

По сведениям М. М. Павлюченко, с началом войны он убыл в эвакуацию в Казань, где в 1941–1943 гг. работал в научно-исследовательской лаборатории за-

Сходня, улица Первомайская в годы войны. Здесь проживали преподаватели БГУ, в том числе М. М. Павлюченко

вода № 9, осенью 1943 г. вернулся в БГУ в его «подмосковный» период работы и вновь возглавил кафедру физической и коллоидной химии. Эту кафедру Михаил Михайлович возглавлял продолжительное время – с 1944 по 1966 г.

На ст. Сходня удалось возобновить полноценную учебную работу 6 факультетов (филологический, исторический, физико-математический, химический, биологический, географический) и 35 кафедр БГУ, в том числе всех 4 кафедр химического факультета. В штате химического факультета полагалось иметь 8 преподавателей, но в октябре 1943 г. их было только 5 человек. Тогда же из 70 студентов довоенного химфака к занятиям приступило 32 студента (из них 26 были уроженцами БССР, оказавшимися в эвакуации). Университет, как понятно из отчета ректора П. П. Савицкого секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, на Сходне испытывал огромные трудности: «...необходимо было хотя бы минимально удовлетворить нужды студентов в одежде и обуви», «работа БГУ крайне тормозилась недостаточностью как учебников, так и жилой базы, недостатком средств, транспорта и оторванностью от республиканских (белорусских) органов».

Острым был кадровый дефицит. Так, БГУ просил отозвать для преподавания с фронта и из оккупации ряд своих прежних сотрудников, в том числе химиков – доцента А. С. Будкевича, профессора Ф. Г. Осипенко, профессора Н. А. Прилежаева, доцента И. П. Марковко. Физическую химию в БГУ должен был преподавать академик С. М. Липатов, но в силу его загруженности по выполнению военных разработок некоторое время вел курс и возглавлял кафедру профессор Н. Ф. Ермоленко. Затем, с конца 1943 г. или начала 1944 г., – М. М. Павлюченко, приехавший из Казани. Из Казани прибыла тогда для работы в БГУ и Е. Н. Прилежаева, поскольку ее отец Н. А. Прилежаев после эвакуации из Минска тяжело

Работы по восстановлению Минска (район разрушенного университетского городка). 1945 г.

болел и не смог приступить к занятиям по органической химии. Есть сведения, что Михаил Михайлович был деканом химфака в 1943–1946 гг., чрезвычайно сложное для БГУ время.

Велика была нагрузка М. М. Павлюченко и его вклад в возрождение и развитие химической науки и образования БГУ и Беларуси в послевоенное время. Он читал на химическом и физическом факультетах лекции по физической химии (204 часа и 55 часов соответственно – на 3-м курсе), а также новый курс по химической термодинамике (53 часа лекций на 4-м курсе химфака), по возвращении БГУ в Минск руководил организацией лаборатории физической химии. Его ассистентом и помощником в этом нелегком деле была сотрудница кафедры Надежда Ивановна Карпович.

Из отчета химического факультета за 1944/45 учебный год можно узнать, что химический факультет возобновил работу в Минске 16 октября 1944 г. в выделенных ему семи комнатах (170 м²) корпуса физико-математического факультета. Причем, как свидетельствуют документы, «ни одно из них ни в коей мере не было приспособлено для практических занятий: отсутствовала подача электрического тока, вода и канализация, тяга...». «Лабораторно-производствен-

ную базу приходилось создавать в настоящем смысле этого слова на пустом месте». В целом лишь для более или менее нормальной работы химфака, деятельность которого «немыслима без лабораторий», требовалось по крайней мере 20 комнат (750 м²), что по площади в 4,5 раза больше, чем тогда довелось довольствоваться факультету.

Между тем, по словам М. М. Павлюченко, «...несмотря на трудности, были ко II семестру химфаком организованы 4 лаборатории, но они еще не отвечали современным требованиям труда и науки». «Если в какой-то мере удалось сложить базу для практических занятий в лабораториях, то таковая совершенно отсутствовала для научно-исследовательской работы». По-прежнему остро ощущался дефицит кадров. Доцент А. С. Будкевич выбыл уже в ноябре 1944 г., и кафедра аналитической химии примерно два года до его возвращения оставалась вакантной. Мало было доцентов на кафедрах неорганической и органической химии. Ощущалась острейшая нехватка в реактивах, оборудовании, учебных пособиях. В итоге учебный план выполнили в первом семестре на 70 %, во втором – на 87 %. Более того, студенты часто не могли приступить к занятиям по материальным причинам. Так, по словам М. М. Павлюченко, занятия часто срывались (в учебном 1944/45 году), так как «студенты ехали за хлебом», «ехали за книгами», «ехали за продуктами». В итоге из 30 студентов 1-го курса осталось 25, а из всех 87 студентов факультета – 77. Выпуск специалистов составил всего 11 человек.

Несмотря на эти послевоенные проблемы, продолжал Михаил Михайлович, «все кафедры работали хорошо; сотрудниками и их руководителями проведена большая работа по организации производственного процесса». Приложенные усилия позволили наладить работу кафедр и факультета, хотя трудности остались. Так, в 1949/50 учебном году, когда

деканом химического факультета был уже А. А. Будкевич, как и ранее ощущался недостаток оборудования, а лаборатории требовали подводки электричества и воды. По-прежнему невелико было число студентов (на 1-й курс поступило 25 человек).

Факультету еще в 1946 г. удалось в значительной степени восстановить учебный процесс. Вернулись некоторые из прежних сотрудников, в том числе на кафедру физической и коллоидной химии – доцент Григорий Лазаревич Старобинец, выпускник химфака БГУ 1935 г. и аспирантуры БГУ 1939 г. По инициативе М. М. Павлюченко из АН БССР пришел работать на кафедру (в качестве совместителя) доцент Петр Илларионович Белькевич, выпускник БГУ 1928 г. (в последующем заслуженный деятель науки БССР). Ассистентом кафедры стала выпускница БГУ 1938 г. Надежда Павловна Булгакова. Этот приток «свежих сил» способствовал качественному росту и развитию физической и коллоидной химии в Беларуси. М. М. Павлюченко был примером для других. Коллеги отмечали, что он «читает на высоком теоретическом уровне общие и специальные курсы по физической химии и продуктивно ведет исследовательскую работу». Возобновление работы Института химии АН БССР в Минске, в чем активное участие принимал М. М. Павлюченко вместе с Н. Ф. Еромоленко, во многом определило суть его дальнейших научных изысканий.

Еще в 1940 г. Михаил Михайлович занялся важнейшей научной темой – гетерогенными химическими реакциями с участием солей. В этом отношении он следовал по стопам академика А. Н. Теренина, под руководством которого проходил научную стажировку еще в 1935–1937 гг. В гетерогенных реакциях участвуют вещества в различном агрегатном состоянии (например, растворение металлов в кислотах, тление угля и др.), а также это взаимодействие твердых веществ. М. М. Павлюченко писал: «Мно-

гие гетерогенные реакции представля- ют большой практический интерес. Они лежат в основе получения металлов из руд, строительных материалов, катали- заторов, полупроводников, фосфоров и т. д. Разложение взрывчатых веществ, фотолиз галоидных соединений серебра, горение угля, коррозия металлов и т. д. также относится к этому типу реакций».

Особенное внимание Михаила Ми- хайловича привлекали топочимические реакции (род гетерогенных, связаны с деформацией кристаллической струк- туры), их кинетические и структурные параметры. Ученый выступал в этой сфе- ре пионером в советской науке. В сво- ей обзорной статье в научном сборнике 1961 г. он отмечал, что изучение гетеро- генных реакций началось в химии позже, поскольку до 1920-х гг. наука распола- гала скудными сведениями о строении твердых тел, а также потому, что в ходе гетерогенных реакций происходят не только химические, но и физические взаимодействия веществ. Еще в 1920 г. ученые открыли ускорение гетерогенных реакций в процессе, но встал вопрос об объяснении этого явления. Опытным путем М. М. Павлюченко и его ученик Евгений Аркадьевич Продан (выпускник химфака БГУ 1953 г., в будущем доктор химических наук и академик) установи- ли, что нарастание скорости реакции про- исходит из-за повышения температуры,

а не механизма реакции. Также Михаил Михайлович установил зависимость та- ких реакций от структуры реагирующего вещества, а не от параметров синтезиру- ющегося вещества (веществ), что стало вкладом в мировую науку.

Свои открытия М. М. Павлюченко от- разил в ряде научных работ, в том числе в докторской диссертации «Исследования в области кинетики гетерогенных реакций, которые протекают с участием твердых тел» (1953). Когда в июне 1953 г. ученый был представлен коллегами из БГУ на соискание ученого звания профессора, то о нем писали: «Доктор химических наук М. М. Павлюченко является... известным не только в БССР, но и за ее пределами».

Михаил Михайлович неоднократно принимал участие в международных конференциях и симпозиумах, в 1958 г. читал лекции по физической химии в Венгерской академии наук. За выдаю- щиеся научные и научно-практические достижения награжден двумя орденами «Знак Почета», медалью «За доблестный труд», получил звание заслуженного де- ятеля науки Беларуси (1972). В 1956 г. М. М. Павлюченко был избран членом- корреспондентом, а в 1959 г. – академи- ком АН БССР.

Велик научно-исследовательский вклад М. М. Павлюченко. Именно по его инициативе в БГУ на базе химического факультета открыта в 1957 г. радиохимическая лаборатория.

Гомогенные реакции

• Это реакции, протекающие в одно- родной среде (нет поверхности разде- ла реагирующих веществ). Например, в смеси газов или в растворах

$$v_{\text{гом}} = \frac{\Delta n}{\Delta t \cdot V} \left[\frac{\text{моль}}{\text{с} \cdot \text{л}} \right]$$

$$\frac{\Delta n}{V} = \Delta C$$

$v = \frac{\Delta C}{\Delta t}$ – изменение молярной кон- центрации

Гетерогенные реакции

• Это реакции, идущие между веще- ствами в неоднородной среде. Напри- мер, на поверхности соприкосновения твердого вещества и жидкости, газа и жидкости

$$v_{\text{гет}} = \frac{\Delta n}{\Delta t \cdot S} \left[\frac{\text{моль}}{\text{с} \cdot \text{см}^2} \right]$$

Δn – изменение количества вещества (моль);
 Δt – интервал времени (с, мин)

Гомогенные и гетерогенные химические реакции: схема

мическая лаборатория, а в 1959 г. – Институт общей и неорганической химии (ИОНХ) АН БССР. Михаил Михайлович возглавил ИОНХ в 1959–1965 гг. и определил приоритетной разработку технологических процессов минеральных удобрений (прежде всего калийных) и развитие теории адсорбции. В дальнейшем развитие получила разработка неорганических композитных материалов. В ИОНХ и БГУ возникли мощные научные школы учеников М. М. Павлюченко, они во многом определяют научные успехи современной Беларуси. Ученый первым оценил возможности разработки Старобинского месторождения калийных солей. Открытое в окрестностях д. Чижевичи в 1949 г., это месторождение содержало 20 % сильвинита и до 80 % балласта в виде хлористого натрия и нерастворимых в воде карбонатов кальция и магния (около 10 % общей массы породы). Все это, вместе с немалой глубиной залегания (352–900 м), создавало значительные проблемы в эксплуатации месторождения, поскольку требовало больших затрат на очистку и выделение сильвинита.

Решение нашел М. М. Павлюченко совместно с коллегами и учениками из ИОНХ АН БССР и БГУ. Была предложена флотация (способ обогащения полезных ископаемых) сильвинит-содержащей породы с помощью полиакриламида, тилозы и других флото-реагентов

для депрессации глинистых шламов, а также дальнейшая обработка сильвинита октодециламином, предварительная сепарация породы с помощью гидроцикла: измельчение сильвинитовой породы до 5–7 мм давало выход в 85 % сильвинита, а при помоле в 1–3 мм – 92 %. После последующей флотации получалось высокоэффективное калийное удобрение. Именно М. М. Павлюченко увидел в строительстве Старобинского калийного комбината (1958) «базу развития основной химической промышленности в республике».

На современном этапе химическая промышленность дает до 20 % ВВП Беларуси. До 35 % всей экономики современной Республики Беларусь формируется продуктами промышленной химической переработки. Сегодня отрасли химической промышленности заметно превосходят даже машиностроение, на протяжении более чем полувека составлявшего основу промышленности и хозяйства БССР и суверенной Республики Беларусь, а также пищевую промышленность и сельское хозяйство. В 2016 г. объем производства калийных удобрений на «Беларуськалий» достиг 10 млн т. Доля белорусских калийных удобрений составляет до 20 % мирового экспорта, что делает «Беларуськалий» лидером в этой сфере на планете.

Разнообразно и обширно научное наследие Михаила Михайловича. Он под-

Начало строительства «Беларуськалий» и Солигорска. 1958 г. — начало 1960-х гг.

готовил 40 кандидатов и 3 докторов наук, опубликовал две монографии и свыше 400 научных работ по кинетике, гетерогенным реакциям, технологии переработки калийных солей. Свою научную школу ученый создал именно в БГУ. Университетский профессор вовлекал студентов и коллег по кафедре и факультету в совместную разработку научных проектов, в проведение опытов и осмысление их результатов. Он способствовал публикации научных данных коллег, их выступлениям с докладами на научных конференциях. Ряд докладов о методах и нюансах флотации калийных солей М. М. Павлюченко сделал совместно с коллегами: Э. Ф. Коршук, В. Л. Кныш, М. И. Мазель, Н. Н. Пшеничной, Б. И. Бортницкой. Проблемам химического состава и физико-химических свойств старобинских калийных солей, методам их флотации аминами и обогащения в тяжелых суспензиях посвящены его совместные работы с Т. И. Торгонской, Е. М. Борисенко, Н. Г. Рафальским, Е. А. Проданом, М. П. Гилевичем, А. И. Покровской, Ф. Н. Капуцким, И. Ф. Кононюком, Г. А. Лазерко, В. М. Акуловичем, А. П. Медведевой, М. И. Мазелем, Ф. Ф. Можейко, Э. Ю. Литвиненко, Х. М. Александровичем и др.

По стопам отца пошла и дочь профессора Галина Михайловна Павлюченко, выпускница химфака (1960) и аспирантуры БГУ (1964). Она защитила в 1964 г. кандидатскую диссертацию на тему «Исследование сорбционных свойств и оценка гибкости цепей кристаллических полимеров» и в последующем стала сотрудницей новой, открытой в 1962 г. кафедры высокомолекулярных соединений БГУ.

Крупнейших научных успехов достигли ученики Михаила Михайловича, выпускники и сотрудники БГУ: академик и доктор химических наук, про-

фессор, многолетний сотрудник БГУ и ИОНХ АН БССР Евгений Аркадьевич Продан; академик, доктор химических наук, профессор, сотрудник БГУ и ИОНХ АН БССР, директор НИИ физико-химических проблем (ФХП) БГУ в 1979–1993 гг. Вадим Васильевич Свиридов; академик, доктор химических наук, профессор, многолетний сотрудник и ректор БГУ в 1990–1996 гг., декан химического факультета в 1965–1973 гг., а также создатель (ноябрь 1977 г.) и заведующий НИИ ФХП БГУ Федор Николаевич Капуцкий; академик, доктор химических наук, профессор, выпускник химфака БГУ (1952), сотрудник и директор ИОНХ АН БССР и НАН Беларуси (1966–1992) Владимир Семенович Комаров; член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, выпускник химфака БГУ (1959), сотрудник и долгое время заведующий лабораторией минеральных удобрений ИОНХ АН БССР Фома Фомич Можейко.

М. М. Павлюченко – титан белорусской химической науки XX в., пионер физической химии как нового научного направления не только в Беларуси, но и в Советском Союзе и мире. Михаил Михайлович по праву считается основоположником мощной научной школы, разработкой которой позволили создать эффективное производство калийных удобрений, а также развить отрасли передовой химической промышленности в стране. Без преувеличения можно сказать, что научное наследие М. М. Павлюченко создало и доныне продолжает – в лице учеников и основанной им в стенах БГУ научной школы – создавать передовую промышленность и науку, а также саму будущность современной Беларуси.

Виктор Адамович Кохнович

Михаил Михайлович Павлюченко

**Первый белорусский педагог,
ученый и практик,
действительный член
Белорусской академии наук**

**Профессор БГУ,
непременный секретарь БАН**

**Павел Яковлевич
ПАНКЕВИЧ**

16.02.1895 – 28.06.1938

Павел Яковлевич Панкевич – известный белорусский ученый и общественный деятель. Он сыграл важную роль в становлении педагогической науки в Беларуси. Первый директор белорусского НИИ педагогики и педологии, заведующий педагогическим кабинетом Белорусской академии наук. Круг научных интересов Павла Яковлевича широк: исследовал историю и методологию педагогики и психологии, разрабатывал проблемы политехнического образования, трудового и коммунистического воспитания.

До Февральской революции будущий белорусский академик работал школьным учителем. После окончания в 1924 г. Московских Высших педагогических курсов преподавал и оттачивал навыки глубокого исследователя. Молодой ученый принял активное участие в организации академической белорусской науки. Первым из белорусских педагогов получил ученую степень доктора педагогических наук и ученое звание профессора. В 1931 г. избран действительным членом Белорусской академии наук. Научную, методическую и общественную деятельность совмещал с преподаванием на педагогическом факультете БГУ, где вначале работал доцентом, затем – профессором кафедры педагогики.

Один из первых педагогов-теоретиков академик Панкевич стоял у истоков научно-педагогических исследований. Научное наследие ученого составляет более 30 трудов, в том числе две монографии.

Павел Яковлевич Панкевич родился 16 февраля 1895 г. в семье мелкого чиновника г. Невеля Псковской области. Однако его отец, хотя и обеспечивал семью, работая делопроизводителем в этом городе, по социальному происхождению был крестьянином из д. Прудок Вороньской волости Лепельского уезда. Свою семью он перевез в Невель в поисках лучшей жизни. Начальное образование мальчик получил в Витебском городском училище, окончил его в 1912 г. В 1914 г. завершил обучение на двухгодичных педагогических курсах при 1-м высшем начальном училище в Витебске. После этого Павел работал учителем в Витебской губернии: вначале в народном училище в д. Рудне Зябкинской волости Дриссенского уезда, затем – в Артейковичском двухклассном народном училище Полоцкого уезда.

В 1916 г. молодой педагог поступил в Витебский учительский институт, который принимал на обучение учителей с двухлетним стажем работы. В 1918 г. институт получил статус высшего учебного заведения, а в 1919 г. был преобразован в Институт народного образования. В 1922 г. Павел Яковлевич закончил Институт и сразу же поступил на Московские Высшие педагогические курсы при Московском государственном университете. Окончание обучения на курсах дало право преподавания в высших учебных заведениях. В 1924–1925 гг., являясь научным сотрудником МГУ, молодой специалист читал курс истории педагогических систем в Академии коммунистического воспитания и курс истории советской системы педагогического образования в Институте педологии и дефектологии в Москве.

Выходец из социальных низов, П. Я. Панкевич принял идеи революции и в 1917–1918 гг. состоял членом партии социалистов-революционеров. В мае 1919 г. вступил в партию большевиков и стал активным участником строительства новой системы советского образования.

Город Невель, в котором родился
П. Я. Панкевич

В 1920 г. его приняли в профсоюз работников просвещения. Когда в 1925 г. проводилась партийная мобилизация кадров для работы в национальных республиках, Павел Яковлевич, получив назначение на должность заведующего методической частью в Коммунистическом университете Белоруссии им. В. И. Ленина, вернулся на родину.

После переезда в Минск тесные связи с московскими учеными не прерывались. В ноябре 1927 г. П. Я. Панкевич принял участие в работе съезда научно-исследовательских ассоциаций при Коммунистической академии в Москве. В марте 1929 г. выступал с докладом «Спорные вопросы политехнического воспитания» в Московском институте методов школьной работы. В январе 1930 г. участвовал в работе Первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека. Создававшаяся в СССР социалистическая система народного образования требовала научно-теоретического обоснования целей, принципов и содержания обучения и воспитания. Советские педагоги начали переосмысление педагогических теорий с точки зрения марксизма.

П. Я. Панкевич посвятил некоторые свои работы педагогическим идеям А. И. Герцена и Н. А. Добролюбова, деятелей европейского рабочего движения XIX в. В 1926 г. в Москве вышла его книга «Мысли Плеханова о воспитании и об-

Профессор Алексей Георгиевич
Калашников, академик Академии
педагогических наук РСФСР

разовании», в предисловии к которой известный советский педагог А. Г. Калашников отметил важную ее роль в создании новой марксистской педагогики. В книге автор изложил и прокомментировал идеи основоположника русского марксизма Г. В. Плеханова о педагогическом процессе с точки зрения рабочего класса. В 1928 г. в «Трудах БГУ» (№ 19) была

Первое в Беларуси учебное пособие
по истории педагогики (1929).
Автор – П. Я. Панкевич

напечатана статья «Педагогические идеи Н. А. Добролюбова», в которой Павел Яковлевич проанализировал мысли русского революционера-демократа по вопросу о психофизиологических основах воспитания, доказывая их актуальность для марксистской педагогики.

П. Я. Панкевича, благодаря его вкладу в разработку проблем истории педагогики, пригласили войти в состав научного коллектива первой советской «Педагогической энциклопедии». Для первого тома (вышел из печати в 1927 г.) ученый написал раздел «Основные идеи пролетариата в области воспитания и их исторические корни». Здесь он раскрыл ряд вопросов из истории педагогики: принципы пролетарского воспитания, идеи воспитания в чартистском движении, К. Маркс и Ф. Энгельс о воспитании, система интегрального воспитания, идеи воспитания в Парижской коммуне, синдикальное воспитание, история развития педагогических взглядов социал-демократии, коммунистическое воспитание.

Уже состоявшийся, опытный белорусский ученый-педагог написал первое в Беларуси учебное пособие по истории педагогики, предназначенное для студентов педагогических факультетов и школьных работников. В пособии описывались педагогические теории различных исторических эпох. Текст делился на пять разделов в духе формационной классификации марксизма: воспитание и педагогика феодализма, воспитание и педагогика эпохи торгового капитализма, педагогические идеи эпохи мануфактур и буржуазных революций, педагогика эпохи промышленного капитализма в XIX в., педагогика в эпоху империализма. Такая структура соответствовала утверждавшемуся пониманию истории педагогики, согласно которому базис (экономические отношения) определял идеологическую надстройку (в том числе и педагогические идеи). Критический анализ педагогических теорий автор подал с позиций классового подхода. Материал в учебном

пособии был педагогически адаптирован в соответствии с принципами доступности, связи изучаемого материала с жизнью. Пособие отличалось краткостью, образной манерой изложения. Каждый раздел завершался списком дополнительной литературы. Для лучшего усвоения материала автор разместил вопросы для повторения, а также вопросы-задания, направленные на развитие мышления учащихся.

В 1920-е гг. в советской педагогике сформировалась теория единой трудовой школы, ядром которой признавалось политехническое образование, понимавшееся как соединение обучения с производительным трудом, а школы – с производством и жизнью. В развернувшейся дискуссии о содержании и формах народного образования наметилось два подхода – политехнический и профессиональный. Сторонники политехнического подхода считали, что в единой трудовой школе должно осуществляться общеобразовательное обучение всех детей на основе принципа политехнизма, всестороннего теоретического и практического изучения трудовой деятельности людей и ее организации. Сторонники профессионального подхода отрицали необходимость общего образования и настаивали на профессионально-техническом обучении.

В этой дискуссии принял активное участие и П. Я. Панкевич, в 1926 г. он опубликовал работу «Основные вопросы фабзавуча», посвященную проблеме организации и содержания обучения рабочей молодежи. Автор обосновывал необходимость единства экономических, социальных и образовательно-воспитательных функций профессионального образования, его ориентации на потребности «завтрашнего дня», соединения специальной и общетехнической подготовки, политехническую направленность профессионального образования. Реализация принципа политехнизма в школах фабрично-заводского ученичества позво-

Первая советская «Педагогическая энциклопедия» в трех томах

лила в Советском Союзе готовить специалистов, способных работать в условиях высокотехнологичного производства.

Развертывание индустриализации в СССР выдвинуло проблему политехнизации общеобразовательной школы на первый план. В 1928 г. вышла в свет книга П. Я. Панкевича «Политехническая школа в связи с развитием современной крупной индустрии», в которой раскрывались экономические предпосылки политехнической школы, становление идеи политехнизма, перспективы

Работа П. Я. Панкевича «Педагогические идеи Н. А. Добролюбова», опубликованная в 1928 г.

политехнического обучения в советской школе. В 1930 г. состоялся I Всебелорусский съезд по политехническому просвещению, на котором Павел Яковлевич выступил с докладом «Электрификация страны и политехническое воспитание». Реализации принципа политехнизма в советской школе посвящены его статьи в журнале «Камуністычнае выхаванне» за 1930 г.

Успехи в научных изысканиях, публикационная активность П. Я. Панкевича привлекли внимание к его персоне ректора БГУ В. И. Пичеты. Сразу же по приезде в Минск Павел Яковлевич получил предложение работать по совместительству и в Белорусском государственном университете. В октябре 1925 г. его приняли на должность доцента по кафедре педагогики педагогического факультета.

Во время работы в университете Павел Яковлевич проявил себя как талантливый педагог и организатор. Он читал учебные курсы «Педагогика» и «Учение о трудовой школе». В 1926/27 учебном году его аудиторная нагрузка составляла 16 часов в неделю. Молодой доцент активно занимался и внеаудиторной работой: входил в состав комиссии по организации педагогического практикума, комиссии по организации методического практикума, методико-педагогической предметной комиссии педфака. 15 октября 1927 г. Павла Яковлевича назначили заведующим социально-историческим отделением педфака и ввели в состав деканата.

П. Я. Панкевич, исследуя проблематику теории и истории педагогики с точки зрения марксизма, опирался на междисциплинарный подход. Он разрабатывал вопросы на стыке философии, истории, педагогики и, в частности, методики преподавания. Не случайно среди преподаваемых им дисциплин стоял курс диалектического материализма. В сентябре 1927 г. в БГУ состоялась I Всебелорусская конференция обществоведов, на которой Павел Яковлевич выступил с

докладом по проблеме изучения обществоведения в советской трудовой школе. П. Я. Панкевич считал, что учебные программы по обществоведению должны формировать коммунистическое мировоззрение и активность детей и подростков, иметь соответствующее соотношение учебного материала, посвященного истории и современности, обеспечивать связь с общественной практикой. Докладчик сформулировал основные требования к школьному учебнику по обществоведению: научность содержания, соответствие возрасту детей, индуктивный способ подачи учебного материала. Изложение учебного материала должно быть коротким и простым, с примерами и иллюстрациями, рисунками, схемами, картами. В учебник П. Я. Панкевич предлагал включать задания (проблемные, организационные, по самопроверке) и материал для их выполнения.

Факты свидетельствуют: П. Я. Панкевич умел создать атмосферу общей заинтересованности студентов в овладении предметом. Пользуясь своими контактами в мире российской науки, он организовывал экскурсии студентов БГУ в Москву, чтобы расширить их кругозор и профессиональные знания. Так, с 14 января по 1 февраля 1927 г. он лично руководил такой экскурсией. В студенческой среде Павел Яковлевич проводил прикладные психолого-педагогические исследования. В 1927 г. под его руководством прошло анкетирование среди 1680 студентов БГУ, Коммунистического университета им. В. И. Ленина и Белорусской сельскохозяйственной академии. В ходе исследования планировалось получить данные о культурном уровне, образе жизни, о нравственности и бытовых условиях проживания белорусских студентов. Результаты были изложены в статье «Какой же наш белорусский студент», опубликованной в 1928 г. в журнале «Асьвета». Автор описал как положительные, так и отрицательные стороны жизни учащейся молодежи,

причинно-следственные обстоятельства. Например, 72,6 % студентов БГУ не занимались физической культурой, 23,8 % не участвовали в общественной работе. Результаты исследования должны были помочь организовать воспитательную работу в советских вузах.

Руководство БГУ стимулировало развитие научных исследований, в том числе предоставляя сотрудникам оплачиваемые научные командировки – в союзные республики и зарубежные страны. Так, летом 1928 г. П. Я. Панкевич ходатайствовал об оформлении ему двухмесячной зарубежной командировки. Он планировал посетить Берлин, Лейпциг и Гамбург в целях «ознакомления с педагогическим образованием и постановкой опытных школ». Почему именно Германия? Павел Яковлевич в своих анкетах отмечал, что из иностранных языков он владеет немецким. Однако в Германию педагог не попал, поскольку числился в рядах запаса Красной армии (род войск – «политпросвет», вид войск – «школьный»!) и как военнообязанный должен был ежегодно являться на военные сборы Минского окружного военного комиссариата, имея при себе одеяло, полотенце, нательное белье, носовые платки, кружку и ложку. Поэтому, например, в начале 1928/29 учебного года зачеты по педагогике у студентов вместо него принимал доцент В. В. Перебилло. Павел Яковлевич проходил 45-дневные военные сборы по переподготовке командного состава. И безрезультатно Правление университета просило Минский окружной военкомат освободить доцента Панкевича от этих сборов, мотивируя тем, что у того запланирована научная командировка.

Изначально П. Я. Панкевич не владел белорусским языком. В пункте анкет о родном языке он всегда писал «русский», что не было необычным для уроженца белорусских восточных волостей Российской империи. Когда же в БГУ развернулась белорусизация, Павел Яковлевич упорно стал овладевать белорусским

языком и осенью 1927 г. частично приступил к преподаванию по-белорусски. Документы свидетельствуют: он пообещал полностью перейти на чтение лекций на белорусском языке к июню 1928 г. Учебное пособие по истории педагогики, изданное в 1929 г., написано уже на белорусском языке.

Активное участие П. Я. Панкевича в исследовании проблем народного образования, в подготовке педагогических кадров способствовало его профессиональному росту. В 1928 г. он завершил работу над докторской диссертацией. И в 1929 г. ему – первому из белорусских педагогов – была присуждена ученая степень доктора педагогических наук и присвоено ученое звание профессора.

Защита докторской диссертации предопределила карьерный рост. В БГУ Павел Яковлевич был утвержден в должности профессора кафедры педагогики, назначен заведующим педолого-педагогическим отделением (его создали на педфаке в июне 1929 г.). На отделении осуществлялась подготовка кадров преподавателей и работников органов народного образования. Павел Яковлевич уча-

Обложка журнала «Асьвета», в котором печатался П. Я. Панкевич

Павел Яковлевич Панкевич

ствовал в составлении учебных планов для отделения и взял на себя руководство летней культурно-массовой практикой студентов – не только педолого-педагогического, но и социально-исторического и политпросветительского отделений педфака.

В 1930/31 учебном году П. Я. Панкевич возглавил кафедру педагогики БГУ. Декан педфака поручил новому заведующему заняться совершенствованием методической работы на факультете: «...пергляд пройдзеннага этапу актывізацыі мэтадаў выкладаньня і вучоту работы на пэдфаку, унесены у існуючыя формы работы элементарна палепшаньня, элементарна рацыяналізацыі даручыць катэдры пэдагогіцы... У дэкадны тэрмін катэдры пэдагогіцы распрацаваць плян работы... абавязкова прапрацаваць наступныя пытаньні: 1) Актывізацыя мэтадаў пэдфакаўскай работы. 2) Вучот работы на пэдфаку. 3) Цыклёвая або конв. сыстэма выкладаньня. 4) Мэтад практаў на пэдфаку». Конкретные предложения по организации работы Павел Яковлевич должен был представить к 1 мая 1931 г.

Плодотворная педагогическая и научно-исследовательская деятельность профессора-педагога в Белорусском государственном университете была высоко оценена: в июле 1931 г., в связи с 10-летием БГУ, его наградили орденом Трудового Красного Знамени БССР.

Тесно связанной с БГУ оказалась и личная жизнь Павла Яковлевича. Первый раз он женился в Москве, но приехал в БССР без жены и ребенка, до 1927 г. проживал в Минске с матерью. Как и у многих преподавателей, приглашенных в Минск, воссоединению семьи мешал квартирный вопрос. Жилья в Минске катастрофически не хватало. Наконец в июле 1927 г. была выделена квартира в «Доме БГУ № 2» жилой площадью 45 квадратных метров и с квартплатой в 20 руб. в месяц. Дом находился по адресу ул. Советская, 33. На основании поручительства Правления и месткома БГУ

мебельный магазин Лесбела выдал новоселу мебель стоимостью 50 руб. в кредит на пять месяцев. Наконец молодая супруга и сын Марлен переехали в Минск. Однако семейное счастье не продлилось долго. В 1930 г. жена Павла Яковлевича заболела менингитом и умерла. Вскоре вдовец встретил новую любовь – Галину Арсеньевну Михайловскую, младшую дочь недавно умершего профессора астрономии БГУ А. А. Михайловского. Свадьба состоялась 5 июня 1931 г. Во втором браке родилась дочь Татьяна.

В конце 1920-х гг. назрела необходимость создания в БССР специального научного учреждения, которое бы занималось изучением проблем воспитания и обучения. В 1929 г. был создан Научно-исследовательский институт педагогики и педологии. Его первым директором назначили П. Я. Панкевича. В задачи учреждения входили разработка актуальных педагогических проблем развития национальной системы образования; изучение, обобщение и распространение педагогического опыта, а также разработка практических рекомендаций для работников образования по насущным вопросам обучения и воспитания. В 1929–1934 гг. под руководством Павла Яковлевича институт проводил работу по изучению проблем политехнического образования, коммунистического воспитания, дидактики.

В 1931 г. сотрудники института издали хрестоматию «Политехническое воспитание». Теоретически разработанная идея политехнического образования так и не была реализована. Фактически советская школа 1920-х гг. не была ни единой, ни политехнической, ни трудовой в строгом смысле этого слова. В ходе постоянных экспериментов она потеряла внутреннюю стабильность и подошла к опасной грани хаоса и развала. Поэтому ЦК ВКП(б) 25 августа 1931 г. принял постановление, в котором начальная и средняя школа справедливо критиковалась за недостаточный объем и глубину

общеобразовательных знаний, «методическое прожекторство», формальную политехнизацию и выпуск не подготовленной к участию в «социалистической реконструкции народного хозяйства» молодежи. В постановлении указывалось на необходимость улучшения состояния научно-исследовательской и методической работы. Последующие партийные и правительственные постановления в области народного образования привели к усилению партийного контроля над школой, к жесткой регламентации педагогического процесса.

На Пленуме ЦК КП(б)Б в октябре 1931 г. обсуждалась слабая постановка в республике теоретической работы в области педагогики. Как следствие, Секретариат ЦК КП(б)Б на заседании 21 октября 1931 г. заслушал доклад о работе НИИ педагогики и педологии, переименованного осенью 1931 г. в НИИ коммунистического воспитания. По результатам обсуждения доклада был сделан вывод о несоответствии работы НИИ выдвигаемым партией задачам. В качестве недостатков работы института назывались оторванность научно-исследовательской работы от задач, стоявших перед школой, недостаточное внимание к изучению опыта учителей, слабая методическая помощь школе, слабая связь с методическим кабинетом Народного комиссариата просвещения БССР, признание основным методом обучения в школе метода проектов. Справедливости ради нужно заметить, что установки на массовое применение метода проектов «спускались» из Наркомпроса РСФСР, так как этот метод поддерживали лично Н. К. Крупская и московский Институт методов школьной работы. Напротив, П. Я. Панкевич в статье «Метод проектов в советской школе», опубликованной в журнале «Камуністычнае выхаванне» в мае 1931 г., предостерегал от перестройки всей школьной работы по схеме проектов.

На рубеже 1920–30-х гг. работу НИИ коммунистического воспитания, который возглавлял Павел Яковлевич, затрудняли нехватка научных кадров, помещений, нежелание местных органов образования сотрудничать с институтом. Секретариат же ЦК КП(б)Б указывал институту помочь школе перестроить работу согласно установкам партии. Для этого необходимо было сконцентрироваться на изучении проблемы углубления общеобразовательных знаний школьников и на практической реализации политехнизации школы – через создание школьных мастерских, политехнических музеев и др. Сотрудников НИИ обязали изучать и обобщать опыт работы учителей, руководить методической работой школы, разработать основы школьного самоуправления.

Оценка деятельности института со стороны Секретариата ЦК имела и политическую окраску. Его работников обвинили в «левооппортунистических искажениях в деле школьного строительства», проявившихся в пропаганде метода проектов, «примиренчестве» в отношении теории ликвидации самоуправления школы и теории «отмирания школы» и пр. Отдельным пунктом НИИ обязали немедленно приступить к развертыванию пропаганды марксистской педагогики среди учителей, студентов, рабочих и колхозников, проводя «непримиримую борьбу на два фронта: против правооппортунистических и левооппортунистических искажений педагогики». В обстановке развернувшейся в стране политической кампании по борьбе с «правым» и «левым» оппортунизмом в педагогике коммунисту П. Я. Панкевичу пришлось в печати каяться в допущенных «ошибках» и называть некоторые свои педагогические взгляды и выводы «поспешными» и «непродуманными». Это на несколько лет спасло его от политических обвинений.

1931 год в жизни Павла Яковлевича стал переломным. Кроме конфликта,

возникшего в связи с деятельностью НИИ коммунистического воспитания, он вынужденно покинул БГУ – из-за реструктуризации университета и всей системы высшей школы. На базе педагогического факультета БГУ был создан педагогический институт. Профессор-педагог оказался востребован в нем, возглавив кафедру педагогики. Учебная деятельность оставалась насыщенной: он руководил дипломными работами, читал курс педагогики для будущих учителей и считался одним из самых квалифицированных преподавателей. Лекции П. Я. Панкевича в целях повышения уровня профессионального мастерства посещали его молодые коллеги. Педагогика входила в число лучше всего разработанных и методически обеспеченных учебных дисциплин института.

Однако руководство кафедрой педагогики отнимало много времени и сил. Небольшой коллектив (пять человек) разрабатывал методики преподавания педагогики и других дисциплин, программы по педагогике и истории педагогики для студентов различных отделений, программы практикумов и многое другое. И если в первом семестре 1932/33 учебного года нареканий на работу кафедры не было, то во втором семестре у деканата появились серьезные замечания. П. Я. Панкевич объяснил пробелы в работе кафедры педагогики своей чрезмерной занятостью и написал заявление с просьбой освободить его от заведования. Однако руководство института не только не удовлетворило просьбу заведующего, но и продолжало требовать улучшить работу кафедры.

П. Я. Панкевич отнюдь не преувеличивал объемы своей нагрузки – научной, учебно-методической, организационно-методической, общественной и др. Так, большое количество разнообразных обязанностей обременяло его в Коммунистическом университете Белоруссии им. В. И. Ленина, где Павел Яковлевич кроме проведения занятий руководил де-

ятельностью педагогического кабинета, обеспечивал проведение летней практики студентов в деревне, а с 1 декабря 1928 г. занимал должность проректора по учебной работе. Да и общественная нагрузка была очень ответственной: в 1931–1934 гг. ученый был одним из 258 членов ЦИК БССР X созыва.

Разумеется, главное внимание приходилось уделять руководству НИИ коммунистического воспитания. В соответствии с партийными установками с 1932 г. институт занимался изучением проблем внедрения в практику школы социалистического соревнования и ударничества, а также антирелигиозного воспитания детей. В этом году П. Я. Панкевич совместно с Ю. С. Дардаком составил хрестоматию «Основы марксистско-ленинской педагогики». Книга включала предисловие, документы о политике партии большевиков в образовании, о советской системе просвещения и ряд статей, посвященных методологическим проблемам педагогики.

В начале 1930-х гг. политехническое воспитание в связи с новыми установками власти на восстановление «школы учебы» вместо «школы труда» стало неактуальным. Трудовая подготовка школьников сосредоточилась в школьных мастерских, а НИИ коммунистического воспитания занялся разработкой методики преподавания труда.

Советская педагогика в 1930-е гг. в условиях жесткого идеологического контроля утратила инновационный потенциал. Научный поиск стал подменяться комментированием текстов, цитированием авторитетов, восхвалением одних идей и шельмованием оппонентов. Это способствовало тому, что П. Я. Панкевич все больше сосредоточивался на работе в Белорусской академии наук. В академии он оказался как раз после завершения ее первой большой чистки, когда многие белорусские академики, стоявшие у истоков Инбелкульта и БАН, были репрессированы. Ведущее научное учреждение

республики нуждалось в пополнении свежими научными кадрами – не только квалифицированными, но и идеологически подкованными, твердо стоявшими на позициях марксизма. Павел Яковлевич вполне соответствовал этим требованиям: доктор педагогических наук, профессор, директор НИИ коммунистического воспитания, член правления Ассоциации марксистских научных обществ, председатель Общества педагогов-марксистов, коммунист.

Избрание действительным членом академии состоялось в марте 1931 г. Кандидатуру П. Я. Панкевича выдвинуло «Общество воинствующих марксистов-диалектиков». Он стал первым в области педагогики белорусским академиком. Оказалось, что даже в то столь непредсказуемое время на Павла Яковлевича была составлена положительная характеристика. Под грифом «Совершенно секретно» в академии наук велся список сотрудников с указанием имеющих на

них компрометирующих материалов. Напротив фамилии Панкевич стояла отметка: «Сведений компрометирующего характера не имеется». 16 июля 1931 г. нового академика ввели в состав Президиума БАН. С 1931 по 1934 г. он занимал должность неперменного (ученого) секретаря академии, сменив на этом посту И. А. Петровича.

Это были годы становления академической белорусской науки, и П. Я. Панкевич погрузился в организационную работу. 7 июля 1931 г. его избрали в состав Комиссии содействия ученым при СНК БССР: она оказывала помощь ученым в научно-исследовательской работе (издание трудов, выписка иностранной литературы и пособий, научные командировки) и в улучшении материально-бытовых условий (медицинская и санаторно-курортная помощь, решение жилищных и иных проблем, обеспечение престарелых ученых), а также привлекала ученых к «разработке вопросов социалистического

П. Я. Панкевич (крайний справа) среди коллег-академиков БАН: справа налево – историк В. К. Щербаков, математик Ц. Л. Бурстин, философ С. Я. Вольфсон, химик Б. М. Шпенцер. Минск, 1935 г.

строительства». С октября 1929 г. Павел Яковлевич состоял членом коллегии при Наркомпросе БССР и одновременно заведовал его Главным управлением науки.

В 1933 г. началось издание «Записок Белорусской академии наук», и П. Я. Панкевича включили в состав редакции. В должности постоянного секретаря БАН Павел Яковлевич готовил и редактировал научные материалы, отчеты, доклады на академических сессиях, организовывал научные мероприятия. Под его редакцией были изданы материалы состоявшейся в Минске 24–28 мая 1932 г. Всебелорусской конференции по научно-исследовательской работе во второй пятилетке. Академик Панкевич участвовал в подготовке и проведении в феврале 1933 г. в Москве декадника БАН, во время которого обсуждались проблемы развертывания социалистического строительства в Беларуси, а научная общественность Москвы знакомилась с достижениями белорусских ученых.

В состав Президиума БАН П. Я. Панкевич был переизбран 3 января 1935 г. Через некоторое время по постановлению Президиума от 31 мая 1936 г. академию разделили на два отделения: общественных наук и математических, естественных и технических наук. В состав первого вошел педагогический кабинет, который возглавил Павел Яковлевич. В 1937 г. педкабинет приступил к разработке научной темы «Развитие географических представлений у учеников начальной и средней школы БССР».

В 1936 г. П. Я. Панкевич вместе с наркомом просвещения БССР и недавним ректором БГУ А. И. Дьяковым был назначен ответственным редактором отдела педагогики и народного образования готовившейся к изданию «Белорусской советской энциклопедии». Однако по решению Бюро ЦК КП(б)Б от 10 ноября 1937 г. работа по созданию этого фундаментального труда прекратилась, коллектив был распущен с формулировкой в духе времени – в связи с тем, что «из-

дание Белорусской советской энциклопедии было разрешено вредителями и шпионами, пробравшимися к руководству в БССР с целью обмана белорусского народа и растративания государственных средств».

Работа П. Я. Панкевича в академии наук совпала с новой волной репрессий против ученых. В 1933 г. в ходе чистки академии от «классово-враждебных элементов» было уволено около 50 сотрудников. На всех академиков собирались компрометирующие материалы. В 1936 г. Минский горком КП(б)Б после проверки партийных документов принял решение исключить Павла Яковлевича из партии и указал ему на «неактивность его в борьбе против проявлений эсеровской идеологии у некоторых работников Академии». Правда, решение отменили и в партии его восстановили.

Однако избежать тягостной участи многих коллег Павлу Яковлевичу не удалось: 11 декабря 1937 г. его арестовали как врага народа. Поводом для ареста послужила статья в газете «Правда» от 10 августа 1937 г. собственного корреспондента по Беларуси Т. С. Горбунова (будущий секретарь ЦК КП(б)Б по идеологии, выпускник заочного отделения истфака БГУ). В статье утверждалось, что якобы аттестационная комиссия под руководством академика Панкевича выгоняла из рядов учителей справедливых и преданных делу партии людей по причине их «недостаточной квалификации».

В июне 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР осудила академика П. Я. Панкевича по статьям Уголовного кодекса БССР за «измену Родине», «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения, кооперации», «совершение террористических актов», «организационную антисоветскую деятельность, участие в антисоветской организации». Приговор был однозначен: «исключительная мера наказания». Павла Яковлевича расстреляли в Минске 28 июня 1938 г.

Дело П. Я. Панкевича было пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 19 мая 1956 г. Приговор отменен, дело за отсутствием состава преступления прекращено, а Павла Яковлевича реабилитировали посмертно.

Жену академика Галину Арсеньевну также арестовали (как жену врага народа) и сослали в Калмыкию на 15 лет. Их двухлетнюю дочь Татьяну ожидала жизнь в детском доме НКВД для детей врагов народа, но старшей сестре матери удалось забрать девочку в свою семью. Выдающиеся белорусские ученые-биологи Вера Арсеньевна Сержанина (Михайловская) и ее супруг Иван Николаевич Сержанин вырастили племянницу вместе со своими детьми Галиной и Юрием. Когда Галина Арсеньевна вернулась из лагеря, Татьяна уже заканчивала школу.

П. Я. Панкевич состоялся как ученый-педагог в сложный период формирования

научных основ советской педагогики, когда на первый план вышли социально-политические и идеологические факторы развития образования. Резкая, далеко не всегда оправданная критика советскими учеными дореволюционной системы образования сочеталась с поиском новых путей его развития – в условиях нехватки материально-технических средств и квалифицированных кадров. Не избежал веяний времени и Павел Яковлевич Панкевич, разрабатывавший проблемы истории педагогики и строительства советского образования. Тем не менее в истории отечественной педагогики он оставил значимый след как ученый, внесший вклад в разработку концепции демократической массовой школы, как один из первых организаторов белорусской педагогической науки.

Ольга Игоревна Ершова

**Основоположник научной школы
восточнославянской исторической
медиевистики**

**Профессор БГУ, декан исторического
факультета, заведующий кафедрой
истории народов СССР**

**Алексей Петрович
ПЬЯНКОВ**

03.03.1901 – 12.11.1987

Проректор БГУ по научной работе, декан и заведующий кафедрой истории народов СССР исторического факультета Алексей Петрович Пьянков первым из советских белорусских историков защитил докторскую диссертацию по древнерусской истории. Профессор не только БГУ, но и Могилевского и Минского пединститутов, возглавлял сектор истории СССР и БССР в Академии наук республики. Такая востребованность в научно-образовательных учреждениях объяснялась тем, что он являлся одним из ведущих в СССР исследователей древнерусской истории и одним из тех, кто внес выдающийся вклад в формирование белорусской национальной исторической школы. В БГУ работа Алексея Петровича пришлось на два периода – 1937–1941 и 1945–1950 гг. За это время ученый написал и успешно защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

С 1937 г. в БГУ А. П. Пьянков возглавлял кафедру истории народов СССР и в качестве декана до июня 1941 г. руководил историческим факультетом. В 1938–1947 гг. университетский историк избирался депутатом Минского горсовета, являлся членом правления республиканского общества распространения научных и политических знаний.

Научное наследие А. П. Пьянкова посвящено разработке проблем социально-экономической истории Древней Руси. Одновременно он сказал свое слово по узловым вопросам белорусской истории: стал разработчиком одной из первых учебных программ по истории Беларуси для вузов и школ, опубликовал несколько очерков в первых вариантах системной «Истории БССР», авторскую книгу «Происхождение белорусского народа». Историк доказывал общее происхождение восточнославянских народов и их «общие пути развития». В 1950–70-х гг. А. П. Пьянков активно участвовал в дискуссиях по вопросам зарождения феодальных отношений, а в 1979 г. в Москве опубликовал монографию «Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси», которая через год была переиздана в БГУ.

Среди многих из тех, кто внес выдающийся вклад в становление и развитие БГУ, заметное место принадлежит историкам. Возможно, они острее других ощущали непреходящую значимость первого белорусского университета как очага всесторонних и глубоких знаний, просвещенности, культуры и были устремлены к утверждению в его стенах важнейших направлений познания, среди которых история всегда остается «*es magistra vitae*». Традиции, заложенные ректором-историком В. И. Пичетой, его коллегами, знатоками общеславянской и белорусской истории В. М. Игнатовским, Д. А. Жариновым, А. А. Савичем, А. Н. Ясинским, В. Д. Друщицем и многими другими, несмотря на репрессии 1920–30-х гг., нашли своих продолжателей из числа выпускников университета и тех, кого приглашали в Минск в целях расширения интеллектуальных горизонтов белорусов, как и реализации личных творческих планов «небелорусов».

Одним из таковых и был Алексей Петрович Пьянков, который к середине 1930-х гг. только начинал путь в изучении сложной, мало познанной, а порой и мифологизированной древнерусской истории.

Алексей Петрович – коренной уралец; родился 3 марта 1901 г. в Перми в весьма обеспеченной семье служащего городской казенной палаты. Его отец смог в бурные революционные годы адаптироваться к системе советской бюрократии и почти до самой смерти (1932) работал в различных организациях Перми. Он дал сыну приличное по тем меркам среднее образование, но дальше Алексей торил свой жизненный путь сам. Для начала юноше, который быстро усвоил новые «правила игры», пришлось буквально на три месяца вступить в ряды Красной армии, затем на месяц устроиться делопроизводителем в новое советское учреждение с характерным для тех лет звучным названием-аббревиатурой РУПВОД (так обозначалось районное управление вод-

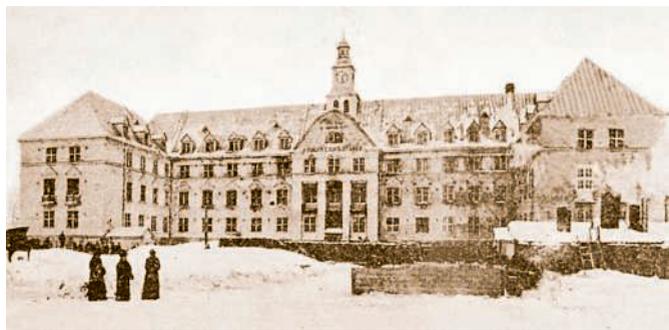
ного транспорта). Тем самым был не только обеспечен некий прожиточный минимум, но и заполучены необходимые справки для поступления в Пермский госуниверситет (ПГУ). Так юноша без пролетарского происхождения, ввремя сориентировавшись, зафиксировал статусы красноармейца и совслужащего, выгодные для дальнейшей карьеры. И для начала безболезненно поступил в советский вуз. Потом во всех анкетах всегда назывались эти безукоризненные по советским меркам факты биографии.

Учеба на историческом отделении факультета общественных наук (ФОН) ПГУ началась в сентябре 1920 г. Уже через два года студент Пьянков стал успешно ее совмещать с преподаванием в профтехшколе, в школах второй ступени (№ 14 и 17) Перми. Очевидно, он слушал лекции профессора А. А. Савича, который как раз в эти годы перебрался из Минска в Пермь и стал читать курсы русской истории, разработанные в период преподавания в БГУ. О том, что между Пьянковым и Савичем сложились тесные взаимоотношения, говорят факты последующих лет, когда декан истфака БГУ и заведующий сектором истории СССР и БССР АН БССР Алексей Петрович Пьянков приглашал уже московского профессора Александра Антоновича Савича в Минск для совместной работы по написанию истории БССР. Контакты двух историков разных поколений перешли в плоскость коллегиальных взаимоотношений. Возможно, и первые шаги А. П. Пьянкова в науку делались с участием старшего коллеги.

Педагогический факультет (в который трансформировался ФОН) ПГУ Алексей Петрович окончил в июне 1925 г. Дипломированный преподаватель истории и обществоведения стал работать лаборантом сначала родного университета, а потом пединститута. Одновременно продолжал почти 10 лет преподавать в пермских школах, а также на рабфаках и курсах подготовки для поступления

в вузы. Весной 1932 г., видимо в связи с рождением сына Игоря, пришлось искать более «хлебное» место. Более двух лет уже сформировавшийся педагог трудился методистом сектора кадров треста «Урал-западлес», входившего в союзный Наркомат лесной промышленности. Однако на судьбу историка и новоиспеченного кадровика резко повлияли два поистине судьбоносных решения, принятые в 1934 г. в Москве. Во-первых, майское постановление ЦИК и СНК СССР о преподавании истории и географии в школе востребовало по всей стране кадры специалистов-историков. Во-вторых, в сентябре вышло постановление ЦИК и СНК СССР о реорганизации Наркомата лесной промышленности и его местных органов. В нем, помимо прочего, указывалось на коренную реорганизацию системы подготовки кадров.

В результате с сентября 1934 г. Алексей Петрович стал работать вузовским доцентом-историком, но не в родной Перми, а в далекой Полтаве, в местном пединституте. Причины такого крутого поворота сложно конкретизировать. Возможно, кто-то проинформировал работников Наркомата просвещения УССР о молодом уральском специалисте. И вполне вероятно, что это был А. А. Савич, который поддерживал тесные отношения с украинскими коллегами. А о том, что квалификация Алексея Петровича – российская история – была востребована на 1934 г. в украинском вузе, говорят обстоятельства «бума» вокруг преподавания именно «истории народов СССР», в центр этого как бы интернационального курса помещалась русская история. Русский по происхождению, уроженец уральской Перми, специализировавшийся в университете на изучении местной истории, затем ставший опытным школьным педагогом и опубликовавший несколько работ по истории Урала и Прикамья, А. П. Пьянков подходил для пединститута украинской Полтавы.

Историко-филологический факультет Пермского университета, в котором в годы Великой Отечественной войны преподавал А. П. Пьянков

Правда, его доцентом Алексей Петрович стал только через два года после переезда, когда 15 января 1936 г. квалификационная комиссия Наркомпроса УССР присвоила ему данное ученое звание «по кафедре история». Преподавание курса истории народов СССР А. П. Пьянков активно совмещал с исследовательской работой. В частности, расширив свои прежние научные интересы, он занялся изучением материалов по древнерусской истории в целом. Для этого стали исследоваться документы, которые хранились в архивах Украины. Некоторые находки впоследствии вошли в текст кандидатской диссертации, некоторые были опубликованы в статье «Архив Кочубеев в Полтаве», вышедшей уже в Минске в 1940 г. в первом выпуске «Ученых записок БГУ» в серии «История».

Украинский период карьеры доцента продолжился недолго. В трагический для многих интеллектуалов 1937 год Алексей Петрович оказался в Минске. Опять же сложно точно назвать обстоятельства переезда историка из советской Украины в советскую Белоруссию. Для этого нужно было согласовать его переезд на уровне двух республиканских наркоматов просвещения и получить «добро» в Москве. Однако прежде всего должны были состояться согласования на личном уровне, когда кто-то из заинтересован-

ных лиц в БССР в условиях все той же тотальной нехватки квалифицированных руссиеведов смог усмотреть в Полтаве нужного специалиста и договориться с ним. Известно, что руководство БГУ и исторического факультета было крайне недовольно неэффективной практикой приглашения специалистов из Москвы и Ленинграда для чтения лекций белорусским студентам. Ставилась задача «завлечь» в Минск на постоянную работу не столько известных, сколько перспективных специалистов. В сентябре 1937 г. А. П. Пьянков был зачислен в БГУ доцентом по кафедре истории народов СССР и сразу занял должность заведующего этой кафедрой.

Надо сказать, что одна из важнейших во всех отношениях (образовательном, научном, общественном, идеологическом) кафедра с момента создания не имела штатного и авторитетного руководителя. Поэтому А. П. Пьянкова переманили в БГУ именно для того, чтобы он ее возглавил и снял многие проблемы не только в связи с организацией преподавания курсов по истории народов СССР, но и, что было не менее актуальным, в связи с преподаванием собственно белорусской истории. Эта кафедра как вела курсы по истории БССР, так и разрабатывала научную проблематику по белорусской истории. Нельзя не подчеркнуть и иное важное обстоятельство: в то время перед университетскими и академическими историками была поставлена архиважная первоочередная задача – написать идеологически выверенный учебник по истории БССР, в котором бы в «нужном» свете были представлены все периоды белорусской истории. Таким образом, Алексей Петрович попал в наисложнейшую ситуацию, когда необходимо было и продемонстрировать личные научные качества, и сплотить небольшой коллектив кафедры для решения поставленных на самом высоком уровне задач. И это при том, что он еще был далек от проблематики белорусской истории, хотя уже постиг хитросплетения истории украинской.

Как бы там ни было, но первые шаги в БГУ оказались плодотворными и оцененными. Уже в 1937 г. Алексей Петрович был назначен на высокую должность декана исторического факультета, сменив на этом ответственным и опасном посту академика В. К. Щербакова (который в это время давал показания в застенках НКВД) и еще неопытного обществоведа И. С. Чимбурга (его как раз в те месяцы исключили из кандидатов в члены ВКП(б) якобы за «сокрытие фактов, порочащих коммуниста»). Заведование кафедрой истории народов СССР осталось за деканом.

Вместе с Алексеем Петровичем на белорусскую землю вернулось уже почти потерянное направление в изучении исторического наследия – древнерусская история, история формирования на территории расселения восточных славян и их многочисленных соседей различных форм государственности. Эти сюжеты общей древнерусской истории должны были в обязательном порядке сопрягаться с выявлением обстоятельств формирования такого цивилизационного феномена, как Русское, а затем Российское государство. А. П. Пьянков читал общий курс истории народов СССР, спецкурсы по истории Киевской Руси, истории образования Российского государства. Белорусские студенты стали осознавать, что область их профессиональных интересов шире познаний только классовых сражений XIX–XX вв. Постепенно формировался круг преданных российской медиевистике студентов, выполнявших под руководством декана курсовые и дипломные работы.

Алексей Петрович приехал в Минск с неплохим научным заделом. Еще в Перми он опубликовал семь своих исследований, которые, правда, были мало востребованными в БССР. И сегодня не потеряли своей научной значимости такие работы А. П. Пьянкова, как «Колонизация Северо-Западного Заволжья в XV веке», «Хозяйство вогулов в XVII веке», «Хозяйство уральской деревни в XVII веке»,

Глубокоуважаемый
Алексей Петрович
Пылькин

Как мне кажется, не говоря
о соображениях, не касающихся
продления марьянского
этнологического. Из теории

лишь о
классовых
о Тинько
Высокие
антов, но
не счита
сразу на
VII-VIII
сначала
Васильев

Это за одними документами
там. Я видел в Вашем
указе записку Марья
в В. К. М. у же на
всей территории Пущинского
лес-ра. Лишь об этом
шла речь. Зеленовский документ
— лишь прел.

Н. П. Рылов

- Алексей Пылькин -

- История Поморья в XIV-XVI веках в связи с реформами
и политическим движением -

1921-1922 учебн. год

Перевод.

(доклад А. Пылькина) был подан
студентом Эдуардом Исидоровичем
Пылькиным в РОНА Пермского
университета

В. С. Пылькин
Директор
Университета
№ 1224
М. П.

СПРАВКА

Дана подготовка кандидатом исторических наук
доктору ПЫЛЬКИНУ Алексею Петровичу в
он работает в белорусском Государственном
окаете в качестве доцента исторического
факультета и вступившим с кандидатом исторических наук
было дано предложение в Сталинском
военном гос. ин-те.

Секретарь Л. С. Савицкий / Л. С. Савицкий /
Директор И. П. Пылькин / И. П. Пылькин /

1926 г.

„ХОЗЯЙСТВО УРАЛЬСКОЙ
ДЕРЕВНИ В ЭПОХУ
ТОРГОВОГО КАПИТАЛИЗМА“

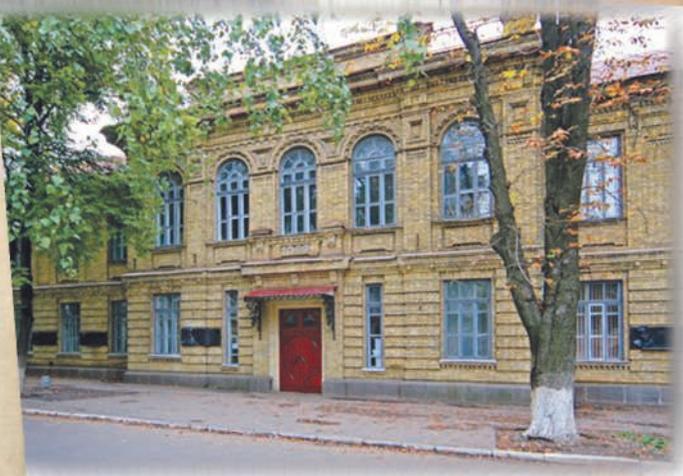
ОТЧЕТ ПО РАБОТАМ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ
ИСТОРИИ УРАЛА ЗА 1926 Г.

А. П. Пылькин

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ СТРОЙ ПРИКАМ-
СКОЙ КРЕПОСТНОЙ ДЕРЕВНИ
КОНЦА XVII ВЕКА ПО ОТКАЗЫВАЮЩИМ
ДЕЛАМ ПЕРМСКОГО ОКРУГАРХИВА

Журнал по наукам Северного края при Пермском Университете.
1916-1926
И. Пылькин
ПЕРМСКИЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК
Выпуск II
Изданье „Журнал по наукам Северного края при Пермском Университете“
Под редакцией проф. И. С. Виноградова
Пермь, 1926 г.

«Пережитки пугачевщины на Урале», «К вопросу об источниках историко-статистических таблиц Ф. А. Волегова», «Поземельный строй уральской крепостной деревни по отказным делам Пермского окрархива» и др. Их молодой историк опубликовал в 1926–1929 гг. в нескольких номерах Пермского краеведческого сборника, в изданиях партийного института и университета Перми. Свою научную активность он не снизил и во время работы в Полтаве, хотя там вынужден был перейти на местную проблематику (заялся изучением полтавского архива Кочубеев).

Первые годы работы в Белорусском государственном университете для Алексея Петровича были крайне трудными с моральной стороны. Необходимость показать профессиональную квалификацию, политическую лояльность и благоразумие и даже способность подстраиваться под разноречивую белорусскую и университетскую среду постоянно давала о себе знать и, без сомнения, угнетала. Например, листая сегодня номера университетской газеты «За ленинскія кадры» конца 1930-х гг., невозможно определить, где декана и заведующего кафедрой истории народов СССР чтут и даже восхищаются им, а где просто пытаются унижить, обличить, сделать врагом народа. Сам Алексей Петрович стремился быть фигурой заметной, постоянно публиковал отчеты о работе факультета, выступал в газете с оценками текущих политических событий (например, по поводу «аказання дапамогі працоўным Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны»), со здравницами в адрес Сталина, который поставил «перад работнікамі савецкага гістарычнага фронту задачу стварэння падручнікаў па гісторыі СССР». Историк руководил не только сложными факультетом и кафедрой, но и кружком по истории, читал курс истории СССР, был научным руководителем у 11 аспирантов.

В Минске Алексей Петрович был обязан включиться в разработку тем по бело-

русской истории, изучить белорусский язык (в Полтаве он смог сносно освоить украинский). Более того, его вскоре привлекли к работе в Институте истории АН БССР, где в конце 1930-х гг. активизировалась работа по созданию первой многотомной истории БССР с обязательным обращением к общим историческим истокам советской действительности. С 1938 по 1941 г. он работал по совместительству старшим научным сотрудником, а с сентября 1946 г. – заведующим сектором истории СССР и БССР. Вместе со своим факультетским коллегой историком-белорусистом Д. А. Дудковым декан в 1940 г. издал «Программу курса истории Белоруссии» для вузов, которая была обновлена и переиздана лишь через 20 лет. Познания А. П. Пьянкова в древнерусской истории при полноценном изложении собственно белорусской истории были весьма кстати. Хотя творчески мыслящий историк позволял себе сказать слово и по некоторым сопряженным темам (например, в 1940 г. в «Ученых записках БГУ» опубликовал статью «Феодальная юстиция во Франции в XII–XIV вв.»), часто печатался в республиканской центральной прессе, в университетской многотиражке «За ленинскія кадры».

Неудивительно, что набравший авторитет университетский декан безболезненно прошел через процедуру защиты кандидатской диссертации на ученом совете БГУ (март 1939 г.). А защищал он, как ни странно, работу, подготовленную еще в Перми. Белорусские университетские и академические профессора оценили убедительность научных выкладок соискателя по столь необычной для здешних мест проблеме, как «Феодальное общество Верхнего Поволжья XII–XIII вв.». Диссертант особо подчеркнул, не боясь быть обвиненным в игнорировании белорусской специфики, что его научная работа «протекает главным образом в области изучения социальной истории древней Руси до XVI века». Хотя

потом добавил, что «история Белоруссии также стала предметом его научных интересов». Ученая степень кандидата исторических наук решением ученого совета БГУ присуждена 13 марта 1939 г. (но только в декабре 1945 г. союзный ВАК выдал ученому долгожданный диплом, как и аттестат доцента).

Огромная учебная, научная, организационная занятость, необходимость в полной мере отвечать всем идеологическим установкам, быть «по-пролетарски бдительным» в суровые предвоенные годы, а тем более находясь на самых западных рубежах СССР, не повлияли на научную увлеченность Алексея Петровича. Он активно работал над подготовкой докторской диссертации. Но завершить «вчерне» ее он смог только после вынужденного возвращения на свою малую родину. С началом Великой Отечественной войны историку удалось эвакуироваться, и все военные годы он преподавал в Пермском (Молотовском) университете, заведовал кафедрой истории СССР и, как потом писал в автобиографии, «вел значительную пропагандистскую работу в воинских частях и по линии партийного просвещения».

В 1943 г. Алексея Петровича срочно вызвали в Москву для работы в БГУ, возобновившем свою деятельность в Подмосковье на ст. Сходня. Однако Пермь долго не отпускала «своего» историка. И лишь после немалых пререканий на самом высоком чиновничьем уровне Алексей Петрович вновь смог включиться в рабочий ритм Белорусского государственного университета. Это произошло только в августе 1945 г., когда в должности «рядового» доцента кафедры истории народов СССР он начал новый минский период научно-педагогической деятельности. Кафедру тогда возглавлял его учитель А. А. Савич – профессор, ставший в конце 1930-х гг. известным своим участием в написании одного из «правильных» учебников по истории СССР, изданного в Москве. Однако было очевидным, что бе-

лорусское партийно-советское руководство рассчитывало не только на короткое время использовать компетентность этого «старого» россиеведа, но и дожидаться разрешения обстоятельств с переездом Алексея Петровича из Перми.

Так на одной кафедре БГУ оказались учитель и ученик – представители разных поколений советских историков. Алексей Петрович сразу проявил активность по всем направлениям. Не будучи никогда комсомольцем, он в декабре 1945 г. был принят кандидатом в члены ВКП(б), а в апреле 1947 г. – в члены партии. А. П. Пьянков читал главные курсы по истории СССР, так как А. А. Савич часто задерживался в Москве. Алексей Петрович напряженно доводил до совершенства свою докторскую диссертацию, но более всего уделял внимание выполнению партийного задания по завершению подготовки многострадальной «Истории БССР». Еще до войны в 1941 г. в издательстве АН БССР вышли «Очерки по истории Белоруссии», в которых Алексей Петрович был автором нескольких глав по белорусской истории до 1569 г., т. е. до Люблинской унии. Но эти очерки на высшем руководящем уровне старались не вспоминать, и новый авторский коллектив был обязан спешно подготовить «полноценную» «Историю БССР». Вот только понять, какой должна быть эта история, всем было сложно. Объективность в прочтении прошлого белорусов прочно увязла в тенетах современных политических установок, которые перманентно менялись.

В 1946 г. в Госиздательстве БССР была опубликована первая часть такой «Истории», хотя как бы в пробном варианте. А. П. Пьянков, как значилось в предисловии к этому скромному изданию всего лишь в 122 с., был назван «старшим научным сотрудником Института истории АН БССР». Он написал небольшие и весьма схематичные четыре главы по истории восточного славянства, Киевской Руси и истории важнейших

княжеств на территории Беларуси IX–XIII вв. Его имя на первой странице этого издания стоит рядом с именами известных историков СССР и БССР (А. М. Панкратова, Н. М. Никольский, А. А. Савич, В. Н. Перцев, К. М. Поликарпович) и главного партийного идеолога БССР Т. С. Горбунова, который в довоенные годы прошел выучку на заочном отделении истфака БГУ. Однако именно Алексей Петрович вынес главную нагрузку в подготовке этого издания: он автор половины всего объема текста, хронологической таблицы и краткой библиографии. Через два года в издательстве АН БССР для обсуждения были опубликованы «макеты» трех частей «Истории БССР» без указания авторства. Но очевидно, что основная нагрузка в подготовке первой части выпала на долю А. П. Пьянкова. Он с сентября 1946 г. по совместительству работал заведующим сектором истории СССР и БССР АН БССР и тем самым отвечал за выполнение партийного задания по линии двух главных научных учреждений Беларуси.

Вокруг подготовки систематизированной белорусской истории разворачивались интеллектуальные и идеологические баталии. В них Алексей Петрович действовал умело, но осмотрительно. Так, в октябре 1946 г. на партийном собрании в адрес одного из авторов – беспартийного Александра Антоновича Савича – были высказаны упреки в преувеличении роли в белорусской истории церкви, магнатов, шляхетского сословия и т. д. Оказалось, что самый титулованный, старший по званиям и должностям историк якобы допустил научно-идеологические просчеты в готовящейся рукописи многотомной «Истории БССР». Эти обвинения вынудили А. А. Савича отказаться от работы в БГУ. Заведующим кафедрой истории народов СССР в январе 1947 г. был назначен доцент А. П. Пьянков. Так начался второй срок его работы в данной должности. Алексей Петрович был обязан публично определить позицию по

Один из корпусов Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, в котором в 1948 г. А. П. Пьянков защитил докторскую диссертацию

столь острой проблеме, как истоки белорусов и их государственности. В 1948 г. в Госиздательстве появилась его работа с многозначительным названием «Происхождение белорусского народа». В этом же контексте в 1948–1949 гг. были опубликованы статьи «Периодизация истории феодального общества Белоруссии» и «Исторические условия формирования белорусского народа».

При такой загруженности работой и в условиях нарастающего идеологического напряжения Алексей Петрович сумел подготовить и успешно защитить докторскую диссертацию на тему «Очерки по истории феодальных отношений в Северо-Восточной Руси и до начала XVI века». Защита состоялась 31 мая 1948 г. на заседании ученого совета Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А. А. Жданова. Официальными оппонентами выступили четыре крупных специалиста именно по российской медиэвистике: И. И. Смирнов, С. Н. Валк, В. В. Мавродин и А. А. Савич. Все они дали положительные оценки работе историка БГУ. Среди прочего было сказано: «серьезное и самостоятельное исследование», «дал

марксистскую историю русского феодализма», «дал весь основной материал источников» (И. И. Смирнов); «проделан огромный труд, занимающий почти девятьсот страниц»; «труд этот скорее напоминает раздел общего курса истории СССР» (С. Н. Валк); «автор является подлинным знатоком и мастером в этой области, обладателем хорошего языка и трезвой мысли» (В. В. Мавродин). Но все же наиболее восторженно оценил исследование А. А. Савич. К чести ученого, он не стал предаваться еще не остывшим эмоциям после партийных погромов, которые были учинены ему в БГУ при участии А. П. Пьянкова. Александр Антонович взвешенно охарактеризовал научные кондиции диссертации: «русский историк будет приветствовать труд А. П. Пьянкова», «автор привел в единую и стройную систему огромный актовый материал», «диссертация несомненно представляет крупное явление и по справедливости принадлежит к категории книг, которые “делают эпоху” в науке».

Географический факультет БГУ. 1949 г.

Защита диссертации была утверждена ВАК СССР 9 июля 1949 г. А уже 7 октября этого года ученый совет БГУ 31 голосом «согласен» и 3 «не согласен» ходатайствовал перед ВАК о присвоении Алексею Петровичу ученого звания профессора. Среди представленных в Москву необходимых документов на присвоение ученого звания была и служебная характеристика соискателя, которую ему дал ректорат БГУ: «...его лекции содержательны и политически выдержаны... Хорошо владеет марксистско-ленинской теорией и умеет применять ее при разрешении научных вопросов. Является специалистом по истории древней Руси...»

О своих научных пристрастиях, сформировавшихся к этому времени, сам Алексей Петрович кратко писал: «Моя научная работа протекает в 2-х областях: 1) Я изучаю социальную историю древней Руси (этой проблеме были посвящены две мои диссертации и некоторые другие работы). 2) Работаю в области истории Белоруссии. Белорусская тематика в последние годы занимает в моей работе все более видное место».

Пребывание А. П. Пьянкова в должности заведующего кафедрой с сентября 1948 г. было дополнено назначением на должность проректора по научной работе БГУ. В служебной характеристике ректор И. С. Чимбург отметил, что Алексей Петрович является прекрасным специалистом и лектором. Однако столь высокие оценки вскоре сменились чуть ли не полной обструкцией всех очевидных заслуг перед БГУ и белорусской исторической наукой. И если Алексей Петрович пришел в БГУ на волне трагических гонений 1937 г., то его уход из Белорусского университета обусловлен новой кампанией травли интеллектуалов конца 1940-х гг.

Находясь на столь ответственных во всех отношениях постах, историк неминуемо должен был стать объектом критики, подозрения и изощренных измышлений с разных сторон. Только одна аттестация работы проректора, дотошно

проведенная в 1949 г. высокими инстанциями, стоила ему многих переживаний. Ответственный за организацию научных исследований в университете и только-только приступивший к осмыслению своей миссии, проректор был уличен чуть ли не в развале всего и вся, в отсутствии «практико-ориентированных» тем, в пренебрежении хоздоговорами и неэффективном использовании госбюджетных средств. Единственным позитивом в пространном аттестационном заключении была констатация того, что «научная работа Пьянкова протекает в области социально-экономической истории древней Руси (две диссертации и другие работы посвящены этой теме) и в области истории Белоруссии. Он является автором более 15 опубликованных научных работ, активно участвовал в общественной жизни университета».

Закономерным итогом стали партийные «чистки» «оплошавшего» проректора, довершенные обвинениями в «сокрытии» сведений, порочащих звание коммуниста. В таких условиях лучшим исходом для Алексея Петровича стало оставление БГУ, но не БССР. Он некоторое время работал в Могилевском пединституте, а затем вернулся в Минск и трудился в столичном пединституте, продолжая заниматься любимой проблематикой, совершенствуясь в познании белорусской истории. Многие современные белорусские доктора и кандидаты наук с благодарностью вспоминают «школу Пьянкова». До преклонных лет Алексей Петрович был активен в профессии, умножал традиции белорусских россиеведов-медиевистов. Его взгляды и концептуальные оценки поддерживали далеко не все московские и ленинградские авторитетные историки, однако в 1950–70-х гг. он продолжал оставаться одной из наиболее значительных фигур среди советских историков.

А. П. Пьянков с супругой
Серафимой Ивановной во время поездки
в МГУ им. М. В. Ломоносова.
Лето 1970 г.

Общее историческое прошлое для восточных славян и многих других народов, «соткавших» совместными усилиями полотно российской государственности, заставляет белорусских историков и сегодня направлять свои усилия на познание его глубинных основ. В БГУ идет достаточно плодотворная работа по гармоничному совмещению сугубо белорусской научной проблематики с конкретными темами общерусской и общероссийской истории. Представление студентам-историкам общих «реперных точек» в разрешении проблем в более чем тысячелетнем прошлом должно определить понимание единения усилий в не менее бурном и противоречивом настоящем. В силу возможного это стремился делать и Алексей Петрович Пьянков.

Олег Антонович Яновский

Алексей Петрович Пьянков

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю	4
Интеллектуальная элита Беларуси	6

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ НАУЧНЫХ ШКОЛ И НАПРАВЛЕНИЙ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ (естественные и точные науки, медицина)

Николай Васильевич АЗБУКИН <i>Основоположник изучения и преподавания географии в Беларуси</i>	9
Александр Петрович БЕСТУЖЕВ <i>Выдающийся медик, организатор фармацевтической школы и биохимических исследований в Беларуси</i>	17
Владимир Кондратьевич ДЫДЫРКО <i>Выдающийся математик, один из первых в Беларуси исследователей проблем геометрии</i>	23
Лев Иосифович ЛУБНЫ-ГЕРЦЫК <i>Родоначальник статистики и демографии в БГУ</i>	38
Сергей Михеевич МЕЛКИХ <i>Организатор и реформатор высшего медицинского образования в Беларуси</i>	51
Арсений Алексеевич МИХАЙЛОВСКИЙ <i>Основоположник изучения и преподавания в Беларуси астрономии</i>	62
Иосиф Степанович ПЯТОСИН <i>Выдающийся математик, один из создателей белорусской математической школы</i>	75
Савелий Миронович РУБАШЕВ <i>Выдающийся медик, организатор клинической хирургии в Беларуси</i>	89
Ефим Еремеевич СИРОТИН <i>Создатель Института физики БГУ, новых научных направлений и учебных курсов в Беларуси</i>	99
Михаил Павлович СОКОЛОВСКИЙ <i>Основоположник хирургического образования в Беларуси</i>	117

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ НАУЧНЫХ ШКОЛ И НАПРАВЛЕНИЙ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ (гуманитарные и общественные науки)

Серафим Михайлович ВАСИЛЕЙСКИЙ <i>Основоположник изучения и преподавания в Беларуси педагогической психологии, проведения исследований в области практического применения методов психологической науки</i>	127
--	-----

Александр Николаевич ВОЗНЕСЕНСКИЙ <i>Исследователь творчества Максима Богдановича, Янки Купалы, Якуба Коласа</i>	137
Всеволод Николаевич ДУРДЕНЕВСКИЙ <i>Один из основоположников школы государственного и конституционного права в Беларуси</i>	153
Михаил Николаевич ПИОТУХОВИЧ <i>Основоположник белорусской литературной критики</i>	165
Александр Антонович САВИЧ <i>Выдающийся россиевед и украинист, основатель научной школы изучения восточнославянской истории XVII–XVIII вв.</i>	178
Исаак Абрамович СЕРБОВ <i>Один из крупнейших отечественных этнографов и фольклористов</i>	192
Иван Михайлович СОЛОВЬЁВ <i>Основатель в Беларуси научной школы педагогики и психологии</i>	206
Николай Николаевич ЩЕКОТИХИН <i>Основоположник новых направлений белорусской гуманитаристики – искусствovedения и истории культуры</i>	218
Антон Никитич ЯСИНСКИЙ <i>Выдающийся историк-медиевист и славист, исследователь белорусской истории</i>	226
ПРОДОЛЖАТЕЛИ ТРАДИЦИЙ И ТВОРЦЫ НОВОГО	
Николай Федорович ЕРМОЛЕНКО <i>Один из основоположников химической науки Беларуси</i>	237
Эмиль Викентьевич ЗМАЧИНСКИЙ <i>Ученый, разработавший и внедривший в производство способы и технологии использования природного сырья</i>	249
Михаил Григорьевич ЛАРЧЕНКО <i>Один из крупнейших белорусских литературоведов</i>	260
Александр Николаевич ЛЯВДАНСКИЙ <i>Один из основоположников белорусской археологии</i>	272
Маркел Емельянович МАКУШОК <i>Основатель научной школы белорусской ихтиологии</i>	281
Фома Георгиевич ОСИПЕНКО <i>Один из плеяды ведущих специалистов Беларуси в области органической химии</i>	288
Михаил Михайлович ПАВЛЮЧЕНКО <i>Основоположник национальной школы физической химии</i>	298
Павел Яковлевич ПАНКЕВИЧ <i>Первый белорусский педагог, ученый и практик, действительный член Белорусской академии наук</i>	310
Алексей Петрович ПЬЯНКОВ <i>Основоположник научной школы восточнославянской исторической медиевистики</i>	323

На обложке коллаж: улица Университетская на плане Минска 1930 г. (источник: Плян г. Менску // Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 4 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь. – Мінск : Белкартаграфія, 2016–2018. Т. 4. 2018. С. 73) в обрамлении портретов шести профессоров БГУ, биографии которых представлены в книге.

Научное издание

*Белорусский государственный университет:
100 лет на благо Отечества*

Король Андрей Дмитриевич
Бурачонок Александр Вячеславович
Гужаловский Александр Александрович и др.

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА БЕЛАРУСИ.
ОСНОВОПОЛОЖНИКИ БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (1919–1961)**

Редакторы *Е. А. Логвинович, А. В. Ефимов*
Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Художественный редактор *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Л. В. Жаборовская*
Компьютерная верстка *О. В. Гасюк*
Корректор *Н. В. Яненко*

Подписано в печать 28.12.2018. Формат 70×100/16. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,09. Уч.-изд. л. 31,3.
Тираж 200 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.